

МИНУВШЕЕ

МИНУВШЕЕ

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ**

3

ATHENEUM

**Editorial board: Jean Bonamour, John Malmstad, Richard Pipes,
Mark Raeff, Dmitri Segal.**

Editor: Vladimir Alloy

Copyright by Atheneum, 1987

All rights reserved.

**Publisher: Atheneum, 10 bis rue Duhesme, 75018 Paris.
Printed in France**

ISBN 2-906141-04-6

ВОСПОМИНАНИЯ

О.М. Фрейденберг
ОСАДА ЧЕЛОВЕКА

Публикация К.Невельского

Ольга Михайловна Фрейденберг (1890-1955) — известный советский ученый — разносторонний исследователь исторической поэтики, теории фольклора, ритуально-мифологических образов, античной литературы. Она — автор очень глубоких, хотя и спорных книг «Поэтика сюжета и жанра» (1936), «Миф и литература древности» (1978) и многих статей¹. Часть трудов О.М. Фрейденберг была опубликована через несколько десятилетий после ее смерти, часть — не увидела света до сих пор. Одну из последних своих книг О.М. Фрейденберг предварила словами: «Приходится начинать все с того же. С тюремных условий, в которых писалась эта работа... Прохожий! Помолись над этой работой за науку». О.М. Фрейденберг не была арестована и написала эти слова у себя дома, в Ленинграде. Тюремными она называла условия существования в «большой зоне». Она писала: «Знал ли мир такой застенок, в котором играли бы Чайковского и Бетховена, декламировали Пушкина, проповедовали свободу и гуманность?.. что может сравниться со страной, где воры и взяточники пропагандируют честность, насильники — свободу, палачи — человеколюбие?

Растлена не только душа человека. На много лет убито человеческое слово, содержание слов. Красота, честь, свобода — самые пошлые понятия». И еще: «...факт тюремной действительности: постановка Чехова, "Трех сестер", этой тончайшей драмы интеллигентского духа, в зале НКВД!»

В одной из статей, посвященных О.М. Фрейденберг, сказано: «Своей судьбой, человеческим обликом она принадлежит не только

¹ Список трудов дан в *УЧЕНЫХ ЗАПИСКАХ ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА*, вып. 308, 1973, с.486-489.

истории науки, но и истории культуры»². В этом смысле очень важны не только научные труды О.М. Фрейденберг, не только интереснейшая ее переписка с любимым двоюродным братом — поэтом Б.Л. Пастернаком, но также и много страниц ее частично ретроспективных автобиографических «Записок».

По «Одному дню Ивана Денисовича», по «Архипелагу ГУЛаг», по многим публикациям воспоминаний мучеников того времени, люди, живущие сейчас, могли познакомиться с жизнью в советских тюрьмах, лагерях и ссылках. Гораздо менее распространена неофициальная литература о нелагерной, нетюремной действительности.

В «Записках» О.М. Фрейденберг предстает ее жизнь, жизнь поколения, на долю которого выпали две мировые войны, революция, советский быт. Они писались в эпоху тотальной слежки, арестов, в Ленинградскую блокаду, когда то, что описывает О.М. Фрейденберг, скорее можно назвать не словом «жизнь», а словом «житие».

Для настоящей публикации отобраны записи о начале войны, о блокаде Ленинграда. В их основу были положены дневники. Записи сделаны человеком, прекрасно понимавшим необходимость фиксации событий, важность деталей — «Кто может описать советский быт, быт "сталинской эпохи"? Он со временем будет непостижим как фантазм». «...В России мы все ненадежны, есть ли блокада или нет. Она всегда здесь есть; человек всегда в осаде; ни о ком нельзя сказать: "завтра его не арестуют, завтра не поглотит его гибель". Такого человека в СССР нет, ни вельможи, ни простого человека». Записи сделаны ученым, стремящимся осмыслить причины и следствия того, что происходит. О.М. Фрейденберг писала: «Государство, с воцарением Сталина, выработало целую систему, в которой барахтается человек. Продуманная система голода и унижений не позволяла людям ни о чем думать, кроме преодоления тяжелых условий...»

«Может быть, эти тетради погибнут... Персидский мусор сохранился в тысячелетиях. Через нашествия гуннов прошли некоторые памятники... Не обыск, так взрыв... А с каким душевным усилием я это пишу? Что могло бы заставить меня, кроме единственной оставшейся у меня веры в историю, так страдать, но писать?»

Хочется надеяться, что в скором времени «Записки» О.М. Фрейденберг будут изданы полностью³. Сама она писала: «Это мой посильный

² Там же, с. 486.

³ Это было бы важно еще и потому, что в книге *БОРИС ПАСТЕРНАК, ПЕРЕПИСКА С ОЛЬГОЙ ФРЕЙДЕНБЕРГ* (Под ред. Эллиота Моссмана, New York & London, 1981) приводятся многочисленные отрывки из *ЗАПИСОК* О.М. Фрейденберг, но — к великому сожалению — по совершенно неясным причинам текст этих отрывков подвергся значительной редакторской правке, о которой не уведомлен читатель. Изменения иногда «улучшают» стиль автора *ЗАПИСОК*, сокращают текст, перекомпоновывают его. Ознакомившись с публикуемыми здесь страницами, в этом сможет убедиться любой, сравнив их с отрывками, помещенными в книге *БОРИС ПАСТЕРНАК, ПЕРЕПИСКА С ОЛЬГОЙ ФРЕЙДЕНБЕРГ* на с.204-207.

протест против удушения человека». Достоверность излагаемых фактов несомненна, как и искренность автора. Некоторые страницы могут показаться слишком пристрастными. Но в них, как и во всех «Записках», отразилась эпоха, в которую привелось жить О.М. Фрейденберг и которая влияла на характер этой удивительной женщины. Здесь уместно вспомнить И.А. Бунина, писавшего когда-то: «Беспристрастно! Но настоящей беспристрастности все равно никогда не будет. А главное: наша "пристрастность" будет ведь очень дорога для будущего историка».

3.V.1942

22-го июня, в один из приятных летних дней, я от нечего делать позвонила по делу. Было воскресенье около полудня. Меня изумило, когда чей-то женский голос ответил, что Бобович, которому я звонила, сейчас не подойдет.

— Он слушает радио.

Я изумилась еще больше. После незначительной паузы женский голос добавил:

— Объявлена война с Германией. Немцы напали на нас и перешли границу.

Это было страшно неожиданно, почти неправдоподобно, хотя и предсказывалось с несомненностью. Невероятно было не это нападение, — кто же не ждал его? Невероятна была и не война с Гитлером: наша политика никому не внушала доверия. Невероятен был переворот в жизни, день так быстро нагрянувшей межии прошлого с настоящим. Тихий летний день с раскрытыми окнами, приятное спокойное воскресенье, чувство жизни в душе, беременность надеждами и желаниями (как нечто объективно вросшее в меня, хочу я или нет) — и вдруг война! Не верилось и не хотелось. Не было психологически подготовлено. Не воспринималось.

Кто же, однако, не знал, что это начало величайших событий и бедствий? Я понимала теоретическое значение случившегося. Это тянулся вокзал, где прощанье неминуемо. Но я наблюдала, как эта страшная весть не произвела на меня никакого впечатления, кроме сенсации. Ничто из 1914 г. не шло в сравнение. В сущности, душа была совершенно безразлична, и только становилось страшно /.../.

Сперва у всех замечалось уверенное спокойствие. С воодушевлением читались военные сводки. Не читались, а слушались. Радио начинало их в 6 часов утра, и люди специально вставали и слушали.

Но слишком скоро настроение изменилось к худшему. Мы оставляли за городом город. С мучительной жадностью ждали сводок. И они становились все скупер и скупер. Чем больше каждый из нас волновался по известиям, тем меньше их давали. Голодной душе советского гражданина информбюро начало подносить формулы, почти гомеровские стоячие фразы, которые оставляли во рту вкус горечи и отвращения. Заработали слухи. Города оставлялись один за другим и слухами пробирались по всей России; была создана особая система вуалировать в сводках несчастье, но и своя система понимать и открывать эту вуаль. Мало-помалу советский гражданин был оглушен и отучен от любопытства; сводки-формулы привели к тому, что ими перестали интересоваться.

Военные неудачи резко снизили настроение. Люди озлоблялись и замыкались, были хмуры и кривы. Нарастала подавленность. Ненавидели режим. С холодной злобой вдруг выплеснули ненависть и негодование. И чем плотней была пробка забита внутри, тем с большим напором она летела теперь кверху. Речь Сталина по радио вызвала новую ненависть. Все говорили, что она посеяла панику, все слышали, как у него стучали зубы, когда он пил воду и приводил себя в чувство: об этом со злобой рассказывали интеллигенты, наш дворник, случайные прохожие. Сталин был до того непопулярен, что его имя совсем исчезло из оборота и было заменено родиной.

В июле, в связи с поражениями, подавленное настроение усилилось. Немец, захватив «прыжком» многие города Белоруссии, Украины и Бессарабии, быстро приближался к Ленинграду и с юга, и со стороны Финляндии. Началось бегство из города. Тогда-то, в условиях нараставшей опасности и тревоги, наши головотяпы из Ленсовета «огранизовали» эвакуацию детей. Десятки тысяч детей, эшелон за эшелон, отправлялись со школами, с жактами (объединениями домов), с детскими домами и учреждениями. Это было поветрие. Детей массами отправляли, отрывая от матерей, и пустели дома и улицы. Вскоре выяснился характер этой эвакуации. Он определялся полной дезорганизацией и злостным головотяпством. Расквартирование не было подготовлено. Детей поселяли в грязных крестьянских избах, в деревнях тех местностей, которыми немец шел на Ленинград; уже в пути начинались массовые детские заболевания. Сотни детей погибли. Одни навсегда потеряли родителей, другие умерли от болезней и недосмотра. Те, что могли, стали слать домой отчаянные письма; и опять, за отсутствием открытой правды, начали ползти за окнами слухи. Пошло обратное течение: массово стали

матери догонять и отбирать своих детей, и вновь дома и улицы наполнились маленькими обитателями.

Лето стояло прохладное, без настоящего тепла. Изредка, как из духовой, шел зноем день-другой. По городу маршировали многочисленные добровольческие отряды. Характер добровольчества был обычный: «предлагали» становиться добровольцами. Во всех учреждениях организовывались различно именуемые отряды: рабочие батальоны, ополченцы и т.д. Это была одна и та же организация под разными названиями. Впрочем, менялись и цели: сперва она комплектовала защитников города, а потом — новые кадры для фронта. В нее записывались патриоты различных возрастов, но основной контингент набирался из людей, которые подчинялись боязни. Говорили: «Невозможно не записаться, страшно последствий, все записываются». Как всегда, всюду находились застрельщики-подхалимы, которые кричали больше всех, записывались первыми и потом оказывались вне отрядов. Но было страшно и ополченство. Боялись, что не обучены и не смогут защищаться, что биться придется на улицах города, прикрывая своим телом отход регулярной армии; боялись пули своего же собрата.

Эти отряды много раз создавались и распадались. Учили военному делу плохо, учились недобросовестно и вяло. Система кумовства и обмана расхолаживала честных. Манкировали, ускользали, отпадали. /.../

Город был переполнен маршировавшими призывниками, ополченцами, красноармейцами. Под квартиры были отданы все казармы, школы, высшие учебные заведения, в том числе некоторые наши факультеты. Позже и наш факультет переехал во двор.

Уныло было на улицах. Уже все знали, что наша армия терпит страшные потери. Месяцами позже, после разгрома в Прибалтике и особенно при Кингисепе (Нарва), слухи рассказывали об измене командного состава, бросившего лучшие кадровые силы на верную гибель, и о многочисленных расстрелах. Армия не имела вооружения. Передовой технике немцев противостояли живые тела нашей армии да ее личная храбрость. Вскоре наши воины убедились в том, что борьба неравна. Немцы разбрасывали листовки, которые еще больше говорили о бесполезности сопротивления. Приезжавшие с фронта передавали, как одна винтовка приходилась на нескольких солдат, а немецкие танки мяли тела наших; самолеты немцев беспрепятственно бомбили наши объекты, нашу армию.

Стихийным ответом было дезертирство. Оно, как бунт, родилось уже в июле и шло к осени, словно к апогею.

Унылые улицы оглашались песнями маршировавших. Это был мотив, в котором воскресает хладное лето, тоска, нарастание страшного.

...куда велит товарищ Сталин
И верный маршал в бой нас поведет...

Имя маршала предусмотрительная песня не называла. Маршал Ворошилов был нашим главнокомандующим, действительно, недолго. Он погубил тысячи молодых жизней, но ничем не заплатился. Армия не была подготовлена, не была вооружена. Все возмущались, что наши займы и налоги так цели и не достигли. Жертвы живых и мертвых пропали. Те, что отвечали за военную подготовку, оставались на высоких постах, старыми фаворитами.

Убив столько жизней, наш маршал оказался негласно смещенным с должности командующим Северным фронтом; негласно; но окруженный Ленинград гласил всеми окрестными селами и городами, что непоправимое несчастье уже стряслось.

Унылы были маршировавшие солдаты и добровольцы. Они маршировали к смерти. Немолодые или слишком молодые, они состояли из отроков и пожилых.

Я смотрела из окна на унылые солдатские ноги в тяжелых сапогах, на руки, в которых не было винтовок. Затягивали унылый мотив. И мне казалось, что я на репетиции расстрела. Тяжкие слезы закрывали мои глаза.

А там, на улицах, перед большими высокими домами, перед школами и постройками, где квартировали войска, стояли кучками матери и жены с детьми, с маленькими узелками, с платками у глаз, с уныньем в позе и лице. Там поджидали часами, потом встречались, плакали, обнимались. И к ним выходили глубоко штатские люди в военной одежде; они были в очках, в пенсне, смущенные, робкие, сбитые с толку, встревоженные. /.../

/.../ был август. Переменность вестей и настроений времени сгибла. Царил упадок духа. Немец подходил к самому городу. Падение Пскова и Новгорода предreshало нашу участь. У всех было ожидание быстрой катастрофы. День был растянут как резина событиями и по своему объему был так же длинен, как день сотворения мира. Казалось невозможным прожить еще 2-3 дня. Ждали немца к вечеру, к утру, к полдню. Осада города уже на-

чалась. И в это-то время родилась удивительная легенда о днях: с тех самых пор и по сейчас говорят о «двух неделях, в которые все выяснится», о «десяти решающих днях», о сроках победы, приуроченных к праздникам. /.../

/.../ Стояла чудная осень. Никогда еще Петербург не видел таких ясных ночей, таких ярких звезд на холодном синем небе, таких золотых полнолуний. Это было страшное несчастье города. Куда девались наши туманы, дожди, непроглядное ненастье гнилых дней и ночей? Все, что есть прекрасного в природе и чему человек радуется, обратилось для людей, волею тиранов, в предмет ужаса и ненависти.

С октября уже стало видно, что осени, говоря по-настоящему, не будет вовсе. После прохладного лета сразу наступила ясная, холодная и сухая ранняя зима.

Налеты и обстрелы были немилосердны и нечеловечны. С утра до ночи, от вечера и до утра мирное население города подвергалось атакам смерти. Три с половиной миллиона жителей было заперто в осажденном городе, как в ящике, и служило мишенью. О, это было страшнее фронта! На фронте не стояли пятиэтажные дома, наполненные детьми, женщинами, стариками. На фронте существовала целая система защит и укреплений. На фронте бойцы имели известное вооружение и способы ведения войны. Но какой ужас был в том, что невооруженные жители города обстреливались из тяжелых артиллерийских орудий, что в них, незащищенных, с воздуха бросали фугасные и зажигательные бомбы! Мирных людей, не принимавших участия в войне, запертых вопреки желанию в злосчастном городе, убивали и ранили, как искупительную жертву. Какая была в этом цель? Армия от этого не страдала, а лица, ответственные у нас за войну, тем более. Сколько бы мирных людей ни погибло, на исход войны это не оказывало никакого влияния.

Немцы разбрасывали на окопы и войска сотни и тысячи листовок. Некоторые я сама читала, т.к. они во множестве привозились в город наряду с призывом слатся, с мотивами о бесполезности сопротивления, о неизбежной победе немецкой техники, о продажности советских командиров — тут были призывы к погромам. Жирным шрифтом высилось: «Бей жидов и комиссаров!» На одной из листовок находилась фотография уродливого грузина, шагавшего рядом с немецким офицером. Тут же помещался автограф письма Яши, сына Сталина, к отцу; он извещал, что ему в немецком плену хорошо.

Все эти апокрифы, были и небылицы никого не волновали. Народ привык ничего не знать и ничем не интересоваться. Сохранялось безразличие и хмурое молчанье.

Часто приходило в голову: кто безжалостней, — те ли, что заперли живых людей в ящик смерти, или те, что стреляли и убивали? Гонконг сдали из-за нехватки воды; сдавали города и области, когда кончались запасы продовольствия, когда обстрелы стреляли беспрерывно по городам. Был целый ряд таких случаев у англичан и американцев. Но у нас! Никакие муки живых людей, ни убийства, ни голод — ничто никогда не побудило наши власти к сдаче города, или к каким-либо переговорам, соглашениям, к подаче какой-либо помощи жертвам. Здесь действовал обычный закон истаптыванья человека. Он именовался отвагой, доблестью, героизмом осажденных, добровольно-де отдававших жизнь «отчизне». Тут фигурировал опять и опять спасательный славянизм языка. /.../

Жебелев съедал в столовой Академии по четыре супа. Реизов по девять: уже только супы отпускались без карточек. Люди ходили из столовой в столовую и ели супы. Но вот настигло их лихо: без карточек перестали давать и суп. Учитывалось все. Каша? Давай талон на крупу. Масло? Давай 5 граммов на талоне масла в каше. Ни на какие деньги нельзя было ничего купить. Рестораны, у дверей которых стояли очереди в целую улицу, закрывались один за другим; позже всех закрылся ресторан Астория, где никакие цены не могли отсеять клиента. Как я ни искала спекулянта, чтоб получить мяса или рыбу, его не было. Я считала себя богатой и бралась заплатить любую сумму. Деньги не имели, однако, никакой стоимости. Раз на деньги нельзя было ничего купить, раз нигде не было решительно никакого товара, денег никто не хотел брать. Нельзя было купить никакой услуги, ни дров, ни керосина.

Мы лоедали мои консервы, сжигали в керосинке мой запас керосина. /.../

У нас хватало топлива до середины февраля. Между тем наступал преждевременный холод. Было издано новое распоряжение: чтобы предохранить стекла от бомб, снять вторые рамы в квартирах, на лестницах и в учреждениях, а также не замазывать окон. Все кинулись снимать вторые рамы. На лестницах, в учреждениях, в квартирах стоял жестокий холод. Топлива в городе не было. Я казалась чудачкой, потому что не вынимала рам и решила на обычную заклею окон. Но в квартире под нами, где жильцы эвакуировались, гулял ветер. /.../

Воздушные бомбардировки продолжались ежедневно, иногда целыми сутками, одна за другой. Я записала себе, как пример тяжелого дня, 14 ноября. Первое бомбометание произошло в 6 ч. утра и продолжалось до 7-ми. От 8-9 была воздушная тревога. От 10 ч. 40 м. до 11 ч. 15 м. — бомбометание. Потом 11 ч. 25 м. — 12 ч. 15 м. — воздушная тревога; 12 ч. 30 м. — 1 ч.: новая воздушная тревога; 3 ч. 20 м. — 4 ч.: опять воздушная тревога; 7 ч. 24 м. вечера — 9 ч. 20 м. сильный налет с бомбометанием; в 10 ч. вечера до 11 ч. опять бомбы. Нервы в такие дни были очень напряжены, душа измотана. Мы сидели с мамой в коридорчике и вздрагивали от взрывов и сотрясений. Измученная вконец, я обняла маму, и мы решили умереть одновременно, вместе. Но прикосновение к материнскому телу дало мне неожиданное успокоение; легко и нежно стало ей и мне; я прижалась и, несмотря на тревогу, уснула.

С наступлением холодов люди перестали выходить на лестницу и спускаться в подвалы. Там только простужались. Хотя Попков и ныл о затепленных кабинках на крыше и чердаках, дежурные сами собой перестали выходить из квартир. Теперь безоружное население окончательно становилось мишенью чудовищного тира. /.../

Я жила день за днем, монотонно борясь с бытовыми бедствиями. Раз в неделю ездила на факультет показаться, манкируя заседаниями и защитами. Русский человек, в моих глазах, был резиновым. Мог погибнуть в известных условиях европеец. Но русский, да еще советский человек обладал неизмеримой емкостью и мог растягиваться, как подтяжка, сколько угодно, в любую сторону. Его безразличие к жизни и смерти было огромным оружием. Он мог умирать и воскресать — да, сколько угодно. Сюда прибавлялась обескровленность и измотанность последних десятилетий. Было всё равно, умирать там или тут, скакать на резинке там и тут, жить, страдать, терять дыханье и переставать мучиться. Не было ни у кого ни в чем ни выбора, ни возможности свободы, ни избежания. Тиски жизни никого не привлекали больше тисков смерти.

Теперь уже и я чувствовала, что смерч надвинулся, что я в его круче. Спускаясь однажды с лестницы, я вдруг ощутила ужас каких-то неизреченных несчастий, внутри которых уже крутилось мое существование.

С декабря пошло двойное усиление: морозов и голода. Такой ледяной зимы еще никогда не было. Город не имел топлива. Ни дрова, ни керосин не выдавались; электроплитки были за-

прещены и контролировались лимитами. Ожидалось какое-то улучшение; ходили слухи о громадном подвозе продуктов день и ночь, о транспортных самолетах. Нормы все уменьшались. Большинство населения получало на целый день 125 гр. хлеба. Уже давно, впрочем, это не был хлеб. Подозрительное полумокрое месиво состояло из дуранды и всяких пустых суррогатов, пропитанных изнутри отголосками керосина. Чем меньше было хлеба, тем больше очереди. На морозе в 25-30° истощенные люди стояли часами, чтоб получить убогий свой паек. Дезорганизация и недобросовестность подрывали и эту скудную выдачу. Запасов продовольствия не было; масса жизненно необходимых вещей давно сгорела в деревянных Бадаевских складах; то, что было на районных базах, выдавалось кооперативам неравномерно, с перебоями в долгие недели. Завмаги и продавцы, в подавляющем большинстве были воры и казнокрады. Девки в кооперативах, с беретами на боку и клоками завитых грязных буклей, были по-извозчичьи грубы; они обвешивали, обкрадывали голодного. Убийственная медлительность, работа спустя рукава, неразбериха, блат, нарушение элементарной законности, грубость — вот что определяло кооперативы. Голодный гражданин был мухой в паутине, а паутину создавала система моральной грязи или, что то же, презренье к человеку и уничтожение человеческой личности.

Уже в декабре люди стали пухнуть и отекают от голода. Хлебали суп из столовых (воду с крупинками), ели соевую кашу, пили целыми днями кипяток, именуемый чаем; пили, чтоб согреться, пили, чтоб наполнить чем-нибудь желудок, пили и отекали.

В декабре произошло и еще одно крупное несчастье для города. Стал трамвай. Не было топлива, а потому и тока.

Громадные городские и пригородные расстояния люди одолевали ногами. Ходили из края в край, из улицы в улицу молчаливым угрюмым потоком. Город был засыпан глубоким снегом. Ходили часами, укутанные в платки, одеяла, шарфы, в шерсть и в мех; дамы больше не носили шляп, а закутывали лицо в платки до носа и до переносицы. Ходили молча, из района в район, через мосты, по льду рек. Тащили за собой санки и детские салазки, на них были балки, бревна, доски, щепки, палки. Шли целыми днями куда-то из конца в конец города, волоча детские санки со скарбом, с буржуйками, с мешками соломы.

Мрачней и замкнутей становился город. В кооперативах с заколоченными окнами, тускло освещенных ничтожными лампоч-

ками, у продавцов пухли руки от холода. Ни одно государственное здание не отапливалось. Не могло быть и речи ни о какой пощаде к человеку. Люди работали в ледяных помещениях, а по отбытии голодной каторги опять пешком колесили домой, где их ждал дым буржеек и новый холод. Хозяйство в домах, и так варварское, разрушалось, и Попков поддерживал его своими маниловскими приказами об отоплении, отоплении, кипячении воды.

Сажа не прочищалась, трубочистов не было. Квартиры исходили от дыма. Все вернулись к самоварам, готовить стали внутри комнатных печек. Сажа, дым забытовали в квартирах.

Пошли перебои с водой. Уже не действовал водопровод ни в кухне, ни в уборной. Мы набирали полную ванну воды и все большие сосуды. Потом и эта вода стала появляться в редкие часы не каждого дня. /.../

Вслед за голодом и бытовыми мучениями в каждой семье шла разрушительная работа ссор, неприязни, ожесточения. К счастью, мы друг против друга не озлоблялись; раздражение было чисто поверхностным. Но оно утомляло и отравляло.

Во второй половине декабря ко мне первый раз в жизни пришел Толстой. /.../ Его визит был вызван болезнью Болдырева. Он просил меня помочь ему бумажками и вмешательством, чтобы улучшили его питание. Я, конечно, все это сделала.

В это время стало известно, что мы отогнали немца от Москвы и разгромили его под Ростовом и Тихвином. Толстой верил, что это перелом к лучшему. Он убежденно советовал не уезжать. Что же до голода, то он предрекал улучшение подвоза, а вместе с тем появление спекулянтов. «Русский человек — вор, — сказал он, — воровство и ложь — две его черты. О, если б то, что дают для нас, доходило до нашего рта! Но страшная драма в том, что то, что предназначено голодному, попадает к вору!» Это были пророческие слова.

В кооперативе, среди очередей, ругающихся баб, драк, этот полумертвый Казанский, исхудалый и зеленый, этот ледяной мороз и завыванье сирен воздушной тревоги... /.../

Новый год приходил в совсем иных тонах. С 4-го декабря у меня было свое радио. То, с чем я так боролась, что так ненавидела, что отравляло мне жизнь и работу, — радио! — теперь было моей мечтой. Мне нужно было знать начала и концы воздушных тревог, военные новости, сводки. Без телефона радио было необходимым. Месяцы я искала монтера. Месяцы монтер

тянул работу. Чтоб прийти и поднять голову к потолку, технику радиоузла потребовался месяц. В декабре у меня уже было свое радио! Сколько было за этим беготни, волнения, расходования душевной энергии!

Радио целые дни оповещало нас о наших победах. Люди ожили. Со слезами на глазах мы выслушивали сводки и корреспонденции. Поднялись надежды. Мы стали ждать прорыва блокады. Возврат Тихвина вносил полный переворот в нашу жизнь. /.../

На Ленинградском фронте шли все большие успехи. Стали рождаться легенды о возврате Царского Села, Петергофа, Гатчины. Догорал в проклятиях старый год, нарождался в упованиях, полный света и радости, новый.

30-го декабря погасло электричество. Не могли дотянуть одного дня! Не могли так устроить, чтоб сэкономить накануне, но к Новому году дать хоть на несколько часов свет! Всегда и во всем пренебрежение человеком.

Квартиры, аптеки, учреждения, магазины покрылись тьмой. Днем тьма заколоченных окон, с 3-х часов тьма зимних вечеров. Пошли коптилки. К дыму буржеек прибавилась густая копоть жалких тусклых коптилок. В лавках, в учреждениях ходили, как слепые, с вытянутыми руками и налезали друг на друга. Заходили в магазины — в полный мрак. Руками ощупывали последнего в очереди или шли на голос. Называли свою фамилию, чтобы обозначить место в очереди. При вонючей тусклой коптилке продавцы отрезали талоны... Можно себе представить, сколько они крали лишних, обездоливая голодных! К несчастью, в городе не было и спичек. /.../

Под Новый год я послала приветствие всем своим друзьям, — письма, открытки, телеграммы, и среди них, впервые за 5 с лишним лет, телеграмму в Оксфорд, дорогому моему дяде с семейством. Это было большое, большое событие... Я их извещала, что мама здорова, что мы верим в свиданье... /.../

Бодро, с огромными радостными ожиданиями, мы вступили в январь. Кто мог знать, гадалка или пророк, какие страшные нечеловеческие бедствия готовила нам история? Чисто античный рок повис над этой антитезой надежд и действительности, обещаний и их выполнению... Каким трагическим шутком гороховым показал себя в эти исторические дни Попков, эта эмблема нашей жизни!

Голод шествовал, начиная с середины сентября. Наши главари говорили по радио (тот же Попков — Жданова совершенно не было слышно, потому что он был сторонником Германии

против Англии, и со времени войны его держали на голосовой диете), что Гитлер хочет задушить нас «костлявыми руками голода». Следовательно, врасплох главари не были застигнуты. Между тем, в ноябре голод стал достигать грозных размеров, а в декабре обратился в стихийное бедствие. Уже давно выдача продуктов не соответствовала нормам карточек. Кооперативы были пусты. О, эти тяжкие приходы в темные и пустые лавки с зияющими полками! «Чем же вы торгуете?» — «Ничем!» Когда появлялся товар, начиналось столпотворение: очереди целыми днями на морозе, издевательство и наглость продавцов, крики, слезы, вопли женщин.

В самом конце декабря, в связи с успехами армии, был увеличен хлеб на 25 граммов. Но и это было воспринято с восторгом, как знак того, что хоть не уменьшат существующих норм. К Новому году выдали пшено (у меня вторично украли продавщицы), пиво, которое фактически нельзя было достать в тысячных очередях на морозе, вино, тоже фактически пропавшее из-за нехватки; конфеты и масло за декабрь так и не выдали населению... /.../ Отвратительней всего было нарушение законности: кто успевал, — получал, кто находился в далекой очереди, — несмотря на все мученья, уходил ни с чем. Нечего говорить, что в это страшное время провизия уплывала к завмагам и продавцам. Много болтали сверху о контроле и необходимости борьбы. Кот и повар.

В январе пошла оплата по счетам.

С первого января по двадцатое ровно ничего не выдавали. Изо дня в день мы все ходили в свой кооператив, где были прикреплены (или, верней, пригвождены), и лавка была совершенно пуста. Достать где-либо что-либо не было никакой возможности. Не существовало даже, за полным отсутствием товара, спекуляции. Изможденные люди выходили на рыночные пустые площади с вещами, которые обменивали на продукты за бесценок. Но обмен не был возможен из-за отсутствия спроса. Разве военный, матрос или кто-нибудь в этом роде мог иметь немного крупы или хлеба. Милиция не допускала обменного рынка, не считаясь с катастрофой (ведь обмен не давал ничего государству); однако, в этом вопросе публика была тверда и собиралась стихийно, несмотря на пикеты, аресты, конфискации. О, если б и в вопросах чести, свободы и гуманности у русского народа появлялась такая же стихийность!..

Люди ходили опухшие, заплывшие, отекишие. Цвет лица был оливковый. На дворе свирепствовал лютый мороз. С пустыми внутренностями, бегом бегали люди из булочной в кооператив.

Дурандовый дурной хлеб, сырой, тяжелый, теперь был прибавлен, но появлялся раз в день и расхватывался в 1/2 часа. Голодные стояли в ожидании привоза по 8-10 часов на жгучем морозе, в платках, шалях, одеялах поверх ватников и пальто. Появились специальные хлебные воры, которые вырывали у публики и у продавцов хлеб; пользуясь полной тьмой, они выхватывали хлебные карточки; вспыхнули хлебные грабежи, особенно вечерами, на улицах и в подворотнях. Кража хлебных карточек стала массовой; за нее в теории приговаривали к расстрелу. Крали воры и просто голодные, которые удирали. Брат крал у брата. Убивали детей и старух, и крали карточки.

День за днем, неделю за неделей человеку не давали ничего есть. Государство, взяв на себя питание людей и запретив им торговать, добывать и обменивать, ровно ничего не давало. Один день — кипяток с дурандой, другой, пятнадцатый...

Начались повальные смерти. Никакая эпидемия, никакие бомбы и снаряды немцев не могли убить столько людей. Люди шли и падали, стояли и валялись. Улицы были усеяны трупами. В аптеках, в подворотнях, в подъездах, на порогах лестниц и входов лежали трупы. Они лежали там, потому что их подбрасывали, как когда-то новорожденных. Дворники к утру выметали их словно мусор. Давно забыли о похоронах, о могилах, о гробах. Это было наводнение смерти, с которым уже не могли справиться. Больницы были забиты тысячами горами умерших, синих, тощих, страшных. По улицам молчаливо тащили на санках покойников. Их зашивали в тряпки или так просто накрывали, и все они были длинные, какие-то высохшие, как скелеты. Эти покойники, валявшиеся на снегу и влекомые на санях, были самым обычным, самым массовым явлением, бытовым.

А еды все не выдавали и не выдавали.

Была введена перерегистрация карточек, чтоб живые не могли пользоваться карточками умерших. Пустые бумажки, не имевшие реальной значимости, требовали большой возни. К концу месяца, за счет покойников, прибавили толику дурандового мокрого хлеба.

Все население страдало запорами и разными желудочными заболеваниями. Желудок не варил, потому что, говорили врачи, он и кишечник не имели работы. Хлеб был так ужасен, что выходил в испражнениях неперевавленными крупинками, как крупная манная, и целыми кучками той самой структуры, которая у него была до пищеваренья, с соломой, отсевами, месивом, — словом, это был хлеб, но не экскременты. Ели бадаевскую зем-

лю (где сгорели склады), суп из клея, ели кошек и собак (многие наши преподаватели). На моих глазах лаборантка Иоффе А.Г. Генкель и моя Тамара ели, употребляя взамен муки, порошок для травли клопов. Знаю совершенно достоверно, из нескольких источников, об еде человеческих трупов; одна ассистентка в анатомическом кабинете вырезывала у покойников печенку и куски мяса, которые меняла на хлеб; на рынке подсовывали студни из человеческого тела. Об этом говорили с ужасом, бледнея и содрогаясь, но я не испытывала ничего страшного. Подумаешь, резать и продавать трупы! Насколько ужаснее была наша реальность, наше русское мучительство живого человека, наши НКВД, ежовщины, моральные скальпели и ножи.

С декабря все профессора-доктора получили карточки I категории (рабочих). О декабре я уже говорила. В январе мне недодали: мяса — 1200 гр., сахара — 950 гр., масла — 700 гр. — это по уменьшенной норме, не говоря, скажем, о сентябрьской или октябрьской. Другими словами, почти ничего не дали. Служащим — еще меньше; иждивенцам, к которым принадлежали весь массив женщин-хозяек, детей от 12 лет и стариков, — вообще ничего, почти ничего не полагается и до сих пор (середина мая), если не считать, что человек может жить недели на сто грамм мяса, песка или масла. К иждивенцам бесчеловечно причисляли и домашнюю тягловую силу, прислуг, которые несли каторжную работу и поддерживали, как Атлант, всю государственную службистуку матерей и хозяек. Как только прислугу перестали кормить, развалились семьи, службы, квартиры и целые дома. Можно сказать без преувеличения, что в Ленинграде за зиму умерли все прислуги, все дворники, все старики и огромная масса женщин-хозяек, матерей и детей. Дворы и улицы опустели.

Но в январе умирали одни мужчины, и главным образом 35-45 лет, в расцвете жизненных сил. Умирали здоровяки, румяные, жилистые, цветущие. Ложились и умирали в 2-3 дня. Умирали веселые, жизнерадостные люди. Умирали истощенные и худые (во вторую очередь); женщины до весны держались. Заходили в гости на полчаса, садились и умирали. Входили в лавку и умирали. Деловито уходили из дому и по дороге умирали. Тысячи людей присаживались на землю и замерзали, и тотчас же милиция похищала их карточки; в обогревалках при больницах они умирали потом от голода, лишённые карточек и денег.

В Ленинграде погибло за зиму, по слухам, 3 1/2 миллиона человек. Исчезали целые семьи, целые квартиры с коллективом семей. Исчезали дома, улицы и кварталы.

Ученых умерло, по словам специалистов (акад. Крачковского), более 50%. На одном нашем факультете насчитывалось число умерших десятками, а в университете — сотнями. 25 декабря в больнице умер цветущий титан, Болдырев /.../. Через два дня умер в больнице Жебелев, до того упавший прямо на улице. Вслед за ним умерла его сестра, вслед за нею воспитанница Анюта, а там и их жилец археолог Кубэ.

Факультет превратился в похоронное бюро. Занятия уже прекратились. Ни на службу, ни на работу ленинградцы не выходили: трамваи не шли, сил не было. Тысячи людей умирали от затраты сил на дальние хождения; шагали и умирали. Наконец, перестали ходить. Многие лежали целыми днями, многие сидели дома, чтоб сберечь, как говорили, калории. Рифтин очутился в роли Плутона, — плутом он был уже давно. Ему сообщали об очередных смертях, а он продвигал служебные формальности. В санитарной комнате, — единственной, где топили, — на диванах лежали умирающие преподавательницы. Одних Рифтин спасал, хлопоча о них, устраивая в больницы и Асторию, обращенную в лучший стационар; а главное — способствуя их вылету из города смерти. С другими Рифтин сводил счеты. На его совести смерть слависта Пушкаревича, который не мог добиться помощи и сочувствия. Умер в расцвете сил и здоровья Римский-Корсаков, романист; умный и даровитый, очень живой русист Викт. Абр. Гофман, с которым я была, как и с Пушкаревичем, в приятельских отношениях и постоянно встречалась на факультете. Умер иранист Ромаскевич, мой секретарь, в возрасте расцвета, Тимофеев, умер Гиппиус, специалист по русскому символизму. Умерли германисты Михайлов, Коваленко и несколько молодых женщин. Прелестную делопроизводительницу университета Ан. Ник. Чубинскую по смерти разгрызли крысы нашей анатомической лаборатории: ее тело нельзя было выдать родным!

Теперь говорили не о бомбах и разрушенных домах, а исключительно о смертях и о сиротах. Встречаясь, передавали последние новости, последние имена. Ни о чем другом не говорили.

Осталась масса несчастных детей. В нашем доме пустела квартира за квартирой. Над нами умерла дама, ее мать, ее сын-летчик; рядом умер здоровенный молодой мужик и его четверо детей. Почти все мужья умирали первыми. Потом шли прислуги, тетки, матери, бабушки. Умирали поколениями, пластами. И бедных детей забирали в детские дома, а имущество грабили соседи. Трупы стаскивали прямо за ноги на санки, а там отвозили в районные морги, где их тысячами наваливали

на грузовики и сбрасывали горой на кладбище. Это были похороны, это была жизнь и смерть, подобно тем, в далекой ссылке, наших родных, жертв тайной полиции.

Голод и убийства людей в Ленинграде составляли строгую тайну для Москвы и провинции. Цензура на законном (военном) основании перлюстрировала наши письма. Нельзя было ни говорить, ни жаловаться, ни взывать. В газетах и радио кричали о бесстрашии и отваге осажденных; смерти глухо назывались «жертвами на алтарь отечества». О, мы-то города не сдадим! Нет тех условий, которые могли бы требовать капитуляции. Когда-то сдавали крепости, когда иссякало продовольствие. Мы знали, что гибель от голода запертых в ящик 5 миллионов людей не ослабит героизма наших сытых главарей.

Многие открыто ругали наши власти, уже ничего не боясь. В аптеке, в очереди, возле лежавшего тут же трупа, одна женщина громко говорила: — Наше правительство жестокое, бессердечное... Нас заставляют умирать. Подумаешь, им земли мало. Землю не поделили. Да мы отдали бы ее проклятую, — берите, только лучше жить дайте, родных не убивайте.

Ругали на чем свет стоит нашу тайную полицию, это НКВД. Оно хватало и замучивало невинных людей, честных патриотов; а город кишел шпионами. Во время налетов немцам пускали световые сигналы, ракеты: было известно много таких случаев, и было много судов с расстрелами. Немец знал, где что делается. Малейшее изменение делалось ему тотчас же известным. И он это доказывал налетами и обстрелами.

Трамваев не было, света не было, звонков не было. Телефон был выключен. Голод и страшный мороз парализовали жизнь.

Замерзли трубы, остановилась вода, прекратился отлив и канализация. Выбыли из строя уборные. Стала вся живая жизнь. Газеты не вывешивались и не разносились. Стали аптеки. Прекратились службы. Перестали работать почта и телеграф. Замолчало радио.

Люди не раздевались ночью из-за холода, не мылись из-за отсутствия воды. Запертые в самых маленьких комнатах, где жили разные знакомые и родные (которые не могли жить у себя в разоренных, разбитых квартирах), они утопали в копоты коптилок, дыму буржук; в грязных ватниках и валенках, с выпачканным лицом и черными пальцами, они на паркете рубили и кололи доски, заборы, мебель, щепки; стук раздавался целый день, — буржуйки требовали подтопки; в мисках стояла грязная

вода, в которой наспех мыли руки все поколения комнаты. Резкий удушливый запах публичной уборной шел с лестницы и обратно в лестницу. Двор, пол, улица, снег, площадь — все было залито желтой вонючей жижей.

Коммунальная квартира заливала нас сверху испражнениями. Я выносила по 7 ведер в день нечистот, да еще поджидала, чтоб экскременты были горячими, свежими, иначе они замерзли бы через 10-15 минут и создали бы безвыходное положение. Трудность заключалась в том, что выбрасывать нечистоты требовалось в канал; нужно было с полным тяжелым ведром спускаться с 4 этажа, проходить заваленный снегом и горами свалок двор по узкой колейке, потом осторожно пробираться по скользкой подворотне, выходить на улицу, пересекать мостовую, всходить на обледенелый пригорок набережной, поднимать тяжелое ведро выше парапета (мука!), — и тогда, вдруг, облегчение и легкость. Я совершала эти очистки коммунальных желудков и уборных с должным юмором и бодростью, пока, в силу моих скандалов, гражданам наверху не заколотили их экскрементальной лаборатории. С каким удовольствием я потом выносила по 2 ведра наших родных, наших собственных нечистот! Мне небо казалось в овчинку.

Да, жизнь была трудна. Консервы приходили к концу. Уже 5 месяцев мы питались ими, но ведь это не было решением вопроса. Коробку мы делили на два дня, а нас было двое. Постоянно хотелось есть. Круп не было. Я имела небольшой запас топленого и постного масла и сахара. По вечерам мучил, грыз голод. Хотелось без конца что-то есть, жевать, ненасытимо. Засушенный хлеб (его нельзя было есть сырым) и сушеные крошки я грызла, грызла, чтоб заглушить зуд голода. Миндаль, купленный от нечего делать у Елисеева, мы по 2-3 ядрышка ели с хлебом. Самым жестоким был не голод, а прерванное ядение. Можно было (так все говорили) не кушать часами, днями; но, раз начав есть, раскрывали бездну — и внезапная насильственная остановка, прекращенье еды вызывало мученье. Руки тянулись в темноте за хлебом — ощущали камень; желудок страстно алкал, вовлеченный в работу, — и ему давали пустоту.

Воды не было. С середины января нам за дорогую заграничную сумочку дворничиха подрядилась носить со своей кухни 2 ведра воды в течение месяца. Она держала нас в напряженьи своей недобросовестностью. То носила, то не носила. Мы оставались без воды, ждали часами; я бегала в дворничью, напоминала, лстыла, уговаривала. Нервы страдали у мамы и у

меня; мама переживала эти лишения тяжело, нервически, мучительно, и это составляло расплату моего личного счета. С утра начиналось волнение: принесет ли дворник воды — и когда? /.../

Однажды мы много ждали дворничиху с водой, но не дождалась. Зайдя к ней, я узнала страшную вещь: воды в доме нет совсем, даже в нижних этажах, и не только у нас, но везде.

Я пришла домой в безотрадном раздумьи. Вот он, предел. Впервые у меня по-настоящему опустились руки...

В тот же день я увидела, что люди несут по улицам ведра с водой. Оказалось, ее черпали прямо на улице, угол Садовой и Гороховой! Этакую даль? Да, ближе не было.

Я взяла большой чайник, который мы называли бурмилой, и пошла. Десяток домов до угла, потом через мост, потом всю Гороховую до Садовой. Смотрю: картина во вкусе какого-нибудь описания Котошихина или Олеария. Прямо на улице выкопан ров, во рву пущена с пожарного шланга вода, — грязная, земляная. Сотни людей с санками, с кадками, чайниками, кастрюлями, ведрами. На коленях, на корточках, среди криков и гула, толкая и обливая друг друга, женщины и дети, мужики и старухи загребали грязными сосудами земляную воду. Вокруг образовалось скользкое поле мокрого льда. Это была пестрая живая картина, напоминавшая быт какого-нибудь XVII века в Азии.

Все было соединено с риском на этом ледяном поле. Можно было упасть, низко нагибаясь за водой. Можно было переломать ноги на мокром льду.

Случайно одна знакомая девушка зачерпнула мне воды. Но с того дня я стала платить дворничихе, которая должна была мне за сумочку, 10 руб. в день за 2 ведра воды. Итого, 300 рублей в месяц! Я думала: слава Богу, что воды нет нигде, что с таким трудом ее добывают; значит, это дело 1-2 дней, — не будет же город без воды!

Увы, я была наивна. Я думала, что существуют границы цинизма, что даже у Попковых есть известное приличие. Я пишу это 20 мая, а город все еще без воды и без отлива.

Вскоре на санках стали возить не одних покойников, но и воду. Возили ее с Невы, с Мойки, за тридевять земель. С непосильной ношей, с полными ведрами, голодные люди брели в жестокий мороз, брели и останавливались и снова брели. Сейчас же стали спекулировать водой, продавая ведро за 5 руб. и дороже. Целыми днями возили на санках ведра с водой, чайники, жбаны. Это была обычная уличная картина.

Вскоре в городе вспыхнули пожары. Тушить было нечем. Песок замерз, воды не было. Дома горели, как пакля. Они горели днем и ночью, горели целыми улицами. Было время, когда город горел во всех своих концах, безропотно, рабски, в унылом молчаньи.

Как-то я пошла в университет. Улицы были покрыты снегом и тишиной. Тяжелым потоком шли в обе стороны хмурые молчаливые люди; они тянули за собой санки с трупами, ведра воды, доски, щепки. Кругом были разлиты желтые испражнения и помой. От Александровского сада через Дворцовую площадь и дальше к мосту лежало море скользкого полуснега, полульда. Дул резкий ледяной ветер. Молча шли люди, не глядя, через мост. Вот Васильевский остров, Академия. Вот здание ИЯМ'а, эти улицы, где столько пережито, любовь, свидания, целая жизнь... Издалека чья-то фигура идет по вымершей пустынной набережной. Это не Струве? Нет, он уехал. Подходит ближе. Да это Тимофеев! Нет, он умер.

Начиная с конца января, весь город поголовно проходил через голодные поносы, гемоколиты и дизентерию. Не было человека и семьи, не было квартиры без острого поноса, иногда доходившего до 19-20 раз в сутки. Больничная помощь не работала. Аптеки не принимали никаких рецептов «из-за отсутствия воды» и ничего не продавали, так как все лекарства были распроданы.

Одни умирали у себя по домам, на улицах, в магазинах, в гостях: это было главное занятие; другие лежали больные, лежали в запущенных комнатах, в холоде, буквально все, кто только еще не умер. Умиравшие жаловались, пока были на ногах, на ненасытимось, упадок сил и внутренний холод. Затем они оставались в постели и засыпали. Им достаточно было выйти на мороз, чтоб ослабнуть и упасть замертво. Они добирались до лавки или до знакомых — и умирали. Часто смерти предшествовало безумие; голодные психозы стали обычным явлением. В подавляющем большинстве случаев умиравший, заливаясь поносом, делал под себя, и так в нечистоте и погибал. Во многих случаях, в 40-50 лет и еще моложе у человека делалось кровоизлияние в мозг и ранние удары. /.../

Люди умирали и болели. Внезапно, в несколько дней, погиб отец Сони, и это потрясло ее, ожесточив ее душу. Все поклонники и льстецы от нее отвернулись. Она вся ушла в черную физическую работу, чтоб спасти мать, которая обратилась в руину духом и телом, — эта властная, волевая женщина, царствовавшая над кучкой людей.

У меня сильнее и сильнее болели ноги. Я это приписывала тому, что они лежат по 14 часов в сутки в согнутом положении. Я с трудом преодолевала боль в мышцах и под коленями. С большим усилием, хромая, не в силах согнуть ноги, я спускалась и всходила по лестницам. Однажды, когда умирал отец Сони, я пришла к ним и принесла этим бывлым богачам чайник со ржавой водой и коробок спичек. Когда-то я не могла ничего подарить Соне в ответ на ее шоколад, торты из «Астории», конфеты. Что я в состоянии была дать ей, жившей в роскоши, имевшей недоступные мне огни и фейерверки богатства? Теперь я принесла им чайник со ржавой водой из канавы и коробок спичек. Мать Сони сказала мне сдержанно (в ватнике и теплых штанах, так теперь ходили все женщины): — Спасибо, дорогая. Виктор умирает, а я не имела воды, чтоб сварить ему кашу.

По дороге в университет, на мосту, на площади я почти всегда встречалась с Раисой Викторовной. Ее жизнь с каждым днем становилась все тяжелей. Она носила ведра, бегала за тридевять земель в Академию, за супом, отбывала все повинности, таскала какие-то ящики и тяжести на службе, мазала чердаки, носила воду. В городе было массовое явление голода: сколько бы люди ни ели, они не насыщались. Килограммы хлеба, за которыми гонялись на рынках и обменивали ценные вещи, килограммы хлеба летели в утробу и вылетали оттуда, не утоляя голода. Люди таяли, психологически и физически убитые.

Наше мучительство, рабство, бескультурье нашло себя в эти дни гибели. Людские отбросы, именуемые научными работниками, разные Мещаниновы, Артамоновы, Миханковы, — бездарная, примазавшаяся к науке кучка карьеристов, — волей судеб управляла жизнью человека. Это они были начальниками институтов и университетов, в частности — института материальной культуры, где работала бедная Раиса Викторовна. Здесь заставляли людей, из подхалимства перед властями, ежедневно «отсиживать» по 8 часов. Никакой работы, никакой науки, никакой материальной культуры в помине, разумеется, не было. Тогда, чтоб занять работников, их заставляли таскать тяжести со двора, переносить из чужих учреждений пыльные груды книг, забивать и выносить ящики с академическим имуществом.

Смерть от непосильного физического труда уносила тысячи ленинградцев. Эти ведра с лестниц и на лестницы, эти хождения пешком, повинности, баки с водой издалека — это убивало вернее бомб и снарядов.

Жестокие подхалимы, готовые убить человека ради карьеры, заставляли в эти страшные дни своих подчиненных надрываться. Раиса Викторовна валилась с ног от непроизводительного физического труда. Налеты и обстрелы заставляли ее трепетать: дома оставался ребенок с полусумасшедшей бабушкой. Потом рабочий день кончался, и Р.В. бежала бегом домой. Немцы убивают с методической аккуратностью. Ровно в 6 часов, когда она бежала домой, ее загнали в подворотни воздушные тревоги. Дома ждало много работы. Но здесь ее настигал управдом. Усталая, она шла и здесь таскать тяжести и мазать чердаки.

В комнате все стекла были выбиты снарядами. Уборная не действовала. Воды не было. Света не было. Ребенок поминутно мочил штанишки, чулочки, башмачки. Забитые фанерой и картоном окна пропускали холод. Комнаты были забиты вещами и мебелью. Было темно. Натыкались на вещи. В темноте сновал ребенок. Бабушка все теряла, роняла и била. Ее руки и разум уже плохо работали.

Раиса Викторовна боролась, как пловец. Она ждала берега. Ее уже захлестывало, она уже еле размахивала руками.

Я умоляла ее переехать с ребенком к нам, я предлагала ей свою комнату и помощь. Она была горячо тронута. Но, благородный и деликатный человек, она не представляла себе, как можно чем-нибудь затруднить человека, невиновного в трудностях ее личной жизни.

Мы встретились опять на мосту. Дул суровый морозный ветер. Она была закутана до переносицы и показалась мне страшной. Призраком веяло от нее, так она была худа. Безумием пахнуло мне в душу, не знаю почему, — что-то в ее лице, в глазах. Она была по-обычному сердечна ко мне, внимательна, искренна.

— Мама скоро умрет, — сказала она с настойчивой прямой, как бы не желая обольщаться, — она умирает уже.

И, расспрашивая обо мне, отказываясь уезжать, сказала уже отойдя: — И сама я еле волоку ноги.

/.../ И вот нагрянуло грозное известие: университет эвакуируется! Вот он, день моей коллизии, который я мысленно так отгоняла от себя. Сразу поднялась суeta и паника. Задвигались мои питомцы. /.../

Эвакуация университета впервые поставила передо мной во всей реальности вопрос об отъезде. Пошли бесконечные, мучительные колебания; бессонные ночи; тысяча изменчивых решений, советы; волненья мамы... /.../

Ехать или не ехать?

Возлагались большие надежды на день Красной армии 23 февраля. Кругом в один голос говорили, что у нас большие успехи, но объявят о них только к 23-му. Только и думали, что о прорыве блокады. Радио извещало, что кольцо становится с каждым днем все тоньше. Ежедневно официально передавали о продвижении войск генерала Федюнинского. Надежды на 23-е были всеобщими. Дух поднимался. Росли чаянья, создавались легенды. На глазах рождалось мессианство, — эта вера в торжество обновления и справедливости. Народ был настроен патриотически и непоколебимо верил в победу; так же единодушно ненавидели советскую власть и ее главарей. Верили в союзников и в политическое освобождение.

Ужасы претерпеваний приводили людей к религии. Под влиянием ежеминутно грозившей смерти обращались к религии и к мистике. Все говорили о судьбе, все верили в судьбу. Да и что, кроме судьбы, охраняло и направляло многомиллионное население, загнанное живым в гроб?

Радио никто не верил. Было давно уже так положено, что оно для кого-то говорит, но никто не верил и не считал правдой то, что слышал.

И все-таки слушали и верили. Когда опять оно заговорило, я была счастлива, и не я одна. Это было первое веянье жизни, хотя еще и слабое. Радио говорило мало, с перебоями. Но мы снова включались в мир и в жизнь.

К 23-му ждали возвещения важных военных перемен, увеличения хлебных норм, прорыва блокады. Очевидцы передавали, что мы уже вернули Царское, Стрельну, Петергоф, Лугу. Ждали большого сдвига.

В то же время с меньшей устойчивостью говорили, что с 1-го марта начнется карантин, и из Ленинграда 1/2 года не будут никого выпускать. Ожидались большие эпидемии. Даже те, кто не хотел уезжать и верили в прорыв блокады, собирались ехать из-за неизбежных эпидемий весной.

Я зашла навестить мать Марии Лазаревны. Они жили в большой полутемной кухне. Их огромные прекрасные комнаты, выходившие на Невский, между Гоголем и Морской, были заморожены. Однако, накануне в кухне завалило дымовую трубу. Мать перевезли в комнату, которую спешно нагревали буржуйкой. Марья Лазаревна приняла меня в кухне. Полутемная, мрачная кухня казалась после пожара. Валялся грудой битый кирпич и мусор.

Мы поговорили об отъезде и об очередных покойниках. Замелькали имена.

— А о гибели Раисы Викторовны что вы думаете? — спросила меня болтливым тоном М.Л.

Я похолодела и приросла к стулу. Помню, я вскинула вверх обе руки, приподнялась и села.

— Вы даже не знали? У нее был голодный психоз. Она в умопомешательстве привязала свою мать и подожгла квартиру. Подняли крик, она погибла, а мать немного позже. Ребенка она отвела в ясли.

Жизнь рухнула подо мной, как пол. Я сходила с ума. Разыскать и взять девочку — была моя единственная мысль и надежда, мой обет дружбе, моя преданность Раисе. Отомстила ли она матери в припадке аффекта за погубленную жизнь? Дала ли пощечину вещам и шкафам, разбившим ее свободу и любовь? Был ли это ее протест и бунт, этой кроткой и благородной души, этого умного, глубоко деликатного человека. В ее психоз я не верила: почему же она спасла ребенка?

Несколько дней я ходила под тяжестью этой скорби. Мне казалось, я никогда с нею не примирюсь. Я потеряла большого, настоящего друга.

Через два дня я не могла больше скрывать от мамы. Мы прошли через большое горе. /.../

Зенитные орудия не перестают стрелять в разведчиков. Я не вижу эти выстрелы. Тошнит от них, — от тирании спрутов, которые вонзились в мою жизнь.

Вечная борьба с деспотизмом кончается, как всегда, гибелью человека. Эти громкие слова: «государство», «массы», «свобода» — жалкая бутафория. Есть только культура. Не следовало жить в Турции, в Персии, в России, где температура ниже нуля. Нужно было позаботиться о климате.

Уеду я или нет?

Не знаю. В концентрационном лагере не бывает путеводителей. Направо ли пойдешь, налево ли, везде каторга.

Но как ужасен расцвет весны в осажденном городе! Здесь время остановилось. Нет надежд и далей. Это гангрена пространства. /.../

Ждали открытия второго фронта — ожидание не оправдывалось. Ждали прорыва блокады — это было безнадежно. Агитация с утра до ночи кричала «об окончательном (!) разгроме немцев в 1942 году», и это было выкриком сталинского офици-

ального лозунга. Между тем на юге город сдавался за городом после бесплодных кровопролитий и тысячи жертв. Россия оказалась спрессованной. Что еще оставалось, кроме Азии? Только Волга и часть центра, кусочек северо-востока; но немец лез уже и на Волгу.

Вторая зима в Ленинграде, штурм которого ожидался каждую неделю (радио говорило, что здесь будет повторение Севастополя с его ужасами), для всех вторая зима представлялась совершенно невозможной. /.../

Спекуляция, это пищевое ростовщичество, широко охватила все слои населения. Стихийно и массово, без нужды в организации и пропаганде, она нашла себя у всех, почти без исключения, советских деморализованных людей. Как раньше в каждом советском человеке можно было подозревать осведомителя и работника тайной полиции, доносчика и предателя, — так теперь почти без осечки в каждой женщина (даме, бабе), в каждом мужчине (этих меньше было в живых) можно было подозревать спекулянта. Одни «работали» на масле, другие на керосине, те на крупе или хлебе. Частная торговля была филистерски запрещена по-прежнему, но спекуляция молчаливо допускалась. К этому времени на этом черном рынке уже стабилизировались цены. Единицей стоимости, вместо золота, служил хлеб, — 300 р. кило. Масло стоило 1700 р. кило, сахар — 2000 р., крупа — 400 р., горох — 300 р., рис — 600 р., одна конфетка — 25 р. Ни рыбы, ни мяса не было. Изредка попадалась за 350 р. баночка сгущенного молока. /.../

С наслаждением я перечитывала Кропоткина, его умные и тонкие записки. Если б он видел наши дни! Это было доведенное до крайности, бедственное для людей, самовластие так называемых вождей и личностей, тирания так называемого государства. Тщеславие, деспотизм, преследование, мучительство, смерть, угрозы голодом, кровью, вытачиваньем средств, сил и денег. /.../

Голод убивал нервы, волю, память. Мы все были полоумные, возбужденные, бешеные; женщины в лавках визжали, били друг друга, плакали и голосили, катались в истерике; переполненные трамваи являли страшное зрелище, и люди давили один другого, оскорбляли, кричали, калечили. Однако, у многих в эти дни иссякли слезы. Это тоже были последствия голода. Многие утратили способность плакать даже в часы сильнейших горестных переживаний. Память угасла. Даже у решительных людей пала воля.

В начале зимне-осенней катастрофы большевики растерялись и поплыли общим потоком по водам потопа; они, как и все, поверили в светопреставление и конечную катастрофу: рядовые партийцы, заброшенные и забитые в свой угол, массами умирали. Теперь они пришли в себя. Первое, что они сделали, — это, как всегда, объявили непереносимое, исключительное состояние — нормой. Было как бы декретировано, что все обстоит «в основном, благополучно» и только имеет отдельные «неполадки», «трудности» и «лишения». Тем самым методы временных попыток получали постоянство и узаконение, как один из компонентов жизни. Человеческая природа отменялась. Есть не нужно было. Голодание было признано нормативным явлением. Запрещалось жаловаться, болеть, опаздывать. Голодные работали с утра до ночи. /.../

Выдача продуктов после массовой эвакуации стабилизировалась и была упорядочена в смысле самой организации; очередей уже не было, обвешиванье и воровство приняло более «культурную», тонкую форму. Нормы и номенклатура выдачи публиковались в газете и сообщались по радио. Это было волнующее удовольствие — ждать 7 ч. вечера и последних известий, после которых могло следовать объявление выдачи на завтра или послезавтра. На рабочую карточку (1 категории) выдавалось в месяц 2 кило круп (пшеница по преимуществу), 600 гр. масла, 900 гр. конфет взамен сахара и 1200 гр. ржавых селедок (или килек развесных) взамен мяса. Малейшая выгода голодного учитывалась и сейчас же обращалась в его невыгоду, Так, дурные продукты выдавались в двойном количестве, хорошие в половинном или еще меньше. Мясные консервы без костей давались в 60% размере, а шпиг вместо мяса — в 30%, так что иждивенец получал 30 граммов шпига на 10 дней! Точно так же шоколада давали лишь 80% взамен 100 гр. дрянных конфет из дуранды, с запахом мыла. Зато кровяной колбасы, изюмного мусора и других отбросов давали в двойном размере.

Дерганье, мучительство заключались еще в том, что голодавший не мог распоряжаться своими нормами. Выдача проводилась примерно 3 раза в месяц, подекадно, причем продукты выдавались, так сказать, в рассрочку и в определенном порядке. Так, с крупой никогда не давались жиры, но почему-то с конфетами, а с крупой — селедка. Нельзя было ни распорядиться продуктами, ни целесообразно использовать их. Голодный брал то, что давали, и сразу съедал, не дожидаясь еще 3-4 голодных дней. Так всегда подстерегала нужда, всегда грыз голод. Как-нибудь 200 гр. еды не могли напитать и в течение одного дня,

не только декады. Как правило, в начале каждого месяца Попков 5-6 дней вовсе ничего не давал населению. Как и чем жили люди, было непонятно. И однако же ни одна выдача не сопровождалась такой ажитацией и драками, как «сладкая». Был мучителен этот сладкий голод, еще хуже жирового. Масло ели без хлеба, кусочками, и съедали с бьющимся сердцем. Но над конфетами дрожали. Их ничтожное количество жадно, трепетно сжиралось, и хотелось еще, и алкалось, и грудь болела от страсти и страдания. /.../

Двадцать пять лет советской власти... Для моего поколения это половина жизни. Арифметически. А по существу — ее три четверти, ее наиболее полнокровные жатвенные годы. Ее расцвет. Ее сочная зрелость.

Боже мой! Сколько позади садизма и каторги: для тела, для разума, для лучших человеческих чувств. Сколько страданий и несчастий всех кулёров, какие только могли придумать мозги преступников. Чистки, слезка, преследованья, маскировка зла под ангельскую чистоту, удушение заживо людей, науки, искусства. Но самое нестерпимое — это торжество негодяев на всех поприщах, но самое убийственное — расцветка порока под самое дорогое на земле. /.../

Когда читаешь Светония, не веришь его правдивости. Считаешь, что он или Тацит сгущали краски. Что не могло быть таких развратников и негодяев, какими они изображали своих современников, особенно Цезарей и придворных.

Ужасна была деморализация наших людей, проходивших 25 лет горнила чеки, доносов, голода и нищеты. Экзамен по морали был сдан на балл ниже нуля. /.../

Кроме хищничества, этой мощной, стихийной, общенациональной силы, действовала и продуманная система иерархизма кормления. Появилось, — что хуже всего в осажденном городе, — неравенство в еде. Верхние ели прекрасно, без карточек (называлось «без выреза талонов»). Для них существовали особые закрытые столовые и магазины. Они не страдали ни истощением, ни цынгой.

Отлично ели чекисты. Наш дворник, дядя Саша, выгнанный от нас за воровство и лентяйство, поступил дворником по «блату» в филиал НКВД. На маленьком месте маленький человек получал постоянно и кусковой сахар, и белые сдобные булочки, и жиры, и обильные столы. Работники милиции получали столько, что не могли всего съесть, и приносили домой белые пи-

роги (милиционер распиливал мне дрова). А «заслуженным деятелям» науки и искусств, докторам и артистам, художникам, всего — 185 людям умственных профессий отказывали в ничтожной прибавке к большим праздникам, и обставляли паек унизительно.

Еще ниже стояла толпа, голодное «быдло» из рабов, ожесточенных и покорных. Их угощали квасным патриотизмом, помесяю Александра Невского и камаринской. Появились славянизмы и архаизмы в языке («отчизна», «воины»), патетика фраз и голоса в стиле Сумарокова, ходульность и фальшь; мы заговорили о братьях-славянах и об их объединении.

Странная галиматья из марксизма и полицейского православия, фатально сопутствовавшего всякой русской власти в лице ее нерусских правителей, никого не волновала. Все привыкли в России к «надстройке» официальных фраз, нужных сверху, но безразличных для низов.

Деморализация народа, расшатанного за эти 25 лет во всех устоях и взглядах, обескровленного, выпотрошенного чекизмом, сказывалась не в одном воровстве, взяточничестве и спекуляции. Никогда люди так не лгали, с таким ангельским видом; никто не считал зазорным обмануть человека, соврать ему, нарушить слово и честь, оболгать ближнего. Бездушна, безучастна, холодна была сталинская молодежь. Ее ругали на всех перекрестках. У нее была страшная подлая душа, ничем не наполненная. Она не знала самого основного в жизни — участия. Это слово больше не существовало в лексиконе человеческого сердца и устарело, как кринолин и подвешенный локон. Участие! Советская ядреная краснолицая девушка с крутыми боками и советский молодой человек были совершенно безразличны к миру людей и идей, в котором все было заучено к уроку и отменялось на завтра, уступая место противоположному. По части идей они были совершенно расшатаны и проникнуты оппортунистическим иезуитизмом. В отношении к людям их воспитала грубая сила, насилие, презрение, полное третирование личности и человеческой души. Уже с детства советский ребенок, взроставший на дуализме и антагонизме школы с ее полицейской пропагандой и старой семьей, учился двуличию и скрытничеству; юноша и девушка сознавали ложь официальности, несправедливость проповедников новой морали: они переживали ломку взглядов и, не желая быть дураками, учились скрывать свои мысли, вытравлять чувства, лгать, ловчиться. Бездушные и ложь — вот удивительные черты современного поколения. Его сердце покрыто бельмом. /.../

Было постыдно, какие размеры приняла лесть. Я уже не говорю о придворных борзописцах типа Ник. Тихонова и Ал. Толстого. Кто хотел есть и добывать деньги, тот хорошо знал путь к этому. В стихах говорилось «Пусть Сталин светит над миром»; он уподоблялся солнцу, озаряющему Вселенную. Ему писали, называя его «отец и гениальный полководец», и дело было не в том, что так писали, а в том, что он это не стыдился опубликовывать; его стоячим эпитетом стало «гениальный полководец». Совсем как в древнем императорском Риме. Сталин был не просто «солнцем, озаряющим мир»: он назывался «отцом», а родина «матерью», и вновь воскресала эта роковая цезаристская форма священного брака неба и земли. Помесь религиозных архаических идей с псевдосоциализмом была очень характерна для чекистского режима; это была другая сторона медали, где образ напыщенного панславизма и III отделения был наложен на образ Ленина и Маркса.

О помощи союзников умалчивалось. Нигде Сталин не выказывал благодарности ни за вооружение, ни за продовольствие, ни за отвлечение немецких сил. Мы узнавали об этом из кратких цитаций из речей Черчилля и Рузвельта, который говорил, между прочим, что никогда ни одна страна не получала от Америки такого огромного количества продовольствия, вооружения и медикаментов, как Россия. Черчилль, неизменно указывавший с благодарностью на помощь Англии со стороны Америки, приводил относительно России такие же факты, как и Рузвельт. /.../

Наконец начал свое наступление и январь. Замерзла раковина, это было большое бытовое несчастье. Я выносила вниз, через улицу, по 4 тяжелых ведра, и это изнуряло мои ноги. Вверх я вносила воду. У меня не было больше денег оплачивать услуги, но как только я от них отказалась, во дворе стала вода. Ужасно было в январские морозы итти с ведрами и кувшинами в чужой дом, спускаться в подземную прачечную по скользким ступеням без перил, в скользкой темноте бродить среди льдов и потоков день и ночь бегущей прямо на пол воды, и потом выбираться снова на землю. В этой преисподней не раз люди ломали себе ноги. Однако, вскоре и ее стали закрывать от посторонних; вода бежала день и ночь, но ею не давали пользоваться. И я бегала еще дальше, еще в худшие дома и прачечные.

Мороз доходил до 28°. В нашей комнате уже было -2°. И снова этот режущий холод, окоченелые пальцы, снова зябкие холодные ночи под кучей одеял и мучительные долгие темные утра

в ожидании рассвета, голодные утра, со страдальческим вставанием: все холодное, платья холодные, воздух холодный, тело холодное. /.../

15-го февраля артиллерийский обстрел длился 12 часов. Даже в постели, под многими одеялами, я слышала резкий свист пролетающих над нашим домом снарядов. Через 4 дня было еще тяжелей. К голоду и маминому «бытовому психозу» присоединилось бедствие нового порядка. Казалось, я уже прошла через все беды заливавших сверху потолков, переливавшихся раковин, выпиравших уборных. Но нет, не все было испытано. Когда-то страдание заключалось в том, чтоб выпить до дна чашу: так древний человек метафизировал несчастье. В советском быту метафорой беды была пролитая чаша...

Я услышала в коридоре мгновенное бульканье труб, и это наполнило меня непередаваемым ужасом. Заглянула в уборную — сосуд снова наполнен до краев дрянью, но инстинкт подсказал, что дело уже не только в этом. Открываю, с замиранием сердца, ванную и вижу: ванна до самых бортов полна черной вонючей жидкости, затянутой сверху ледяным салом. Это страшное зрелище ни с чем несравнимо. Оно ужасней, чем воздушные бомбардировки и обстрелы из тяжелой артиллерии. Что-то жуткое, почти мистическое, в напоре снизу, при закрытом чопе (пробке). Страшно, губительно, угрозой смотрит огромное вместилище с черной, грязной водой. Она бесконечна и необузданна, эта снизу прущая стихия напора и жидкости, эта советская Тиамат — первоначальный хаос и грязь. Я с трудом выносила и поднимала свои ежедневные несколько грязных ведер. Но могла ли я вычерпать и вынести 30-50 ведер нашей огромной ванны? Ее черное, страшное содержимое смотрело на меня своими бездонными глазами; это наполнение до самых бортов вселяло ужас и ощущение еще никогда не испытанного бедствия. Еще миг — и нас, наш дом, наши комнаты зальет эта вонючая черная жидкость, и она будет снизу подниматься и выпирать, и будет разливаться, и это будет потоп снизу, из неведомой и необузданной, не подвластной взору пучины. А я одна, и слаба, и уже вечер, а на дворе зима. Бежать? Куда? К кому? Как оставить тут беспомощную старуху?

Я бегала, я убивалась. Управхозихи не было. Я в милицию. Квартального не было. Его сменили. Новый квартальный в больнице. Дворник-баба ничего кроме спекуляции не знает. Водопродчиков нет в природе. /.../

Близилась ночь.

Я заткнула наши двери. Приготовила глубокие галоши. Кое-как мы переспали. Утром мой страх был непередаваем, когда я вставала. Наш пол сухой? Отворяю дверь в коридор. Сухо. Смотрю, со свечкой, по сторонам. Иду в ванную. Сухо. Толкаю дверь. Пол сухой. Смотрю на Тиамат. Все так же у самых бортов страшная, вздутая, черная жидкость, страшная своей полнотой.

Опять бегаю весь день. Пишу записки, умоляющие письма, взывающие и грозные заявления. Никто не реагирует. «Власть претерпевающая» безмолвствует. Помощи нет.

И тянутся дни. Неужели я когда-нибудь привыкну к этому? — думаю я, стоя над Тиамат. Мне вспоминается впечатление от прошлогодних обстрелов. Как было страшно! Как мы содрогались! Но и привыкли. Привыкну ли я к этим, наполненным до отказа черным безднам? Смогу ли жить в такой беспомощности, ожидая нового напора снизу?

Вот, я пишу в апреле, а ванна так же полна, черна и страшна. Прибавился весной резкий запах миазмов. Он просачивается в коридор, в наше жилье и в наши легкие. Я убедилась, что свист снарядов над головой, что сотрясение дома от фугасных бомб может, если жизни угодно, соуживаться с нашим бытом, как большая паршивая собака. Я убедилась, что напор снизу помоев и испражнений может застывать на угрожающем уровне, не переходя через края.

И я стала дальше жить... /.../

Я больше не представляла себе жизни в городе, где вечно не угрожала бы гибель. На улице и в квартире меня уже не пугали симптомы смерти. Мне казалось естественным бытовым явлением постоянно рисковать своей жизнью. Осадное положение, созданное тиранией, держало город, меня, мое тело и психику, в особом ультра-тюремном укладе. Я уже привыкла считаться только с краями наполненной ванны и смотреть исключительно на ее борта. Не поднялся ли уровень? Перельется сегодня или нет? — Больше ничего меня не интересовало. /.../

Наша драма была в том, что нас заперли и забили в общий склеп. Цивилизация поняла индивидуальные особенности каждого человека и соорудила дома, квартиры, комнаты, как столовая, гостиная, кабинет, спальня, детская. Она поняла, что человек — не скот; что самых близких людей нужно отделять и уединять. Совместное, в кучу, проживание было изобретено цивилизацией, как форма государственной кары за преступление. Только в тюрьме люди скучены; если они в одной и той же комнате совместно проводят день и спят, и испражняются тут же,

где едят — то это и есть тюрьма. Тирания создала из этого нормативный быт. Она поняла его, как освобождение личности от предрассудков. Она изобрела вселение чужих в общие квартиры, даже в одну и ту же комнату; она ввела общежития, «казарменное положение», совместное проживание и ночевки женщин и мужчин, людей различных классов и привычек; она заставила испражняться и есть в той же комнате, принимать друзей, работать и заводить громкоговоритель. Человек попран. Вся Россия ругается, ссорится, порывает друг с другом и находится в нервном потрясении, раздражении, издерганная и злобная.

Человек — не монолитная глыба характера. Его черты подвижны. Жизнь, в ее сложности, совершает их переывбор и преодоление, пускает в ход одни и заглушает другие. /.../

И покатилося колесо дальше. Сталин преподнес сам себе, под видом народной воли, звание маршала. Боже мой! Как могущественна магия слов и названий! Человек, имевший все на свете — землю без края, власть без края, деньги, лесть, все звания и почести, все эпитеты божества, — ему понадобилось названье, простое созвучие, слово «маршал», звуковая невинная бутафория! По этому поводу инсценировали народное воодушевление. То, что т.Сталин стал маршалом, — говорили на митингах подставные лица, — воодушевляет нас на новые подвиги. Чужое звание воодушевляло военных, не имевших этого звания, на новые подвиги! /.../

Люди уже не повторяли стереотипных прошлогодних фраз, что «здесь проводить еще одну зиму невозможно». Несмотря на отчаянье, блокаду и страданья, все говорили, что нужно запастись на зиму дровами. Уже готовились к третьей осадной зиме!

Было что-то неслыханное в том, что осажденные люди, эти голодные призраки, оставленные без воды и отлива, без топлива, официально оказались провоглашены счастливейшими в стране: эти люди без воды и отлива, обстреливаемые днем осколочными снарядами и ночью бомбардируемые с воздуха. Наши бедствия не только скрывались от мира, но официальная версия распускала легенду, что в Ленинграде лучше, чем во всей стране, до Москвы включительно. В народе же упорно говорили, что «Сталин не любит нашего города, вот если б Ленин был, не дошло б до этого».

Обстрелы города производились теперь с помощью осколочных, шрапнельных снарядов, которые ранили на 1,5 км вокруг. Можно было погибнуть или получить увечье еще более неожидан-

ное, чем раньше, еще на более далеком расстоянии. Налеты с воздуха происходили каждую ночь, раз за разом, по 3-4 часа кряду, с интервалами иногда в 10-15 минут. Знаменитый, спасительный рожок («отбой») уже не приносил облегчения. Напротив, его сигнал говорил о том, что сейчас завоюет сызнова плач сирены (мы его называли «войка»). Ночи были нервные. Мы находились всецело в руках судьбы. В этой темноте, в пустующих квартирах, достаточно было одной зажигательной бомбы (они и в счет не шли, столько немец сыпал их), чтоб пожар принес гибель: ведь не было ни охраны домов, ни дежурных, ни просто наблюдателей.

Страна едва шлепалась по морю крови и нечистот. Но мы бахвалились, не унимаясь. Великие дела в Африке (союзники уже подходили к городу Тунису) снижались нами на манер того, как спекулянт и маклер умаляют покупаемую ими вещь. Позорный скандал с поляками углублялся. Теперь уже можно было составить себе представление, как он и с чего начался. Мы подожгли мир, бросивши в гитлеровский порох свою жалкую спичку; подожгли, чтоб ограбить малые народы; разорвали Польшу в качестве вознаграждения от Гитлера. Теперь мы не хотели ее бывшего восстановления. Между тем, забирая Смоленск, Гитлер застал там застенки для поляков. Я знала из писем Мими, что под Смоленском погибал в польском концлагере ее бедный друг. Поляки обратились в Международный Красный крест с просьбой о расследовании пыток. Мы стали в гордую оскорбленную позу. Американская печать вопила о наших «правах». Мировое общественное мнение требовало нашей изоляции («санитарный кордон»). Возмущениям и разоблачениям не было границ. А мы трещали передовицами о славянах, о славянской чести, о святости и пр., и пр., отрекаясь, конечно, от признания вскрывшихся фактов. /.../

Приказы-речи Сталина к армии и народу, приуроченные к большим праздникам, были бессодержательны, шаблонны, бездарны. Он не только не умел, но и не желал говорить с народом, со своим быдлом. /.../

Плохие люди есть везде, во всех странах. Зависть, клевета, интриги у всех наций на свете, как испражнения — у всех милордов и миледи. Это верно. Но нигде никогда эти духовные нечистоты не носят, как при Сталине, характера организованной общественной системы. Здесь человека травят, гнетут, удушают и преследуют в официальном, узаконенном порядке, всем

государственным аппаратом во всей его страшной мощи. Все здесь организовано и приспособлено под травлю человека, как в подземельях феодальных замков, где архитектор эпически строил зал рыцарей и спальню прекрасной дамы в соседстве с залой для судей и залой пыток. В сталинском подземелье вершили свое темное дело все эти парт-и-комсомол-ячейки, конференции, коллективы, активы, бюро, комитеты, месткомы, завкомы; и это темное дело, эта сталинская система были таковы, что в ней находили питательную среду самые страшные людские бактерии — продажность, предательство, ложь, корыстолюбие, подлость. /.../

А пока тянется явно прожитое уже и сложенное в чулан настоящее. Май. Мне некогда; я записываю краткую канву событий. — После приказа Сталина, где сказано, что мир еще не скоро, в народе упорные слухи: «скоро мир». В ночь на 8 мая резкие звонки. Считала, что за мной, что обыск. Нет, облава за дезертирами. Управхозиха с фонарем, чекист в военной форме: проверка документов. /.../

Грубая черная сила врывается в твой дом среди ночи. Ужасные бомбардировки целыми ночами. Кончается одна, начинается другая. Похоже на немецкое наступление, которое ожидается со дня на день, особенно партийцами, и особенно «ответственными». Эти люди вечно ожидают пощечин и поражений.

Налеты днем и ночью. Убийственные обстрелы целыми часами. Город дрожит от артиллерийских боев где-то под городом. 13 мая обстрел из тяжелых орудий и воздушная тревога с 6 часов утра длилась 8 часов. Голодных милиция не впускала за хлебом, гнала с Невского. Но на работу являться можно и должно. День за днем тревога по 7-6 часов, движение трамваев остановлено. Мученики шагают из конца города в конец. Беречься не хотят, некогда, все безразлично — смерть, жизнь.

В скверах убраны скамьи, чтоб не садились. Люди слабые. Сады закрыты. Бесплатные. Платный открыт. — Бурденко, главный хирург всей армии, получил всякие ордена и «героя». Отдельные лица имеют все в максимальных размерах. Иждивенцам выдали на декаду 80 гр. колбасы. Опубликована беседа Вышинского о поляках. Сикорский эвакуировал из СССР польскую армию. Поляков у нас арестовывали и казнили за шпионаж. Их пришлось вывезти. Англо-советская пресса не может успокоиться. Небывалый международный позор. — Распускалось почками мое дерево. Страстная боль. Опять лето и возврат природы к жизни и счастью. Искалеченная, стою у окна и со слезами

смотрю. Дерево уже в листве — молодой, невинной, счастливой. Я плачу.

Блестящая победа человеческой организованности и целеустремленности в Африке. В сообщениях мы указываем, что это произошло благодаря Красной Армии, опыт которой под Сталинградом изучался англо-американскими офицерами под Тунисом. Не сказано лишь, в какой форме: выписывали ли из полевых библиотек будущую литературу о сталинградских боях или смотрели в бинокль из Туниса. /.../

Начала работать. Неделями вхожу, прочитывая старое. Анемия. Тяжко. Читаю, устаю, отстаю от себя же. Нет времени. Чепуха засоряет весь день. Мама еле передвигается. Ей постоянно требуются мои ноги, мои руки, мои глаза, мой слух. Я растерзана, как тряпка, в клочья. /.../

Грузовики увозили мертвых. Молодые жизни обливали кровью улицы. Каждые 2-3 минуты радио выкрикивало об опасности, но кварталы пустели и сами, в одно мгновение, в один выстрел. Живые улицы сразу становились абсолютно мертвы. Под воротами, в подъездах, на лестницах замирали, прижавшись к стене, пешеходы. Трамваи пустели, как мертвецы, на пустых рельсах. Бил грохот за грохотом, свист выл за свистом, и великаны бросали с невиданной высоты груды адских досок, которыми уложена преисподняя.

Это двойное варварство, Гитлера и Сталина, продолжалось теперь изо дня в день, часами, по всем районам одновременно. Кровь стыла в жилах города.

История знала осады и катастрофы. Но еще никогда человеческие бедствия не бывали задуманы в виде нормативного бытового явления. Радио запрещало всякое уличное движение. Оно требовало, чтоб население укрывалось. Однако опаздывать на службу было недозволено. Всё и все были на своих местах. Никаких скидок человеку не делалось.

И русский человек покорился. Он служил смерти, как и чеке. Как советскую власть, он ругал обстрелы, он боялся обстрелов, как советской власти. Он подчинялся обстрелам и молча умирал в расцвете дня и здоровья, как умирал в застенках чеки, в изнуреньях концентрационных лагерей. Он все переносил в неслыханном героизме безличья.

Но там, где русский человек оставался с глазу на глаз не с властью, а с человеком, он становился зверем. Из него выпирал весь его рабский терпеливый крик. Грубость и злоба жен-

щин в очередях, на рынке, в трамвае, у дворового крана была поразительной, изумлявшей своими дикими формами.

Власть нещадно мучила их, этих морально опустошенных людей, выветренных дотла. В отношении к наглым продавщицам, к завмагам, к наглым управхозам они были кротки пуше Франциска Ассизского. Малейший протест против властей, даже самых микроскопических, вызывал их бурное и злобное к «протестанту» заступничество за власть. Нельзя было ни критиковать, ни жаловаться, ни добиваться улучшений: не давала унтер-офицерская жена. Но шепотом и за спиной они на все лады поносили и ненавидели власть.

Их загоняли на «казарменное положение», отрывая от дома и семей, слали на каторжные торфозаготовки, заставляли заниматься тяжелым огородным трудом. Еще недавно мы, по словам агитаторов, догнали и перегнали нашей индустрией Америку. Теперь страна жила в каменном веке. Она вся занималась не только земледелием, но повсеместно кормилась огородами. Но люди, проделав тяжелую и грязную работу сева, отрывались от своих огородов и усылались на торфоразработки; их труды, их пропитание гибли. Впрочем, уцелевшие огороды подвергались нещадным кражам. /.../

Говорить о голоде запрещалось. Это считалось неблагоприятным. Если служащий добивался чего-нибудь к обычной карточке или жаловался на недостаток сил, ему угрожали «сообщить, куда следует», и напоминали о соответствующих репрессиях, включая высылку или штрафные батальоны. /.../

Как мы жили? Как мы прожили эти годы? Наравне со всеми: в будущее не заглядывали, — о завтрашнем дне не думали. Погибающие люди научились жить вершками, не сговорившись. Время скорчилось и застыло судорогой. Оно измерялось обрывками и лоскутами. Жизнь состояла из стружек времени, и это берегало, как упаковка яиц или стекла. Мы шли за секундами и получасами, глядя только под ноги, словно на перевале из скользкой грязи; за шаг вперед никто не смотрел и головы не поднимал. /.../

Впрочем, народ утешался водкой. Государство, вместо хлеба и еды, стало выдавать каждый месяц водку. Истощенные быстро пьянели. Это было начало организованного спаиванья людей, гнуснейший вид налога. /.../

Праздник прошел в том, что с утра до ночи, под сильнейшую канонаду, по радио читали приказ Сталина, а также его речь накануне. Без преувеличения, Сталин рецитировался десятки

раз. Это был Сталин туда и Сталин сюда, Сталин тут и Сталин там. Вся жизнь людей, весь быт людей, весь отдых людей фаршировались, как колбаса, этим Сталиным. Нельзя было ни пойти в кухню, ни сесть на горшок, ни пообедать или выйти на улицу, чтоб Сталин не лез следом. Он забирался в кишки и в душу, ломился в мозг, забивал собой все дыры и отверстия, бежал по пятам за человеком, звонил к нему в комнату, лез в кровать под одеяло, преследовал память и сон. О нем уже молились в синагогах и церквях. Он претендовал на самое пространство, вытесняя воздух. Он бил во все колокола рукой своего звоняра — НКВД. Ему всего было мало. Он хотел поклонения, преклонения, культа, всех земель, всех виселиц на свете. Он вечно домогался, давил и претендовал. Он не выносил ничьей жизни, ничьей свободы движения и помыслов. Он алкал ходить по людям и выжимать, как человека, землю. Он всегда занимался собой, трубил о себе, самоуслаждался кровью и пыткой, балалайкой и камаринской. /.../

Страшная жизнь без содержания. Говорят: а наука? а ученики? — Они думают, что наука — изолированная от духа область, какой-то доминион с самоуправлением, государство в государстве. Они не понимают, что наука — экстракт всего сознания в его целом. Чтó ученики и наука для сердца, в котором нет жизни?

Бетховен, оглохнув, продолжал творить звучание звуков. Когда дух жив, даже оглохший может создавать звонкие сочтения. Но разум, глаза, руки бессильны, когда сердце пусто. Я могу хорошо работать, я физиологически еще не угасла. Зимой были дни, когда мой мозг освещался необыкновенной ясностью, напоминавшей свежесть и легкость молодости. Но творческая и техническая сила обращается для меня в простое мастерство. Оно уже не захватывает меня и больше не представляется внутренней необходимостью. Были страшные блокадные зимы, а я под одеялами, коченея, сама себя будила с полночи, чтоб лежать с умирающими холодными ногами и хватывать мыслью широкий материал моих будущих работ. Я ходила за мамой, болевшей уже в последний раз, и урывала клочки минут, чтоб что-то записать или подумать.

Теперь у меня много времени. Я брошена в него. Вокруг меня бескрайнее время. Я хочу его отграничить заботой, забить движением в пространстве, но ничто не укорачивает его. Сколько у меня ни было бы дел, время не сокращается. Только поздними вечерами я чувствую некоторое оживление: сейчас кон-

чится один день. Умиротворенная, я ложусь и на семь часов ухожу из времени. Я вижу нашу семью, маму, всегда Сашку.

Только один раз я почувствовала во сне память. Я кинулась к маме, задрожав от плача и блаженно плача; я обнимала ее и переживала сладкий трепет. «Теперь я ничего не боюсь! — говорила я ей. — Мне ничего не страшно! С тобой я могу всё!»

Ужасны утра в постели, первое после ночи сознание. Я здесь! Опять время!

**

Мне было тяжело возвращаться к этим запискам. Они связывались у меня с записью о маме, в блокаду, в преисподней, где бились наши совести против законов физиологии. Но я к ним вернулась, готовая преодолеть самые кровоточащие травмы, чтоб только донести до чернил и бумаги рассказ о сталинских днях. Это — мой посильный протест против удушения человека.

И вдруг эти записки принесли мне чарующее наслаждение. Я попала в имагинарный мир, от которого пахло теми днями, ушедшими навсегда, похороненными. Вот я вижу их, как вместе с маминым гробом их опускают в болото Волкова. Но в них навсегда сохранена наша жизнь, как ужасна она ни была. И, возобновляя записки, я иллюзорно вижу себя за столом в блокаду, с мамой, живыми. Мне кажется, что это те дни. Что я нашла себя. Что я говорю ей и с нею об этом годе нашей страшной разлуки. Что святое пространство, к которому я обращаюсь, и эта абсолютная форма одиночества — это «мы» опять — чистейшая лирика, метафизическое общение будущего с прошедшим.

Лидия Иванова
ВОСПОМИНАНИЯ.
НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

Публикация Д.В. Иванова

Осенью 1920 г. Вячеслав Иванов, после смерти своей жены Веры, не вынесшей трагических лет голода и холода, решил с дочерью и сыном покинуть Москву. В визе в Италию, о которой он хлопотал еще в надежде, что жизнь в нормальных условиях на юге спасет умирающую Веру, ему было отказано. Оставив на хранение друзьям библиотеку, большую часть рукописей и переписку, он воспользовался первой возможностью, чтобы уехать.

Семью приняли на «санитарный поезд», направлявшийся в Кисловодск. Путешествие было долгое, полное неожиданных перипетий, ибо поезд проезжал через места, где еще сражались между собою и подчас разбойничали разные вооруженные отряды. Но и Кисловодск Ивановым пришлось вскоре покинуть из-за вспыхнувших там волнений. Они сели на один из спешно отъезжающих поездов и после новых долгих странствий очутились в Баку.

В письме С.Л. Франку от 3 июня 1947 г. Вячеслав Иванов вспоминал: «В 1920 году, не выпущенный на волю, хоть имя мое и стояло на очереди заграничных командировок, поехал я на Кавказ с фиктивной командировкой дать отчет об университетском преподавании на Северном Кавказе и самовольно явился в Баку. А там был независимый от Москвы университет с хорошим профессорским составом (отмечу с любовью Маковельского), ибо туда тянулись профессора, не желавшие под разнообразными наименованиями дисциплин преподавать единый и единоспасающий марксизм и исторический материализм.

Там мне дали тотчас кафедру классической филологии, там нашел я энтузиастических русских студентов (только книг у нас было маловато), там я напечатал свою книгу "Дионис и Прадионисийство" и, защитив ее перед факультетом, получил от него диплом на звание доктора»¹.

В 1924 г. положение изменилось. Приглашенный в Москву, чтобы принять участие в торжествах по поводу 125-летия со дня рождения Пушкина, В.Иванов получил разрешение выехать с семьей в Италию. Поводом путешествия было посещение советского павильона на международной выставке Биеннале в Венеции. Но конечная цель была — Иванов этого не скрывал — Рим. «Я еду умирать в Рим», — говорил он друзьям, провожавшим его 28 августа 1924 г. Это не означало, что он считал жизнь свою конченной. Но он знал, что в этот последний приезд в Вечный город он найдет в нем «скитаний пристань». Так писал он через несколько недель после выезда из Москвы в первом из «Римских сонетов».

Ивановы — Вячеслав 58 лет, Лидия 28, Дима 12, — поселились в скромных меблированных комнатах в центре Рима. Семья живет дружно, сплоченно, как в России. Но вопрос «на что жить», который постоянно волнует Иванова в его дневниках того периода, становится все более острым. Проекты и надежды на работу появляются и рушатся. Неожиданно, однако, из Колледжио Борромео в Павии, городке в северной Италии, приходит Вячеславу Иванову предложение поселиться в прекрасном ренессансном палаццо, чтобы преподавать французский, английский и немецкий университетским студентам, жившим там. Предвидится также профессура в Павийском университете. В первый раз семейная связь разрывается. Вячеслав Иванов уезжает один, дети остаются в Риме. Из своего павийского изгнания Вячеслав чуть ли не каждый день пишет Лидии и Диме подробные описания своей жизни, своих встреч, шлет и комментирует новые стихи и получает, в свою очередь, подробный отчет о римской жизни.

В печатаемых ниже воспоминаниях Лидии Ивановой и обращенных к ней письмах поэта описываются приезд и первые итальянские впечатления; события внешней и внутренней жизни.

**

¹ ПЕРЕПИСКА С. ФРАНКА И ВЯЧ. ИВАНОВА. Публикация В.С. Франка. -- «Мосты», Мюнхен, 1963, №10, с.363. О жизни В.И. в Баку см.: О.Дешарт. ВВЕДЕНИЕ. — в кн.: В.Иванов. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, т.1, Брюссель, 1971 (далее указываются только том и страница этого издания); Н.В. Котрелев. ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ — ПРОФЕССОР БАКИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. — «Труды по русской и славянской филологии», XI. «Ученые записки Тартуского государственного университета, вып.209, Тарту, 1969, с.326-339.

ПАНСИОН «РУБЕНС»: РИМСКИЙ И МОСКОВСКИЙ ОЗОН

Первое пристанище наше в Риме был пансион Рубенс, кажется, находящийся тогда на виа Бельсиана, около Испанской площади. Адрес мы получили еще в Москве. Мы попадаем в Рим в самый замечательный его сезон: сентябрь, октябрь. Утром вижу еще из постели, как солнышко через скважины ставень радостно играет золотыми струйками по кирпично-красному каменному полу. В пансионе живут два русских служащих советского посольства. Один старается нас познакомить с Италией, — «Итальянцы вовсе не лентяи, как говорят, невероятные работяги. Главное для них добывать деньги». «Байокки, байокки»*. К этому служащему приезжает после короткой побывки в России жена. — «Ну, как там?» — «Озоном подышала, душу отвела». Вот как сделан свет: ей там озон, а нам кажется, что озон в Риме.

В пансионе живут также и итальянцы. Молодой женский голос провозглашает: «Buona sera, signor capitano»**, и мы с Димой прислушиваемся, стараясь усвоить хорошее произношение и певучую каденцию языка. Русский бы сказал ясно Buona sera, а конец фразы проглотил бы и произнес невнятно; а итальянец, наоборот, повышает к концу фразы и capitano отчеканивает.

На третий, четвертый день нашего приезда политическое событие: на днях в Париже фашисты убили известного итальянского деятеля-коммуниста. Теперь в отместку в Риме коммунисты убили видного фашиста. Это было в трамвае, он упал на руки своей дочки — подростка лет четырнадцати. На сегодня объявлены его похороны. По обеим сторонам Corso собралась довольно густая толпа. Посреди улицы идет кортеж торжественно и мрачно: солдаты, военный оркестр, знамена; а за катафалком сам Муссолини со своими приближенными. Мы стояли в первых рядах зрителей. Вячеславу шепнули тихонько на ухо: «Вот этот, это — Муссолини». Дима был еще мал ростом, и не услышал и потому не увидел его. Когда он это узнал, он страшно на нас обиделся, однако торжество процессии ему чрезвычайно понравилось, и он даже заявил: «Пожалуй, монархия лучше, чем республика».

Пребывание в пансионе было короткое.

*

* Денежки, денежки (итал.).

** Добрый вечер, господин капитан (итал.).

Мы сразу начали искать постоянное жилище, и его нашел Вячеслав. Вячеслав был до того не приспособлен к практической жизни, что не сумел бы себе не только яйца приготовить, но даже воды скипятить, чтобы заварить чай. Да никогда ему и не пришлось этого делать. Но что было забавно, это то, что он великолепно умел торговаться, делал это с увлечением и всегда очень успешно. Помню, как в один прекрасный день, когда мы жили в Павии, было решено сшить мне вечернее платье. Вячеслав отправился с Ольгой Александровной¹ и со мной покупать черный шелк. Он ничего, конечно, в шелках не понимал, но важно спросив цену, сразу возмутился ответом и предложил половину. Переговоры с торговцем длились бесконечно. Голоса настолько повысились, что казалось, что все дойдет до катастрофы, а неожиданно все кончилось полной дружбой, Вячеслав настоял на своем, и торговец воспылал к нему уважением и любовью.

Квартиру нашел Вячеслав и сговорился обо всем с хозяйкой, которая должна была нам стряпать и счет расходов приносить всегда ему лично.

На нем лежала тогда тяжелая забота: на какие средства мы сможем жить? Кроме того, он явно старался освободить меня от хозяйственных работ, чтобы я всецело могла отдаться композиции. Этим он всегда очень дорожил.

НАШ СОСЕД БЕНИТО МУССОЛИНИ И ЕГО МУШКЕТЕР МАРИО

Наша милая квартира находилась на *via Quattro Fontane* № 172, два шага от *Piazza Barberini* с ее поросшим мохом и тинами Тритоном. Теперь его стали чистить каким-то химическим снадобьем, и он мерзнет, голый, несчастный и непристойный. Дом был старый, со стенами, украшенными орнаментальными выцветшими фресками. Внизу контролировала входящих швейцариха-ябедница, та самая, которая обвиняла Мейерхольда в неморальности за то, что он целовался на лестнице с Зинаидой Райх². Лестница была благовидная, хотя скромная. Подниматься нужно было на пятый этаж и позвонить в дверь с медной дощечкой, где значилось: *Maria Cianfarani, vedova Placidi**.

Открывала дверь синьора Плачиди и неизменно рассыпалась радостными приветливыми восклицаниями. Ей всегда было

* Мария Чианфарани, вдова Плачиди (итал.).

душно, она щедро откидывала обношенное, непонятого цвета платье, чтобы прохладить вспотевшие полные плечи и немного выступающие груди. Она впускала нас в крошечную переднюю, затем в коридорчик, заставленный по обеим сторонам сундуками, корзинами, всяким скарбом, потом в маленькую крошечную комнату, которая служила ей и ее сыну столовой и где в буфете, среди стаканов и графинчиков, сидел большой белый и злой кот, и наконец, доводила нас до нашего жилища. Оно состояло из трех комнат. Первая — проходная, была вся занята большим обеденным столом. Сбоку были втиснуты с одной стороны выцветший красный бархатный диванчик, а с другой — трюмо с большим зеркалом. Окно выходило на дворик дома шотландских семинаристов. «Тут были огромные деревья, полные певчих птиц. Стоял весь день хор щебетаний, но ректор семинарии велел срубить деревья — птицы, мол, мешают ему спать», — рассказывала синьора. Из этой комнаты можно было пройти налево — к Вячеславу, направо — к нам с Димой. Здесь, кроме двух кроватей, помещался большой и чрезвычайно старый рояль, взятый мною напрокат. Крошечную комнату Вячеслава с венецианским окном нельзя лучше описать, нежели он сделал это сам в своем римском дневнике.

«Мне хорошо и уютно в новой комнатке, которая представляется мне порою то каюткой, то отдельным купе вагона, — и тогда чувство *bien être*'a* еще острее. В Баку в четыре года не имел такой милой *scrivania***», располагающей к писанию. Забываю, что окно — дверь в пространство, огражденное балконной решеткой. В нашем *salottino**** и повернуться нельзя, но в нем рояль, на котором Лидия сочиняет, странно пифийски бормочет на клавишах под сурдинку»³.

Пол был мощен, как во многих итальянских домах, так называемыми *matonelli* — маленькие плитки майоликового кирпича. У синьоры Плачиди все было старинное, и пол образовывал постоянно лысины — места, из которых выскочили плиты. Сверху синьора постилала деревянные доски, чтобы удобнее было ходить. Нам казалось, что наша квартирка была идеальным и уютнейшим гнездышком, но она, по-видимому, произвела впечатление крайней нищеты. В 1928 году присуждалась премия в 1000 лир (в то время довольно крупная сумма) лучшему студенту курсов композиции в *Santa Cecilia*⁴. Двое моих това-

* чувство удовольствия, приятности (фр.).

** письменный стол (итал.).

*** крошечная гостиная (итал.).

ришей, конкуренты по получению премии, как-то зашли ко мне, пришли в такой ужас от нашей квартиры, что дружно настаивали, чтобы премия была выдана именно мне.

Профессор Петр Семенович Коган, президент Государственной Академии Художественных Наук, посетил моего отца⁵. Та же реакция, и благодаря его хлопотам Вячеславу была назначена от Академии субсидия.

Стряпала г-жа Плачиди вкусно. Обед, по требованию Вячеслава, был всегда тот же самый: fettuccine* с маслом и с пармезаном, бифштекс с салатом и картошкой, кофе. Кофе у нее не был блестящий, она его оставляла в кофейнике в горячей золе и предоставляла ему тихо кипеть часами со всей гущей. Стряпала она на деревянных углях, которые раздувала веером из петушиных перьев. Веер был весь обципан. Мы с Димой как-то решили ей подарить новый; она страшно обиделась и бросила его куда-то в угол. Она была против всяких новшеств. Зимой без отопления (которое было большой редкостью в римских домах того времени) было очень холодно. Мы купили керосиновую печку. Синьора очень рассердилась: «Мы всегда жили без этого». Каждый день, проходя мимо печки, она ненароком давала ей маленький пинок ногой. Самой драматической стычкой с консервативностью нашей синьоры было столкновение по поводу уборной. Она была построена в виде деревянной маленькой кабинки, опирающейся на две узкие балки, прикрепленные к внешней стене дома. Под балками кабинки была пустота до самого основания дома. Я заметила, что кабинка уборной становилась с каждым днем все более и более наклонной. До того, что нужно было опираться на ее стенки, чтобы стоять. Посмотрев на нее из окна лестницы, я увидела с ужасом, что балки были совсем гнилые и наполовину надломлены. На наши жалобы синьора Плачиди начала бурно протестовать: «Я тридцать лет живу в этом доме, и никто никогда этого не замечал!». — «Мы пожалуемся консьержке». — «Боже сохрани! Ей ни слова! Она любовница самого синьорино» (синьорино она называла жирного, пятидесятилетнего хозяина дома)⁶. Все же мы так настаивали, что в один день явилась целая комиссия: синьорино, консьержка и инженер. Вердикт: входить в уборную — смертельная опасность. Вход воспрещен. На двери повешена печать. Балки будут менять. Смена балок длилась много дней, а пока что нам приходилось пользоваться публичными уборными на соседней площади Барберини.

* плоские и длинные макароны (итал.).

Синьора Плачиди была вдова и жила вдвоем со своим единственным сыном Марио. С мужем она провела очень тяжелые годы. Он ее постоянно покидал и отправлялся в какие-то далекие путешествия, где не только промотал все их небольшое состояние, но еще приобрел какую-то тяжкую болезнь. Долгое время синьора Плачиди ухаживала за ним весь день, и всю ночь не смела сомкнуть глаз, трепеща от страха за сына: муж спал рядом с заряженным револьвером. Он заявил, что, когда почувствует, что умирает, он застрелит сына и жену. «Как вы, незащищенные сиротки, сможете жить без меня?» Оставшись вдовой, синьора Плачиди всецело посвятила себя своему сыну. Добрые священники-иезуиты приняли даром ее сына в Collegio Massimo, в самую аристократическую школу Рима, и всячески ей помогали. Марио было довольно не по себе в школе — товарищи были все либо аристократы, либо дети богачей. Но главной бедой было то, что, как Марио ни старался, у него ничего не выходило с учением. Пришлось оставить школу на полдороге.

Когда мы поселились на *via Quattro Fontane*, Марио был двадцатилетним застенчивым и нежным красавцем, — казалось, прямо соскочившим с итальянской фрески. Он ничего не делал весь день, но гордился, что был записан в мушкетеры Муссолини (*moschettieri del Duce* — 50 юношей-добровольцев, составлявших личную гвардию Дуче). Фашисты стали во главе Италии лишь в 1922 году. В 1924 году это было еще молодое, не абсолютно укрепившееся движение, увлекавшее многих молодых энтузиастов. В торжественных случаях Марио надевал свой черный, расшитый серебром мундир, черную феску, за пояс кинжал, и, если это вообразимо, становился еще более красивым. Сам же Муссолини в те годы жил совсем близко от нас в квартире, принадлежащей сенатору Титтони, и из наших окон можно было любоваться через красивый двор на терраску его кухни. Мимо нашего подъезда мы часто видели его возвращающимся верхом с прогулки. Понятно, что весь квартал был полон полиции. Мы с Димой даже узнавали шпиков в лицо и давали им прозвища. «Кто сегодня внизу, Пеппино?» — «Нет, Чиччо».

Синьора Плачиди относилась к нам по-матерински. Диме давала всякие ласковые прозвища. Называла его, например, «Чечевица», русское слово, которое она выучила и которое ей очень понравилось. Звала его тоже «*Rapocchio*» — лягушонок, так как он любопытствовал, как это люди едят лягушек. Поэтому в один прекрасный день к обеду появилось блюдо из них, и мы все трое не без ужаса должны были протыкать вилкой на наших

тарелках формы, столь похожие на человеческие бедра в миниатюре.

В первые два года римской жизни я очень много работала по композиции. Это приводило в ужас синьору Плачиди: «Учиться очень, очень вредно. Я знакома с одной девушкой; как вы, она была ученицей консерватории, но еще, кроме того, записалась и в университет. Все училась, училась. И что же? Сошла с ума. Теперь она в сумасшедшем доме». Эта ненависть к школьному учению была сильно распространена в Италии. Говорилось: «После долгих лет учения, стольких лет тяжелых жертв». Нам было это странно слушать. Выехали мы из России в период, когда исключали из университета студентов «буржуазного происхождения». Многие умоляли им только позволить учиться, отказываясь от всяких дипломов. Были случаи самоубийств. А в Италии знаменитый философ Джованни Джентиле⁷, друг Муссолини и министр народного просвещения, провел реформу школ. Были сильно расширены все программы и в особенности изучение латинского и греческого языков. Среди молодежи стоял вопль. Многие не осиливали школу, и, по словам синьоры Плачиди, были и самоубийства.

Перед концертом, где исполняли симфонические произведения выпускников, она меня застала поздно вечером работающей над партитурой. «Бросьте, идите спать». — «Но завтра это должно быть готово. Если я пойду спать, кто за меня это делает?» — «Кто сделает? Миссио (по-итальянски — киска), Миссио сделает это ночью». Этот ответ привел в восторг Вячеслава, и мы потом всю жизнь употребляли это слово. Миссио есть подсознательный работник, он же муза, вдохновение; работает он преимущественно во сне, когда мы ему волю даем, не мешаем.

Синьора Плачиди зорко наблюдала за нашими друзьями, готовая нас предупредить и спасти, если мы доверялись нехорошим людям. Она особенно строго относилась почему-то к итальянцам и покровительствовала иностранцам. Она уважала Ольгу Ивановну Синьорелли⁸, жалела, как ребенка, виолончелиста Огорокова (моего бакинского приятеля, который старался устроиться в Риме, но потом уехал в Париж). Она высокомерно относилась к милому нашему другу поэту Дамиани⁹ — итальянцу, хотя он был директор Библиотеки в Парламенте. Она безапелляционно осуждала за то, что он холостяк, профессора Петаццони¹⁰, несмотря на то, что он был академиком. «Ах, оставьте, профессор, — говорила она Вячеславу, — если, дожив до такого возраста, мужчина не женился, не обзавелся собственной семьей, от него ничего хорошего нельзя ожидать. Это плохой

человек, будьте осторожны». Синьора Плачиди не знала тогда, что у Петаццони была многие годы тайная любовь, он боялся жениться, чтобы не поразить горем свою ревнивую мать, и только когда та умерла, он уже в почтенном возрасте наконец женился. Если бы синьора Плачиди знала это, она бы прослезилась от умиления...

Из дневника Вячеслава видно, как, несмотря на счастье, которое он испытывал от сознания, что живет в Риме, он был угнетен заботой о нашем будущем. Вот отрывки из его дневника 1924 года, от 1 декабря.

«Итак, мы в Риме. Мы на острове. Друзья в России — *ragi nantes in gurgite vasto**. Чувство спасения, радость свободы не утрачивают своей свежести по сей день. Быть в Риме — это казалось неосуществимым сном еще так недавно! Но как здесь остаться, на что жить? Чудо, ожидавшее меня за границей, чудо, воистину нечаянное, еще не обеспечивает нашего будущего. Во всяком случае, возвратить в советскую школу моего ненаглядного Диму было бы прямым преступлением. Итак, одному опять нырнуть *in gurgite*? Не значит ли это испытывать судьбу? Нырнул сызнова в пучину спасенный — *der Taucher* и уже не вернулся». От 3 декабря: «Как бы наладить заработок?»

Перейти на положение эмигранта Вячеслав не хочет. В продолжение многих лет он отказывается печататься в зарубежных русских журналах. Он обещал Луначарскому при получении визы, что не будет — по крайней мере в начале своей жизни за границей, печататься в антикоммунистических органах.

Из России приходят предложения вернуться. В Москве, Петр Семенович Коган надеется, что Вячеслав захочет стать членом Академии художественных наук. Вячеслав подумывает даже, не должен ли он один вернуться в Баку. Но весть от университетского приятеля вдруг снимает все сомнения, и самым неожиданным образом: «Сегодня из полученного от Зуммера¹¹ письма я узнал, что связь моя с Бакинским университетом¹², — связь «потенциальная», правда, — окончательно разорвана, ибо, по предложению студенческих (!) коммунистических организаций словесное отделение *упразднено*, о чем и объявление вывешено. У меня от сердца отлегло сомнение: чего де ты в Баку не едешь, для семьи "честным" (?) трудом не зарабатываешь? *Nun bin ich vogelfrei*, т.е. "волен как птица", как говорилось у немцев об опальных и изгнанниках» (письмо от 7 января 1927 г.).

* Немногие пловцы в безмерной стремнине (лат.)

К ГОРЬКОМУ В СОРРЕНТО: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ

От Максима Горького приходили предложения литературного сотрудничества. Вячеслав решил поехать к нему. 28 августа 1925 года из Сорренто он подробно описывает свое путешествие.

«Сегодня Успеньев день и годовщина нашего выезда из Москвы, дорогие товарищи! ”Ри-га, Рри-гга!“¹³ Я проснулся в 9 часов и хотел опять заснуть, но матерая хриплая цикада сказала мне из садика: ”Пора, пор-ра!“ Пишу перед дверью на террасу, в довольно большой и уютно обставленной квадратной, сводчатой, белой комнате, в ней, кроме входной, две двери, закрываемые соломенными жалюзи. Одна дверь ведет в оливковый садик, увитый крупными темнолиловыми глициниями; другая на террасу, откуда видна мутно-бирюзовая бухта (сегодня, 29-го, она уже сапфирная), Сорренто, растянувшийся на уступе отвесных скал и глядящий из своих садов, как Нарцисс, в море, а за ним великолепные каменные громады в фиолетовой дымке, тогда как ближайшие высоты покрыты оливами. Среди этих громад примечателен гигантский кряж, напоминающий мумию, египетский профиль ее головы с крутым затылком глядит в небо, линия шеи глубоко вырезана от подбородка, женская грудь высоко поднята, ноги вытянуты. С мумией сравнивал этот кряж Максим Горький. Кругом глубокая, ночная нега и тишина роскошно покоящегося, ленивого Юга; только цикада вдруг заскрежест, да дико заревет с дороги осел. За дорогой налево, под террасой, вилла 18-го века, где живет Горький, с глубокой аркой лоджии и неуклюжими белыми украшениями рококо на желтых стенах; за ней огромный сад, спускающийся до моря. С террасы Горького видно не только то, что видно у меня с террасы, но еще и величавый Везувий за голубым заливом с белой линией городов, вытянувшихся у его подножия, от Кастеллармаре, Торре дель Греко, Резины, Портичи, Неаполя, Поцуоли, Бай до Мизенского мыса. И все под голубой вуалью.

Неописуемо хорошо!

Вчерашний день, конечно, был утомителен. Уснул я только в 4 часа, а в 7 1/2 разбудила меня S-га Magia. Заботливо и нежно она снарядила меня. Прибыв на извозчике на Stazione, увидел я поодаль дефилирующую чету наших знаменитых и любознательных путешественников¹⁴, с коими накануне вечером нежно распростились. Одновременно со мной чета выезжала с прямым поездом в Берлин. От четы отделилась собачка и прибежала

меня приветствовать. Кстати, ради Бога, не говори Кролям¹⁵ ничего о предстоящей беглецу участи: они делают из этого большой секрет».

«Суббота, 29-го, перед обедом:

Снабдив себя (за 8 лир) аппетитным *cestino**, где был и хлеб, и много вкусной колбаски, и кусок ростбифа, и сыр *сгѐте*, и яблоко, и *фьяскетто* с белым *Castelli*, я удобно уселся в полупустом поезде и не хотел читать, но с большим удовольствием и любопытством стал глядеть на горы, через которые мы переваливали. Миновали священный для религии и для филологии (библиотека рукописей!) бенедиктинский монастырь Монте Кассино. Тревожился я только густою мглой, через которую героически голубела кое-как южная лазурь, при ярком солнце: боялся я, что мгла эта потушит волшебные краски Неаполитанского залива. Въехали в большой, неуютный, шумливый, грязный Неаполь. На трамвае доехал я в порт, но до пристани Соррентского парохода пришлось мне очень долго — минут 20 — пробираться через рельсы с вагонами, ждущими разгрузки на громадные суда, между носильщиков, повозок, грузовиков, скота, — пока, наконец, не очутился я среди элегантнейшей публики на палубе большого парохода со стаканом *café glacé* в руках. Муратов¹⁶ хорошо присоветовал мне сесть на 4-х часовой пароход, идущий в Сорренто не прямо, а вдоль всего берега Соррентийского полуострова, ибо этих мест я раньше никогда не видал, а они изумительно красивы. Но сначала долго плыли мы мимо Везувия. *Ce grand vieillard, sournois et méchant, mais si coquettement bleu, ce géant malicieux et charmeur*** надвигается уже из-за первых огромных и прокаженных домов города у вокзала: он медленно попыхивает белыми облачками; над срезанной вершиною конуса вырастает белый шар, или коринфская капитель, и потихоньку расплывается, выпихиваемая новым белым клубком. Проплыв мимо Везувия, пароход прямо устремляется к отвесным скалам впереди, оставив налево бухту белеющего в далекой низине Кастелламаре, и движется вдоль почти сплошной высокой каменной стены с пещерами, заливаемыми волною. У четырех разнообразно и причудливо расположенных по берегу селений до Сорренто происходит высадка пассажиров: к пароходу подплывают большие лодки и, подхватив путников, скрываются в скалах. Над отвесными утесами громоздятся замки, церкви, виллы,

* Корзинка с провиантом, продававшаяся на вокзале.

** Этот благородный старец, угрюмый и злой, но столь кокетливо-голубой, этот хитрый чарующий гигант (фр.).

по оливетам* горных склонов. Мгла потушить краски не могла, море синело, хотя к закату солнце спряталось за медными тучами. Вышед в Сорренто из лодки, хотел я сесть в автобус на Капо**, но подскочил человек, спросил, не в Минерву ли я еду, не к Максиму ли Горькому, и предложил отельный автомобиль, в который затем погружены были еще три англичанки. Мы полетели сырыми и дикими коридорами между скал, забираясь зигзагами в гору (Сорренто показалось вовсе не "сладким", как я его воображал, а диким до неуютности), и, проскочив через городок, покатались по рампе над морем. Минерва оказалась милой, простой и комфортабельной одновременно. Тариф (или, как Лидия пишет: тариё) 38 лир в день, кормят хорошо и очень сытно.

С террасы Горького нас завидели. Я сейчас же пошел к нему, встретил он меня очень сердечно и оставил у себя обедать. После виски был подан борщ. Сразу же коснулись вопроса о журнале. Ему предложили из Советской России издавать на государственный счет журнал, который составляться будет им за границей, а печататься в России. Он ответил согласием при условии, что ему будет предоставлена безусловная свобода, что цензуры над ним не будет. Ответ еще не получен. При этом Горький заявил мне, что, допустив своеволие, за которое извиняется, он поставил, между прочим, условие, что редактором отдела поэзии должен быть Вячеслав Иванов. Я ответил, что прошу его на этом условии отнюдь не настаивать, тем более, что я еще не уверен, что могу принять на себя это трудное по тактическим причинам дело и даже если бы принял, не хочу нести один эту ответственность, а непременно с ним вместе, так что я был бы скорее его советником и предоставлял бы ему окончательные решения, — на что он ответил: "Благодарю вас". В тот же вечер мы уже успели поговорить кое о чем важном и принципиальном, в большом согласии, и, кроме того, по моему настоянию, состоялось необычное в его доме дело: он читал свои вещи, а именно повесть "Тараканы", которая потом обсуждалась. Это было в четверг, а вчера, в пятницу, была прочтена "Безответная Любовь", сегодня, ибо я кончаю письмо по возвращению от него, в два часа ночи, — "Голубая Жизнь".

Впрочем, за поздним часом, умолкаю. Мы гармонизируем больше, чем я ожидал. Он, вопреки моим ожиданиям, совсем моляж, без седых волос, с рыжими усами, высокий, тонкий,

* масличные рощи.

** Capo di Sorrento — местность, где жил Горький.

чрезвычайно скромнен, — уверяет, что учится писать, ибо еще не умеет, — ни следа старости или размяклости, сердечно вдумчив, часто глубок, похож по душевной проработке и просветленности на человека христианского подвига.

Но довольно! Упомяну только, что сегодня написал он, по моей просьбе, своей первой жене, Екатерине Павловне, работающей в Красном Кресте и, по его словам, пользующейся огромным влиянием на Дзержинского и его компанию, чтобы нашему Сержику¹⁷ выдали без затруднений заграничный паспорт. Он надеется, что письмо (espresso-Luftpost) еще застанет ее в Москве, откуда в первых числах сентября она выезжает в Сорренто в гости, как приезжала и прошлый год. "Я с нею в самых дружеских отношениях, — прибавил он, — как и с Марией Федоровной Андреевой, с которой я жил десять лет; мне удавалось избегнуть с близкими женщинами драм"... Сын его зовет его "Алексеем". Но здесь я решительно побил рекорд, ибо мой сын именует меня в репримандах "mon fils"* — мальчики, Павлик и Эрдман хохотали от души, когда я сообщил им за обедом эту цитату из Димы (о социальном положении "опущенных" маркизов Квинтилиев)¹⁸. Завтра я подговаривал Макса (Максима Алексеевича Пешкова, сына Горького от Екатерины Павловны) свозить меня и милую Валентину Михайловну Ходасевич¹⁹, любительницу таких путешествий, на знаменитой мотоциклетке в Амальфи, где я никогда не был; но в воскресенье нельзя, — опасно, ибо автомобилисты устраивают по приморской дороге бешеные гонки, и решено ехать в понедельник. Из-за этого отложу отъезд — должно быть до среды. Еще здесь Кауны (американский профессор, по признанию Горького, ему сильно надоел, он все его интервьюирует и записывает, составляя с его слов курс новейшей литературы для Калифорнии, — между тем как миссис Каун работает над бюстом знаменитого человека). Очень рад Катилине и Цирцее, но этого мне мало, нужно сделать много, много thèmes²⁰. Также помнить о действиях над простыми дробями, тройном правиле, процентах и прочее, а равно и о Телемаке...»

Из проектированного Горьким журнала ничего не вышло. По приглашению Горького В.И. собирался сотрудничать в берлинском журнале «Беседа»²¹, но журнал этот в скором времени прекратился²². /.../

Долгое время шли разговоры о проекте, крайне привлекательном Вячеслава, о переводе всей «Божественной комедии»²³.

* мой сын (фр.).

Но из этого ничего не вышло. Говорилось также и о возможности нашего переезда в Египет. Филологический факультет университета Каира хотел пригласить Вячеслава. Но этому воспрепятствовал его тогдашний советский паспорт. Затем все было налажено, казалось, с ординарной профессурой в Кордове, в Аргентине. Уже говорили об отъезде, но, как это нередко бывает в этих странах, в Аргентине случился государственный переворот. Приглашение в Кордову было аннулировано.

РАЗЛУКА. ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ, ОДИН, «ИЗГНАН» В КОЛЛЕДЖИО БОРРОМЕО

Весь этот мучительный период кончился осенью 1926 года, когда совершенно неожиданно пришло Вячеславу приглашение от священника Леопольда Рибольди приехать в Павию, чтобы там жить и работать.

Дон Леопольдо Рибольди (1885-1966), ректор Колледжио Борромео в Павии, был тогда еще совсем молодым. Он был худой, среднего роста, брюнет, с живыми, постоянно загорающими глазами, с красивыми чертами лица, гибкий; он жадно изучал каждого нового любопытного для него человека, старался вжиться в его судьбу, выдумывал за него цели, к которым тот должен был стремиться, и в своем увлечении часто страшно преувеличивал его способности. Заинтересовавшись человеком, он ему не давал покоя, требуя от него все большего и большего. Он говорил: «Я люблю найти огонь в людях и, когда найду, стараюсь его разжигать». Он был великодушный, смелый, опрометчивый. Любил сочетать людей, выдумывал иногда совсем неожиданные предприятия. Иной раз талантливо, и все выходило; иной раз неудачно, и кончалось ему во вред. Но он никогда не унывал, не останавливался и, оставляя старые увлечения, предавался новым. Эта потребность постоянного волевого движения, думается мне, была у него отчасти врожденной, а отчасти зависела от внутреннего отсутствия душевной гармонии, побуждающей его искать ее вне себя. Он принадлежал к поколению священников «модернистов», перечитал всю французскую литературу этого движения; учился он в Риме в Ломбардской семинарии, где находился в свое время и знаменитый священник модернист Буонаюти²⁴. Он с ненавистью рассказывал про своих руководителей и их педагогические методы. После такой студенческой подготовки, опять-таки предполагаю я, нелегко было стать священником и руководить людьми. Отец Рибольди очень много

читал и создал себе большую культуру. Принадлежал он родом к высшему обществу, имел изысканные манеры, поэтому при его доброте и чуткому интересу к людям с ним было всегда невероятно легко, интересно и весело.

Один из наших хороших друзей, к сожалению, не помню — именно кто (быть может, Николай Оттокар²⁵), заговорил с отцом Рибольди о Вячеславе, объяснив ему, кто это такой, советуясь, как бы ему помочь. Отец Рибольди сразу загорелся, заинтересовался, решил ему помочь и устроить его близко от себя. По соглашению с руководящим советом Колледжио он пригласил его в Павию с поручением помогать студентам в их научных работах и читать с ними французских, английских и немецких классиков. Кроме того, отец Рибольди сильно способствовал тому, что Павийский университет предложил Вячеславу читать курс по русской литературе.

Это была помощь свыше. Хотя Вячеславу и жаль было покидать на время Рим, но с его сердца скатилось большое бремя.

Колледжио был создан князьями Борромео. Их цель была дать пятидесяти юношам бедных семей Ломбардии университетское образование. Выбор этих пятидесяти студентов происходил посредством специального конкурса. Победители становились гостями Колледжио и могли в нем жить до конца своего учения. Они посещали Павийский университет. Чтобы иметь право на пребывание в Колледжио Борромео, требовалось получить максимальные отметки на всех экзаменах.

Колледжио Борромео — настоящий дворец, перл архитектуры. Его сады расположены вблизи реки Тичино. Вячеславу было отведено в palazzo целое отдельное помещение из 2-3 комнат. Стены палаццо были такие монументальные, что в амбразуре окна, внутри стены, оставалось целое свободное пространство, и Вячеслав в него вставлял стул и столик, где он любил сидеть и работать. Как и во всем палаццо, у Вячеслава висели на стенах в тяжелых золоченых рамах драгоценные картины, на полу были разостланы прекрасные ковры, а высокие потолки радовали взгляд своими кессонами и расписными сводами. Входящий в палаццо вступал в очаровательный обширный двор, окруженный высокой колоннадой, прекрасный образец архитектуры Возрождения. В нижнем этаже была капелла, где ректор служил каждое утро для желающих обедню. Были разные залы для студентов, обширная библиотека. За трапезами соединялись все вместе: ректор и Вячеслав сидели тут же, но за отдельным столиком, Вячеслава забавляло, как студенты за обедом хором выкрикивали: «Er-ba! Er-ba!» (травы! травы!). Они тре-

бовали, чтобы им принесли овощи. Сам он этому совсем не сочувствовал, он любил мясо. В Колледжио Борромео женщинам запрещено было жить, и потому во время академического года мы с Вячеславом были разлучены и оставались с Димой в Риме.

Дон Рибольди не остался много лет в Колледжио Борромео. После него были другие ректоры, но благодаря ему Вячеслав вошел органически в состав Колледжио и остался там до своего семидесятилетнего возраста, в котором по итальянским законам профессора уходят в отставку. До этого он жил в течение всего академического года в Павии и ездил в Рим лишь на каникулы. Последний ректор, с которым Вячеслав дружил, был ученый библист и гебраист монсиньор Ринальдо Нашинбене.

Колледжио с любовью и гордостью вспоминает пребывание Вячеслава; во время торжественного празднования столетия его рождения была открыта мемориальная доска в стене колоннады двора.

Дон Рибольди после глубокого внутреннего кризиса принял решение сделаться монахом (до этого он принадлежал к белому духовенству). Ему захотелось войти в орден Розминьянцев²⁶. Он открыл это свое желание своему духовному руководителю, кардиналу Шустеру, архиепископу Миланскому. Но кардинал не одобрил его выбора и советовал сделаться доминиканцем, сказав, что Доминиканский орден сейчас в упадке и поэтому нуждается в притоке свежих сил. Отец Рибольди прожил еще долго, делал различные работы для ордена. Последние его труды были направлены на спасение от полной гибели фрески Тайной Вечери Леонардо да Винчи. Он участвовал в организации многолетних работ по реставрации ее и церкви Санта Мария делле Грацие, полуразрушенной во время войны.

В первый раз я лично посетила Колледжио Борромео на Пасхе 1927 года. Дон Рибольди пригласил нас с Димой на два дня, чтобы мы могли поведать Вячеслава. Позвал он меня в большом секрете — присутствие женщин в Колледжио было строго запрещено. Были чудные весенние дни. У ворот нас строго и благосклонно приветствовал Garlaschelli, старый, усатый и маститый швейцар, служащий в Колледжио с незапамятных времен. Вячеслав был веселый, радостно водил нас по всему дворцу и повел знакомиться с ректором. Дон Рибольди, как хозяин, был очарователен, гостеприимен, ласков и притом скромно отходил в сторону, чтобы не мешать интимности нашей встречи. Его благородный облик, соединенный с окружающей аристократической красотой Колледжио, навел меня на образ утонченного

древнего «тирана». Позже, когда мы с ним ближе сдружились, я его иногда шуточно так называла. На Пасхе Колледжио был пуст: студенты разъехались по домам; остались лишь двое или трое. Им на следующее утро после нашего приезда Дон Рибольди поручил нас покатать на гребной лодке по Тичино. Это была незабываемая прогулка по весенним, широко разлившимся заводям. Лодка то скользила по широким, глубоким водам, то входила в узкие заросли кустарников. Пар, стоящий в воздухе, был пронзен обжигающими солнечными лучами, природа просыпалась. В этот же день у меня с Дон-Рибольди состоялась очень глубокая духовная беседа, положившая начало нашей многолетней дружбы. У Вячеслава с Рибольди также завязалась глубокая дружба. Но как только дело доходило до вопросов философских и богословских, они начинали ссориться.

**«ВСЯ ВАША ОБЯЗАННОСТЬ:
БЫТЬ С НАМИ, ЖИТЬ С НАМИ»**

Итак, Вячеслав поселился на все время университетских занятий — правда, прерываемых длинными римскими каникулами — в Павии. А мы с Димой остались в Риме. Это была первая разлука. Вячеслав писал часто длинные подробные описания своей новой жизни. Вот первые впечатления о Колледжио, о Рибольди, о городе.

«30 окт[ября] 1926

Вот, получил я и первое письмо сюда — вашу, сиротки мои, открыточку, когда после ужина (нет, здесь все так элегантно, что лучше сказать: обеда), около 8 1/2 вечера пошли мы философствовать о судьбах национализма и возможностях будущего объединения всего человечества (по Данту) в кабинет Дон-Леопольда втроем, — а именно, хозяин, я и молодой гость, который докторирует одновременно трижды: в Павии по факультету госуд[арственных] наук (диссертация о Мильтоне), в Турине по юридическому факультету (диссертация о Гоббсе) и в Милане по философии (диссертация о Ницше). *Voilà un génie grécosse!** Ничего, милый молодой человек, не очень умный.²⁷ Напротив, Дон Леопольдо блистал и красноречием, и умом, и образованием. Бедовый человек, на которого, по словам Грициотти²⁸, в университете многие косятся, а другие — фашисты его поддерживают. Но влия-

* Вот скороспелый гений! (фр.)

ние его распространяется и на университет, так что ему удалось разгромить целую филологическую школу недавно умершего латиниста Паскаля²⁹ и изменить все направление классического преподавания в смысле приближения последнего к истории и политическим наукам. Передав мне вашу картолину, он прекратил разговор со мной и заставил меня раньше прочитать ее. И еще за обедом заявил, непрошенный, что устроит ваше переселение сюда, чтобы "укоренить" (inradicare) нас в Павии: Диму-де устроить в школе, а ты-де будешь давать уроки музыки; мне оставалось только упомянуть, что ты хотела бы устроиться вблизи от меня органисткой. Одним словом, он думает обо всем, по-видимому, день и ночь, заботится каждую минуту, чтобы я надевал, проходя по лестницам, свою "calotta", "bella calotte"* или "bel beretto", чтобы я не выходил без пальто и прочее. Сегодня в пять часов я едва проснулся и еще нежился, глядя на расписной свод и думая: "а я здесь так избалуюсь, что никакие меблированные комнаты мне не будут нравиться, — где я найду такую спальню, — да еще с cabinet de toilette?" — когда он постучался ко мне в дверь и вторгся, весело восклицая: «пять часов, я пришел показать вам дорогу в комнату, где для вас приготовлен чай, где вы будете иметь чай всегда в 5 часов, в отдельной комнате, чтобы никто вам не мешал; вставайте, я вас жду в "salone" (то есть в моем sitting-room)", — и едва я вышел, повлек меня по каменным винтовым лестницам в подвальный этаж, где за кухней оказалась преуютная комната с накрытым чайным столом. Чай устраивают для меня одного. Проходя через кухню, я сказал ему: "остановитесь, я хочу полюбоваться на кухню". Он был очень рад и принялся показывать в присутствии улыбающейся кухарки (вся прислуга необычайно ласкова и почтительна) огромное помещение, блещущее идеальной, недостижимой ни для какой немецкой хозяйки, чистотой. Кругом низкие закрытые шкапы, как в старинной библиотеке, полные красивой посуды. Колоссальная плита в центре сводчатой залы снабжена какими-то фонтанами, из которых струится кипяток. Все так выложено, прибрано и красиво, словно здесь и не работают, а устроили всё для какой-то выставки. Предоставив меня чайному удовольствию, мой капитан Немо по обыкновению исчез. Замечаю, что рассказываю этот день в ретроспективном порядке. Утром решил я первый свой выход в город посвятить маленькому паломничеству к гробнице мною особенно почитаемого и любимого блаженного Августина, как его называют на Востоке, тогда как

* шапочка (итал.).

на Западе он, как известно, Santo. По дороге зашел сначала в S.Michele, где короновались еще лангобардские короли, и был восхищен нетронутой средневековой красотой этой погруженной в фантастический сумрак романской церкви. Рака святого Августина, чудо скульптуры XIV в., возвышается над его останками, перенесенными из Африки лангобардом Лиутпрандом в VIII веке. На мраморной доске вырезано имя епископа Рибольди, — это дядя Дон Леопольда, кардинал, по настоянию которого в 1900 г. мощи были перенесены из Павийского собора в эту церковь (S.Pietro in Ciel d'Oro), где они первоначально находились. На другой доске вырезаны прекрасные латинские стихи Льва XIII об этом перенесении с похвалой "ученой Павии" (docta Ravia), — ибо ее университет восходит к IX веку. Но отыскивая церковь "св. Петра в Золотом Небе" по грязным улочкам на окраине города, я имел меланхолические мысли о смиренном конце такой огромной славы, как слава Августина. Оглядел по дороге университет, где уже вчера мельком был: ряд его прекрасных дворов, обнесенных прекрасными двухъярусными ренессансными аркадами — но не такими грандиозными, как у нас; на одном дворе статуя Вольты /.../, который был здесь профессором. И много других статуй и бюстов. Потом на главной почте опустил первое мое письмо вам, посланное espresso, чтобы захватить вас еще у Четырех Фонтанов. К обеду, накрытому в новой, устланной ковром столовой, весьма комфортабельно, на пять человек, было приглашено, кроме брата Рибольди, двое моих студентов-приятелей, с коими говорю я, почти исключительно, по-французски. Рибольди также говорит, хоть и неважно, по-французски. Кстати, еще утром притащил он мне пять французских книг о Владимире Соловьеве из своей библиотеки, чтобы "я вспомнил о родине". Впрочем, я рассказывал ему накануне о своей личной близости с Вл[адимиром] Сергеевичем. После обеда, так как мы заговорили о Павии, городке грязном, некрасивом, глубоко провинциальном по виду улиц и магазинов (что-то вроде большого Тиволи), но заключающем в себе много шедевров архитектуры и *hérissé de tours médiévales**, Дон Леопольдо предложил юношам (*qui ne désiraient pas mieux***) показать мне мост через Тичино, и мы пошли по живописной набережной, со спусками к реке, покрытыми травой, как в Москве, и с видами на большие леса (да, леса!) со всех сторон за городом, к прелестному мосту, крытому, как Ponte Vecchio во Флоренции, с цер-

* оштетнившегося своими средневековыми башнями (фр.)

** которые ничего другого и не желали (фр.)

ковкой S.Giovanni Nepomuceno посредине моста. В Праге есть также знаменитый мост св. Непомука, который, очевидно, имеет какое-то отношение к мостам. Потом пошли мы в грандиозный собор, где романское сочетается довольно гармонично с искусством Браманте; потом в прекрасную готическую церковь *Magia del Carmine*. Вернувшись, я спал, доколе Дон Леопольдо не закричал у двери: "Пять часов — чай готов"... и т.д., о чем я уже рассказывал. Сегодня появилась у меня, подле *scrivania*, этажерка для книг. Мой серый "салон", кроме освещенного стола, за которым пишу, погружен в полутьму, — освещенный только большим красным фарфоровым фонарем в расписном своде; оба больших окна завешены длинными белыми прямыми гардинами; из фантастического сумрака в красном озарении выступает красный кардинал над длинным диваном. Тишина мертвая. Кажется, я один в целом этаже северного корпуса. Почти жутко, но не жутко, а очень романтично: привидения были бы уместны. Хотел начертить маленький план положения моих комнат и для точности чертежа захотелось мне знать, сколько арок на каждой стороне дворового квадрата. Я вышел из своей передней в другую, из которой направо спускается вниз каменная спиральная лестница, а налево выходишь на верхнюю галерею под арки. Но ночь была столь темна, что пройти под арками, как я люблю, было невозможно. Зато я полюбовался на силуэт ближайшей аркады на тусклом небе: чудесная огромная арка *en plein cintre** опирается с каждой стороны на пару серораморных ионических колонн. Так как я потушил выходя электричество, то с трудом нащупал двери. Из нижнего яруса в верхний ведут с двух сторон две монументальные лестницы и по углам винтовые, каменные. Никак не могу научиться опознавать в симметричном квадрате, где что: где моя дверь, где ректорская, где выход и т.д. Ориентируюсь по большим часам против главного портала: моя дверь в углу галереи направо от часов».

Из окон своего нового жилища Вячеслав любит на прекрасную ломбардскую равнину. Через четыре дня после первого письма он пишет:

«3 ноября 1926

...Impressions: — мы на окраине города, на краю кампани. Притом, *Palazzo* построен на возвышенности, образующей над садом высокую террасу, и его этажи так высоки, что мой

* полукруглая арка (фр.).

grimoriago* соответствует, вероятно, вашему quarto на Восса di Leone. По тому здание господствует над долиной реки Тичино, и природы не застыт рассеянные там и сям среди зелени группы небольших домов с кирпичными крышами. Вот что я люблю: поставить мягкий стул на вторую ступеньку глубокой оконной ниши в спальне, завеситься от комнаты прямо падающими складками больших белых гардин и в такой палатке сумерничать, греясь в теплом халате и глядя в окно, кажущееся скорее узким при его большой высоте. Тишина; мелодические многотонные перезвоны на близкой колокольне; или вой осеннего ветра; частенько гроза. Фонтан, устроенный каскадиком в нише задней стены сада, неумолчно шумит издали. С циклопической террасы, большие плиты которой поросли травой, ведут в сад монументальные лестницы. Их из моего окна не видно, но виден перпендикулярный к террасе тосканский портик, ограничивающий справа узорно разлинованный партер газона. За портиком и партером с несколькими деревьями *передний* сад (есть еще боковой, полный деревьев, — его не видно) расширяется и образует огромную поляну, окаймленную дорожками, бегущими вдоль кустов роз, которых теперь нет, — а весной будет изобилие. Все это охвачено высокою каменною стеной и подо мной лежит как на ладони. За стеной длинная полоса чужого тенистого сада, а за этою полосой обсаженная деревьями прямая дорога, по которой редко-редко промчится автомобиль. За дорогой широкая водная полоса зеленовато-мутного Тичино, долго прямая, потом поворачивающая в сторону. За рекой сначала домики, отражающиеся в воде, потом *boschi* — леса. За ними в ясную пору образуживается возвышенная равнина, ограниченная на горизонте красиво вырезанною цепью холмов, чуть не гор. Но обычно за рекою туманы. Все это — правая сторона пейзажа, а левее — сады, домики, опять сады, колокольни, где-то вдали две-три фабричных трубы. Славно! Ветер смахивает желтые листья с деревьев; они крутятся и хотят долететь до моего окна, но оно высоко. Если выглянуть из окна вниз, увидишь хозяйственный дворик, существующий испокон веков, так что правый портик сада никогда не имел своего полного *pendant* и его колоннам соответствуют плоские пилястры на обращенной в сад стене дворика. Но дворик тоже славный: большой черепичный навес, перед ним в углу платан; изгородь, и за нею семь куриц; собака — крупный *canelupo*** — на длинной цепи; белый домик с цве-

* первый этаж... четвертый этаж (на улице, где жили Лидия и Дима Ивановы).

** овчарка (итал.)

тами. Так сживал в сумерки, в этом самом халате, женеvский изгнанник, дедушка ваш Дмитрий Васильевич³⁰, и смотрел вдаль, на деревья и на Рону, и о России не вздыхал; в осенней сумеречной тишине следил, как течет река, как уплывает жизнь, — и был доволен покоем.

Дон Леопольдо, с едва пробивающейся сединой в темных волосах, напоминает мне иногда живую мимикой лица, то озабоченного волевого, повелительного, то веселящегося подвижной, нетерпеливой, быстро бегущей мыслью, — нашего Моисея Альтмана³¹. Он умница и всезнайка, и любит остроу, парадоксы, радикализм мысли, любит полчаса после обеда поспорить, но недаром я зову его "миланцем, да еще побывавшим в Америке" — он не теряет ни минуты — *time is money* — деловито строг и расторопен, холерик и неустанный работник, практический затейщик и выдумщик, — тогда как Альтман, как известно, лентяй, ветрогон, и вечный диллетант. Вчера Рибольди ездил в старый семейный дом в окрестностях Милана, где их фамильные могилы и собственная церковь. Вот исторический о Рибольди анекдот. Когда миланский кардинал Ратти уезжал в Рим на конклав, то Леопольдо пожелал ему не вернуться. Тот ответил: "*Pie scio-schezze*"*. Ратти стал Пием XI. При свидании вспомнили сбывшееся напутственное пожелание — "*sciocchezze*, — сказал Дон-Леопольдо, — я взял себе, а *Pie* досталось вам". — Каламбур и любезность в духе Альтмана.

Сегодня вечером моего капитана Немо не было. Утром он устраивал в портике сада большую доску из черного мрамора в старинной из пестрого мрамора бароккной оправе, золотыми лучами и надписью, которую сам сочинил: "*Alumnis morte pro patria funetis. 1914-1918. Non nomina adsint, numina*" (т.е. "воспитанникам, умершим за отечество в годы войны. Пусть не имена их будут с нами, а души и сила"). Всего их было пятеро; имен вырезать на камне не пожелал: они-де есть в архиве, куда попал и мой *sigillum*. Все он устраивает по своим рисункам, и часто удачно; мастер на лапидарные изречения. Разговаривать со мной до завтрака не захотел. За завтраком я спрашивал его, как, по какой программе и учебникам, мы наладим немецкие уроки. "Это будет видно, они уже все учились по-немецки в гимназии. Не это важно. *Tutto il vostro compito ei essere con noi, stare con noi, vivere con noi*". Никаких форм, разговаривайте с ними где и как хотите — после завтрака, сидя, стоя, гуляя под

* Благочестивые глупости (итал.)

** Вся ваша обязанность: быть с нами, находиться с нами, жить с нами (итал.)

портиками. Потом от 6 до 7 ежедневно кроме субботы и воскресенья, будут уроки с желающими учиться; какие — зависит от соглашения с ними“⁴. Пришел Реопіо (или Веопіо) — философ, трижды докторирующий. Разговор о Ницше. ”По-моему, троих следовало повесить: Лютера, Руссо и Ницше. Но Иванов великолепно говорит в защиту Ницше. Как же, значит?..“ и т.д. Потом капитан Немо бесследно исчез, и обедал я опять один, а вчера один и завтракал и обедал — кормили меня курицей под разными видами...»

В уютном Колледжио Борромео Дон Рибольди умел создать оживленную, острую, духовную атмосферу и был постоянно быстро воспринимающим полемическим и провоцирующим собеседником.

«17 декабря 1926 г.

/.../ Вчера неугомонный Рибольди устроил политическую дискуссию о фашизме после английского урока от 11 до 1 часа ночи и в заключение пристал ко мне: отчего я молчу? Я говорю, что иностранцу не приличествует вмешиваться в обсуждение вопросов национального строительства. Но он настаивал, и тогда я заявил, что правильным считаю поставление во главу угла вопросов реальной политики, экономических и социальных; что абстрактного либерализма и демократизма не одобряю, идеям французской революции не друг и не раз предостерегал своих [?] товарищей студентов от отвлеченного республиканизма (все это было фашисту-священнику сладостно выслушать), — вопроса о национализме касаться не буду за его невыясненностью и просто не знаю, имеет ли он еще будущее в мире или нет, ввиду наличности сильных противоположных движений (интернационализм), представленных с одной стороны коммунизмом, с другой Церковью (и это все было приемлемо!); но, чтобы не быть неправильно понятым в своем протесте против французских демократических лозунгов (*liberté — égalité — fraternité, droit de l'homme** и пр.), считаю долгом заявить, что свободу личности признаю высшею религиозно-моральною ценностью и не одобряю точку зрения крайних государственников (каковы фашисты), по которым личность только средство достижения государственных целей; не одобряю заявление, что государство должно быть христианским, а не языческим; Церковь поставляю выше государства, христианина выше гражданина, и одобряю государство лишь в той мере, в какой оно благословля-

* свобода — равенство — братство, права человека (фр.).

ется Церковью. Здесь произошел горячий спор с антиклерикалом в рясе, который воскликнул, что это есть подчинение государства Церкви — что так пишут в Osservatore Romano*; я же заметил, что русские слишком хорошо знают, что значит обратное — порабощение Церкви государством... Итак, в горячем споре, при нейтралитете студентов (кроме одного розминянца, мне сочувствующего), мы разошлись спать».

Из университета пришло — еще до окончательного назначения на место профессора — приглашение прочесть цикл лекций о русском духе и о русской культуре. К этим лекциям Вячеслав усердно готовился. Читал много книг о русской истории, о истории русской церкви. Лекции прошли с большим, каждый раз увеличивающимся успехом, так что приходилось переходить в последнюю минуту из аудитории в более большой зал, таков был наплыв слушателей. Лекции читались 23, 24, 25 и 26 января 1927 года в 5 часов в Павийском университете. Общее заглавие цикла: «Религиозная мысль в современной России». Тема первой лекции: «Русская церковь и религиозная душа народа». Вторая лекция: «Теза и антитеза: славифилы и западники». Третья лекция: «Толстой и Достоевский». Четвертая лекция: «Владимир Соловьев и современники». Лекции прочитал Вячеслав на французском языке — хотя он свободно говорил по-итальянски. Ввиду успеха университет попросил добавить еще пятую лекцию, и эта была произнесена по-итальянски и продолжала и углубляла тему четвертой. Вспоминая о первой лекции цикла, Вячеслав пишет (29 января 1927 года):

«Кстати о первой лекции: Рибольди злился за длинное введение, для меня однако *необходимое*, первое, о том что такое религиозная мысль в отличие от теологии — сравнение с Паскалем, Бональдом, Де Местром, Розмини и т.д. Второе: о важности моего предмета для вопроса о воссоединении церквей, восточной и западной (и о том, что католичество должно многому научиться у востока); третье: о попытке большевиков дехристианизировать Россию и об атеистической русской школе».

«Я КРУГЛ, КАК ЛУНА, И КРАСЕН ДО УШЕЙ, КАК ЛИЛОВО-КРАСНАЯ РОЗА»

Афиша, возвещающая о лекциях Вячеслава, была заказана студенту и художнику Глициштейну. Он же решил сделать портрет Вячеслава.

* Газета, выходящая в Ватикане.

Твое предпоследнее, Лидия, письмо (написанное отчасти у Мюеров³²) имеет такое свойство, что, найдя к нему с трудом ключ, т.е. его начало и порядок страниц, читатель уже не может остановиться, но читает его теоретически-вечно, как *regretum mobile*, так как оно кончается началом, из которого нет выхода, кроме того же заколдованного лабиринта страниц, приводящего опять к началу, и т.д. Верно, его заколдовал the Lucky Black Cat* гениального Курлыкова³³, графическому таланту (отлична и группа котов) которого очень помогает тушь. Не чета Курлыкову наш Глишштейн, который после византийской Мадонны (плаката о моих лекциях) создал маслом портрет Рибольди и, дегенерировав *il reverendo modernista***, упал, как молния, на мою голову, едва я успел послать вам № 20, и в два сеанса маслом дегенерировал меня. Вчера мы с молодым профессором Веопио (который учится по-русски и, прослушав неделю назад сызнова с партитурой Вагнерову тетралогию, внезапно из ярого вагнерианца обратился в Вагнерова ненавистника, — *un génie*, повторяю и настаиваю!) — в присутствии художника, — хохотали безудержно минут десять, любуясь на упомянутый мой портрет. Сигналом ко взрыву веселости послужило мое грустное замечание: "этот человек и двух недель не выживет, он накануне апоплексического удара". В самом деле, я кругл, как луна, и красен до ушей, как лилово-красная роза, распух от прилива крови к голове. Голубые косо прорезанные глазки глядят весело из-за сияющих золотом очков и видимо не подозревают о неизбежной и скорой участи их обладателя, тогда как нос чует какой-то неприятный запах или собирается чихнуть. *La bocca éstorta**** и свидетельствует о сильной *dégénérescence*****, как и подпирающий ее круглую пуговицей, сдвинутой набок, гнусный подбородок, окруженный занавесами жира. Бело-желтые волосы выбиваются пучками из-под черной *calotte*. Плечи задрапированы в складки черного плаща. Фон фиолетово-розового апоплексика ядовито-зеленый. И при всем этом, как ни больно в том сознаться, огромное сходство. По мнению Бэонио, добрый малый, совершенно чуждый иронии, добродушный и простодушный, имеет, при несомненных больших способностях к живописи, какой-то дефект в глазу: он видит все вещи

* Черный Кот, приносящий счастье (англ.).

** Преподобный модернист (итал.).

*** рот кривой (итал.).

**** дегенеративности (фр.).

окарикатуренными, не подозревая сам, что видит карикатуры вещей, и находя их в этом виде красивыми. Он устраивает теперь в Павии выставку своих картин: посмотрим, что это будет. Впрочем, портрет еще не закончен, и чем дольше на него смотришь, особенно издали, тем больше оцениваешь уловленное сходство.

«ИСТИННЫЙ ИЗРАИЛЬТЯНИН, В КОТОРОМ НЕТ ЛУКАВСТВА»

В Колледжио приезжают все чаще друзья из разных стран или новые знакомые. 24 марта 1927 г. Вячеслав встречается с Мартином Бубером³⁴. Свиданье это оставило большое впечатление на всю жизнь В.И., и дружба сразу объединила обоих.

«26 марта 27

...о весне я могу здесь писать бюллетени, ибо живу наполовину в деревне. Уже десять дней тому назад катал меня мой приятель студ[ент] Cremante в лодке вверх по Тичино до S.Lapfranco — далеко, — греб он стоя, по-венециански, — и было очень хорошо на широкой, залитой солнцем реке, в виду еще голых рощ и старинного города. — Четверг (третьего дня) был установленным днем визита ко мне доктора Мартина Бубера с женой. Напомню, что он редактор журнала Die Kreatur (где напечатана "Переписка" и где я и еще, вероятно, буду сотрудничать), переводчик Библии на немецкий язык (я писал об этом новом изумительном переводе, который мне высылается, — уже имею четыре тома) и профессор истории религии во Франкфурте на Майне. Рибольди послал меня в автомобиле встречать их на станции Certosa, потом мы осматривали монастырь и церкви в Павии (автомобиль нас ждал), потом Рибольди угощал гостей тонким завтраком, потом сидели в салоне и беседовали, потом супруги еще раз заходили со мной в церковь S.Michele (XI века), в которую влюбились, потом был в Collegio подан чай, наконец Рибольди увез чету в пять часов в экипаже на вокзал. В восемь часов они уже должны были выехать из Милана в Бриндизи, чтобы поспеть к пароходу в Египет; из Каира они направятся по железной дороге (о существовании которой я не знал) в Иерусалим. Подестá* звал гостей в университет, где ждал их, но времени для этого визита не нашлось. Рибольди, Бэонио и

* Мэр города и декан филологического факультета.

Маркаццан³⁵ с жадностью напали на представителей интеллектуальной Германии, чтобы разузнать, что там нового в мире идей.

Бубер оставляет сильное впечатление: это еврейский праведник с глазами, глубоко входящими в душу, — "истинный израильтянин, в котором нет лукавства", — как сказал Иисус Христос про Нафанаила. Понимает он все душевно и умственно с двух слов. Он полон одной идеей, которая и составляет содержание умственного движения, им возглавляемого; эта идея — вера в живого Бога Творца, и взгляд на мир и человека, как на творение Божие. На этом, прежде всего, должны объединиться, не делая в остальном никаких уступок друг другу, существующие в Европе исповедания. Человек много возмечтал о себе и забыл свое лучшее достоинство — быть творением Божиим по Его образу и подобию. Не нужно говорить о Божестве, как предмете веры, это разделяет и надмекает; нужно Европе оздоровиться сердечною верою в Создателя и сознанием своей тварности. Эти стародавние истины звучат в современности ново и свежо. Сила их провозглашения лежит, конечно, в личностях, ими по-новому вдохновленных. Вся философия и наука делается учением о тварности. Пафос движения — пафос дистанции между Богом и человеком. Большая любовь, и особенно любовь к религиозности, как таковой, — и верности своему исповеданию и благочестию. Очень замечательна жена Бубера, католичка по рождению, а по убеждению — как она говорит — "то же, что ее муж". Говорит мало, но необыкновенно умно и содержательно, лучше чем он сам. У них в Геппенгейме, между Гейдельбергом и Дармштадтом, дом и сад. Раз в неделю он ездит на лекции в Франкфурт. Она все знает, что и муж, и ходит за садом: она называла, по форме листьев, все цветы, еще не распустившиеся, нашего сада. У них сын и дочь, но оба обзавелись собственной семьей и живут отдельно и имеют детей; а Буберу, дедушке, всего 49 лет. Его сотрудник по переводу Библии Розенцвейг, который, вследствие какой-то формы склероза, не может ни писать, ни двигать предметов, ни говорить. Он только показывает буквы на пишущей машинке, и его жена угадывает слова и записывает. И в таком виде он работает неустанно и очень производительно. Интересные и чистые люди. "Модернизм" Рибольди Бубер сильно не одобрил».

«ОГРОМНЫЕ СПОРЫ О РОССИИ»

В ту же эпоху приходят вести от русских друзей. Зуммер, бакинский приятель, передает в письме привет от Волошина:

«Макс Волошин вспомнил меня и прислал через Зуммера милый, нежный привет и великолепные стихи» (27 февраля 1927 года).

Выступал в университете и историк, крупный знаток Флорентийской коммуны, бывший ректор Пермского университета, Николай Оттокар.

«9 мая 1927 г.

...Оттокар, хороший и смешной, ночевал в Collegio три ночи. Рибольди был с ним очень мил и открыт. Он любит Россию за ее духовность, в Достоевском видит совмещение и Данта, и Шекспира, уверен, что *l'anima del popolo** не может измениться и пророчит светлое. Были огромные споры о России со страстным участием итальянцев (и ректора, и подесты, и студентов), которые интересуются вопросом о *"crollo dell'impero"*** (которое утверждает Оттокар и отрицаю я), словно дело идет о чем-то для них непосредственно важном. Я в душе очень было отошел от России, но когда Оттокар в своих двух лекциях о России стал говорить о *"disfatta"****, о *"catastrofo"*, о *"crollo"*, — ничего, кстати сказать, обидного для русских — большевиков, я почему-то почувствовал себя патриотом современной России, вроде истинных советских граждан. Не поймешь, что за вздор, что за чепуха, что — можно сказать — за дрянь (выражаясь патетически в гоголевско-курлыковском стиле) в головах и душах сбитых с колеи русских людей, сынов *"Задавленной"* в наши дни. *"Odi et amo"*, как сказал Катулл. И *"coincidentia oppositorum"*****, как изрек философ Николай Кузанский. *"Мерзавец"*, — присовокупил бы Козьма Прутков: *"еще Тютчев сказал: Умом России не понять, — ты же паки тщишься объять необъятное"*«).

ПРИМЕЧАНИЯ

Лидия Вячеславовна Иванова (28 апреля 1896, Париж — 6 июля 1985, Рим), дочь Вячеслава Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал, композитор и органист (см. о ней «Введение» О.Дешарт в некрологическую статью Д.В. Иванова в IV, с.704-712), начала писать «воспоминания об отце» летом 1980 года по просьбе профессора Р.Джексона, который предложил ей сделать выступление на первом международном

* душа народа (итал.).

** падение империи (итал.).

*** разруха (итал.).

**** совпадение противоположных (латин.).

симпозиуме, посвященном В.Иванову и организованном Йельским университетом в апреле 1981 года. Работа увлекла ее, из краткого сообщения вырос рассказ об отце и о матери, о первых годах в Женеве, о петербургской «башне», о Москве, о Баку, о Риме.

Первая часть воспоминаний в сокращенном виде опубликована в «Новом журнале» (№ 147-150); первоначальное выступление в Йеле в переводе на английский Ирины Прэн напечатано в кн. *VYACHESLAV IVANOV: POET, CRITIC AND PHILOSOPHER*, New Haven, 1986; в полном виде на русском языке книга воспоминаний под редакцией профессора Джона Мальмстада готовится в парижском издательстве Atheneum.

¹ Ольга Александровна Шор — О.Дешарт (1894-1978) — ближайший друг семьи Ивановых, издатель Собрания сочинений В.И. См. о ней некрологическую статью Д.Иванова (III, с.688-693).

² Всеволод Эмильевич Мейерхольд (1874 - 1940) и его жена Зинаида Райх (1894 - 1939) посетили В.И. в Риме в августе 1924 г.; ср. рассказ об этом Л.Ивановой в первой части *ВОСПОМИНАНИЙ* («Новый журнал», № 148, с.139-145). О творческих взаимоотношениях В.И. и Мейерхольда в связи с мыслями В.И. о *РЕВИЗОРЕ* и постановкой комедии Мейерхольдом см. комментарий в IV, с.751-752.

³ Здесь небольшое расхождение Лидии Ивановой с дневником В.И.; ср. выше.

⁴ Санта Чечилия — Римская государственная консерватория, где Лидия Иванова училась у Респиги и где в 1940-1960-е гг. она была ординарным профессором гармонии и общей музыкальной культуры.

⁵ Петр Семенович Коган (1872 - 1932) — историк литературы и критик; с 1921 президент Государственной Академии художественных наук. Высказывания П.С. Когана о В.И. см. в книгах Когана: *ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*, т. 3. *СОВРЕМЕННОСТИ*, вып. 3. *МИСТИКИ И БОГОИСКАТЕЛИ*. М., 1911, с.138 и др.; *ЛИТЕРАТУРА ЭТИХ ЛЕТ. 1917-1923*. 2-е изд., Иваново-Вознесенск, 1924, с.49.

⁶ В старые времена итальянцы называли «синьорино» — молодой барин — хозяина, даже если сын этот был сам преклонного возраста.

⁷ Джованни Джентиле (1875 - 1944) — итальянский философ, принадлежал к школе философского идеализма, возглавляемой Б.Кроче. В 1922-24 Джентиле был министром просвещения в правительстве Муссолини, известен своей радикальной реформой системы образования в Италии.

⁸ О.И. Резневич-Синьорелли (1883 - 1973) в начале века из Риги переехала в Италию, где стала одним из первых переводчиков на итальянский Достоевского; близкий друг Элеоноры Дузе, о которой написала ряд книг (они переведены на многие языки, включая русский — М., 1975). Ее литературный салон в Риме в период между двух войн посещали Пиранделло, Станиславский, Гордон Крэг, Роден, Маринетти, Казелла, де Кирико, де Пизис. Синьорелли была близким другом В.И. Ей принадлежит итальянский перевод *ПЕРЕПИСКИ ИЗ ДВУХ УГЛОВ* (1932). См. также О.Дешарт. *ВВЕДЕНИЕ* (IV, с.202-203).

⁹ Энрико Дамиани (1892 - 1953) — славист, автор многих переводов, главным образом из болгарской литературы. С 1928 г. профессор Римского университета. Перевел некоторые стихотворения В.И., в том числе дифирамб *ОГНЕНОСЦЫ*.

¹⁰ Раффаэле Петтацони (1883 - 1959) — историк религии, главной сферой его интересов было развитие идеи монотеизма в древности и среди первобытных народов, был президентом Международной ассоциации историков религии.

¹¹ Всеволод Зуммер — ориенталист, прежний коллега В.И. в Бакинском университете. В.И. вопрошает Зуммера о его духовном пути в посвященном ему стихотворении «Уж расставались мы, когда, подвижник строгий...» (IV, с.94); оно написано за девять дней до цитируемого письма, 29 декабря 1926 г.

¹² С 1 февраля Бакинский университет считал Иванова «находящимся в отпуску... без содержания» (Н.В. Котрелев, указанная статья, с.335).

¹³ Ри-га, Рри-гга — так возглашал, казалось путешественникам, гудок автомобиля, мчавшегося через Москву, — Ивановы опаздывали на поезд; первой заграничной остановкой на пути в Рим была Рига.

¹⁴ В.Э. Мейерхольд и Зинаида Райх.

¹⁵ Кроль — режиссер, ученик Мейерхольда. Его жена, танцовщица-«босоножка», вышла позднее замуж за художника Джорджо де Кирико. Разведясь с де Кирико и став женой археолога Кальца, начала в Риме заниматься археологией, написала несколько серьезных книг по римской истории.

¹⁶ Павел Павлович Муратов (1881 - 1950) — писатель и искусствовед, автор известной книги *ОБРАЗЫ ИТАЛИИ*, дружил с В.И. еще в Москве и неоднократно встречался с поэтом в Риме (см. его заметку *ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ В РИМЕ* — «Звено», 1926, № 171).

¹⁷ Сергей Витальевич Троцкий был другом В.И. еще по Петербургу. Ему посвящено стихотворение поэта *СОЛОВЬИНЫЕ ЧАРЫ*, включенное

в сб. *НЕЖНАЯ ТАЙНА*, 1912 (III., с.45). Рассказ о его жизни с семьей Ивановых в Баку см. в *ВОСПОМИНАНИЯХ* Л.Ивановой. — «Новый журнал», № 150, с.146-147. Погиб в лагере.

¹⁸ Обедневший маркиз Квинтилио сдавал скромную комнату Лидии и Диме в приморском городке Неттуно.

¹⁹ Валентина Михайловна Ходасевич (1894 - 1970), дочь брата В.Ф. Ходасевича Михаила, художник, театральный декоратор.

²⁰ Дима, в 1924-27 гг. ученик французского лицея Шатобриан в Риме, посылал В.И. свои школьные работы по латыни. *Thèmes*: переводы с французского на латинский.

²¹ «Беседа. Журнал литературы и науки. При участии проф. Б.Ф. Адлера, Андрея Белого, проф. Ф.А. Брауна, М.Горького, В.Ф. Ходасевича». Журнал выходил с мая/июня 1923 по март 1925. «Пишу для "Беседы" об "Идиоте"», — сообщал В.И. Ходасевичу 29 октября 1924 г. В.И. («Новый журнал», № 62, с.286).

²² О судьбе «Беседы» Горький рассказал Ходасевичу в письме от 15 мая 1925 г.: «"Беседа" кончилась. Очень жалко... По вопросу — огромнейшей важности вопросу! — о том, пущать или не пущать "Беседу" на Русь, было созвано многочисленное и чрезвычайное совещание сугубо мудрых. За то, чтобы пущать, высказалось трое: Ионов, Каменев и Белицкий, а все остальные: "Не пущать, тогда Горький воротится домой". А он и не воротится. Он тоже упрямый». («Новый журнал», № 31, с.200).

²³ Ср.: Pamela Davidson. *VYACHESLAV IVANOV AND DANTE*. — In: *VYACHESLAV IVANOV: POET, CRITIC AND PHILOSOPHER*. New Haven, 1986, p.147-161.

²⁴ Священник Эрнесто Буонаюти (1881 - 1946) — автор многих трудов по истории церкви, один из представителей итальянского «модернизма» — религиозного движения внутри католической церкви, осужденного Римом за его критическое отношение к официальному учению об истоках христианства и историчности Христа. Буонаюти был отлучен от церкви в 1921; после краткого примирения он был снова подвергнут этой же санкции в 1924. Профессор истории христианства в Римском университете, Буонаюти был лишен кафедры после заключения конкордата между Италией и Ватиканом в 1927. В.И. познакомился с ним вскоре после приезда в Рим, но слышал о нем, вероятно, уже в России от ученика Буонаюти, августинского монаха Пальмьери.

²⁵ Николай Оттокар (1884 - 1957) — историк, до революции профессор и ректор Пермского университета, переехав в Италию, стал про-

фессором средневековой истории во Флорентийском университете, автор классической книги *IL COMUNE DI FIRENZE ALLA FINE DEL DUGENTO*, 1926.

²⁶ Розминьянцы — орден, основанный под официальным названием *Institutum Charitatis* итальянским священником Антонио Розмини Сербати (1797 - 1855). Розмини — автор глубоких трудов по гносеологии и онтологии и по истории философии. Он представляет собой «один из величайших моментов в философском самопознании Запада», — как пишет Владимир Эрн, философ, близкий друг В.И. (см.: В.Ф. Эрн. *СПОР ДЖОБЕРТИ С РОЗМИНИ*. Тифлис, 1914, с.5). Исследование В.Эрна *РОЗМИНИ И ЕГО ТЕОРИЯ ЗНАНИЯ*. М., 1914, было одной из редких книг, который В.И. привез с собой из России. Розмини погребен в Домодоссала, недалеко от Павии, где находится один из главных розминьянских центров.

²⁷ Речь идет о Витторио Бэонио Брокьери (1902 - ?). После своего «тройного доктората» Бэонио стал блестящим журналистом и с 1939 профессором истории политических доктрин Павийского университета. По поручению миланской газеты «Корьере делла сера» он дважды предпринял кругосветное путешествие на пилотируемом им самим самолете. Автор многотомной *ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ*.

²⁸ Бенвенуто Грициотти — профессор истории финансов и финансового права в Павийском университете, автор книги *POLITICA FINANZIARIA ITALIANA* (1926) и многих других исследований, директор научного института финансов в Павии.

²⁹ Карло Паскаль (1866 - 1926) — филолог, автор исследования о языке Цицерона: *DIZIONARIO DELL'USO CICERONIANO* (1899).

³⁰ Дмитрий Васильевич Зиновьев, отец Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал, в начале 1900-х гг. жил на своей вилле в Женеве недалеко от виллы Жава, где поселилась семья Ивановых. Лидия пишет о дедушке в своих *ВОСПОМИНАНИЯХ* («Новый журнал», № 147, с. 142-143).

³¹ Моисей Семенович Альтман, бакинский ученик В.И., поэт, филолог и литературовед. Записи его бесед с В.И. опубликованы в 1968 г. («Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение». — «Ученые записки тартуского государственного университета», вып. 209.) Альтману посвящен цикл стихотворений В.И. (см.: IV, с.88-89). В.И. относился к Альтману с любовью и симпатией и подчас журил его за недостаточную академическую серьезность. В отзыве об Альтмане 13.VI. 1923 В.И. писал: «Моисей Альтман отличался за все время пребывания своего в университете выдающеюся даровитостью и успешностью научных занятий. По всем зачетам получил он высшую отметку, представленная же им выпускная работа на тему "Дремлющие мифы в Илиаде

Гомера“ была оценена факультетской комиссией как превосходное доказательство научного трудолюбия и замечательной самостоятельности научной мысли. Эта работа дает больше, чем сколько мы вправе требовать от работы студенческой, потому что устанавливает целый ряд новых точек зрения на изучаемый предмет. Из работ Альтмана, подвергавшихся рассмотрению на моих семинариях, отмечу интересные по новизне результаты исследования о “Записках из мертвого дома” Достоевского и о мифе в ибсеновской драме “Пер Гюнт”. В своей книге “Дионис и прадионисийство” в главе XI (“О возникновении трагедии”) я пишу в обширном примечании 3-м к §8 (на стр[аницах] от 247 по 250): “Не лишены интереса догадки одного из моих университетских слушателей, М.С. Альтмана, о религиозной символике трагедии... Сообщаю эти порою несомненно меткие, порою остроумные, правда, но проблематические соображения, не беря на себя их защиты в целом”. Приводя далее в сжатом изложении эти догадки, упомянуть о которых я, как автор исследования, признал в связи последнего уместным и целесообразным, я отмечаю в некоторых местах неизвестные Альтману факты, служащие к их подтверждению. Все вышеуказанное свидетельствует о пробужденности и самостоятельности научной мысли нашего кандидата». (Цит. по указанной статье Н.В. Котрелева, с.331). Ср. также I, с.825-827.

³² Шотландец William Muir и его ирландская жена Patsy были в Риме близкими друзьями Лидии и Димы, несмотря на значительную разницу в возрасте.

³³ Курлыков — шуточный псевдоним, которым Лидия подписывала свои рисунки.

³⁴ Мартин Бубер (1878 - 1965) — религиозный философ, в 1924-33 — профессор философии еврейской религии и этики во Франкфурте-на-Майне, после прихода Гитлера к власти профессор Иерусалимского университета. Вместе с Ф.Розенцвейгом (1886 - 1929) перевел Ветхий Завет на немецкий язык (Lambert Schneider Verlag, Berlin). В издаваемом Бубером журнале «Die Kreatur» (№2, 1926) появился первый на Западе перевод *ПЕРЕПИСКИ ИЗ ДВУХ УГЛОВ*. В философии и метафизике Иванова и Бубера были некоторые созвучия, в частности, в трактовке проблемы «я» и «ты» и отношения человека и Бога. В кабинете Иванова Библия Бубера и его книги (в том числе *ICH UND DU*, Leipzig, 1923) стояли на почетном месте.

³⁵ По всей видимости, речь идет о Марио Маркаццане (1902 - 1967), впоследствии профессоре Венецианского университета и авторе трудов об истории романтизма в Италии (Nostro Ottocento, 1955).

***ИССЛЕДОВАНИЯ
И СТАТЬИ***

Ричард Пайпс

СОЗДАНИЕ ОДНОПАРТИЙНОГО ГОСУДАРСТВА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917 - 1918 гг.)

26 октября 1917 года большевики не столько захватили власть в России, сколько заявили на нее свои права. В тот день они вырвали от гудящего съезда советов, незаконно ими созданного и заполненного своими сторонниками, — только ограниченную и временную власть: право сформировать еще одно Временное правительство. Подотчетное Центральному Исполнительному Комитету съезда советов, правительство это должно было исчезнуть после созыва Учредительного собрания, намеченного на следующий месяц. Для осуществления их претензий большевикам еще предстояла длительная борьба: лишь после трех лет гражданской войны и внешней интервенции они смогли утвердить свое господство над страной. Однако шаткость собственного положения не помешала им сразу же приступить к закладке основ однопартийной диктатуры — режима, которого еще не знала история.

В день переворота перед Лениным открывалось три пути: превратить партию в орган государственного управления; растворить ее в аппарате власти; наконец, сохранить партию и управляющую структуру отдельными и руководить страной, либо оставаясь вне государственной структуры, либо пронизав ее на

* Глава из II тома готовящейся к печати монографии *ИСТОРИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*. Все даты, если это не оговаривается особо, даны для 1917 г. по старому стилю; с 1 января 1918 — либо по новому, либо в двойном обозначении.

уровне исполнительной власти общим для обеих кадровым составом¹. По причинам, которые будут разобраны далее, Ленин отверг первую и вторую из указанных возможностей. Недолгое время колебался он между двумя вариантами оставшегося ему пути, поначалу склоняясь к первому из них. Известно, что Ленин не хотел войти в состав правительства, предпочитая управлять в качестве лидера большевистской партии. Однако ему пришлось оставить эту идею по настоянию собственных соратников, увидевших в ней попытку избежать ответственности за последствия октябрьского переворота, которому многие из них противились². В результате, в политической системе, возникшей в момент государственного переворота, партия и структура государственного управления сохранили свои индивидуальные черты, но одновременно переплелись на уровне исполнительной власти — не организационно, а своим персональным составом. Это взаимопроникновение в первую очередь бросается в глаза в составе правительства (Совета Народных Комиссаров, или Совнаркома), где партийные лидеры приняли на себя все министерские посты. При таком устройстве власти большевики в качестве партийных функционеров выносили решения, а в качестве руководителей государственного аппарата — предписывали их проведение в жизнь. Точное исполнение этих решений обеспечивала тайная полиция, находившаяся под непосредственным контролем партии.

Таково происхождение однопартийного государства — режима, который со временем произвел на свет многочисленное потомство в виде «левых» и «правых» однопартийных диктатур в Европе и во всем мире, сделавшись главным противником парламентской демократии. Его отличительная черта — концентрация исполнительной и законодательной власти вместе с правом производить все назначения в законодательной, исполнительной и судебной областях — в руках частной организации: «правящей партии», которая действует с помощью ничем не ограниченного полицейского террора. Учитывая, что большевики вскоре уничтожили всех своих политических противников, само название «партия» плохо подходит для описания их организации. Слово «партия» происходит от латинского *pars*, или «часть», что по определению не может быть единственным, так же как не может быть тождественным целому. Таким образом, уже в самом термине «однопартийное государство» заклю-

¹ W. Pietsch. *REVOLUTION UND STAAT*. Köln, 1969, p.140.

² Н.Суханов. *ЗАПИСКИ О РЕВОЛЮЦИИ*, т.7. Берлин, 1923, с.266.

чено внутреннее противоречие³. Более подходящим определением здесь было бы «двусоставное государство» — термин, введенный позже для описания сходного режима, установленного в Германии Гитлером⁴.

Такая система правления, несовершенная и реализованная лишь частично, встречается в истории только однажды. Это — якобинская диктатура в революционной Франции, с которой большевики явно копировали свою власть. Во Франции было несколько сотен якобинских клубов. Строго говоря, они не составляли политической партии, но приобрели множество ее черт, еще до того, как пришли к власти в 1793 году. Проявлялось это в том, что членство в якобинских клубах находилось под жестким контролем, требовало принятия программы и голосования единым блоком, и в том, что парижская организация играла роль руководящего национального центра. С осени 1793-го вплоть до Термидорианского переворота годом позже якобинские клубы, не будучи формально связаны с властью, превратились в настоящих хозяев государства, монополизировав все исполнительные должности и присвоив себе право налагать вето на правительственные мероприятия⁵.

Останься якобинцы у власти более длительное время, они прекрасно могли бы создать однопартийный режим в его завершенной форме. Разработанная ими система правления послужила для большевиков моделью, и, опираясь на русские самодержавные традиции и обычаи, они быстро довели эту модель до совершенства.

Большевики не чувствовали необходимости разрабатывать теоретические основы государства, которое они хотели вырастить из «диктатуры пролетариата», поскольку верили, что, однажды начавшись, революция охватит весь мир и уничтожит любые национальные формы правления. Таким образом, практика (теории они никогда не продумывали) однопартийной системы, хотя и родилась спонтанно, как временная мера, оказалась самым долговечным и наиболее важным из их достижений.

Ленин не сомневался в том, что ему придется сконцентрировать в своих руках неограниченную власть, но вынужден был сделать допущение, что коммунисты овладели ею во имя «демократии советов». Следует напомнить, что большевики осуществ-

³ R.M.Maclver. *THE WEB OF GOVERNMENT*. New York, 1947, p.123.

⁴ E.Frankel. *THE DUAL STATE*. London - New York, 1941.

⁵ C.C.Brinton. *THE JACOBINS*. New York, 1961.

вили государственный переворот не в собственных интересах — ни на одной из прокламаций, выпущенных Военно-Революционным Комитетом, не значилось их имя, — но в интересах советов. Их лозунг был «Вся власть советам». Состоящий из большевиков Совет Народных Комиссаров, который заменил Временное правительство в качестве высшего исполнительного органа страны, также называл себя «временным». Его правление завершалось созывом Учредительного собрания в конце ноября 1917 года. До тех пор Совнарком был подотчетен съезду советов и его Центральному Исполнительному Комитету. Иллюзию временности и подотчетности большевистского правительства приходилось поддерживать в продолжение некоторого времени, поскольку страна не потерпела бы претензий одной партии на монополию власти. Даже делегаты Второго съезда советов, который большевикам удалось заполнить членами своей партии и ее сторонниками, — не собирались наделять коммунистов диктаторскими полномочиями. Участники съезда, который большевистская партия с тех пор объявила источником легитимации своей власти, — в октябре 1917 года ответили следующим образом на вопрос о том, как представляемые ими советы хотели бы преобразовать политический строй России:

Вся власть советам	505 (75%)
Вся власть демократии	86 (13%)
Вся власть демократии и цензовым элементам без кадетов	21 (3%)
Вся власть должна быть коалиционной	58 (8,4%)
Не заполнено	3 (0,4%) ⁶

Все ответы говорили более или менее об одном: если советы и не представляли себе точно, какого правительства они хотят, — то уж во всяком случае наделять большевиков полной политической власти не собирався ни один из них. В действительности, как мы еще увидим, и многие из ближайших соратников Ленина противились исключению из советского правительства других социалистических партий; они даже подали в отставку в начале ноября 1917-го, когда Ленин и кучка наиболее преданных ему большевиков (Троцкий, Сталин, Дзержинский и др.) настояли на своем.

Такова была политическая реальность, с которой Ленину приходилось иметь дело в продолжение недель и месяцев, по-

⁶ К.Г. Котельников, ред. *ВТОРОЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ*. М.-Л., 1928, с.107.

следовавших за переворотом. Она вынуждала его по-прежнему скрываться за фасадом «власти Советов», в то самое время, как он старательно отстраивал диктатуру собственной партии. Стремление подавляющего большинства России к социализму и демократии заставляло Ленина, стягивая все нити управления в руках своей партии, — в то же время сохранять государственную структуру с ее номинальным носителем верховной власти — советами.

Однако, хотя общественные настроения и вынуждали его идти на обман, у Ленина были серьезные мотивы предпочесть такую систему правления, при которой он мог осуществлять власть через партию, а не через государственную структуру. Именно из-за них отверг он первый и второй из представившихся ему путей строительства государства. Одной из причин была нехватка большевистских кадров. Управление Россией и в нормальных условиях требовало сотен тысяч функционеров государственного и частного сектора, обладавших специальными знаниями. Во много раз больше людей нужно было для того, чтобы руководить страной, где все формы самоуправления были уничтожены, а большая часть промышленных предприятий национализирована. В 1917-18 гг. большевистская партия была слишком малочисленна, чтобы справиться с такой задачей, тем паче, что лишь очень немногие из ее членов, в большинстве своем долгие годы занимавшихся профессиональной революционной деятельностью, обладали опытом работы в промышленности, управленческом аппарате, коммунальной службе или иных областях. Таким образом, у молодого правительства не было иного выхода, как полностью опереться на старый бюрократический аппарат и «буржуазных специалистов» и не столько непосредственно управлять жизнью страны, сколько ограничиться контролированием тех, кто это делал. Осуществить это помогла практика, которая и дала плоть однопартийному государству. Соперничая с французскими якобинцами, большевики постепенно и незаметно проводили своих людей на командные посты во всех организациях и учреждениях без исключения — людей, преданность и послушание которых были отданы не государству, но партии. Нужда в надежных исполнителях была столь велика, что партии пришлось расширять свой состав быстрее, чем этого хотели ее лидеры. При этом в нее вступали люди, делавшие такой шаг исключительно из соображений личной выгоды и без каких-либо идеологических побуждений. Однако такой процесс, хотя и выхолащивал партию, по крайней мере, разрешал сиюминутную задачу управления страной.

Наконец, доводом в пользу сохранения независимости партии от государства было и то, что подобная практика защищала коммунистов от внутреннего недовольства и критики со стороны иностранцев. Поскольку большевики не собирались уступить власть, даже если бы против них повернулась подавляющая часть народа, им следовало найти для своих сограждан козла отпущения, на которого можно было бы возложить ответственность за все неудачи. Таким козлом отпущения должна была стать государственная бюрократия, каковую всегда можно было объявить виновницей провалов и по-прежнему поддерживать иллюзию непогрешимости большевистской партии. За границей, проводя подрывную деятельность, нарушавшую принятые международные нормы, большевики могли отвергать и действительно отвергали претензии иностранных государств на том основании, что занималось ею не советское правительство, но русская коммунистическая партия — «частная организация». Как мы увидим, Москва регулярно использовала эту уловку в международной политике.

Установление в России однопартийного строя потребовало множества мер, как разрушительных, так и созидательных. К осени 1918 года этот процесс был в основном завершен на территории Центральной России — единственной, которую большевики в то время контролировали. Впоследствии, по мере распространения своей власти на окраины того, что некогда называлось Российской империей, ленинская партия вводила там устройство и порядки своего государства уже как нечто само собой разумеющееся.

Первой и самой главной задачей большевики считали разрушение сверху донизу всего, что оставалось от старого режима — и царского, и «буржуазного» (демократического): сохранившихся органов самоуправления, политических партий и их печати, армии, судебной системы и института частной собственности — во всех, даже самых малых ее проявлениях. Эта сугубо разрушительная фаза революции, проводимая как реализация марксовских предначертаний 1871 года не просто покорить, но «сокрушить» старый порядок, — формально была начата правительственными декретами, но осуществляли ее неуправляемые анархические силы, разбуженные во всем их первобытном неистовстве еще Февральской революцией, а затем поддержанные коммунистами. Большинство современников видело в этой разрушительной деятельности бессмысленный нигилизм; но для правителей она представляла собой необходимую расчистку основания перед постройкой нового политического и социального порядка.

Трудность подобного строительства заключалась в том, что большевикам необходимо было обуздать те самые разрушительные инстинкты толпы, на которые они прежде опирались, и вновь навязать людям дисциплину, от которой те считали себя навсегда избавленными. Это требовало создания особой структуры власти, которая формально напоминала бы фольклорную первоначальную демократию советов, а по существу представляла собой возврат к абсолютизму московского царства, усовершенствованному в той мере, в какой это делали возможные современные технология и идеология. Самую срочную свою задачу большевистские руководители видели в том, чтобы освободиться от ответственности перед номинальным высшим органом власти — советами. Далее им было необходимо избавиться от Учредительного собрания, которое Совнаркому поручили созвать и которое, безусловно, устранило бы его от власти. И наконец, им предстояло подчинить советы своей собственной воле.

**

То, что их партия должна была и *de facto* и *de jure* являться движущей силой советского правительства, — не вызывало сомнения ни у кого из большевистских лидеров. Ленин лишь выразил словами этот трюизм, когда в 1921 году на десятом партсъезде сказал: «Наша партия — правительственная партия, и то постановление, которое вынесет партийный съезд, будет обязательным для всей Республики»⁷. Спустя несколько лет Сталин еще яснее выразился о конституционной роли партии, заявив, что «ни один важный политический или организационный вопрос не решается у нас нашими советскими и другими массовыми организациями без руководящих указаний партии»⁸.

Однако, несмотря на всю свою признанную власть в обществе, большевики оставались и после 1917 года тем же, чем были до того, — частной ассоциацией. Ссылки на существование большевистской партии отсутствовали в советской конституции как в 1918, так и в 1924 годах. Наиболее раннее упоминание о ней в конституционных документах встречается в так называемой «сталинской конституции» 1936 года, 126-я статья которой объявляет партию «передовым отрядом трудящихся в их

⁷ ДЕСЯТЫЙ СЪЕЗД РКП(б). МАРТ 1921 ГОДА. СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ. М., 1963, с.407.

⁸ И.Сталин. ВОПРОСЫ ЛЕНИНИЗМА. 11-е изд. М., 1952, с.126.

борьбе за укрепление и развитие социалистического строя» и «руководящим ядром всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». Отсутствие в законодательных актах наиболее важных реалий вполне соответствует русской традиции. Первое и довольно случайное определение царского самодержавия появилось лишь в «Военном регламенте» Петра I — более чем через двести лет после того, как оно стало основным политическим фактором страны. А крепостное право, составлявшее социальную основу Российской империи, и вовсе никогда не получало официального признания. Вплоть до 1936 года партия предпочитала скромно изображать себя как некую туманную силу, которая вовсе не правит, но лишь ведет страну своим вдохновляющим примером. Так, партийная программа, принятая в марте 1919-го, определяла роль РКП(б) как «организатора» и «вождя» пролетариата, «разъясняющего» последнему природу классовой борьбы, ни разу при этом не упоминая, что партия также управляет этим самым «пролетариатом», как, впрочем, и всем остальным. Желая почерпнуть знания о советской России только из официальных источников того времени, обнаружит лишь легкие намеки на партийное участие в повседневной жизни страны, хотя именно это участие и отличало Советский Союз от всех остальных стран планеты.

Таким образом, большевистская партия после захвата власти сохраняла свой частный характер, даже обеспечив себе полное господство в системе политической власти страны. Для всех, кто находился вне партийных рядов, действия большевиков, их решения, их кадровый состав — были абсолютно непроницаемы. 600 000 коммунистов, которые, по словам Каменева, произнесенным в 1919 году, «управляли» Россией, «причем /.../ громаднейшей массой некоммунистической»⁹, — напоминали не столько политическую партию, сколько правящую касту или элитарный орден. Ничто не уходило из-под их контроля, в то время как сама партия не признавала никакого контроля, будучи полностью замкнутой и ответственной лишь перед самой собой. Это создавало ненормальное положение, которое коммунистические теоретики так и не смогли удовлетворительно объяснить (если вообще подобное объяснение возможно), не прибегая к ссылкам на такие метафизические понятия, как «общая воля» Руссо, которая, выражая стремления каждого, в то же время является чем-то отличным от «воли всех».

⁹ ДЕВЯТЫЙ СЪЕЗД РКП(б). ПРОТОКОЛЫ. М., 1960, с.307.

Партийный состав значительно вырос за три года (1917-20), в продолжение которых большевики смогли завоевать Россию и поставить своих людей на ответственные посты во всех областях ее жизни, кроме, разве что, сельского хозяйства. В феврале 1917 в партии было всего 23 600 членов. За следующие два года эта цифра возросла до 250 000. В этот момент большевики провели «чистку» для устранения наиболее оппортунистических элементов, в результате чего к осени 1919-го партийный состав сократился до 150 000 человек. Затем быстрый рост партии возобновился: в марте 1921 в ней состояло уже 730 000 членов и кандидатов¹⁰. Большинство новичков присоединилось к большевикам после их победы и только в поисках личной выгоды, которая в России традиционно сопутствовала государственной службе. В годы крайних лишений партийные кадры обеспечивались минимальными жилищными условиями, продуктами и топливом, а также защитой от политической полиции, преследовавшей их разве что за самые вопиющие преступления. Ленин безусловно понимал, что большинством из этих новичков двигало корыстолюбие и что их растраты, воровство и спекуляция лишь подрывали партийный авторитет; но даже в этом случае стремление к абсолютной власти не оставляло ему иного выбора, как принять любого, кто обладает подходящим социальным происхождением и готов выполнять приказы, не задаваясь вопросами и не испытывая угрызений совести. В то же время ключевые посты в партии и правительстве Ленин закрепил лишь за членами «старой гвардии», ветеранами подполья. В 1930 году 69% мест секретарей ЦК национальных республик, а также секретарей обкомов и крайкомов занимали большевики с дореволюционным партийным стажем¹¹.

Вплоть до середины 1919 года партия сохраняла эластичную структуру, сложившуюся в годы подполья. Но с ростом ее рядов главным стало точное исполнение уставных правил и в партии победила антидемократическая практика. Центральный комитет оставался средоточием власти, но поскольку члены его постоянно разъезжали по стране, выполняя особые миссии, решения часто принимали лишь несколько человек, случайно оказавшихся на месте. Постоянным главой ЦК был сам Ленин, почти не покидавший столицы из страха перед покушением на

¹⁰ L.Schapiro. *THE COMMUNIST PARTY OF THE SOVIET UNION*. London, 1960, p.231; см. также: *БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ*, т.XI, М., 1930, с.531.

¹¹ M.Fainsod. *HOW RUSSIA IS RULED*. Cambridge, Mass., 1963, p.177.

свою жизнь. Широко прибегая к террору для осуществления диктатуры в стране, в отношениях с соратниками он предпочитал убеждение. В случаях разногласий Ленин никогда не требовал исключения из партии своих противников; он лишь грозил собственной отставкой, когда при обсуждении важного вопроса ему не удавалось добиться большинства, и этого почти всегда было довольно, чтобы убедить несогласных. Раз или два он оказывался на грани унижительного поражения, от которого его спасало лишь вмешательство Троцкого. В редких случаях предложения Ленина отклонялись, и он вынужден был неохотно принимать политическое решение, с которым не был согласен. Однако уже к концу 1918 года авторитет Ленина был столь велик, что никто не осмеливался открыто выступить против него. Каменев, часто расходившийся с председателем Совнаркома в первый год большевистской диктатуры, вероятно, говорил от лица всех своих товарищей, когда осенью 1918-го рассказывал Суханову:

— А я чем дальше, тем больше убеждаюсь, что Ильич никогда не ошибается. В конце концов он всегда прав... Сколько раз казалось, что он сорвался — в прогнозе или в политическом курсе, и всегда в конечном счете оправдывались и его прогноз, и курс...¹²

Даже в кругу ближайших сподвижников Ленин не терпел дискуссий. Типична картина, когда во время заседаний Совнаркома Ленин занимается тем, что просматривает книги, и лишь после того, как все выскажутся, вступает в обсуждение, чтобы безапелляционно сформулировать политический курс. С октября 1917-го по первые месяцы 1919 года Ленин подготовил множество решений, касающихся партийной и правительственной деятельности, вместе со своим неременным помощником Яковом Свердловым. Неопрятный и мало привлекательный в общении, Свердлов, с его упорядоченно-кабинетным мышлением, подбирал Ленину необходимые имена, факты и другую информацию того же рода. После его неожиданной смерти в марте 1919-го структуру Центрального комитета пришлось изменить — для обеспечения более четкой его работы. В это время было создано Политбюро — для проведения политического руководства, Оргбюро — для наблюдения за управленческим аппаратом, и Секретариат — ведавший партийными кадрами.

Кабинет министров, известный под именем Совета Народных Комиссаров, или Совнаркома, состоял из высокопостав-

¹² Н.Суханов. *ЗАПИСКИ...*, т.2, с.244.

ленных партийных функционеров, выступавших в двойном качестве. Сам Ленин, управлявший Центральным комитетом партии, являлся также председателем Совнаркома, т.е. занимал пост премьер-министра. Как правило, важные решения принимались сначала в ЦК, а затем представлялись Совнаркому для дальнейшего рассмотрения и реализации, часто с участием беспартийных специалистов.

Безусловно, что в стране с населением, превышающим сто миллионов, невозможно «сломать» социальный, экономический и политический строй, создававшийся веками, опираясь только на сто тысяч большевиков. Для выполнения этой задачи необходимо было использовать массы. Но поскольку множество рабочих и крестьян ничего не знало ни о социализме, ни о диктатуре пролетариата, — их необходимо было привлечь к делу, апеллируя к чувствам более земным.

В «Сатириконе» Петрония, дающем уникальную картину повседневной жизни Древнего Рима, есть отрывок, прекрасно иллюстрирующий политику, проводившуюся большевиками в первые месяцы их власти:

Как ухитрится мошенник или воришка подцепить на крючок свою жертву, если не с помощью блестящей наживки? Бессловесных животных ловят в капкан на приманку, и человека нельзя поймать, не подбросив ему чего-нибудь на зуб.

Ленин инстинктивно понял этот принцип, а уразумев его, немедленно отдал богатства России на разграбление ее жителям, под лозунгом «грабь награбленное». И в то время как чернь занималась растаскиванием страны, он сделался хозяином России.

Есть в русском языке слово «дуван», заимствованное казаками из турецкого. Означает оно дележ добычи, которым обычно занимались казаки южных областей России после набегов на турецкие и персидские поселения. Осенью и зимой 1917-18 годов вся Россия превратилась в предмет такого «дувана».

Главным объектом дележа была сельскохозяйственная собственность, которую декрет о земле от 26 октября отдал для перераспределения крестьянским общинам. Именно этим переделом добычи между крестьянскими дворами, в соответствии с нормами, которые свободно устанавливала каждая община, и занимались крестьяне до весны 1918 года. На это время они потеряли всякий интерес к политике.

Тот же процесс проходил и в промышленности, и в армии. Вначале большевики отдали управление промышленными предприятиями фабрично-заводским комитетам (фабзавкомам), члены

которых, состоявшие из рабочих и низших конторских служащих, находились под сильным влиянием синдикалистских идей. Эти комитеты прежде всего устранили владельцев предприятий и их заместителей и принялись хозяйствовать сами. Одновременно они присвоили имущество заводов, поделив между собою доходы, сырье и оборудование. По рассказу свидетеля событий, «рабочий контроль» по существу свелся «к распределению доходов данного промышленного предприятия между рабочими этого предприятия»¹³.

Фронтвые солдаты, не мудрствуя, перед тем, как отправиться по домам, взламывали арсеналы и склады, деля меж собою все, что могли унести. Остатки продавались местным жителям. Одна из большевистских газет того времени дает живое описание такого рода армейского «дувана». Корреспондент рассказывает о совещании, проходившем 1 февраля 1918 года (н.с.) в солдатской секции Петроградского совета, где обсуждалось положение с государственным имуществом во фронтных частях. Выяснилось, что многие воинские подразделения обратились с просьбой, чтобы им было выдано содержимое полковых складов. Обычно солдаты увозили домой военную форму и оружие, добытые этим способом¹⁴.

Таким образом, идея общенародной или государственной собственности исчезла вместе с идеей частной собственности, и произошло это с одобрения нового правительства. Ленин словно повторял опыт крестьянского восстания Емельяна Пугачева, охватившего в царствование Екатерины II обширные районы восточной России. Пугачев играл на анархических и антидворянских инстинктах крестьян, призывая последних убивать помещиков и захватывать их земли, равно как и земли, принадлежащие государству. Он обещал отменить подати и рекрутчину и раздавал деньги и зерно, отобранные у помещиков. В награду за выполнение его «указов» Пугачев сулил упразднить правительство и заменить его казацкой «вольницей», т.е. анархией. Такие действия завоевали ему поддержку значительной части населения восточных окраин России и могли бы привести к распаду государства, если бы восстание не было вовремя подавлено войсками Екатерины¹⁵.

¹³ Б.Авилов. *ГРАБЕЖ НАГРАБЛЕННОГО*. — «Новая жизнь», №18 (232), 25 января / 7 февраля 1918, с.1.

¹⁴ «Красная газета», 2 февраля 1918 (н.с.).

¹⁵ См.: *ДОКУМЕНТЫ СТАВКИ Е.И.ПУГАЧЕВА, ПОВСТАНЧЕСКИХ ВЛАСТЕЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ, 1773-1774*. М., 1975, с.48; см. также: Р.В.Овчинников. *МАНИФЕСТЫ И УКАЗЫ Е.И.ПУГАЧЕВА*. М., 1980, с.122-132.

Однако зимой 1917-18 годов население России занималось дележом не только материальных ценностей. Оно растаскивало на части русское государство, существовавшее в продолжение шести столетий: государственная власть также сделалась объектом «дувана». К весне 1918 года вторая по величине империя мира распалась на бесчисленные политические образования, большие и маленькие, не связанные между собой ни установленными законами, ни сознанием общности судьбы, и требующие полной суверенности своей территории. За несколько месяцев Россия вернулась к средневековью до-московского периода, когда она представляла собой скопление удельных княжеств. Буквально за ночь рухнули столетние усилия, затраченные на строительство государства.

Первыми отделились нерусские народы окраинных районов. Одно за другим национальные меньшинства объявляли о своей независимости от России, частью — чтобы реализовать свои национальные устремления, а частью и для того, чтобы спастись от большевизма и гражданской войны в России. При этом все они апеллировали к «Декларации прав народов России», которую большевики опубликовали 2/15 ноября 1917 года за подписями Ленина и Сталина. Эта «Декларация», проведенная без утверждения каким-либо советским органом власти, даровала народам России «свободу самоопределения вплоть до полного отделения и создания независимого государства». Первой объявила о своей независимости Финляндия (6 декабря 1917); за ней последовали Литва (11 декабря), Латвия (12 января 1918), Украина (22 января), Эстония (24 февраля), Закавказье (22 апреля) и Польша (3 ноября). В результате государство, находящееся под коммунистической властью, свелось к территориям, населенным великороссами, т.е. к размерам России в середине семнадцатого века.

Но процесс распада затронул не только окраины: центробежные силы ощущались и внутри самой России, от которой отпадали район за районом, требуя и часто добиваясь независимости от центрального правительства. Официальный лозунг «Вся власть советам» облегчал этот процесс, позволяя региональным советам различных уровней — краевым, губернским, уездным и даже волостным и сельским — требовать независимой власти над подчиненной им территорией. Результатом стал полный хаос:

Советы были: городские, деревенские, сельские, посадские. Никого они, кроме себя, не признавали, а если и признавали, то только «постольку, поскольку» это было им выгодно. Каж-

дый совет жил и боролся так, как диктовала ему непосредственная окружающая обстановка, и так, как он умел и хотел. Никаких, или, вернее, почти никаких (они были в самом зачаточном состоянии), административных Советских построек — Губернских, Уездных, Волостных, Областных Советов, Исполкомов — не существовало¹⁶.

Большевистское правительство, пытаясь установить хоть какой-то порядок, создало весной 1918 года крупные территориально-административные образования под именем областей. Их было выделено шесть, с несколькими губерниями в каждой и полуавтономным статусом¹⁷. Такими областями были: Москва с девятью прилегающими губерниями; Уральская, сосредоточенная вокруг Екатеринбурга; «Коммуна трудящихся Северного Края», охватывающая семь губерний со столицей в Петрограде; Северо-Западная, расположенная вокруг Смоленска; Западно-Сибирская с центром в Омске и Центрально-Сибирская вокруг Иркутска. Каждая из этих областей обладала собственной администрацией, набранной из социалистической интеллигенции, и периодически созывала на своей территории съезды советов. Некоторые из них даже обладали собственным Советом Народных Комиссаров. Съезд советов Центрально-Сибирской области, проходивший в Иркутске в феврале 1918 года, отверг мирный договор с Германией, который советское правительство собиралось подписать, и, чтобы продемонстрировать свою независимость, назначил собственного комиссара по иностранным делам¹⁸.

То там, то здесь губернии объявляли себя «республиками». Так случилось в Казани, в Калуге, Рязани, Уфе и Оренбурге. Некоторые из нерусских народов, живших среди русского населения, такие как башкиры и волжские татары, — также заявили о создании национальных республик. Один из источников указывает, что на территории развалившейся Российской империи существовало летом 1918 года по крайней мере 30 «правительств»¹⁹. И чтобы добиться выполнения собственных де-

¹⁶ В.Тихомирнов. *ПЕРВЫЙ ПУНКТ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ*. — «Власть советов», №27 (1918), с.12.

¹⁷ См. материал Б.Ельцина в № 6/7 «Власти советов» (май 1919), с.9-10. Автор говорит, что эти образования, созданные по решению Центрального комитета и советского правительства, начали процесс «собираения русских земель».

¹⁸ W.Pietsch. *REVOLUTION...*, p.77.

¹⁹ J.Bunyan. *INTERVENTION, CIVIL WAR, AND COMMUNISM IN RUSSIA*. Baltimore, Md., 1936, p.277.

кретов и законов, центральная власть часто не имела иного выхода, как обращаться за помощью к этим эфемерным государственным образованиям.

Края и губернии, в свою очередь, распались на более мелкие административные единицы, самой важной из которых была волость. Жизнеспособность последней определялась тем, что для крестьян волость оставалась самой крупной административной единицей, в пределах которой перераспределялись принадлежащие им земельные наделы. Крестьяне одной волости, как правило, отказывались делить награбленную собственность с крестьянами соседней. Таким образом, сотни этих крошечных территорий стали по существу маленькими самоуправляющимися административными образованиями. Как заметил в то время Мартов:

Мы всегда указывали, что очарование, которым в глазах крестьянских и отсталой части рабочих масс пользовался лозунг «вся власть советам», в значительной мере объясняется тем, что в этот лозунг они вкладывают примитивную идею господства местных рабочих или местных крестьян над данной территорией, как в лозунг рабочего контроля вкладывается идея захвата данной фабрики, а в лозунг аграрной революции — захват данной деревней данного поместья²⁰.

Большевики совершили несколько безуспешных военных набегов на отделившиеся окраинные районы с тем, чтобы вернуть их в состав страны. Но в целом они в ту пору не мешали развитию центробежных сил внутри России, поскольку силы эти способствовали достижению их цели: полному разрушению старого политического и экономического строя. К тому же, центробежные тенденции мешали появлению сильного управленческого аппарата, который был бы способен противостоять большевистской партии, еще недостаточно укрепившей свою власть.

В марте 1918 года правительство издало конституцию Российской Советской Федеративной Социалистической республики (РСФСР). Ленин поручил составление этого документа комиссии юристов под председательством Свердлова. Ее наиболее активными членами были левые эсеры, хотевшие заменить централизованное государство федерацией советов, по модели французских Коммун 1871 года. Ленин позволял им беспрепятственно вести эту работу, хотя намерения левых эсеров полностью про-

²⁰ Л. М[артов]. *КОНСТИТУЦИЯ ТРУТОВСКОГО*. — «Новый Луч», № 10/34, 18 января 1918.

тиворечили его собственной цели: созданию централизованного государства. Однако здесь Ленин, который с таким пристрастным вниманием относился к мельчайшим деталям управления, вплоть до того, что определял размеры штрафов, которые приходилось платить народным комиссарам, опоздавшим на заседания Совнаркома, — не принимал никакого участия в дискуссиях конституционной комиссии, а позже лишь бегло просмотрел результаты ее работы. Уже этого достаточно, чтобы продемонстрировать полное презрение, которое испытывал он к проекту конституции, прекрасно соответствовавшей его целям: созданию рыхлой, полуанархической государственной структуры, призванной скрыть тот факт, что на самом деле Россия управляется железной рукой централизованной большевистской партии²¹.

Советская конституция 1918 года отвечала наполеоновским критериям хорошей конституции: краткость и расплывчатость формулировок. Ее первая статья провозглашала Россию «Республикой советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Далее указывалось, что «вся власть в центре и на местах принадлежит этим советам»²². Это утверждение вызывало множество вопросов, поскольку следующие статьи конституции не проводили четкого разделения власти между центральными и местными органами, равно как и не определяли власть самих местных советов. Статья 56 устанавливала, что «в границах подведомственной им территории высшей властью являются съезды советов (края, губернии, района и волости)». Но поскольку каждый край включал несколько губерний, а каждая губерния множество районов и волостей, это утверждение оказывалось бессмыслицей. Окончательно запутывала положение статья 61, отвергавшая принцип, согласно которому съезды советов были «высшей властью» на подведомственной им территории; она требовала от региональных советов заниматься лишь местными вопросами и в то же время проводить в жизнь решения «высших органов советской власти».

Неспособность конституции 1918 года определить сферу полномочий власти советов на разном территориальном уровне —

²¹ W. Pietsch. *REVOLUTION...*, p.80.

²² С. Студеникин (ред.). *ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ В ДЕКРЕТАХ И ПОСТАНОВЛЕНИЯХ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА 1917-1936*. М., 1936, с.66.

может служить еще одним доказательством того, что большевики не относились к ней серьезно. Однако этот документ способствовал усилению центробежных тенденций, получивших в нем конституционное оправдание²³.

**

Чтобы добиться желаемой свободы действий, Ленину необходимо было скорее избавиться от ответственности перед Центральным Исполнительным Комитетом — советским законодательным органом, которому Совнарком был формально подотчетен.

По настоянию большевиков Второй съезд советов распустил старый ЦИК, где различные социалистические партии получили справедливое представительство, и избрал новый, в котором коммунисты обладали большинством мест (58%). Такое решение вопроса гарантировало большевикам, голосовавшим единым блоком, проведение любой резолюции. И все-таки им приходилось бороться с довольно многочисленным и крикливым меньшинством, состоявшим из левых эсеров, ПСР и меньшевиков. Эсеры и меньшевики отказались признать законность октябрьского переворота и оспаривали у большевиков право на формирование правительства. Левые эсеры переворот приняли, но сохраняли массу демократических иллюзий, одной из которых было стремление к коалиционному правительству, состоящему из всех партий, представленных в советах.

Некоммунистическое меньшинство ЦИКа приняло всерьез принцип, согласно которому Центральный Исполнительный Комитет является социалистическим законодательным органом и ему принадлежит решающее слово в вопросах формирования кабинета и утверждения его деятельности. Большевики признавали этот принцип лишь на словах, хотя сам Ленин составлял резолюцию Второго съезда советов, наделившую ЦИК законодательной властью:

²³ Поддерживал центробежные тенденции и отказ правительства предоставить губернским советам финансовые средства. В феврале 1918 года на просьбу местных советов о деньгах Петроград ответил распоряжением, предписывавшим добывать их на местах любыми средствами, включая «безжалостное» налогообложение имущих слоев населения. («Пролетарская революция», № 3/38, 1925, с.161-162). На практике этот приказ вылился в особые «контрибуции» и совершенно незаконные поборы с «буржуазии», которые взымали местные советы.

Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановляет:

Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, Временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров. /.../

Контроль над деятельностью народных комиссаров и право смещения их принадлежит Всероссийскому съезду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и его Центральному Исполнительному Комитету²⁴.

Яснее, кажется, сказать нельзя. Тем не менее, Ленин твердо решил отбросить эту резолюцию и освободить свое правительство от отчетности перед ЦИКом или иным внешним по отношению к партии учреждением. Став главой государства, он добился своей цели за десять дней. Когда это было сделано, Совнарком контролировал уже и исполнительную и законодательную власть, а Центральный Исполнительный Комитет был низведен до статуса консультативного органа.

Историческое противостояние большевиков и Центрального Исполнительного Комитета выразилось в требовании последнего, чтобы большевики расширили состав своего кабинета, включив в него представителей других социалистических течений. Все политические партии без исключения были против монополизации большевиками министерских постов: в конце концов партия Ленина была избрана съездом советов, чтобы представлять советы, а не самое себя. Противостояние это стало открытым и приняло опасные для большевиков формы, когда требование о создании коалиционного социалистического правительства вылилось в ультиматум власти со стороны Союза железнодорожных рабочих, — крупнейшего профессионального объединения России, исполнительный орган которого назывался Викжель.

Викжель имел в своем распоряжении сотни тысяч членов профсоюза, разбросанных по всей стране, и таким образом мог полностью парализовать транспорт. В августе 1917 года он внес решающий вклад в поражение корниловского мятежа, предоставив транспорт в распоряжение правительства. В октябре Викжель поддержал лозунг «Вся власть советам». Но после переворота, осознав случившееся, руководство профсоюза выступило против нового режима, настаивая на том, чтобы большевистский Совнарком уступил место коалиционному правительству,

²⁴ *ДЕКРЕТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*, т.1, М., 1957, с.20.

включавшему все социалистические партии²⁵. В этом требовании Викжель следовал тактике меньшевиков — доминирующей партии профсоюза железнодорожников. 29 октября Викжель объявил, что если правительство немедленно не введет в свой состав представителей других социалистических партий, профсоюз призовет своих членов ко всеобщей забастовке. Для большевиков, ожидавших контрнаступления Керенского и нуждавшихся в транспорте для переброски на фронт своих войск, это была очень серьезная угроза. Железнодорожники могли обеспечить переброску как пробольшевистских, так и антибольшевистских сил, и тем самым решить исход сражения, как они решили его в дни, когда корниловские войска наступали на Петроград.

Ультиматум вынудил большевиков немедленно созвать заседание ЦК партии. Ленин и Троцкий не могли на нем присутствовать: они занимались организацией сил, способных отразить наступление Керенского на Петроград. В их отсутствие подавшийся панике Центральный комитет уступил требованиям Викжеля. Он единогласно признал необходимым «расширение базы правительства» и возможность изменения его состава. Он делегировал Каменева и Г.Я.Сокольникову для переговоров с Викжелем и другими партиями о формировании нового советского временного правительства²⁶. По существу, это решение означало сдачу власти, захваченной в ходе октябрьского переворота.

Позднее в тот же день (29 октября) Каменев и Сокольников присутствовали на созванном Викжелем совещании восьми партий и нескольких межпартийных организаций, включая Комитет Спасения Родины и Революции. Здесь, в соответствии с решением своего ЦК, они согласились ввести в Совнарком эсеров и меньшевиков, поставив единственным условием принятие ими решений Второго съезда советов. Совещание выбрало комиссию для разработки условий преобразования Совнаркома. После того, как эти условия были приняты, поздно вечером Викжель отправил своим местным организациям телеграмму, в которой пред-

²⁵ А.Таняев. *ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ В РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА (ФЕВРАЛЬ — ОКТЯБРЬ)*. М.-Л., 1925.

²⁶ *ПРОТОКОЛЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РСДРП(б): АВГУСТ 1917 — ФЕВРАЛЬ 1918*. М., 1958, с.271; см. также: И.Н.Любимов. *РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: ХРОНИКА СОБЫТИЙ*, т.VI. М.-Л., 1930, с.21.

лагал им отменить намеченную транспортную забастовку, но при этом оставаться наготове²⁷.

Чувство облегчения, которое принес большевикам достигнутый компромисс, исчезло на следующий же день, когда они узнали, что Викжель, поддержанный социалистическими партиями, увеличил требования и теперь добивается, чтобы большевики полностью вышли из правительства. В течение всего дня 30 октября межпартийная комиссия, созванная Викжелем, занималась обсуждением этого вопроса. Атмосфера дискуссии была тем напряженной, что с минуты на минуту ожидался прорыв в Петроград авангарда войск Керенского — казачьей дивизии генерала Краснова. Пытаясь хоть что-нибудь спасти от разгрома, Каменев предложил компромисс: Ленин передает обязанности председателя Совнаркома лидеру эсеров Виктору Чернову, а большевики оставляют за собой лишь второстепенные министерские посты в коалиционном правительстве, ведущая роль в котором отныне принадлежит эсерам и меньшевикам²⁸.

Трудно сказать, какова была бы судьба всех этих предложений, если бы в тот же вечер в Петроград не пришло известие о том, что плохо подготовленное наступление Краснова отбито в районе Пулкова — на подступах к столице.

Как только военная угроза отпала, Ленин и Троцкий сосредоточились на катастрофическом положении, в котором оказались большевики из-за «капитулянтской» политики Центрального комитета. 1 ноября на заседании ЦК Ленин разразился неудержимой бранью в адрес своих коллег²⁹. «Политика Каменева, — потребовал он, — должна быть прекращена» немедленно. ЦК следовало вести переговоры с Викжелем только в качестве «дипломатического прикрытия военных действий», т.е. не с честными намерениями, а лишь для того, чтобы добиться помощи железнодорожников в борьбе против Керенского. Однако большинство членов ЦК придерживалось иного мнения. Рыков даже

²⁷ И.Н.Любимов. *РЕВОЛЮЦИЯ...*, с.22-23. Книга П.Вомпе *ДНИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ* (М., 1924), где, кажется, опубликованы протоколы заседаний Викжеля, осталась нам недоступной.

²⁸ *ПРОТОКОЛЫ ЦК*, с.271-272.

²⁹ *ПРОТОКОЛЫ ЦК*, с.126-127. Другой протокол этого заседания приводит Л.Троцкий (см.: *СТАЛИНСКАЯ ШКОЛА ФАЛЬСИФИКАЦИИ*, Берлин, 1932, с.116-131).

рискнул заявить, что большевики не смогут удержать власть. При голосовании 10 членов ЦК высказались за продолжение переговоров с другими социалистическими партиями о создании нового коалиционного правительства, и только трое поддержали Ленина, выступавшего против этого (Троцкий, Сокольников и, возможно, Дзержинский). Даже Свердлов на сей раз пошел против Ленина.

Глава партии потерпел унижительное поражение: его товарищи по оружию были готовы уступить плоды октябрьской победы и вместо установления «диктатуры пролетариата» поделить власть с «мелкобуржуазными» партиями, составив меньшинство очередного беспомощного кабинета болтунов и соглашателей. Ленина спас Троцкий, предложивший хитрое компромиссное решение. Троцкий начал с возражений «капитулянтам»:

Нам говорят, мы неспособны строить. Но тогда надо просто уступить власть тем, которые были правы в борьбе против нас. А ведь мы уже сделали большую работу. Нельзя, говорят, сидеть на штыках. Но и без штыков нельзя. Нам нужен штык *там*, чтобы сидеть *здесь*... Вся эта мешанская сволочь, что сейчас не в состоянии встать ни на ту ни на другую сторону, когда узнает, что наша власть сильна, будет с нами, в том числе и Викжель. Благодаря тому, что мы раздавили под Питером казаков Краснова, на другой же день появилась масса сочувствующих телеграмм. Мелкобуржуазная масса ищет силы, которой она должна подчиняться. Кто не понимает этого — тот не понимает ничего в мире, еще меньше — в государственном аппарате³⁰.

Эти слова напоминают довод императрицы Александры Федоровны, пытавшейся влиять на решение своего слабого и безвольного супруга: «Россия любит кнут».

Троцкий предложил формулу, которая позволяла выиграть время: переговоры по созданию коалиционного правительства следовало продолжать с левыми эсерами — единственными, кто признал октябрьский переворот; с другими социалистическими партиями их следовало прекратить после еще одной попытки, если она не приведет к соглашению. Эта формула казалась разумным разрешением конфликта, и предложение Троцкого было принято.

Ленин должен был положить конец шатаниям в рядах собственной партии. На следующий день (2 ноября) он возобновил атаку, потребовав, чтобы Центральный комитет осудил «оппози-

³⁰ Л. Троцкий. *СТАЛИНСКАЯ ШКОЛА ФАЛЬСИФИКАЦИИ*, с.124.

цию». Требование было довольно необычным, поскольку в оппозиции находился именно он, Ленин, а не его противники, составлявшие большинство. Однако такой ход очень характерен для создателя коммунистической партии, который — не цинично, а скорее всего искренно — был убежден, что, являясь вождем пролетариата, он по определению всегда обладает большинством. Последовала долгая дискуссия, в которой Ленину удалось расколоть своих противников. Его резолюция победила десятью голосами против пяти. В итоге пятерка выступавших против — Каменев, Зиновьев, Рыков, Милютин и Ногин — подала в отставку. 5 ноября они направили в газету «Известия», печатный орган ЦИКа Советов, письмо, в котором объясняли свои действия:

ЦК РСДРП(большевиков) 1 ноября принял резолюцию, на деле отвергающую соглашение с партиями, входящими в Совет рабочих и солдатских депутатов, для образования социалистического Советского правительства. /.../

Мы считаем, что создание такого правительства необходимо ради предотвращения дальнейшего кровопролития. /.../

Однако это новое решение вызвало со стороны руководящей группы ЦК ряд действий, которые явно показывают, что она твердо решила не допускать образования правительства советских партий и отстаивать чисто большевистское правительство во что бы то ни стало и каких бы жертв рабочим и солдатам это ни стоило.

Мы не можем нести ответственность за эту гибельную политику ЦК, проводимую вопреки воле громадной части пролетариата и солдат. /.../

Мы складываем с себя поэтому звание членов ЦК, чтобы иметь право откровенно сказать свое мнение массе рабочих и солдат и призвать их поддержать наш клич: Да здравствует правительство из советских партий!³¹

Спустя два дня Каменев снял с себя обязанности председателя ЦИКа, а четверо народных комиссаров (из одиннадцати) оставили свои посты. К Ногину (торговля и промышленность), Рыкову (комиссариат внутренних дел) и Милютину (сельское хозяйство) присоединился Н.Теодорович, ведавший снабжением. Шляпников, комиссар по труду, также подписал общее письмо, но в отставку не подал. Вышли из Совнаркома и несколько более мелких большевистских чиновников. Письмо их гласило:

³¹ «Известия», 4/17 ноября 1917 (цит. по: *ПРОТОКОЛЫ ЦК*, с.135).

Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий. Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьские-ноябрьские дни. Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто-большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет народных комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и поэтому слагаем с себя перед Ц.И.К. звание народных комиссаров³².

Ленин вовсе не потерял сна из-за протестов и ухода в отставку своих коллег. Он не сомневался, что заблудшие овцы очень скоро возвратятся в стадо. Так и получилось. Да и куда им было идти? Социалистические партии подвергли их полному остракизму; либералы, вернись они к власти, — в лучшем случае отправили бы их в тюрьму; а уж корниловцы — так и просто повесили бы. Отныне само их физическое существование зависело от ленинского успеха.

Решения, принятые Центральным комитетом большевистской партии 1-2 ноября, означали, что большевики не собираются делить власть с какой-либо иной партией, разве что эта партия согласится на подчиненное положение в коалиции, при котором на ее долю останется лишь формальное утверждение большевистских декретов. За исключением четырех месяцев (декабрь 1917 — март 1918), когда большевики допустили в свой кабинет левых эсеров, так называемое «советское правительство» никогда не отражало реального состава советов. Под маской советского всегда скрывалось правительство большевистской партии.

**

Ленину удалось отклонить требование о разделе власти с соперниками-социалистами, но ему предстояло еще покончить с претензиями ЦИКа на роль советского парламента, перед которым должно отчитываться коммунистическое правительство.

Выбранный большевиками в октябре 1917 Центральный Исполнительный Комитет воспринимал себя крайне серьезно.

³² И.Н.Любимов. *РЕВОЛЮЦИЯ...*, с.423-424.

Через день после переворота он разработал собственный устав, предполагавший наличие разветвленной структуры, пленумы, президиум и всевозможные комиссии³³. Все это указывало, что Центральный Исполнительный Комитет смотрел на себя, как на некую социалистическую Думу, обладавшую правом надзирать за действиями правительства. Ленин не терпел подобного рода парламентских претензий, считая их смешными. С первого же дня он игнорировал ЦИК и в принятии декретов, и в назначении людей на ответственные посты. Это прекрасно иллюстрируют выборы нового председателя Центрального Исполнительного Комитета. Первым его главой большевики выдвинули Каменева, а поскольку их фракция обладала большинством голосов, ЦИК утвердил эту кандидатуру. Однако, после ухода Каменева в отставку, ему необходимо было найти замену. Логично было бы предположить, что кандидатуру для этой должности следует подобрать совместно с ЦИКом, тем более, что большевики все равно обладали в нем большинством. Но Ленин предпочел действовать единолично. По рассказу Бонч-Бруевича, с которым он обсуждал этот вопрос, Ленин решил, что лучшей кандидатурой на такой пост будет Свердлов. Он полагал, что ЦК партии с готовностью одобрит его выбор, совершенно не задумываясь при этом, что у Центрального Исполнительного Комитета может быть иное мнение на сей счет. Ленин вызвал Свердлова. «Яков Михайлович, — обратился он к нему, — я хочу просить Вас быть председателем ВЦИКа, что Вы на это скажете?» По-видимому, Свердлов согласился, поскольку Ленин заявил, что после одобрения партийным ЦК необходимо «тщательно» провести эту кандидатуру большевистской фракцией ЦИКа. Ленин поручил Свердлову пересчитать «заранее все голоса» и удостовериться лично, чтобы все входящие в ЦИК большевики присутствовали на голосовании³⁴. Все прошло по плану, и 8 ноября Свердлов был «избран» девятнадцатью голосами против четырнадцати³⁵.

На посту председателя ЦИКа Свердлов оставался вплоть до своей смерти в 1919 году, верно служа Ленину и обеспечивая утверждение ЦИКом всех партийных решений после формального недолгого обсуждения.

³³ W.Pietsch. *REVOLUTION...*, p.63. Следует отметить, что старый ЦИК, распущенный большевиками, продолжал собираться, иногда открыто, иногда подпольно, до конца декабря 1917 (см. об этом: И.Н.Любимов. *РЕВОЛЮЦИЯ...*, с.3, 90-91).

³⁴ В.Д.Бонч-Бруевич. *ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ*. М., 1969, с.143.

³⁵ См.: И.Н.Любимов. *РЕВОЛЮЦИЯ...*, с.99.

Точно так же игнорировал Ленин ЦИК и в подборе людей, которым предстояло заменить ушедших в отставку комиссаров. Он назначил их 8-11 ноября после короткой консультации с другими большевистскими лидерами, даже не запрашивая утверждения Центрального Исполнительного Комитета.

И все-таки ему приходилось считаться с критическими замечаниями законодательной власти и с правом ЦИКа утверждать или налагать вето на правительственные декреты. До тех пор, пока Совнарком не освободился от необходимости представлять новые законы на утверждение ЦИКа или, по крайней мере, не превратил эту процедуру в пустую формальность, — не могло быть речи о большевистской диктатуре. Поэтому Центральный Исполнительный Комитет следовало просто лишить его законодательной власти.

В первые же две недели существования нового правительства председателю ЦИКа Каменеву удалось изолировать Совнарком от Центрального Исполнительного Комитета, созывая последний без предварительного оповещения и без заранее объявленной повестки дня. За этот короткий срок Совнарком успел выпустить ряд важных декретов, не беспокоясь о том, чтобы представлять их на утверждение высшего законодательного органа. В действительности процедура работы кабинета министров в ту пору была еще так неустойчива, что некоторые большевистские лидеры, даже не входящие в правительство, выпускали собственные декреты, не ставя в известность о них даже Совнарком. Два таких декрета вызвали недовольство ЦИКа и обострили конституционные вопросы. Один из них касался печати и был принят правительством в первый же день его существования — 27 октября. Под ним стояла подпись Ленина, хотя готовил его Луначарский, вполне вероятно, по инициативе председателя Совнаркома и с его одобрения³⁶. Этот замечательный документ осуждал вред, наносимый «контрреволюционной печатью» (понятие, которое так и не разъяснилось в дальнейшем, но в которое очевидно включались все газеты, не принимавшие октябрьского переворота), и на этом основании вводил «временные и экстренные меры для пресечения потока грязи и клеветы». Все газеты, выступавшие против нового правительства, должны были, таким образом, быть закрыты. «Как только новый порядок упрочится, -- обещал декрет, — всякие

³⁶ *ДЕКРЕТЫ...*, т. I, с.24-25. Авторство декрета приписывает Луначарскому Юрий Ларин. См.: «Народное хозяйство», №1, 1918, с.16-17.

административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода...»

С февраля 1917 года страна уже привыкла к нападкам на газеты и разгрому типографий. Вначале разгрому подверглась «реакционная» пресса; позднее, в июле, та же участь постигла большевистские органы печати. Сами большевики расширили и легально оформили это беззаконие. Уже 26 октября для подавления протеста против государственного переворота они организовали погромы большинства оппозиционных органов печати, действуя по инструкции, подготовленной заранее Военно-Революционным Комитетом. Так, «Наше общее дело» Владимира Бурцева, занимавшее стойкую антибольшевистскую позицию, было закрыто, а редактор его арестован; то же самое произошло с меньшевистским «Днем», с кадетской «Речью», с правым «Новым временем» и право-центристскими «Биржевыми ведомостями». Типографии, в которых печатались «День» и «Речь», были конфискованы и переданы большевистским журналистам³⁷. Однако вскоре большая часть закрытых ежедневных изданий вновь стала выходить под другими названиями.

Декрет о печати стал новым способом узаконить погромы против прессы в качестве правительственной политики. Если бы этот декрет был целиком проведен в жизнь, он одним махом упразднил бы традицию неофициальной печати, восходившую еще к царствованию Екатерины II, а после революции 1905 года и вовсе принятую как нечто само собой разумеющееся. Беззаконие было настолько полным, что в Москве контролируемый большевиками Военно-Революционный комитет даже аннулировал декрет, объявив 21 ноября, что экстренные меры отменяются и пресса вновь пользуется полной свободой³⁸. В ЦИКе большевик Ларин осудил декрет о печати и предложил резолюцию, требующую его отмены³⁹. 26 ноября 1917 года Союз писателей выпустил одноразовую публикацию, названную «Газета-протест», на страницах которой крупнейшие русские литераторы выразили свой гнев по поводу этой попытки уничтожить свободу слова. Короленко писал, что, читая ленинский указ, он «краснел от стыда и возмущения»:

Я спрашиваю опять: кто и по какому праву лишил меня, как читателя и члена местного общества, возможности знать,

³⁷ А.Л.Фрайман. *ФОРПОСТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*. Л., 1969, с.166-167.

³⁸ И.Н.Любимов. *РЕВОЛЮЦИЯ...*, с.91.

³⁹ А.Л.Фрайман. *ФОРПОСТ...*, с.169.

что происходит в столице в эти трагические минуты? И кто заявляет притязание закрыть мне, как писателю, возможность свободно высказывать согражданам свои мысли об этих событиях без цензурской указки? ⁴⁰

Предчувствуя, что и этот декрет, и другие, ему подобные, особенно в области экономики, встретят твердую оппозицию со стороны съезда советов и его ЦИКа, большевики 29 октября (или сразу же после этой даты) провели еще один закон, касающийся фундаментальных вопросов взаимоотношений между правительством и советами — номинальным органом высшей власти в стране. Декрет этот назывался «О порядке утверждения и опубликования законов» и устанавливал для Совнаркома право действовать в качестве законодательного органа. Власть ЦИКа сводилась к пересмотру и отмене декретов ретроспективно, т.е. уже после их вхождения в силу. Этот документ, полностью отменяющий условия, на которых всего за несколько дней до того съезд советов разрешил большевикам сформировать правительство, вышел за подписью Ленина. Однако из воспоминаний Юрия Ларина, меньшевика, который в сентябре 1917 года перешел на сторону Ленина и сделался одним из его самых влиятельных экономических советников, — известно, что разработал и выпустил декрет сам Ларин, под свою ответственность, даже не уведомив Председателя Совнаркома. По его рассказу, Ленин узнал об этом законе, лишь прочтя его в официальной «Газете» ⁴¹.

Предполагалось, что декрет Ларина-Ленина будет действовать лишь короткое время, вплоть до созыва Учредительного собрания, но мало кто заблуждался относительно губительных последствий такого прецедента. Главные положения декрета гласили:

1. Впредь до созыва Учредительного собрания составление и опубликование законов производится в порядке настоящего постановления Временным рабочим и крестьянским правительством, избранным Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

2. Каждый законопроект поступает на рассмотрение Правительства из соответственного министерства за подписью надле-

⁴⁰ В.Г.Короленко. *ПРОТЕСТ*. — «Газета-Протест Союза Русских Писателей», 26 ноября 1917. Копия этой газеты находится в Гуверовском Институте Стэнфордского ун-та.

⁴¹ Ю.Ларин. У *КОЛЫБЕЛИ*. — «Народное хозяйство», №11, 1918, с.16-17.

жащего народного комиссара или из учрежденного при Правительстве стола законодательных предложений непосредственно за подписью заведующего отделом.

3. После утверждения Правительством состоявшееся постановление в окончательной редакции подписывается именем Российской Республики Председателем Совета Народных Комиссаров или за него внесшим его на рассмотрение Правительства народным комиссаром и публикуется во всеобщее сведение.

/.../

7. Центральный Исполнительный Комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов во всякое время имеет право приостановить, изменить или отменить всякое постановление Правительства⁴².

В определенном смысле большевики претендовали теперь на право повседневной законодательной деятельности. Этот декрет напоминал содержание 87-й статьи Основных законов Российской империи (1906 года), даровавшей обеим палатам парламента право задним числом пересмотреть «чрезвычайные» законы, принятые царским правительством.

Столь упрощенная процедура, спасавшая Совнарком от парламентской «обструкции», — могла бы порадовать Горемыкина или иного консервативного деятеля старого режима; но это было вовсе не то, чего ожидали от правительства советов социалисты. С тревогой наблюдал ЦИК за развитием событий, протестуя против нарушения своей власти бесконтрольным «хозяйничаньем» Совнаркома, издающего декреты и указы от имени ЦИКа, но без его утверждения⁴³.

Декрет о печати и декрет о порядке утверждения и опубликования законов — стали последней каплей. Вечером 4 ноября Центральный Исполнительный Комитет собрался на заседание под председательством Каменева и пригласил на него Ленина и Троцкого для объяснения правительственных действий, — почти так же как перед революцией Дума требовала от министров ответа на запросы депутатов. И сейчас левые эсеры, действуя так, как если бы они заседали в нормальном парламенте, — поставили перед правительством вопрос:

⁴² *ДЕКРЕТЫ...*, т.1, с.29-30. Дата выпуска декрета не совсем ясна: он появился в большевистской печати 31 октября и 1 ноября 1917.

⁴³ М.П.Ирошников. *СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА*. 2-е изд. Л., 1967, с.115; см. также: John Keep, ed. *THE DEBATE ON SOVIET POWER*. Oxford, 1979, p.78-79.

На 2-м Съезде Советов рабочих и солдатских депутатов было установлено, что Ц.И.К. является верховным органом, перед которым в полной мере ответственно правительство. Между тем за последние дни опубликован ряд декретов (от имени правительства), без всякого обсуждения и санкций Ц.И.К. В таком же порядке проведены правительством действия, фактически отменявшие начала гражданских свобод.

Мы предлагаем запрос к председателю Совета Комиссаров.

1. На каком основании проекты декретов и иных актов не представляются на рассмотрение Ц.И.К.

2. Намерено ли правительство отказаться от произвольно установленного им и совершенно недопустимого порядка — декретирования законов⁴⁴.

Ленин, конечно, не уважал «буржуазный» принцип «разделения власти». Здесь, как и во многих других вопросах, он копировал модель Парижской коммуны. Еще перед революцией Ленин отмечал, что коммунары сосредоточили всю правительственную власть в своих руках: это было жизненно важным для «пролетарской диктатуры». В начале октября 1917 он писал:

[Новый советский аппарат] дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т.е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и *исполнение законов*⁴⁵.

Он не раз подчеркивал преимущества «слияния управляющего и законодательного аппарата», хотя при этом и опускал указание на то, что такой властью будут наделяться «выборные представители народа».

Оказываясь перед вопросом, на который он не мог или не хотел отвечать, Ленин по обыкновению переходил в атаку, выдвигая бесчисленные обвинения: новое правительство не может быть связано «формальностями»; пассивность Керенского оказалась фатальной; те, кто задает ему вопросы относительно правительственных действий, выступают как «апологеты парламентской обструкции»; власть большевиков опирается «на доверие широких народных масс»...⁴⁶ Ни один из этих доводов

⁴⁴ ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ И КАЗАЧЬИХ ДЕПУТАТОВ II СОЗЫВА. М., 1918, с.28.

⁴⁵ В.И.Ленин. Полное собр. соч., 5-е изд., М., 1962, т.34, с.304-305.

не объяснял, почему Ленин нарушил условия, на которых ему всего лишь за неделю до того была дана власть, и собирается ли он прекратить подобную практику. Выступавший следом Троцкий дал несколько более содержательный ответ. В советском парламенте (подразумевался съезд советов и его Исполнительный Комитет), в отличие от «буржуазного», нет антагонистических классов, а следовательно, нет необходимости в «общепринятом парламентском механизме». Неизбежный подтекст этого заявления был таков: там, где нет классовых противоречий, не может быть и различия мнений. Из этого следовало, что всякое различие мнений означает *ipso facto* «контрреволюцию». Правительство и «массы», продолжал Троцкий, связаны не формальными институтами или процедурами, но «живой и непосредственной связью». Предвосхищая Муссолини, который вскоре использует те же самые аргументы в борьбе со своими соратниками, желавшими институционализации фашистской партии, Троцкий заявил: «Наша власть выражает собой действительную волю организованных масс. Пусть декреты не гладки извне, пусть непричесаны и неприглажены, но право живого творчества стоит выше формальной безупречности»⁴⁷.

Риторика и несообразности, составлявшие выступления Ленина и Троцкого, не смогли поколебать большинства членов ЦИКа. Неловкость испытывали даже некоторые большевики. Левые эсеры, например, В.А.Карелин, заговорили более жестким тоном:

[Я протестую] против злоупотребления термином буржуазности. Отчетность и строгий порядок в мелочах не являются обязательным лишь для буржуазной власти. Не будем играть словами и прикрывать наши ошибки и промахи отдельным, одиозным словом. И пролетарская власть, как власть по существу народная, должна идти навстречу контролю над собой. Ведь если предприятие переходит в руки рабочих, то тем самым не упраздняется же бухгалтерия и отчетность. Между тем, скоропалительность выпечки декретов, часто избыточных не только юридическими упущениями, но зачастую неграмотных, приводит к еще большим осложнениям положения, особенно на местах, где привыкли принимать закон таким, каким он дается сверху ⁴⁸.

⁴⁶ В.И.Ленин. Полное собр. соч., 5-е изд., т.35, с.58.

⁴⁷ ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ..., с.31.

⁴⁸ ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ..., с.32.

Другой левый эсер, Прошьян, заявил, что большевистский декрет о прессе дает «яркое и определенное выражение системы политического террора и разжигания гражданской войны»⁴⁹.

Большевики легко выиграли голосование по поводу декрета о печати. Предложение отменить его, внесенное Лариным и поддержанное другим большевиком, Рязановым, было забаллотировано тридцатью четырьмя голосами против двадцати четырех при одном воздержавшемся⁵⁰. Однако несмотря на эту поддержку ЦИКа, большевикам так и не удалось заткнуть рот прессе вплоть до августа 1918, когда они одним махом уничтожили все неподконтрольные им русские газеты и периодические издания. До того дня в Советской России сохранялось поразительное разнообразие газет и журналов, включая либеральные и даже консервативные органы печати, которые, несмотря на постоянные помехи, цензуру и закрытие, все-таки ухитрились существовать.

Нерешенным оставался критический вопрос ответственности Совнаркома перед ЦИКом. Чтобы покончить с ним, большевистское правительство, в первый и последний раз в своей истории, согласилось на голосование вотума доверия, внесенного левым эсером В.Б.Спиро: «Центральный Исполнительный Комитет, заслушав объяснения, представленные Председателем Совета народных комиссаров, признал их неудовлетворительными». Большевик М.С.Урицкий тут же внес контр-резолюцию, выражающую доверие ленинскому кабинету:

Центральный Исполнительный Комитет по поводу внесенного запроса устанавливает:

1. Советский парламент рабочих масс не может иметь ничего общего по своим методам с буржуазным парламентом, где представлены разные классы с противоположными интересами и где представители правящего класса превращают регламент и наказ в орудие законодательной обструкции.

2. Советский парламент не может отказать Совету Народных Комиссаров в праве издавать без предварительного обсуждения Ц.И.К. неотложные декреты в рамках общей программы Всероссийского Съезда Советов.

3. В руках Ц.И.К. сосредотачивается общий контроль над всей деятельностью Совета Народных Комиссаров и возможность сменять правительство или отдельных членов его...⁵¹

⁴⁹ И.Н.Любимов. *РЕВОЛЮЦИЯ...*, с.73.

⁵⁰ А.Л.Фрайман. *ФОРПОСТ...*, с.170. Перед голосованием большевики ввели в состав своей фракции ЦИКа еще пятерых надежных ленинцев. (См.: И.Н.Любимов. *РЕВОЛЮЦИЯ...*, с.72).

⁵¹ *ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ...*, с.31-32.

Резолюция Урицкого строилась на ложной предпосылке о том, что Второй съезд советов сформулировал некую «общую программу». В действительности же, кроме утверждения (временного) нескольких основных законов, которые должно было пересмотреть Учредительное собрание, этот съезд оставил всю полноту законодательной власти самому Учредительному собранию, а до его созыва установил жесткую отчетность временного правительства перед Центральным Исполнительным Комитетом.

Резолюция Спиро, выражавшая недоверие правительству, была отклонена двадцатью пятью голосами против двадцати. Результаты голосования объяснялись уходом девяти большевиков, в том числе и нескольких комиссаров, объявивших на этом заседании о своей отставке. Такая «отрицательная» победа не удовлетворила Ленина. Он хотел твердого и недвусмысленного признания за правительством права на законодательную деятельность, как этого требовала резолюция Урицкого. Однако Ленин вовсе не был убежден в исходе голосования, поскольку фракция большевиков неожиданно поредела. Предварительный подсчет голосов показал, что резолюцию Урицкого ожидает ничейный результат (23 на 23). Чтобы избежать этого, Ленин и Троцкий объявили о своем намерении принять участие в голосовании, что было равносильно тому, как если бы министры, представлявшие закон на утверждение законодательному органу, голосовали сами. Будь русские «парламентарии» немного опытней — они, безусловно, отказались бы участвовать в этой комедии. Но члены ЦИКа остались и согласились на голосование. Резолюция Урицкого прошла двадцатью пятью голосами против двадцати трех. Решающие два голоса принадлежали Ленину и Троцкому. Таким образом, с помощью простой уловки оба большевистских лидера присвоили себе законодательную власть, а Центральный Исполнительный Комитет и представляемый им съезд советов превратили из законодательного в консультативный орган⁵².

Позднее в тот же самый день Совнарком провозгласил, что все его декреты приобретают силу государственного закона с того момента, как они появляются на страницах официальной «Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства».

⁵² В декабре 1919 даже та небольшая власть, что еще оставалась у ЦИКа, была передана его председателю, превратившемуся в «главу государства». Сессии, вначале предполагавшиеся постоянными, стали созываться все реже и реже: в 1921 году ЦИК собирался всего трижды. См.: E. H. Carr. *THE BOLSHEVIK REVOLUTION*, I, New York, 1951, p. 215.

Теперь Совнарком легально сделался тем, чем фактически являлся с самого возникновения — органом, объединявшим в своих руках исполнительную и законодательную власть. ЦИКУ еще надолго было оставлено право обсуждать правительственные действия, право, которое хотя и не давало ему решительно никакого влияния на политику, тем не менее, позволяло выход для критики и недовольства. Но после июня-июля 1918, когда все не-большевики были выброшены из ЦИКа, он окончательно превратился в простую машину для голосования, где большевистские депутаты в соответствии с заведенным порядком «утверждали» решения большевистского Совнаркома, который, в свою очередь, выполнял директивы большевистского Центрального комитета.

Это неожиданное и полное крушение демократических сил и их последующая неспособность отстоять свою конституционную власть напоминает поражение Верховного Тайного Совета, в 1730 году попытавшегося наложить на русскую монархию конституционные ограничения. Тогда, как и теперь, твердого «нет» самодержца оказалось достаточно, чтобы подавить возмущение и положить конец попыткам подчинить правительство внешнему контролю.

С этого времени Россия управлялась декретами. Ленин получил те же самые прерогативы, какими пользовались цари до Октябрьского манифеста: его воля была законом. По словам Троцкого: «С момента объявления временного правительства низложенным, Ленин систематически, и в крупном и в малом, действовал, как правительство»⁵³. Декреты, которые Совнарком выпускал с этих пор, полностью соответствовали самодержавным указам, касаясь, как и последние, одновременно и самых фундаментальных, и самых тривиальных вопросов и так же входя в силу с того момента, как самодержец скреплял их своей подписью. Декреты приобретали силу закона лишь после того, как их подписывал Ленин, даже если они и выпускались по инициативе кого-либо из комиссаров⁵⁴. Подобную практику, вероятно, одобрили бы и Николай I, и Александр III. Режим правления, установленный большевиками всего за две

⁵³ Л.Троцкий. *О ЛЕНИНЕ: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ*. М., [1924], с.102.

⁵⁴ С.Пионтковский. *ЛЕНИН В СОВНАРКОМЕ*. — «Борьба классов», №1, 1934, с.112.

недели, прошедшие с октябрьского переворота, означал возврат к самодержавному строю, господствовавшему в России до 1906 года. За несколько дней коммунистическая партия стерла в истории страны конституционную практику двенадцати предшествующих лет, словно ее никогда и не было.

Однако была в России общественная группа, которая не принимала участия в общенациональном «дуване» и не дала увлечь себя «блеском наживы». Это была интеллигенция. С беспредельным энтузиазмом приветствовала она Февральскую революцию и столь же единодушно отвергла октябрьский переворот и все, что за ним последовало. Один из коммунистических историков в рассказе о взаимоотношениях между большевистским правительством и интеллигенцией допускает, что эта общественная группа — студенты, профессора, артисты и т.д. — в подавляющем большинстве своем выступила против большевистского государственного переворота. Другой — говорит о том, что интеллигенция «почти поголовно» занялась «саботажем»⁵⁵. Большевикам потребовалось несколько месяцев особых усилий, включавших чередование кнута и пряника, для того, чтобы сломить сопротивление интеллигенции. Она начала сотрудничать с властями лишь тогда, когда стало совершенно ясно, что они останутся и что продолжение бойкота только усиливает страдания народа.

Самым драматическим свидетельством неприятия русскими образованными классами октябрьского переворота стало начало всеобщей забастовки служащих государственного и частного сектора. Хотя большевики и тогда, и в дальнейшем объявляли эту акцию «саботажем», в действительности это была грандиозная мирная демонстрация протеста против разрушения демократии, устроенная гражданскими служащими всех профессий⁵⁶. Забастовка должна была продемонстрировать большевикам их неприятие страной и в то же время сделать невозможным для

⁵⁵ С.А.Федюкин. *ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ*. М., 1972; Е.Игнатов. *ТАКТИКА БОЛЬШЕВИКОВ И УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ*. — «Пролетарская революция», № 4/75, М., 1928, с.34.

⁵⁶ История этих событий освещена крайне тенденциозно. См.: Д.Антошкин. *ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ СЛУЖАЩИХ, 1917-1924 гг.* М., 1927; З.А.Мирецкий. *ДВИЖЕНИЕ СРЕДИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В 1917 г.* — в кн. А.Анского *ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕТРОГРАДЕ В 1917 г. ОЧЕРКИ И МАТЕРИАЛЫ*. Л., 1928, с.231-241.

них управление государством. Вспыхнула она стихийно, но быстро приобрела организационную структуру, сначала в форме отдельных забастовочных комитетов в министерствах, банках и других учреждениях, слившихся затем в единый Комитет Спасения Родины и Революции. Штаб-квартира его находилась в Петроградской городской думе, а составляли Комитет поначалу — сами члены городской думы, ЦИКа советов, распущенного большевиками, представители Всероссийского съезда крестьянских советов (который не участвовал во Втором съезде), Объединение союзов государственных служащих и несколько отраслевых объединений чиновников (включая союз почтовых работников). Постепенно к Комитету присоединились представители всех социалистических партий, кроме левых эсеров. Комитет призвал страну к отказу от сотрудничества с узурпаторами и борьбе за восстановление демократии⁵⁷, а 28 октября потребовал от большевиков отказа от власти⁵⁸.

29 октября Петроградский союз государственных служащих вместе с Комитетом (который, по-видимому, финансировал забастовку) призвали всех сотрудников правительственных учреждений прекратить работу⁵⁹. Это обращение получило широкий отклик, и вскоре во всех министерствах Петрограда работа остановилась: кроме швейцаров и небольшой группы чиновников низшего ранга, служащие либо вовсе не являлись в учреждения, либо прекратили всякую трудовую деятельность. Только что назначенные большевистские народные комиссары оказались не в состоянии принять дела в собственных министерствах. Они толпились в штаб-квартире Ленина в Смольном, откуда рассылали приказы, на которые никто не обращал внимания. Доступ в министерства был для них закрыт. Как рассказывает один из очевидцев, народные комиссары, появлявшиеся в министерствах, находили там лишь курьеров, уборщиц да привратников. Остальной персонал отказывался признать их власть и не являлся на службу⁶⁰. Когда Троцкий рискнул посетить министерство иностранных дел и объявил собравшимся сотрудникам о том, что он назначен новым министром, — заявление это было встречено «ироническим смехом», и, не обращая внимания на требование

⁵⁷ И.Н. Любимов. *РЕВОЛЮЦИЯ...*, с.3.

⁵⁸ И.Н.Любимов. *РЕВОЛЮЦИЯ...*, с.14.

⁵⁹ «Воля народа», №156, 29 октября / 10 ноября 1917, цит. по: James Bu-
nyan and H.H.Fisher. *THE BOLSHEVIK REVOLUTION*, Stanford, Cal., 1934,
p.225.

⁶⁰ «Власть советов», №11, 1919, с.5.

возобновить работу, чиновники разошлись по домам⁶¹. Комиссар по труду Шляпников столкнулся с точно такой же реакцией служащих, когда попытался приступить к обязанностям в своем министерстве⁶². Таким образом, большевики попали в совершенно абсурдную ситуацию, когда через несколько недель после взятия власти Совнарком был все еще неспособен убедить государственных служащих продолжать работу. Правительство повисло в воздухе, и ему оставалось полагаться лишь на отряды вооруженных матросов и красногвардейцев.

Забастовка быстро охватила и другие учреждения. Частные банки закрылись 26-27 октября. 1 ноября Всероссийский союз почтовых и телеграфных служащих объявил, что призывает всех своих членов к общенациональной стачке, если большевистское правительство не согласится на создание коалиционного кабинета⁶³. В ответ чиновники телеграфно-телефонного ведомства начали забастовку в Петрограде, Москве и нескольких губернских городах. 2 ноября объявили стачку фармацевты. 7-го остановился водный транспорт. Вскоре забастовали учителя. 8 ноября Петроградский союз типографских рабочих заявил, что если большевики попытаются провести в жизнь декрет о печати, типографии также прекратят работу.

Самой болезненной из этих акций протеста оказалась для большевиков забастовка Государственного банка и Государственного казначейства. Если правительство еще как-то ухитрилось издавать декреты или проводить внешнюю политику без министерских служащих, то уж обойтись без денег оно не могло. Банк и казначейство отказывались удовлетворять финансовые требования Совнаркома на том основании, что он не являлся законным правительством. Курьеры, приезжавшие из Смольного с приказами, подписанными народными комиссарами, возвращались с пустыми руками. Служащие банка и казначейства признавали только Временное правительство и выплачивали крупные суммы его представителям, которые частным порядком по-прежнему собирались в Петрограде. Точно так же банк и казначейство выплачивали деньги законным муниципальным и военным властям. 4 ноября в ответ на обвинение со стороны большевиков в том, что его действия причиняют народу лише-

⁶¹ «Дело народа», №191, 10/17 ноября 1917, с.3, цит. по: J.Bunyan and H.H.Fisher. *BOLSHEVIK REVOLUTION*, p.226.

⁶² *ПРОТОКОЛЫ II ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА КОМИССАРОВ ТРУДА*, 1918, с.9, 17 (цит. по: Margaret Dewar. *LABOUR POLICY IN THE USSR*, London, 1956, p.17-18).

⁶³ И.Н.Любимов. *РЕВОЛЮЦИЯ...*, с.50.

ния, Государственный банк объявил, что лишь за предшествующую неделю он выплатил 610 миллионов рублей на нужды населения и вооруженных сил; 40 миллионов из этой суммы было выдано представителям Временного правительства⁶⁴.

Для большевиков все это создавало совершенно нетерпимое положение. 30 октября Совнарком приказал всем государственным и частным банковским учреждениям приступить на следующий же день к работе. Он предупредил, что отказ учитывать законные чеки и финансовые документы, исходящие от правительственных организаций, повлечет немедленный арест дирекции⁶⁵. Под этой угрозой несколько частных банков вынуждены были открыть двери, однако, по-прежнему не хотели признавать чеков Совнаркома.

Отчаянно нуждаясь в деньгах, большевики решили прибегнуть к более жестким мерам. 7 ноября большевистский комиссар финансов Менжинский появился в Государственном банке с группой вооруженных матросов и солдат. Он потребовал 10 миллионов рублей. Банк вновь отказался выдать деньги. Спустя четыре дня Менжинский вернулся с еще более внушительным отрядом и предъявил ультиматум: если в течение двадцати минут ему не будут выданы деньги, персонал Государственного банка не только потеряет работу и право на пенсии, но все служащие призывного возраста будут немедленно мобилизованы. Банк держался твердо. И хотя Совнарком уволил нескольких его работников, но и после двух недель пребывания у власти большевики так и не могли получить денег.

14 ноября конторские служащие петроградских банков собрались на совещание, чтобы выработать дальнейший план действий. Чиновники Госбанка в подавляющем большинстве проголосовали за продолжение забастовки и отказ признавать большевистское правительство. Служащие частных банков пришли к такому же решению. Персонал Государственного казначейства 142 голосами против 14 отклонил требование большевиков допустить их к государственным резервам. Отвергли сотрудники государственного банка и просьбу Совнаркома о «краткосрочной ссуде» в 25 миллионов рублей⁶⁶.

⁶⁴ «Новая жизнь», №178/172, 11/24 ноября 1917, с.3; Б.М.Морозов. *СОЗДАНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА*. М., 1957, с.52.

⁶⁵ *ДЕКРЕТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*, т.1, с.27-28.

⁶⁶ «Новая жизнь», №182/176, 16/29 ноября 1917, с.2; №185/179, 19 ноября / 2 декабря, с.3.

Большевики решились прибегнуть к силе. 17 ноября Менжинский вновь появился в Государственном банке. В здании не было никого, кроме сторожей и курьеров. Под конвоем доставили руководителей банка. И когда они вновь отказались выдать деньги, красногвардейцы силой оружия принудили их открыть сейф, откуда Менжинский извлек 5 миллионов рублей. Сложив их в бархатную сумку, комиссар финансов отвез деньги в Смольный и триумфально вручил Ленину⁶⁷. Вся операция очень напоминала обычное ограбление банка.

Теперь большевики наконец обеспечили себе доступ к государственной казне. Однако забастовка банковских служащих продолжалась, несмотря на периодические аресты дирекции. Почти все финансовые учреждения оставались закрыты, а Госбанк, занятый отрядом красногвардейцев, по-прежнему не работал. Как мы еще увидим, ЧК, т.е. политическая полиция, была создана в декабре 1917 года специально для того, чтобы сломить забастовку банковских служащих, ставшую для новых правителей непреодолимым препятствием.

Проведенное в середине декабря в Петрограде обследование главных государственных учреждений показало, что работа полностью остановилась в министерствах иностранных дел, просвещения, юстиции, снабжения и транспорта, в то время как в Государственном банке царил полный хаос⁶⁸. В ноябре-декабре 1917 года забастовки служащих вспыхнули также и в других городах России, хотя здесь они носили менее организованный характер. Так, в середине ноября забастовали муниципальные рабочие Москвы; 3 декабря к ним присоединились их петроградские коллеги.

Все эти стачки преследовали одну цель: вынудить большевиков отказаться от диктаторской власти. По существу, они должны были повторить Всероссийскую забастовку 17 октября 1905 года, заставившую Николая II отказаться от самодержавия. Именно эта грандиозная манифестация народного сопротивления, напоминавшая Всероссийскую стачку, убедила многих большевиков, таких как Каменев, Зиновьев, Рыков, — что их партия не сможет продолжать в одиночестве и должна поделить власть с другими социалистами.

⁶⁷ Н.Осинский в «Экономической жизни», №1, 6 ноября 1918. См. также: А.М.Гиндин. *КАК БОЛЬШЕВИКИ ОВЛАДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННЫМ БАНКОМ*. М., 1961.

⁶⁸ «Наш век», №6, 6/18 декабря 1917.

В середине ноября большевики перешли в контрнаступление. Для защиты собственной власти они в буквальном смысле захватили и оккупировали одно за другим практически все общественные здания Петрограда и под угрозой сурового наказания принудили служащих выйти на работу. Случай, о котором сообщали газеты того времени, был типичным для большинства учреждений. Он отражал практику, которую большевики называли «ликвидацией саботажа». По существу же, они силой утверждали свою власть над государственным аппаратом, который отказывался признать Совнарком как законное правительство.

28 декабря [с.с.] большевиками захвачен департамент таможенных сборов. Во главе захватчиков находится таможенный чиновник Фаденев.

Накануне рождественских праздников, после общего собрания служащих департамента, Фаденев отдал приказ приступить к занятиям с 28 декабря в полном составе, угрожая, что неявившиеся будут считаться уволенными со службы и против них будут возбуждены преследования.

28 декабря помещение департамента было занято досмотрщиками.

Департаментские большевики впускали только тех служащих, которые соглашались дать подписку о полном подчинении «Совету народных комиссаров»⁶⁹.

Вслед за этим власти уволили высших чиновников департамента таможенных сборов, заменив их мелкими конторскими служащими, многие из которых перешли на сторону большевиков. Этот пример повторялся вновь и вновь, поскольку большевики, привлекая мелких чиновников посулами быстрой карьеры, в буквальном смысле слова завоевывали остальной аппарат государственного управления. И только к середине января 1918 года им удалось сломить забастовку служащих, вспыхнувшую после разгона Учредительного собрания.

В течение первых трех недель большевистской диктатуры Совнарком вел исключительно «бумажное» существование, поскольку в его распоряжении не было ни денег, ни исполнителей изданных им приказов. Большевистские комиссары, не способные принять дела в собственных министерствах, толпились в 67-й

⁶⁹ ЗАХВАТ ДЕПАРТАМЕНТА ТАМОЖЕННЫХ СБОРОВ. — «Наш век», 30 декабря 1917, с.3.

комнате Смольного, где помещался штаб Ленина. Сам Ленин, панически боявшийся покушений на собственную жизнь, распорядился, чтобы в его кабинет «не пропускать никого кроме народных комиссаров»⁷⁰. В качестве первого штатного сотрудника Ленин подобрал себе 25-летнего Н.П.Горбунова, назначив его секретарем Совнаркома. Не имевший никакого административного опыта Горбунов конфисковал пишущую машинку и стол и принялся выстукивать одним пальцем правительственные распоряжения⁷¹. В качестве следующего помощника Ленин выбрал В.Бонч-Бруевича, убежденного большевика и в то же время последователя русских сектантов. Горбунов и Бонч-Бруевич наняли канцелярских служащих, в частности, машинисток. Если судить по их групповой фотографии, это были чистенькие молодые девицы из добропорядочных буржуазных семей. К концу года штат совнаркомовских работников составлял 48 человек; в следующие два месяца он увеличился еще на 17 сотрудников.

До 15 ноября 1917 года Совнарком не устраивал регулярных собраний. По сообщению Горбунова, было проведено лишь одно заседание — 3 ноября, и единственным вопросом в повестке дня был доклад Ногина о перестрелке в Москве. В течение этого периода законодательные акты выпускались по инициативе большевистских функционеров, обычно после короткой беседы с Лениным. По рассказу Ларина⁷², лишь два из первых пятнадцати декретов советского правительства обсуждались на заседаниях Совнаркома: декрет о печати, написанный Луначарским, и декрет о выборах в Учредительное собрание, подготовленный самим Лариным.

Первое регулярное заседание правительства состоялось 15 ноября. Повестка дня включала 20 вопросов. Было решено, что комиссары по возможности быстро съедут из Смольного и примут соответствующие министерства, что и было сделано в продолжение следующих недель и при помощи вооруженных отрядов, которые изгоняли бастующих чиновников из министерских зданий.

С этого дня Совнарком начал собираться регулярно, почти каждый вечер. Заседания проходили на третьем этаже Смольного и иногда затягивались на всю ночь. Штат сотрудников Совнаркома оставался неопределенным, и когда появлялась

⁷⁰ ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК, т. XXXV, с. 7.

⁷¹ Статья Н. Горбунова в «Правде», №255/3787, 6/7 ноября 1927, с. 9.

⁷² Ю. Ларин. У КОЛЫБЕЛИ..., с. 16-17.

нужда, набиралось множество мелких служащих и технических специалистов, не состоявших в большевистской партии. Поначалу новые министры, или комиссары, лишь недавно отошедшие от долголетней подпольной революционной работы, чувствовали себя крайне неловко и стесненно в непривычном для них официальном положении. Специалист по лесному хозяйству меньшевик Либерман, который иногда присутствовал на заседаниях Совнаркома, так описывает их обстановку:

Совещания высшего исполнительного органа Советской России, на которых председательствовал Ленин, проходили в необычной атмосфере. Несмотря на все усилия назойливого секретаря придать каждой такой встрече торжественный характер заседания совета министров, — невозможно было избавиться от ощущения, что присутствуешь на собрании подпольного революционного комитета! Долгие годы мы входили в различные подпольные организации, и все окружающее казалось таким знакомым. Многие комиссары оставались в пальто и шинелях; большинство было одето в уродливые кожаные куртки. Зимой некоторые носили валенки и толстые свитера. Во время совещаний никто не раздевался.

Один из комиссаров, Александр Цурюпа, почти всегда был болен. Он участвовал в совещаниях полулежа, протянув ноги на соседний стул. Некоторые из ленинских помощников предпочитали не садиться у стола заседаний, а устраивались на стульях, беспорядочно разбросанных по всей комнате. Только Ленин, как председатель собрания, неизменно занимал место за столом, делая это скромно и вполне пристойно. Фотиева, его личный секретарь, садилась позади него⁷³.

Ленина раздражало многословие и неточность его коллег, которые вели себя так, словно все еще находились в подполье. Он разработал твердые правила проведения совнаркомовских заседаний. Внимание, которое эти правила уделяли мельчайшим деталям, позволяет понять, что имел в виду Троцкий, отмечавший в Ленине сочетание качеств крупного революционного лидера и педантичного бухгалтера. Ленин настаивал на тщательной подготовке повестки дня заседаний:

От каждого комиссара, вносящего какой бы то ни было вопрос в порядок дня Совета народных комиссаров, требовать предварительного п и с ь м е н н о г о заявления с указанием:

⁷³ S.Liberman. *BUILDING LENIN'S RUSSIA*. Chicago, 1945, p.13.

а) В чем состоит вопрос (кратко), (это указание не может ограничиться одной ссылкой /«о том-то»/, а должно состоять в изложении содержания вопроса).

б) Что именно предлагается Совету Нар[одных] Ком[иссаров]? (дать деньги, принять такую-то резолюцию и т.п. точные указания, чего хочет вносящий запрос).

в) Затрагивает ли данный вопрос ведомства других комиссаров? каких именно? есть ли от них письменные заключения? Ленин⁷⁴.

Чтобы заставить комиссаров вовремя являться на совнаркомовские заседания, Ленин установил систему штрафов за опоздание: 5 рублей за получасовое, 10 — за более длительное⁷⁵.

С момента образования Совнаркому приходилось решать самые различные вопросы, многие из которых касались управляющего аппарата и кадров. По рассказу Либермана, на заседаниях, в которых ему приходилось участвовать, никогда не обсуждалась собственно политика, но исключительно средства ее проведения в жизнь:

Я никогда не слышал доводов по принципиальным вопросам; обсуждение постоянно крутилось вокруг поисков наилучших способов реализовать принятые решения. Что же касается принципиальных проблем, они рассматривались в другом месте — в Политбюро коммунистической партии /.../ Два известных мне высших правительственных органа — Совет Народных Комиссаров и Совет Труда и Обороны — обсуждали лишь практические пути для осуществления директив, уже принятых внутривластной высшей инстанцией — Политбюро⁷⁶.

⁷⁴ «Борьба классов», №1, 1934, с.107. Джей Ловстоун, один из создателей Американской коммунистической партии, рассказывал автору, что однажды, разговаривая с Лениным, он достал несколько небольших карточек, размером три на пять дюймов. Ленин поинтересовался, для чего они. Когда же Ловстоун ответил, что, уважая ленинское время, он записал на них все, что хотел спросить, — его собеседник заметил, что когда все русские заведут подобные карточки, это и будет означать, что в России построен коммунизм.

⁷⁵ Д.А.Чугаев (ред.). *ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*, т.1, М., 1963, с.140.

⁷⁶ S.Liberman. *BUILDING LENIN'S RUSSIA*, p.13. Протоколы совнаркомовских совещаний составляют самый важный, после протоколов заседаний ЦК, источник по ранней большевистской политике. Они хранятся в Центральном партийном архиве (ЦПА) при ИМЭЛ в Москве — «фонд 19», и доступны лишь самым доверенным коммунистическим историкам. Остальные ученые вынуждены довольствоваться их неполным пересказом, например таким, как в работе: *ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН: БИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА*. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Т.5-12, М., 1974-82. (См. также: Е.Б.Генкина. *ПРОТОКОЛЫ СОВНАРКОМА РСФСР*. М., 1982). Недоступность этих документов — одна из крупнейших помех при изучении истории русской революции.

8 декабря 1917 года был создан Малый Совнарком для того, чтобы разгрузить правительство от массы мелких вопросов, затоплявших его совещания. О структуре работы Малого Совнаркома известно немного.

Правительственные решения становились законом после того, как, подписанные Лениным и обычно еще кем-либо из комиссаров, они появлялись в официальной «Газете» («Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства»), первый выпуск которой приходится на 28 октября. Это давало таким решениям статус декретов — термин, неизвестный ранее в русской юридической практике и заимствованный из законодательных актов времен Французской революции. Указы, которые народные комиссары выпускали по собственной инициативе, обычно назывались постановлениями. Однако такая процедура соблюдалась лишь в теории. Иногда — особенно в случае явно непопулярных законов — Ленин предпочитал, чтобы декреты выпускал Центральный Исполнительный Комитет, а подписывал его председатель Свердлов. Эта уловка перекладывала ответственность с большевиков на советы. Несколько важных законов вообще никогда не были опубликованы, например, закон о создании ЧК. Другие, как например, учреждение практики взятия заложников (сентябрь 1918-го), стоившей жизни тысячам невинных граждан, — издавались от имени комиссара внутренних дел (последний указ был опубликован в «Известиях», но так и не включался в свод советских законов и декретов). Большевики быстро вернулись к практике законодательной деятельности царских времен, широко используя секретные распоряжения, которые никогда не публиковались в тогдашней печати, а многие из которых остались неопубликованными и по сей день. Особенно часто правительство прибегало к такой процедуре в случаях, когда дело касалось репрессий, проводимых военными отрядами или ЧК.

В первые месяцы большевистской власти множество декретов было принято не столько из-за их практического значения, сколько в целях пропаганды. Не имея средств для проведения своих законов в жизнь и не будучи уверен в долговечности своего режима, Ленин рассматривал свои ранние законы как средство воспитания населения и модель для будущих поколений революционеров — почти так же, как делали это законодатели Парижской коммуны⁷⁷. Это обстоятельство помогает объяснить небрежность формулировок множества ранних законодательных актов нового режима. Ленин начал серьезно следить за их стилем

⁷⁷ S.Lieberman. *BUILDING LENIN'S RUSSIA*, p.8.

лишь через три месяца после прихода к власти. 30 января 1918 года он издал декрет, требующий, чтобы все правительственные законопроекты перед обсуждением отдавались для просмотра в комиссариат юстиции, где работали опытные юристы⁷⁸. К весне 1918 года советские законодательные документы сделались настолько тяжеловесными, что было очевидно: их не только просматривали, но и готовили опытные чиновники старого режима, полностью вошедшие в советскую бюрократическую машину.

**

Напомним, что для успокоения Центрального Исполнительного Комитета Ленин и Троцкий согласились продолжить переговоры с левыми эсерами о вхождении последних в правительство и сделать еще одну попытку договориться с меньшевиками и эсерами. Впрочем, последнего они никогда серьезно не предполагали: Ленин вовсе не хотел допускать в свой кабинет главных социалистических соперников. Однако он не возражал против привлечения левых эсеров. Он знал им реальную цену: плохо организованное сборище революционных «сорвиголов», опьяняющихся собственными речами, полными «шума и ярости», и неспособных действовать по плану из-за святой веры в революционную «стихийность». Они не представляли опасности, зато были достаточно полезны. Их присутствие в Совнаркоме позволяло выбить почву из-под выдвигавшегося против большевиков обвинения в том, что они пытаются монополизировать правительственную власть; доказывало, что любая партия, готовая «принять Октябрь», т.е. большевистский переворот, — могла участвовать в управлении страной. Еще важнее было то обстоятельство, что левые эсеры могли позволить большевикам войти в контакт с крестьянством, не поддерживавшим с властью никаких отношений. Без представителей крестьян в государственных органах претензии Совнаркома на статус «рабоче-крестьянского правительства» были совершенно абсурдны, и потому связи левых эсеров с деревней казались большевикам особенно заманчивыми. Наконец, Ленин возлагал большие надежды (безосновательные, как показали дальнейшие события) на то, что левые эсеры помогут ему расколоть крестьянских депутатов в Учредительном собрании, а может быть, и дадут в нем большинство голосов коммунистам и их союзникам.

⁷⁸ *СОБРАНИЕ УЗАКОНЕНИЙ И РАСПОРЯЖЕНИЙ РАБОЧЕГО И КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА*, т.1, М., 1919, №309, с.296-297.

Переговоры двух партий велись секретно, и содержание их осталось неизвестным. 18 ноября «Известия» объявили (как выяснилось вскоре, — несколько преждевременно) о соглашении, достигнутом большевиками и левыми эсерами по поводу вступления последних в правительство. Однако переговоры тянулись еще более трех недель, в продолжение которых обе партии смогли установить тесные рабочие отношения и объединить усилия по расколу независимого крестьянского движения.

Съезд крестьянских депутатов, представлявший четыре пятых населения России, равно как и крестьянский Исполнительный Комитет, — решительно отвергли октябрьский переворот. Они не приняли участия во Втором съезде советов и вместо этого объединились с Комитетом Спасения Родины и Революции, который поддерживал свергнутое Временное правительство. Такая позиция ставила большевиков в очень неловкое положение, поскольку без связи с крестьянскими организациями выступать от имени рабочих и крестьян было невозможно. Оставалось либо подчинить себе крестьянский съезд, либо разогнать его. Стратегия большевиков, в дальнейшем использованная ими по отношению к Учредительному собранию и другим демократическим, но антибольшевистским представительным организациям, — включала три этапа. Прежде всего, они пытались добиться контроля над «мандатной комиссией» данной организации, поскольку именно она определяла состав присутствующих. Таким способом им удавалось обеспечить доступ на заседания массы коммунистических и прокоммунистических делегатов, которые, если и не гарантировали им большинства, то хотя бы давали большее представительство, чем следовало из результатов народного голосования. Если собрание, заполненное их сторонниками, все-таки отклоняло большевистскую резолюцию, они пытались сорвать его, устраивая невообразимый шум или даже применяя физическое насилие. А когда не срабатывал и этот прием, большевики объявляли собрание незаконным, покидали его и созывали параллельное, уже под своим полным контролем.

Как показали выборы в Учредительное собрание, проходившие во второй половине ноября, большевики не имели никакого влияния в сельских районах. Крестьян, которые симпатизировали им и их левозеровским союзникам, пришлось искать среди солдат и матросов, главным образом, в тыловых частях. Это предвещало крушение ленинских надежд на съезд крестьянских депутатов, намеченный на конец ноября в Петрограде. Было очевидно, что он окажется под эсеровским влия-

нием и примет резолюцию, осуждающую коммунистическую диктатуру. Чтобы помешать такому развитию событий, большевики вместе с левыми эсерами попытались использовать мандатную комиссию, в которой получили места. Они предложили за счет представителей воинских частей увеличить общее число участников съезда (обычно делегатов выбирали районные и уездные советы). Подобное требование было совершенно незаконным, хотя бы потому, что военные уже имели свое представительство в совете солдатских депутатов. Но эсеры из мандатной комиссии, желая показать широту своих демократических взглядов, неразумно согласились с этим предложением. В результате вместо подавляющего большинства голосов на крестьянском съезде, они вынуждены были довольствоваться лишь незначительным перевесом. Окончательный подсчет участников показал, что из 789 делегатов лишь 489 являлись настоящими крестьянскими представителями, избранными от сельских советов, в то время как 294 делегата в военной форме были подобраны большевиками и левыми эсерами из Петроградского и окрестных гарнизонов. По своей партийной принадлежности съезд разделился следующим образом: 307 делегатов представляли партию социалистов-революционеров, 91 — большевиков; принадлежность остальных 391 — не была объявлена, но, судя по результатам дальнейшего голосования, можно понять, что значительная часть их принадлежала к левым эсерам⁷⁹.

Занимая все ту же примирительную позицию, эсеровские руководители согласились, чтобы Мария Спиридонова, лидер левых эсеров, председательствовала на съезде. Это была еще одна необдуманная уступка, поскольку боготворимая крестьянами Спиридонова в то время полностью находилась под влиянием большевиков.

Второй съезд крестьянских депутатов открылся 26 ноября в Петрограде в Александровском зале городской думы. Большевистские депутаты, при полной поддержке левых эсеров, с самого начала обратились к своей обычной подрывной тактике: свистом и улюлюканьем они заглушали ораторов других партий, а иногда даже врываются на трибуну. Создаваемый ими беспорядок достигал таких масштабов, что Спиридоновой пришлось несколько раз прерывать заседания.

⁷⁹ «Дело народа», №222, 2 декабря 1917, с.3. Протоколы этого съезда никогда не были опубликованы. Самое полное описание его заседаний появилось в эсеровской ежедневной газете «Дело народа» между 20.11 и 13.12.1917.

Решающие события развернулись 2 декабря. В этот день несколько эсеровских ораторов выразили протест против арестов и преследований делегатов Учредительного собрания, часть из которых являлась в то же время и участниками крестьянского съезда. Во время одного из таких выступлений в зал вошел Ленин. Эсер Моисеенко, указывая на него пальцем, обратился к большевикам: «Вы доведете Россию до того, что место Николая займет Ленин. Нам не нужно никакой самодержавной власти. Нам нужна власть советов!» Как глава Совнаркома, Ленин попросил права высказаться, однако съезд отказал ему на том основании, что никто не выбирал его на пост руководителя государства. В конце концов Ленину дали слово как лидеру партии большевиков. В своей речи он облил грязью Учредительное собрание и отверг жалобы на преследования его депутатов. Однако Ленин все-таки обещал, что Собрание откроется, как только кворум из 400 депутатов соберется в Петрограде.

После его ухода Чернов внес резолюцию, отвергавшую большевистский тезис о том, что признание власти Учредительного собрания означает отказ от власти советов:

Съезд полагает, что советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, как идейно-политические руководители масс, должны быть опорными боевыми пунктами революции, стоящими на страже завоеваний крестьян и рабочих, а Учредительное собрание должно в своем законодательном творчестве претворить в жизнь чаяния масс, выраженных советами. Ввиду этого, съезд протестует против попыток отдельных групп столкнуть между собою советы и Учредительное собрание⁸⁰.

Большевики и левые эсеры тут же внесли контр-резолюцию, которая призывала съезд одобрить преследования против кадетов и ряда других депутатов Учредительного собрания на том основании, что ни само Собрание, ни его делегаты не пользовались парламентским иммунитетом⁸¹.

Резолюция Чернова была принята 360 голосами против 321. Тогда большевики убедили Спиридонову отвести результаты

⁸⁰ «Дело народа», №223, 3/16 декабря 1917, с.3. И.Н.Любимов полностью искажает смысл этой резолюции, когда говорит, что эсеры требовали передачи советами власти Учредительному собранию. См.: И.Н.Любимов. *РЕВОЛЮЦИЯ...*, с.258.

⁸¹ «Известия», №244, 6 декабря 1917, с.6-7.

голосования. На следующий день она объявила, что вчерашняя процедура является не окончательным решением съезда, но лишь «основой» для финального голосования. Смысл этого заявления был совершенно непонятен, но еще до того, как Спиридонова успела его разъяснить, в зале появился Троцкий и потребовал слова, чтобы сообщить об успехах, достигнутых на мирных переговорах в Брест-Литовске. Этот отвлекающий маневр делегаты встретили свистом. Троцкий, так и не получивший разрешения выступить, гордо удалился, а за ним последовали большевистская и левозсеровская фракции.

На следующий день, 4 декабря, большевики и левые эсеры возвратились в Александровский зал и возобновили свою подрывную тактику. Бедлам стоял такой, что ни одного оратора уже не было слышно. В конце концов эсеры и их сторонники с пением Марсельезы покинули заседание. Они отправились в сельскохозяйственный музей на Фонтанке, резиденцию Исполнительного Комитета съезда крестьянских депутатов, и там возобновили работы. С этого момента «правое» и «левое» крыло съезда собирались отдельно. Несколько попыток воссоединить их провалились из-за отказа большевиков признать действительным голосование от 2 декабря по поводу Учредительного собрания. 6 декабря большевики и левые эсеры объявили свои заседания в городской думе единственным законным выразителем крестьянских советов, хотя в действительности среди них вообще не было представителей крестьян. В дальнейшем они лишили своих противников — Центральный Исполнительный Комитет и съезд крестьянских депутатов — всякой власти, отобрали у них технический персонал и оборудование и прекратили выплату ежедневного содержания, которое правительство выдавало настоящим крестьянским депутатам. В конце концов 8 декабря большевистская и левозсеровская часть съезда присоединилась к работам ВЦИКа, находившегося под полным контролем ленинской партии.

Таким образом, большевикам удалось обманом «присвоить» себе крестьянский съезд: вначале они ввели в него делегатов, избранных не крестьянами, а ими самими, а затем — объявили этих делегатов единственными законными представителями деревни. Добиться этого без содействия партии левых эсеров они никогда бы не смогли. В награду за столь неоценимую услугу и в предположении будущих — большевики пошли на крупные уступки левым эсерам, чтобы ввести их в правительство в качестве младшего партнера по коалиции.

Обе партии достигли соглашения в ночь с 9 на 10 декабря, сразу же после ликвидации крестьянского съезда⁸². Условия этого соглашения никогда не были опубликованы, и приходится восстанавливать их из последующих событий и неофициальных заявлений. В переговорах левые эсеры потребовали нескольких вещей: отмены декрета о печати, включения других социалистических партий в правительство, упразднения ЧК и своевременного созыва Учредительного собрания. На первое требование большевики согласились и, действительно, разрешили выход всевозможных оппозиционных газет, формально не отменяя, однако, декрета о печати. Проявил Ленин миролюбие и во втором пункте. Он только спросил левых эсеров, какие из социалистических партий готовы последовать их примеру и признать Октябрьскую революцию. Поскольку партий таких не оказалось, — уступка Ленина ничего ему не стоила. По вопросу о ЧК большевики пошли на компромисс. Они не собирались ни уничтожать политическую полицию, ни законодательно ограничивать ее власть. Однако они согласились включить нескольких левых эсеров в Коллегию ЧК, где те могли бы сами убедиться в отсутствии «неоправданного террора». Что же касается Учредительного собрания, то, хотя и неохотно, но и здесь большевики удовлетворили требования левых эсеров. Почти с уверенностью можно утверждать, что ленинская партия вообще позволила созыв Учредительного собрания только по настоянию ПЛСР. Она всерьез намеревалась аннулировать результаты выборов, и отбросила этот план лишь под давлением левых эсеров. Троцкий вспоминает, как Ленин заявил ему в те дни: «Надо, конечно, разогнать Учредительное собрание, но вот как насчет левых эсеров?»⁸³

На основе этого соглашения левые эсеры вошли в Совнарком, получив в нем незначительные министерские портфели: земледелия, юстиции, почты и телеграфа, внутренних дел и местного самоуправления. Члены ПЛСР были допущены также и на подчиненные должности в другие органы государственной власти, включая ЧК, где левый эсер Александрович стал заместителем Дзержинского. ПЛСР была вполне довольна таким решением вопроса. Левые эсеры сочувствовали большевикам, оправдывали их цели, считая их разве что чуть-чуть «нетерпе-

⁸² «Известия», №249, 12 декабря 1917, с.6.

⁸³ «Правда», №91, 20 апреля 1924, с.3.

ливыми». Как сказал после заключения договора член ПЛСР Карелин: «В общем наша партия является регулятором, умеряющим излишний пыл большевиков»⁸⁴. Считать себя государственными деятелями, сдерживающими «импульсивных» старших партнеров по коалиции — было со стороны ПЛСР поразительным заблуждением.

Совместными усилиями большевики и левые эсеры развалили Второй съезд крестьянских депутатов, и это означало конец независимых крестьянских организаций в России. В середине января 1918 года большевистско-левоэсеровский Исполнительный Комитет самозванного крестьянского съезда собрал Третий съезд крестьянских депутатов, который уже полностью находился под его контролем. Одновременно было намечено провести и Третий съезд рабочих и солдатских депутатов. По этому случаю обе организации, до тех пор самостоятельные, объединились, и съезд советов рабочих и солдатских депутатов прибавил к своему имени еще и слово «крестьянских». По мнению одного из коммунистических историков, это событие «завершило процесс создания единого верховного органа советской власти» и «таким образом был положен конец правозэсеровской политике проведения крестьянских съездов отдельно от съездов советов рабочих и солдатских депутатов»⁸⁵. Однако более правильно было бы сказать, что этот вынужденный брак положил конец крестьянскому самоуправлению и завершил процесс лишения русского крестьянства политических прав.

(Окончание следует)

⁸⁴ «Новая жизнь», № 206/200, 20 декабря 1917 / 2 января 1918. Цит. по: И.Н.Любимов. *РЕВОЛЮЦИЯ...*, с.377.

⁸⁵ Х.А.Эрицьян. *СОВЕТЫ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ В ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*. М., 1960, с.143.

Д.Сегал

«СУМЕРКИ СВОБОДЫ»:

**О НЕКОТОРЫХ ТЕМАХ РУССКОЙ ЕЖЕДНЕВНОЙ ПЕЧАТИ
1917-1918 гг.**

Настоящие заметки возникли как часть более обширного исследования, посвященного некоторым теоретическим вопросам русской прозы XX века, а непосредственным стимулом обратиться к газетам эпохи Октябрьской революции послужила замечательная книга «Искусство, общество, революция. Россия 1917-1921» (на английском языке: «Art, Society, Revolution. Russia 1917-1921»), вышедшая в Стокгольмском университете под редакцией проф. Н.А. Нильссона в 1979 г. В высшей степени интересны статьи Н.Нильссона об отношении новой власти к искусству и работников искусства к большевикам и Чарльза Ругля (Charles Ruggle) о дискуссиях в среде интеллигенции в 1917-18 гг. В этих статьях поднимается принципиально новый материал, и они по-новому освещают эти важнейшие проблемы. Особенно примечательна статья Н.Нильссона о возможных отражениях октябрьских реалий в поэтическом творчестве Осипа Мандельштама.

Настоящие заметки не претендуют ни на что большее, чем привлечь внимание исследователей русской литературы и русской истории XX века на дополнительные факты, которые лишь теперь начинают собираться в осмысленную картину.

Так же как Н.Нильссон и Ч.Ругль, мы обратились к материалам, так или иначе связанным с литературой, искусством и культурой, к фактам, нашедшим свое отражение в литературе. Наше внимание, в силу давнего интереса к творчеству О.Мандельштама, прежде всего было сконцентрировано на том, что нам казалось специфичным именно для этого поэта. Были затронуты и некоторые проблемы, связанные с творчеством Анны Ахматовой в

то время. Наконец, мы не могли пройти мимо событий, которые тогдашняя русская пресса сочла необходимыми отметить, хотя они могли быть интересными лишь для национально ориентированного еврейского читателя, и здесь, конечно, невозможно обойти и более общей темы «евреи и Революция», хотя бы в том аспекте, в каком ее затрагивали русские писатели и деятели культуры.

Корпус, с которым мы работали, был, подобно коллекции Торстена Лунделла¹, неполным. Это видно хотя бы из того, что в нем имеются материалы, отсутствующие в шведской коллекции, и, наоборот, отсутствуют важнейшие названия, в этом собрании представленные. Речь идет о коллекции русской прессы из библиотеки Institutum Pontificium Orientalium в Ватикане², собранной во время судьбоносных событий 1917-18 гг. Мы отдаем себе отчет в том, что наш обзор эпизодичен и неполон, и надеемся, что сможем его дополнить в будущем.

**

Конечно, в 1917-18 гг. ежедневная петроградская пресса писала о множестве самых различных вещей — как о тех, что были связаны с величайшим в истории России социальным переворотом, так и о тех, что можно назвать «обычной жизнью» — международное положение, война, городское хозяйство, театральная жизнь, снабжение продовольствием и т.п. Историк все эти события может выстроить в тот или иной ряд, в ту или иную конкретную «Историю»: «Историю революции», «Историю Петрограда», «Историю промышленности», «Историю Советов рабочих и солдатских депутатов», «Историю театра» и т.д. и т.п. В каждом таком ряду конкретное событие, описанное в прессе, предстанет объективно взвешенным, проверенным на достоверность, на выражение той или иной точки зрения.

В нашем случае ход исследовательского поиска — обратный. Нас, покамест, не интересует общая проблема «История русской интеллигенции в эпоху революции», ни даже более обозримая проблема «Эволюция отношений русской интеллигенции к революции в 1917-18 годах». Первоначально мы шли от работы над реальным литературным текстом — «Египетской маркой» Осипа Мандельштама, семантический сюжет которой представлялся нам в виде сочетания крупных смысловых блоков, в центре которых помещался треугольник Парнок — самосуд на Фонтанке — ротмистр Кржижановский³.

Первое впечатление от чтения петроградских газет 1917-18 гг. — их поразительная близость смысловому сюжету «Египетской

марки», вернее, центральность этого сюжета для восприятия революционных событий русской прессой того времени.

Но прежде чем обратиться к этому материалу, процитируем статью писателя Михаила Пришвина «Красный гроб», напечатанную в правозсеровской газете «Воля народа» 5 ноября 1917 года. Пришвин, как нам кажется, выделяет в русской революции, как мартвской, так и ноябрьской (по новому стилю, как тогда их именовали), некоторое центральное — с точки зрения писателя, усматривающего в исторических событиях их прежде всего духовную сторону — качество: *попрание слова*, а говоря более грубо — невыносимое вранье, ложь, извращение языка, которыми с самого первого дня сопровождалась Великая революция. Именно эта коллизия — коллизия лжи и выхода из лжи — центральная в «Египетской марке». Вот что писал Пришвин:

/.../ Нельзя теперь ничего сказать, потому что все лучшие слова окутаны ложью, как нитями паразита стебли цветов полевых. Война была распятием, но последнее восстание — хула на Духа Святого. Даже слово «человек» нельзя теперь просто сказать, потому что и это священное слово стало, как продырявленная скорлупа червивого ореха.

Я не знаю, во имя какого человека свершилось восстание — того, которого пригвоздили к горе Кавказа, или которого теперь разыгрывают актеры на русской сцене — человека-обезьяну.

В марте был радостный день, когда уже замолкли выстрелы и все вышли в этот веселый солнечный день на улицу, смотрели, как сжигали на кострах деревянные гербы и короны. Еще не было газет, все тосковали по слову. Тогда показалась на Невском тележка, до верху нагруженная книжками в зеленой обложке. Все бросились ее покупать и разошлись по домам с книжками в зеленой обложке и говорили:

Самая теперь интересная книжка.

Книжка эта была история французской революции. Книжку прочли, рассказали ее своими словами в миллионах собраний, актеры разобрали себе роли и началось представление на русской сцене пьесы о человеке, созданном французской революцией.

Так и условились молчаливо, что это не больше, как представление и назвали его *бескровной революцией*, хотя было много убитых. Я спрашивал, почему хоронят в красных гробах и откуда это взялось и для чего это нужно. Мне отвечали, что во время французской революции хоронили убитых, завертывая в красную материю, и, значит, нам непременно нужно хоронить человека в красном гробу. Хоронили и пели дурной перевод Марсельезы: «вставай, подымайся, рабочий народ!»

Сердце сжималось от обиды. Для того ли я странствовал лучшие свои годы по Русской Земле, отказываясь от благ земных,

собирал драгоценные слова, записывая старинные песни хоро-
вые, свадебные и похоронные заплачки северных вояк, чтобы в радостный день воскресения русского народа пели дурную французскую песню и хоронили в красных гробах. — Дело не в стиле, — отвечали мне, — пусть представление французское, а сущность русская: наша революция бескровная.

И продолжали играть и так дошли до коммуны и как дошли...

Смутно в душе, я это предчувствовал всегда: разве так просто небо голубое, а земля покрыта зеленым ковром и молодые одеваются в светлое, а старые в темное, на свадьбу приходят в цветном, на похороны — в трауре. Я предчувствовал, что красное так не пройдет, рано или поздно взвоятся красные гробы и, увидев их, с ума сойдут и актеры и публика.

Актеры забыли, что они только актеры и разыгрывают человека, созданного французской революцией. Забыли, и вдруг французская пьеса превратилась в русскую мистерию о происхождении человека от обезьяны, страшную и невиданную миром мистерию, где на тронах сидят обезьяны, а души усопших по черным улицам вихрем носятся в красных гробах.

(М.Пришвин. Красный гроб.
— «Воля народа», 5 ноября 1917)

Статья М.Пришвина — один из многочисленных документов того времени, в котором находит свое выражение историческое мироощущение подавляющего большинства культурных и порядочных людей во время большевистского переворота: возмущение уже тогда вошедшей в традицию ложью и негодование по поводу самосудов: главная-то ложь была в том, что оба переворота — и мартовский и ноябрьский — победившие стороны поспешили объявить *бескровными*, в то время как количество жертв было весьма велико, причем жертв наиболее гнусной формы расправы — самосуда.

Примечательно, что Пришвин вспоминает о *мартовской* лжи и самосудах во время *ноябрьских* событий. Я утверждаю, что в «Египетской марке» описание *лета* 1917 года довольно прозрачно намекает на события *после* ноябрьского переворота. Обращает на себя внимание любопытное сравнение революционных событий с французской *драмой*, а революционеров с *актерами* у Пришвина и мандельштамовское «Все было приготовлено к большому *котильону*», сравнение человека в революции с *обезьяной* и *собачьи* уши участников самосуда в «Египетской марке».

Но, конечно, пришвинские образы человека, пригвожденного к горе Кавказа, и человека-обезьяны — не просто эмоциональные сравнения, они весьма прозрачно намекают на мировоззренческие

и идеологические истоки русской революции — *прометеанство*, столь явственно ощущаемое в коммунизме (ср. слова Маркса о парижских коммунарах — «герои, штурмовавшие небо» и намек Пришвина на *коммуну* — Парижскую коммуну, столь актуальный в ноябре 1917 года в условиях грозившего Петрограду немецкого наступления и надвигавшегося голода) и *дарвинизм*, одну из духовных основ русского революционного движения (ср. ироническое замечание Владимира Соловьева о том, что русский нигилист любит ближнего, потому что «человек произошел от обезьяны»); в этой связи пришвинское упоминание о «хуле на Духа Святого» прямо соотносится с соловьевскими представлениями о царстве Антихриста).

Когда обращаешься к газетам времени мартовской революции, бросается в глаза отмеченная Пришвиным в его заметке страсть к инфляции слова, злоупотреблению им, характерно также переплетение исторического и бытового, крупного и мелкого, обе черты времени, точно схваченные в «Египетской марке».

Многие газеты сообщили 23 марта по старому стилю о разгромах в Петрограде коллекции вещей Пушкина (в ночь с 3 на 4 марта, то есть, в самый разгар революционных событий):

Похищен перстень с надписью на еврейском языке /.../

(«День», 23 марта 1917)

Самым ценным /.../ является среди пропавших вещей перстень. Золотое кольцо имеет довольно большой камень сердолик, на котором выделяется еврейская надпись /.../

(«Петроградский листок» №75, 25 марта 1917)

Это — тот самый пушкинский перстень, которому поэт посвятил стихотворение «Талисман» и о котором Мандельштам упомянет в «Стихах о русской поэзии» — *Ну а перстень никому*.

С самых первых дней революция станет заниматься проблемами слова, названия, которые займут столь видное место в заботах новой власти, установившейся в ноябре. В.Водозов уже 11 марта 1917 года предупреждает в своей статье «Не тратьте времени и денег на пустяки» об опасности инфляции революционного слова, его извращения. Он открыто выступает против предложений о переименовании всех улиц и мостов с царскими названиями на названия, «знаменующие текущие революционные события» («День», 11 марта 1917).

Многое из того, что было опубликовано деятелями литературы и искусства по поводу и в честь мартовских событий, поражает ощущением инфляции слова. Так, Федор Кузмич Сологуб,

позднее ставший одним из первых в решительную оппозицию ноябрьскому перевороту, в марте 1917 года помещает в газете «Дело народа» (15 марта 1917), органе партии социалистов-революционеров, стихотворение, полное восторга и упоения свершившейся революцией, которую он с гордостью противопоставляет положению в современной Европе, где

Раб парижский иль берлинский
Все несет такой же гнет,
Как спартанский иль афинский
Плетью движимый илот.

Поэт очевидным образом забывает о том, что события, происходящие у него под окном, по крайней мере в самом начале, воспринимались, как первые шаги процесса, который лишь в конечном своем развитии должен был привести российский народ к положению «раба парижского иль берлинского».

Впрочем, многие тогда готовы были видеть в русских событиях прелюдию к немедленному осуществлению всемирной утопии. Вот что писал известный социолог Питирим Александрович Сорокин, высланный в 1922 году из России с группой «идеалиствующих» философов и социологов:

Линия поведения демократии ясна: желая вечного мира, она должна добиваться осуществления данного, а не иных проектов, а именно — всемирной федерации государств.

(«Дело народа», 16 марта 1917)

Гипостазирование, преувеличение слов, которые очень скоро начинали терять свой подлинный смысл и приобретали смысл противоположный, связаны еще с одним бросающимся в глаза явлением революционной эпохи: не только слова меняют смысл, но и люди оказываются решительно не теми, за кого они себя выдавали. Русская революция знает две основных метаморфозы: сегодняшний революционер оказывается давним сотрудником охраны — проблема провокатора, и вчерашний охранник и черносотенец сразу же занимает выдающиеся посты в революции — проблема конъюнктурщика (или проблема Ясинского, по имени известного публициста умеренно консервативного толка, сразу предложившего свои услуги революции после ноября 1917).

Все петроградские газеты дружно отмечают любопытный факт сожжения восставшей толпой, предводительствуемой «темными личностями» (большевиками?), архивов охраны.

В своей статье «Провокаторы», опубликованной в газете «День» 12 марта 1917 года, Давид Иосифович Заславский (буду-

щий главный фельетонист сталинских газет!) клеймит тех, кто сжигал архивы охранного отделения, и высказывает предположение о том, что, возможно, там содержались еще более «сногшибательные» разоблачения по адресу большевиков, чем уже успешнее (еще до сожжения архивов) попасть в печать сообщение о том, что «главный руководитель большевистской "Правды" Мирон Черномазов» оказался предателем, много лет служившим в охранке.

И в своем праведном гневе Давид Заславский не был одинок.

Вопрос о сотрудничестве большевистских главарей с охранкой поднимается в печати во время революционных событий неоднократно. Так, 10 августа 1917 года в газете «Вечернее время», редактируемой Б.А. Сувориным (сыном известного издателя А.Суворина), консервативный публицист Ал. Ксюнин публикует пространную статью «Герои Циммервальда и охранка», где утверждает на основании попавших к нему документов, что «Каменев изобличен в получении ста целковых в месяц от киевского охранного отделения». Каменев публично опроверг статью Ксюнина. Любопытно, что сразу после ее появления суворинские газеты стали одним из основных объектов преследований со стороны военно-революционных комитетов, контролируемых большевиками, и были экспропрированы в день октябрьского переворота, когда солдаты и красногвардейцы конфисковали здания, машины и бумагу суворинских изданий.

В «Воле народа» от 3 декабря 1917 года социалист-революционер В.Вьюгов так резюмирует чувства многих по отношению к политике, проводимой новой властью:

Сотни и тысячи жандармов, провокаторов, изменников, шпионов, немецких агентов и просто мерзавцев надели красную мантию, назвали большевиками, захватили власть, засели в Смольном и теперь орудут вовсю, уничтожая свободу, предавая родину и восстанавливая старый строй...

В этом разгадка черносотенной политики Смольного.

(В.Вьюгов. Черносотенцы-большевики и большевики-черносотенцы. — «Воля народа», 3 декабря 1917)

В меньшевистской газете «День» за 29 декабря 1917 сообщается об исключении из числа профессоров психоневрологического института М.Рейснера (отца Ларисы Рейснер), а из преподавателей — Е.Поливанова (будущего лингвиста) за активную «большевистскую погромную деятельность»; оба в прошлом активные черносотенцы. Любопытное подтверждение этой параллели боль-

шевизма и черносотенства мы находим в редактируемой Владимиром Пуришкевичем «Маленькой газете», в номере которой от 8 марта 1917 года можно увидеть резкие антимонархические высказывания, призывы к революционным действиям в духе большевиков, агитацию против интеллигенции и евреев и прямую поддержку большевиков.

«Египетская марка» написана через восемь лет после лета 1917 года, и это расстояние во времени является частью динамической структуры произведения. Оно входит в качестве модулирующего элемента в авторские отступления о «писании» (упоминание о модном в 1925 году Бабеле или о «телеграфном стиле», лансируемом Шкловским), в мотивы мороза, холода, кокоревских складов, «милого Египта вещей», связанные с Петербургом 1918-21 годов. Тем не менее, мотивы, актуальные для лета-осени 1917 года, не только не отошли в «Египетской марке» на задний план, но, пожалуй, поданы особенно выпукло, хотя и без дополнительного объяснения, так сказать, *sapienti sat*.

В статье «Литература как охранная грамота» (*Slavica Hierosolymitana*, N 5-6, 1981) мы приводили в качестве такого актуального намека, понятного современникам, указание на название гостиницы «Селект» на Лубянке, в которой остановился приехавший в Москву бывший ротмистр Кржижановский. Именно в этой гостинице разместилась сразу после октябрьского переворота московская, а потом Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, занявшая затем и соседнее здание страхового общества «Россия». Но в «Египетской марке» таких намеков много. Раскрыть их помогает чтение ежедневной прессы.

Намек в самом имени ротмистра Кржижановского. Имя это, конечно, выбрано не случайно. В газете «Петроградский голос» от 7 марта 1917 года упоминается новоназначенный «начальник городской милиции Петрограда Д.А. Крыжановский». Сравним это назначение с тем, как автор знакомит читателя со своим персонажем:

...Я не варьятка, чтобы отдавать им белье ротмистра Кржижановского. То не жандарм, а настоящий поручик. Тот господин и скрывался всего три дня, а потом солдаты сами выбрали его в полковой комитет и на руках теперь носят.

На это ничего нельзя было возразить, а отец Бруни умоляюще посмотрел на Парнока.

Неслучайно, по-видимому, Мандельштам дает своему поручику Кржижановскому «обрамляющие» признаки полицейского — жандармский чин до марта и служба в ЧК после октября, видимо

должность исторического «либерального полицейского» Крыжановского как-то запала ему в память. И еще одно обстоятельство: подобно тому, как милиция Временного правительства (возглавляемая Крыжановским!) оказалась бессильной в борьбе с грабежами, самосудами и погромами, так и мандельштамовский Кржижановский поворачивается спиной к творящимся у него на глазах зверствам:

Парнок бросился к нему, как к лучшему другу, умоляя обнажить оружие.

— Я уважаю момент, — холодно произнес колченогий ротмистр, — но, извините, я с дамой, — и ловко подхватив свою спутницу, брякнул шпорами и скрылся в кафе.

Более того, характерной чертой Кржижановского у Мандельштама является ложь, то самое неразличение правды и лжи — виноватых и невинных, которое печать обличала как характерную черту большевизма, да и вообще русской революции, и которое, согласно преданию, процветало в библейских Содоме и Гоморе:

Ротмистр Кржижановский шептал в преступное розовое ушко:

— О нем не беспокойтесь: честное слово, он пломбирует зуб. Скажу вам больше: сегодня на Фонтанке — не то он украл часы, не то у него украли. Мальчишка! Грязная история!

Кажется, что именно против не умеющих и не желающих распознавать ложь, растление слова направлена следующая филиппика Мандельштама, на первый взгляд, выбивающаяся из локальной композиции соответствующей главки «Египетской марки»:

На такой бумаге, читатель, могли бы переписываться каритиды Эрмитажа, выражая друг другу соболезнование или уважение.

Ведь есть же на свете люди, которые никогда не хворали опаснее инфлюэнцы и к современности пристегнуты как-то сбоку, вроде котильонного значка. Такие люди никогда себя не почувствуют взрослыми и в тридцать лет еще на кого-то обижаются, с кого-то взыскивают. Никто их никогда особенно не баловал, но они развращены, будто весь век получали академический паек с сардинками и шоколадом.

Далее Мандельштам начинает развивать мысль о легкости и безответственности Каменноостровского проспекта, которая связывается с «шалым» характером столь же легкомысленного Временного правительства.

И тут мы подходим к одному конкретному «мотиву», связанному с комплексом легкомыслия и шалого большевистского черносотенства, мотиву, крайне существенному для петроградской прессы первых дней сразу после ноябрьского переворота. Эта история, которая вследствие своей широкой известности могла запомниться Мандельштаму. Речь идет о деле Шнеура-Шпеца.

Из газет выясняется, что сразу после октябрьского переворота пресса была потрясена тем, что русский офицер в довольно высоком чине полковника добровольно взялся от имени новой власти вести парламентские переговоры — с далеко идущими полномочиями — с наступающими на Петроград немецкими войсками. Фамилия этого парламентаря-полковника была довольно экзотическая (явно нерусская!): Владимир фон-Шнеур. Учитывая, что отношение большевиков к войне не было ни для кого тайной, все органы печати в ужасе принялись выяснять, каковы полномочия этого парламентаря и что, собственно, намеревается армия делать в связи с этой миссией. Довольно быстро выяснилось, что полковник-парламентар, хотя и был тесно связан с головкой большевиков, но, во-первых, полковником никаким не был, а был всего лишь поручиком, а, во-вторых, что этот же самый господин в прошлом был рьяным и активным черносотенцем и, более того, даже предлагал свои услуги охранному отделению, о чем написал туда соответствующее письмо, которое и было торжественно обнародовано петроградскими газетами. При этом фамилия «фон-Шнеура» тогда была Шпец. Упоминались и другие неаппетитные детали его биографии, вроде кассирования из армии за растрату, отчисления из университета и проч. Одним словом, в трагической обстановке всеобщего крушения вдруг выдвигается крайне компрометирующая и легкомысленная фигура эдакого Хлестакова, предателя, перебежчика и провокатора. Большевики вынуждены были его парламентарство дезавуировать и даже объявить о предании Шнеура-Шпеца суду трибунала.

История Шнеура-Шпеца обсуждалась всеми ежедневными газетами, которые тогда выходили в Петрограде, вот некоторые из примеров: 19 ноября 1917 года газета «Вольность», издаваемая казачьими частями и редактируемая Петром Пильским, известным литературным критиком, впоследствии активно работавшим в изданиях русской эмиграции, посвящает специальную (неподписанную) корреспонденцию истории «парламентаря Шнеура и охранника Шпеца», 29 ноября 1917 близкий к партии народной свободы публицист А.Измайлов публикует в газете «Вечерний час» статью «Под барабан», где провозглашает:

...И пусть это предсмертный хрип свободного слова, но умирая оно благословляет свободу и проклинает насилие, служат которому изматерелые сыщики вроде Шнеуров-Шпецов и ошельмованные своею же средой Радеки-Крадеки.

(«Вечерний час», 29 ноября 1917)

Этой же истории посвящена статья Б.Мирского в газете «Новый Вечерний час» от 1(14) февраля 1918 года.

А.Потресов, один из лидеров меньшевиков-оборонцев, подробно анализирует феномен Шнеура-Шпеца, замечая в своей статье «Измена и контр-революция» (газета «Грядущий день» 28 ноября 1917 года), что эта история является одним из признаков того, что «идет просачивание в большевизм черносотенства».

Той же общей теме разгула черносотенной, охотнорядской стихии в революции посвящают свои статьи в газете партии народной свободы «Наш век» в номере от 3 декабря 1917 года А.С. Изгоев («Путь реставрации») и Д.Философов («Русский дух»). Оба автора не скрывают своего ужаса и омерзения перед разыгравшейся стихией погромов, насилия, издевательства и провокаторства. А.Изгоев отмечает неслучайность ненависти большевиков и вообще левых именно к кадетам.

В газете «За свободу» (орган ВЦИК первого созыва) от 18 ноября 1917 года на одной полосе помещены рядом две статьи: «Да здравствуют самосуды», в которой газета решительно выступает против большевистской тактики подстрекательства толпы на погромы и самосуды, и «Большевистский парламентар», где разоблачается Шнеур-Шпец. В них подмечена одна важная черта черносотенного большевизма — его мелкий, обыденный, несносно пошлый характер. Провокатор оказывается мелким, гадким трусом, самосуды происходят из-за коробки спичек, из-за взгляда, слова.

В газете «Воля народа» (2 декабря 1917 года) поэт П.Орешин в статье «Большой господин» с болью пишет о том, как превратились в повседневное, бытовое явление «хамство, убийства, грабительства, наглая ложь; черный, как сажа, звон вторит красному звону». На следующий день Пришвин рассказывает в своем дневнике («Воля народа», 3 декабря 1917 года) о том, как просто решается пустяковый спор в трамвае: «Перестаньте, я вас застрелю!»

А вот что писал в статье «Красные брызги» писатель Александр Грин: «Убийство стало неотъемлемой частью духовного нашего сознания — его о к р а с к о й» (газета «Наши ведомости», 30 декабря 1917 года).

Тот же мотив повседневного убийства возникает в «Египетской марке» мимоходом, в связи с темой театра (может быть, намек на распространенное сравнение большевистской революции с театром?):

Ведь и я стоял в той страшной терпеливой очереди, которая подползает к желтому окошечку театральной кассы — сначала на морозе, потом под низкими банными потолками вестибюлей Александринки. Ведь и театр мне страшен, как курная изба, как деревенская банька, где совершалось зверское убийство ради полушубка и валеных сапог. Ведь и держусь я одним Петербургом — концертным, желтым, зловещим, нахохленным, зимним.

Центральным эпизодом «Египетской марки» является сцена самосуда, когда толпа ведет топить в Фонтанке «одного человечка», укравшего «американские часы, /.../ часы белого кондукторского серебра, /.../ лотерейные часы». Во всем эпизоде явно ощущается нравственное содрогание автора и его героя перед ужасом этого пошлого, повседневного убийства, однако тон повествования нарочито сниженный, иронически сказовый:

Не Анатоля Франса хороним в страусовом катафалке, высоком как тополь, как разъезжающая ночью пирамида для починки трамвайных столбов, а ведем топить на Фонтанку, с живорыбного садка, одного человечка, за американские часы, за часы белого кондукторского серебра, за лотерейные часы.

Поголял ты, человечек, по Щербакову переулку, поплевал на нехорошие татарские мясные, повисел на трамвайных поручнях, поездил в Гатчину к другу Сережке, походил в баньку и в цирк Чинизелли; пожил ты, человечек, — и довольно!

Обратим внимание на то, что самосуд происходит летом 1917 года, которое выше характеризуется как «страшное время: портные отбирали визитки, а прачки глумились над молодыми людьми, потерявшими записку». Автор не показывает самого момента расправы, оставляя ее детали воображению читателя.

Между тем, описание одного из петроградских самосудов, причем именно в том самом месте Фонтанки, о котором говорится в «Египетской марке», можно найти в ежедневной петроградской печати за декабрь 1917 года. Мы, разумеется, не беремся утверждать, что в течение 1917 года в Петрограде на Фонтанке был всего лишь один самосуд или что Мандельштам имел в виду определенный самосуд. Отметим лишь, что в приведенном выше отрывке автор вполне сознательно вводит мотив сближения разных временных пластов, анахронизма, когда

в «монолог» нас, ведущих в 1917 топить «человечка», вводится упоминание о похоронах Анатоля Франса, происходивших как раз во время написания «Египетской марки», в 1924 году.

Сравним начало заметки «Самосуд», опубликованной в газете «День» 20 декабря 1917 года (2 января 1918 г. по новому стилю), и начало эпизода самосуда в «Египетской марке»:

Газетная заметка

19 декабря около 3 часов дня, на Гороховой улице у Фонтанки, показалась быстро продвигавшаяся к Семеновскому мосту толпа.

Впереди всех шел молодой парень, лет 25, без шапки, с разбитым лицом, в изорванном платье, кровь капала на снег. За ним еще двое таких же молодых людей — один в штатском, другой в солдатском платье, вокруг них с револьверами человек десять солдат.

Парень с окровавленным лицом все пытался что-то объяснить солдатам. Но каждый раз револьверы ближе протягивались к его лицу и отчаянные выкрики обрывались на полуслове.

Оказалось, что всех троих уличили в краже со взломом и «вели топить в Фонтанке».

«Египетская марка»

По Гороховой улице с молитвенным шорохом двигалась толпа. По середине ее сохранилось свободное место в виде карре. Но в этой отдушине, сквозь которую просвечивались шахматы торцов, был свой порядок, своя система: там выступали пять-шесть человек, как бы распорядители всего шествия. Они шли походкой адъютантов. Между ними — чьи-то ватные плечи и перхотный воротник.

Маткой этого странного улья был тот, кого бережно подталкивали, осторожно направляли, охраняли, как жемчужину, адъютанты.

Сказать, что на нем не было лица? Нет, лицо на нем было, хотя лица в толпе не имеют значения, но живут самостоятельно одни затылки и уши.

Поразительно композиционное сходство обоих отрывков: оба начинаются с упоминания *Гороховой улицы* и *толпы, движущейся (продвигающейся)* по направлению к Фонтанке, затем описывается построение толпы, где находится тот (те), кого ведут топить и как *вокруг* них выступает некоторое определенное число (*пять-шесть* человек, человек *десять*) людей, возглавляющих самосуд. Характерен мотив *лица*, — реального, избитого, окровавленного *лица* в газете и отсутствия лица в мандельштамовской метафоре, вводимой через отрицание — завершающий цитированный отрывок. Но на этом сходство, крайне знаменательное и вполне уникальное, кончается, и на первый план выходит не менее примечательное различие между двумя текстами, различие, обозначающее смысловую модификацию исходного материала писателем. Во-первых, в «Египетской марке»

снято решительное противопоставление жертвы самосуда и его чинителей, столь существенное для первоначальной заметки: исчезла капающая кровь, нет изорванного платья, нет отчаянных выкриков о пощаде, наоборот, и у жертвы и у мучителей одинаковые «ватные плечи», «перхотный воротник» и «пиджаки-вешалки». Во-вторых, угроза револьверами показана иронически темперированно как «бережное подталкивание», «оберегание».

Все это показывает, что, по всей вероятности, можно говорить о некоторой степени знакомства Мандельштама с первоначальной хроникальной заметкой из «Дня». Нет никакой возможности более точно определить степень этого знакомства — имело ли тут место воспроизведение некоей общей модели, запомнившейся по прежнему чтению (с серьезными модификациями, направленными на изменение тональности, эпизода), либо можно говорить о прямом синхронном использовании текста.

Любопытно, что именно по упоминанию о Фонтанке прекращается использование этого газетного источника, который далее подробно описывает детали самосуда: первого вора бросили в прорубь, он сразу не утонул, а вынырнул и молит о пощаде, но его все-таки забили веслами и дрекольем, второй утонул сразу же, а третьего — застрелили.

Текстовое совпадение приведенных отрывков оказывается еще более знаменательным, если сравнить с заметкой из «Дня» другую заметку о том же событии — корреспонденцию «В чаду самосудов» из «Новой петроградской газеты» за то же 20 декабря 1917 года. По всей вероятности, отчет репортера из «Новой петроградской газеты» более соответствует тому, что реально произошло, учитывая, что в нем приведены детали задержания воров, а также фамилии жертвы ограбления (несостоявшегося!) и одного из убитых во время самосуда, вовсе не вора, а заступившегося за терзаемых постороннего человека!

Вот, что писала «Новая петроградская газета»:

В чаду самосудов

Вчера толпа бросила с моста в Фонтанку двух опасных воров. Вместе с разбойниками в порыве озлобления был утоплен уполномоченный дома 6-8 по Спасскому переулку И.Ф. Костин.

Нападение на квартиру купца Елисеева.

В д.3 по Мучному переулку занимает квартиру владелец трактира на углу Екатерининского канала и Мучного пер. купец Елисеев. Вчера утром на черной лестнице раздался звонок. Прислуга открыла дверь и увидела трех неизвестных. Они ворва-

лись в квартиру. На крики вышел хозяин квартиры. Разбойники направили на него револьверы и приказали указать место, где хранятся деньги.

Жена Елисеева не растерялась, схватила бутылку и с силой швырнула ее в окно. Стекла упали на головы стоящим в «очереди» на улице женщинам. Последние подняли тревогу. Разбойники, боясь быть задержанными, выскочили на улицу и бросились бежать.

За ними кинулись прохожие и толпа, стоявшая в «очереди».

На Садовой ул. недалеко от Гороховой, один из преступников поскользнулся и упал.

Толпа бросилась к упавшему разбойнику и задержала его. Другой злоумышленник был задержан на Гороховой улице. Третий преступник успел скрыться.

Арестованных громил повели в комиссариат третьего Спасского подрайона, помещающегося на Горстकीной улице.

Когда в комиссариат привели арестованных, там находился уполномоченный дома №6-8 по Спасскому пер. И.Ф. Костин.

Костин стал убеждать толпу не совершать самосуда и просил собравшихся оставить комиссариат.

Озверевшая толпа с криками: «ты, наверное, тоже из их шайки», набросилась на Костина, и, несмотря на его уверения, что он ничего общего с ворами не имеет, вытащила его на улицу.

Толпа повела Костина и двух воров к Фонтанке.

Все трое были приведены на пешеходный мостик, соединяющий берега Фонтанки против Горстकीной улицы.

Сперва бросили в воду одного вора. Проплыв несколько шагов, преступник утонул.

Вторым был брошен в Фонтанку Костин.

Перед смертью он просил толпу не убивать его, говорил, что он ни в чем не виноват. Озлобленные люди не вняли его мольбам. Схватив за руки и за ноги, его с размаху бросили в воду.

Костин нырнул, но спустя несколько секунд показался на поверхности воды и поплыл к берегу. Тогда кто-то из толпы сел в лодку, подъехал к Костину и ударил его штыком. Несчастный потерял сознание и утонул.

Третьим был брошен в Фонтанку второй из задержанных разбойников.

Проплыв некоторое расстояние, он стал карабкаться на льдину.

В утопавшего громилу был произведен выстрел из винтовки, и он также пошел ко дну.

Во время самосуда мост и обе набережные реки Фонтанки были усеяны громадной толпой любопытных.

Некоторые пробовали уговаривать толпу отказаться от самосуда, но убеждения их не действовали.

Наиболее ретивым защитникам пригрозили револьверами и заявили, что если они будут вмешиваться не в свое дело, то с ними поступят так же, как поступили с разбойниками.

Две детали показывают, что Мандельштам, должно быть, знал и эту версию событий: упоминание о Мучном переулке, который в «Египетской марке» получает резко отрицательную семантическую характеристику, по-видимому, метонимически от личности ограбленного купца Елисеева, владельца трактира (весь район характеризуется как носитель «охотнорядски-черносотенного» начала: «шли плечи-вешалки, вздыбленные ватой, апраксинские пиджаки, богато осыпанные перхотью, раздражительные затылки и собачьи уши. "Все эти люди — продавцы щеток", — успел подумать Парнок. Где-то между Сенной и Мучным переулком, в москательном и кожевенном мраке, в диком питомнике перхоти, клопов и оттопыренных ушей, зародилась эта странная кутерьма, распространявшая тошноту и заразу»; ср. в этой связи сходное физиогномическое описание посредством синекдох того же объекта — мещан и торговцев в статье Мандельштама «Сухаревка» 1923 года: «...никогда я не видел ничего похожего на ничтожество и однообразие сухаревских торгашей. Это какая-то помесь хорька и человека, подлинно убогая славянщина. Словно эти хитрые глазки, эти маленькие уши, эти волчьи лбы, кустарный румянец на щеку выдавались им всем поровну в свертках оберточной бумаги»), а также упоминание об огромной толпе, наблюдавшей за самосудом: «Несметная, нивесть откуда налетевшая саранча вычернила берега Фонтанки /.../».

Тот факт, что Мандельштам выпускает эпизод с убийством заступника также свидетельствует о сознательной модификации материала, поскольку само заступничество Парнока не только осталось, но и приобрело центральную роль в смысловом сюжете повести. Раз действие помечено л е т о м 1917 года, все страшные детали самосуда, характерные скорее для осени-зимы, должны были быть опущены.

Вероятно, событие на Фонтанке, происшедшее 19 д е к а б р я 1917 года, произвело достаточно сильное впечатление на тогдашнюю публику, поскольку оно описано подробно, в деталях, многие из которых скрупулезно переданы писателем. С другой стороны, в ежедневной петербургской прессе 1917 года мы не находим упоминаний об утоплении воров в Фонтанке, которое произошло б л е т о м. Зато самосуд на Фонтанке был отмечен в печати не только двумя только что процитированными отрывками. Вот как описано то же самое происшествие в кадетской газете

«Наш век» (№19, 21 декабря /3 января 1918/ 1917 года) в заметке «Дикий самосуд»:

/.../ Другой самосуд, сопровождавшийся гибелью совершенно непричастного человека, произошел в районе 2 Спасского комиссариата. Четверо грабителей забрались в дом № 1-3 по Мучному переулку, в квартиру некоего Елисеева. Последний лежит больной. Жена Елисеева, заметив злоумышленников и не имея возможности покинуть квартиру, бутылкой разбила стекла двойных рам. Осколки бутылки и стекла упали на группу ожидающих внизу открытия хлебной лавки. «Очередь» живо сообразила, в чем дело. Дом был оцеплен. Грабители, тем временем, бросились в ворота и смешались с хлынувшей в них толпой. Началось преследование грабителей. Во время погони на улице происходила стрельба в разных направлениях. В это время проходивший по улице уполномоченный дома № 6 по Спасскому пер., Кукин, услышав стрельбу, спрятался за выступом подъезда. Его приняли за одного из преступников. Толпа с гиком бросилась к Кукину. Мольбы и крики схваченного Кукина не были услышаны никем. Группа вооруженных солдат присоединила Кукина к двум другим грабителям и повлекла всех троих на переход через Фонтанку против Горсткиной улицы. Произошла безобразная сцена. Все трое были сброшены толпой на лед Канавки. Вслед брошенным раздалась выстрелы, а на лед Канавки стали спускаться «охотники» из толпы. Двоих затащили в прорубь, где они и скрылись подо льдом. Жертву недоразумения — Кукина — убили несколькими револьверными выстрелами. Только несколько времени спустя ошибка толпы выяснилась. Из трех трупов расправы только труп Кукина был доставлен в больницу.

Эта версия самосуда отличается как от первой, так и от второй, и не только фамилией убитого уполномоченного — Костин и Кукин, но и отсутствием мотива заступничества — убили просто так, по недоразумению, по ошибке. Вообще множество расходящихся деталей в описании одного и того же реального события не может не навести на размышления о принципиально художественном, т.е. фикционном, характере *любого* описания реальности. Тогда трудно обнаружить сколько-нибудь серьезные различия между этими газетными сообщениями и эпизодом самосуда из «Египетской марки». Действительно, все они хороши — и жертвы и мучители, и убийцы и убиваемые. В любую минуту всё и все могут поменяться местами.

В этой связи приобретает особый интерес газетная заметка А.М. Горького (из редактируемой им «Новой жизни»), посвященная тому же событию. В ней элемент фикционализации прослеживается вполне явственно.

Заметка эта, озаглавленная «Несвоевременные мысли», опубликована в тот же четверг 21 декабря 1917 года (3 января 1918 по новому стилю), что и предыдущая заметка из «Нашего века»:

М. Горький. Несвоевременные мысли.

Стоит на берегу Фонтанки небольшая кучка обывателей и, глядя в даль, на мост, загруженный черною толпою, рассуждает спокойно, равнодушно:

— Воров топят.

— Много поймали?

— Говорят — трех.

— Одного, молоденького, забили.

— До смерти?

— А то как же?

— Их обязательно надо до смерти бить, а то житья не будет от них...

Солидный, седой человек, краснолицый и чем-то похожий на мясника, уверенно говорит:

— Теперь — суда нет, значит должны мы сами себя судить...

Какой-то остроглазый, потертый человечек спрашивает:

— А не очень ли просто это, если сами себя?

Седой отвечает лениво и не взглянув на него:

— Проще — лучше. Скорей, главное.

— Чу, воет!

Толпа замолчала, вслушиваясь. Издали, с реки, доносится долгий, тоскливый крик.

Уничтожив именем пролетариата старые суды, г.г. народные комиссары этим самым укрепили в сознании «улицы» ее право на «самосуд», звериное право. И раньше, до революции, наша улица любила бить, предаваясь этому мерзкому «спорту» с наслаждением. Нигде человека не бьют так часто, с таким усердием и радостью, как у нас на Руси. «Дать в морду», «под душу», «под микитки», «под девятое ребро», «намылить шею», «накостылять затылок», «пустить из носу юшку», — все это наши русские, милые забавы. Этим — хвастаются. Люди слишком привыкли к тому, что их «с измала походя бьют» — бьют родители, хозяева, била полиция.

И вот теперь этим людям, воспитанным истязаниями, как бы дано право свободно истязать друг друга. Они пользуются своим «правом» с явным сладострастием, с невероятной жестокостью. Уличные «самосуды» стали ежедневным «бытовым явлением», и надо помнить, что каждый из них всё более и более расширяет, углубляет тупую болезненную жестокость толпы.

Рабочий Костин попытался защищать избиваемых, — его тоже убили. Нет сомнения, что убьют всякого, кто решится протестовать против «самосуда» улицы. /.../

(«Новая жизнь», четверг, 21 декабря 1917)

Итак, заметка Горького окончательно подтверждает тот факт, что самосуд на Фонтанке, описанный в «Египетской марке», был воспринят своего рода вехой на пути к окончательной катастрофе и падению. Отсюда понятно, почему это событие должно было так повлиять на Мандельштама. Более того, совершенно явно «беллетризованный» диалог в толпе, воспроизводимый Горьким в начале его заметки, служит зерном сюжета мандельштамовской прозы. Эпизод с самосудом в «Египетской марке» несет двойной смысл: характеристика личности Парнока и намек на *обе* революции, достигаемый объединением в одном сюжетном ходе двух важнейших мотивов прессы 1917 года: мотива жандарма — провокатора и перебежчика в лагерь большевиков, и мотива кровавого самосуда, типичного для периода после ноября 1917.

Обратимся теперь к двум стихотворениям Мандельштама, опубликованным как раз во время описанных событий. Одно из них, «Когда октябрьский нам готовил временщик», опубликовано в газете партии социалистов-революционеров «Воля народа» за 15 ноября 1917 года по старому стилю. Как показал Н.Нильссон, в этом стихотворении содержатся прямые аллюзии на современные события, в частности, смысловые и лексические «цитаты» из «Постановления ЦК ПСР» по поводу приказа Военно-революционного комитета большевиков «об аресте и предании суду члена ПСР А.Ф. Керенского», опубликованного в той же газете «Воля народа» 4 ноября 1917 года. Обратим внимание на то, что в этом постановлении особо подчеркивается опасность самосуда: «военно-революционный комитет отдает приказы об его аресте и благословляет толпу на самосуд над А.Ф. Керенским. И нет сомнения, в среде этих масс многие готовы сделать то, за что потом они же сами стали бы проклинать себя».

Но не только один этот текст просматривается в строках мандельштамовского стихотворения.

Во второй строфе мы находим центральный мотив стихотворения, мотив *сердца*:

— Керенского распять! — потребовал солдат,
И злая чернь рукоплескала:
Нам сердце на штыки позволил взять Пилат,
И сердце биться перестало.

Что значит строка «И сердце биться перестало»? Во-первых, она прямо перефразирует слова из «Постановления», из которых видно, что среди эсеров многие были уверены в том, что самосуд уже состоялся и Керенского нет в живых: «Живой — он при-

надлежит всему народу, которому отдал все. Мертвый — он принадлежит истории, и история повторит вслед за нами, что он был святыней русской революции и остался ею». Во-вторых, слова о сердце вызывают в памяти другое время и другие обстоятельства, а именно выход в свет 12 июня 1917 года специальной однодневной газеты «Александр Фёдоровичу Керенскому — Свободная Россия», под редакцией А.И. Куприна и П.Пильского, в которой центральное место занимала статья А.И. Куприна «Сердце народное», посвященная личности и исторической роли Керенского. В статье, в частности, говорилось, что Керенский ошибочно чувствует биение народного сердца России и сам является таким сердцем. В связи с этим предполагаемая смерть Керенского может быть интерпретирована в стихотворении Мандельштама как смерть России. Интересно еще и следующее: в последней строфе предрекается, что «Благословить тебя в далекий ад сойдет / Стопами легкими Россия», следовательно «Христос», распятый толпой («иудами и фарисеями» из «Постановления») по приказу Пилата (ВРК) — это Керенский, а Россия, согласно апокрифу о схождении Богородицы в ад, — Мария.

Стихотворение «Когда октябрьский нам готовил временщик» опубликовано в газете «Воля народа». Первая строфа стихотворения, в общем, достаточно отличающаяся от остальных четырех строф своим тоном резкой публицистической инвективы, вторит мотивам и стилю многих современных газетных выступлений:

Когда октябрьский нам готовил временщик
Ярмо насилия и злобы,
И ошетинился убийца-броневик
И пулеметчик низколобой, —

Вот несколько выдержек из публицистических выступлений, опубликованных в той же «Воле народа» до того, как появилось мандельштамовское стихотворение. В них особенно ярко выступают мотивы протеста против самозванного захвата власти («временщик») и против насилия:

Из статьи М.Пришвина «Порождение ехидны»:

...Если даже и сбудется обещание: народу будет в изобилии дан хлеб, земля и мир этими людьми, захватившими престол властителей, все равно настоящей избранник народный скажет им:

— Порождение ехидны

Потому что наш народ верует, исповедует, что не хлебом единым жив человек.

(«Воля народа», 28 октября 1917)

Из статьи М.Пришвина «Смех обезьян»:

Расстрел Зимнего дворца, где были представители русской демократии, витающие здесь сказания об умученных женщинах батальона смерти, защищавших Временное правительство, речь Троцкого о бескровности второго переворота — ... мне совершенно ясно, что мы завоеваны.

(«Воля народа», 28 октября 1917)

Из статьи Питирима Сорокина «Осанна! Победителям»:

То до чего не додумалось деспотическое правительство Николая, додумалось революционное, большевистское правительство великодержавного, своею милостью властителя Владимира Ленина.

(«Воля народа», 1 декабря 1917)

Стихотворение Мандельштама лежало в русле свобододолюбивой публицистической инвективы «Воли народа», некоторые детали образной системы мандельштамовского стихотворения и образной системы газетного языка совпадают полностью: у Мандельштама «убийца-броневик» *ощетинился* (образ, который мог быть порожден картиной солдатских штыков, ср. также «продавцов щеток» из «Египетской марки»), а у Пришвина новый строй — «порождение *ехидны*», существа, которое в мифологическом сознании (но, отнюдь, не в действительности) характеризуется наличием ядовитой *щетины!*

Подобный же коллаж семантических мотивов, встречающихся в публицистике, но в более сложной конфигурации, мы находим в более позднем стихотворении Мандельштама «Кассандре», опубликованном в той же «Воле народа» 31 декабря 1917 года. Стихотворение это, в отличие от первого, рассмотренного нами, потом перепечатывалось, в частности в сборнике «Tristia», и вообще известно гораздо более широко. О нем писала Анна Ахматова, как о посвященном ей:

Кассандре

Я не искал в цветущие мгновенья
Твоих, Кассандра, губ, твоих, Кассандра, глаз,
Но в декабре — торжественное бденье —
Вспоминанье мучит нас!

И в декабре семнадцатого года
Все потеряли мы любя:
Один ограблен волею народа,
Другой ограбил сам себя...

Но, если эта жизнь — необходимость бреда,
И корабельный лес — высокие дома —

Лети, безрукая победа —
Гиперборейская чума!

На площади с броневиками
Я вижу человека: он
Волков горящими пугает головнями:
Свобода, равенство, закон!

Касатка, милая Кассандра,
Ты стонешь, ты горишь — зачем
Стояло солнце Александра
Сто лет назад, сияло всем?

Когда-нибудь в столице шалой,
На скифском празднике, на берегу Невы,
При звуках омерзительного бала
Сорвут платок с прекрасной головы...

В этом стихотворении встречаются мотивы, уже знакомые нам по предыдущему стихотворению: *броневик*, (*безрукая*) *победа* (ср. ироническое «Осанна! Победителям» Питирима Сорокина), мотив *насилия* (и здесь он во второй строфе, как и в первом стихотворении; обратим внимание на почти каламбурное «Один ограблен *волею народа*», напечатанное в газете «Воля народа» — намек на роль эсеров в революционизировании русского крестьянства?).

Два мотива — *чумы* и *брета* — мы находим в других петроградских газетах. Интересно, что мотив *брета* связан с мотивом *памяти*, *воспоминания* в статье известного меньшевистского публициста М.Неведомского, посвященной седьмой годовщине смерти Льва Толстого:

В удушающей атмосфере наших октябрьских и ноябрьских дней, среди этой кровавой буффонады, среди этого поприщинского брета наяву, который мы переживаем, — сознание даже с трудом может признать тот факт, что у нас был Лев Толстой.

(«День», 7 ноября 1917)

Далее в своей статье М.Неведомский призывает общество помнить о заветах Толстого — этических и эстетических, — чтобы его подвиг не был напрасным. В этой связи приобретает особую значимость воспоминание о *солнце Александра* в стихотворении Мандельштама. Думается, что для Мандельштама, придававшего особое значение и м е н и вообще и собственному имени, в частности, неслучайна инвокация имени *Александра*, которое сто лет назад объединяло в себе Пушкина и царя Александра I (сам

поэт относился к началу своей сознательной деятельности как к «дням Александровым»). Не звучит ли в мандельштамовском стихотворении нечто подобное тому, что звучало в статье Не-ведомского — призыв оставаться верными заветам Александра и не предать «солнце Александра» — через сто лет после того, как оно «сияло всем»? Но теперь это солнце другого Александра, того самого, о ком говорилось в предыдущем стихотворении конца 1917 года — солнце Керенского.

Мотив чумы кажется гораздо более прозаическим, и помочь раскрыть его злободневное звучание может именно высокий эпитет *гиперборейская*, употребленный Мандельштамом для характеристики эпохи победителей: *гиперборейская чума*. Почему поэт счел нужным особо подчеркнуть северный характер чумы?

Представляется, что помимо фигуративного плана, легко объясняемого из социально-исторического контекста, здесь присутствует вполне буквальный семантический пласт: всего через несколько дней после опубликования мандельштамовского стихотворения, 4 января 1918 года газета «Новый вечерний час» публикует корреспонденцию Ното Novus'a (А.Кугеля) «В ожидании чумы», где сообщается об угрозе распространения в Петрограде чумы, «которая идет к нам из Трапезунда» и которая представляет особо смертельную опасность в условиях полной анархии, голода и холода, сопровождающих победу большевистской власти. Итак, гиперборейская чума — это чума на Севере с точки зрения Юга, Греции, метонимически близкой предполагаемому южному источнику чумы, Трапезунду.

Наряду с этими мотивами, связывающими стихотворение Мандельштама с речью ораторской и газетной инвективы того времени, в нем имеется и более скрытый, интимный пласт намеков на творчество и общественную деятельность той, к кому Мандельштам обращается как к Кассандре, мудрой и трагической прорицательнице гибели Трои.

Я убежден в том, что если Мандельштам называет Ахматову Кассандрой в декабре 1917 года, то он имеет в виду не общий дух ахматовской поэзии, а конкретные произведения и события. Первый, как нам представляется, ключ к отождествлению «кассандрина слоя» в ахматовской поэзии мы находим в газете «Право народа» (орган кооперативных союзов и объединений), редактировавшейся Е.Кусковой и А.Чаяновым; 26 ноября (9 декабря по новому стилю) 1917 года газета помещает на первой полосе широко известное ахматовское стихотворение «Молитва», впервые опубликованное еще в 1915 году в сборнике «Война в русской поэзии»:

Молитва

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессоницу, жар,
Отыми и ребенка и друга
И таинственный песенный дар.
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

Анна Ахматова

В 1915 году «Молитва» соотносилась с тяжелым военным опытом России и «облако в славе лучей» могло восприниматься как чаяние грядущей победы России, выхода из тяжелых испытаний, связанных с войной.

В 1917 году «Молитва» попадает в совершенно новый контекст. Она публикуется как часть некоего целостного публицистического сообщения. Рядом с ней публикуются материалы, посвященные весьма актуальному тогда вопросу о созыве Учредительного собрания (в котором, как известно, большевики получили лишь небольшое количество мандатов) и чаемой передачи власти этому первому свободно избранному российскому парламенту. Вот что писалось в статьях, напечатанных на той же первой полосе «Права народа» прямо рядом с «Молитвой»:

...Это терпимо быть не может. Большевики сказали свое слово. Теперь очередь за народом. Народ-хозяин должен организовать отпор, должен сказать большевикам: руки прочь. Весь народ — крестьяне, солдаты, рабочие, без различия партий, должен стать грудью на защиту Учредительного Собрания. Вся власть Учредительному Собранию. Долой большевиков!

И в соседней статье (К. Башкиров. «Будьте на страже»):

Обнаглевшие большевистские вожди и насильники не останавливаются ни перед чем. Недавно они разогнали московскую городскую думу, а теперь проделали то же с петроградской. /.../
Будь же на страже, крестьянин!

Близится час... Встань на защиту права своего, землероб!
Иначе ждет тебя голод, нищета и новые реки братской крови.

Совершенно очевидно, что перепубликация «Молитвы» в этом контексте меняет — пусть окказионально — референты последних трех строк стихотворения; *томительные дни, туча над темной Россией, облако в славе лучей* приобретают, во-первых, актуальный характер, связанный с политическими событиями тех

дней, а, во-вторых, могут рассматриваться, возможно и самой Ахматовой, как реализация некоторого прошлого пророчества, впервые сделанного в первой публикации «Молитвы». Если это так, то с некоторой внутренне-авторской точки зрения правильнее было бы говорить, по крайней мере применительно к «Молитве», а также к некоторым другим стихотворениям этого периода (о чем речь будет идти ниже), о модели самоощущения библейской пророчицы, наряду с моделью Кассандры, то есть не только предсказание, но и обличение. Впрочем, Мандельштам увидел в ахматовских выступлениях этого периода именно трагедию Кассандры, и в этом специфика его взгляда на события.

Но вернемся к 26 ноября 1917 года по старому стилю. Почему мы сочли возможным увидеть в ахматовском чаянии будущего преобразования судьбы России (*облако в славе лучей*) актуальный политический намек?

Дело в том, что на 28 ноября было назначено открытие Всероссийского Учредительного Собрания, и дни, предшествующие этой дате, и сам этот день были ознаменованы многими зловещими событиями, которым было суждено сыграть роковую роль в российской истории. Как свидетельствует в своих интереснейших воспоминаниях член правления к.-д. партии и один из товарищей председателя Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное Собрание В.Д. Набоков⁴, в среде, близкой к к.-д. партии (а именно к этим кругам примыкали кооператоры, издававшие «Право народа»), почти никто не верил в прочность большевистской власти (тогда, впрочем, скорее безвластья), и все были уверены, что созыв Учредительного Собрания приведет к прояснению атмосферы, к просветлению сознания народных масс.

Кампания против большевистского террора, ведшаяся на страницах пока еще выходящих демократических органов печати, должна была, по мысли многих руководителей к.-д., стать противовесом волне лживой большевистской пропаганды. Вообще, тогдашние лидеры демократической общественности придавали большое значение наглядному разоблачению большевистской лжи, действуя по старому пушкинскому девизу «Так ложная мудрость мерцает и тлеет / Пред солнцем бессмертным ума./ Да здравствует солнце, да скроется тьма!» Так, один из руководителей к.-д. партии, депутат Учредительного Собрания А.И. Шингарев писал в эти дни, сидя в Петропавловской крепости: «Пусть население знает, кто срывает Учредительное Собрание, кто насилует свободу народа. Из нашего задержания должна получиться польза. Когда-нибудь да прояснится народное сознание»⁵.

Большевики, в свою очередь, делали все, чтобы не допустить созыва Учредительного Собрания, заткнуть рот своим критикам, дискредитировать их. Так, еще 23 ноября была арестована Комиссия по выборам, 27 ноября была арестована графиня С.Панина, одна из руководительниц кампании за своевременный созыв Учредительного Собрания и известнейшая общественная деятельница, а 28 ноября — на квартире у гр. С.Паниной — А.И. Шингарев и Ф.Ф. Кокоскин, новоизбранные депутаты Учредительного Собрания и активные противники большевистского переворота. Впоследствии (в ночь с 6 на 7 января 1918 года по старому стилю) оба они были зверски убиты красногвардейцами в Мариинской больнице.

На фоне этих событий еще более рельефно выступает общественная роль публикации ахматовской «Молитвы» накануне созыва Учредительного Собрания: *облако в славе лучей* в этом контексте становится предсказанием успеха Учредительного Собрания, триумфа бессмертного солнца ума над ложной «мудростью» большевиков...

Но не только в газетной публикации находит свой выход «пророческая» деятельность Кассандры — Ахматовой в те роковые дни.

Из «Петроградской вечерней газеты» за 27 ноября 1917 года мы узнаем о проходившем в этот день, накануне несостоявшегося созыва Учредительного Собрания, митинге в защиту свободного слова, где Ахматова выступила с публичным чтением «Молитвы», опять придав этому стихотворению новое, актуальное звучание. Митинг в защиту свободного слова был организован Союзом Русских писателей, который специально к 27 ноября выпустил однодневную газету-протест «В защиту свободной печати». Авторы газеты подчеркивают неразрывную связь между существованием свободной печати и выживанием русского общества в социальном и биологическом смысле. Многие сохраняют веру в возможность такого существования. В.И. Засулич в заметке «Слова не убить» провозглашает, например:

Неустанной борьбой русские люди докажут — самим себе докажут, а это очень важно, — что кроме деспотов и рабов в России есть граждане, много граждан, дорожащих достоинством и честью своей страны, ее свободой — больше, чем своим личным спокойствием, повседневым благополучием.

(В.И. Засулич. Слова не убить)

А.Потресов убежден, что свободное слово восторжествует и большевики сойдут с русской политической сцены: «И прокля-

тие будет нестись вдогонку их исчезающим теням — во веки веков» (статья «Свободное слово»).

Та же вера звучит в строках стихотворения Ф.К. Сологуба:

Но ты опять, растоптанное слово,
Бессмертное, свободное, живешь,
И мщение готовишь ты сурово,
И стрелы смертоносные куешь.

Во многих статьях гневно бичуются большевики — враги свободного слова. Homo Novus (А.Кугель) как всегда особенно язвителен:

Я полагаю так: мало чинить насилия. Для полного благополучия насильников, насилия следует чинить с душевным комфортом.

Разгром печати — одна из подробностей комфорта для тех, кто довершает гибель страны.

(Homo Novus. Насильникам)

А.Хирьяков видит в гонениях на печать особенность именно большевистской тирании:

Все в мире совершенствуется. В борьбе против злого духа Лютер бросил в него чернильницей, и дьявол бежал с позором. Современные слуги дьявола пользуются опытом прошлого и прежде всего накладывают свои лапы на чернильницы, захватывая типографии и запрещая газеты.

(А.Хирьяков. Слуги дьявола)

С другой стороны, есть и авторы — более пессимистически (и реалистически) оценивающие события, — которым большевистский террор представляется гораздо более долговечным и, так сказать, традиционным для России явлением. К их числу относятся П.Рысс (статья «Крайности сходятся»), обнаруживающий много общего между Троцким и Плеве, Л.Я. Гуревич («Русские мальчики»), пронизательно отмечающая, что среди большевистских насильников попадают не только преступные элементы или карьеристы, но и «мальчики Достоевского» — их-то и следует особенно остерегаться, и о них следует особенно печалиться. З.Гиппиус предрекает России страшное будущее:

Истребление свободного слова — лишь частность. Лишь одно из множества следствий, непобедимо вытекающее из первой причины. Из факта: стоит стена. От белодержавия — белое зверство над словом. От красnodержавия — зверство красное.

Осенью 1917 пророческое видение Ахматовой включает много самых разных точек зрения. Она гневно протестует, уповает на победу света над тьмой, оплакивает потерю свободы, стоически готова перенести все испытания, предвидит эти испытания и страшится их. В отличие от Кассандры, она не только знает, что ей предстоит унижение, но и не стремится уклониться от этого своего жребия.

Все эти черты ахматовского облика запечатлены в мандельштамовском стихотворении. Особенно пронзительно звучит мандельштамовское пророчество судьбы Ахматовой в последней строфе («Когда-нибудь в столице шалой, на скифском празднике, на берегу Невы, при звуках омерзительного бала сорвут платок с прекрасной головы...»). И в этом случае следует обратить внимание на актуальный общественный контекст. Думается, что Мандельштам, сам печатавшийся в правозсеровской «Воле народа», намекает здесь на некоторые мотивы, звучавшие в это время в публицистике так называемых «скифов» (Р.Иванов-Разумник, А.Блок, А.Белый, Н.Клюев), воспевавших «революционную стихию», «полет революционного духа», «весенний праздник революционной воли» и т.п. Особенно ярко эта «праздничная» атмосфера (включая, впрочем, и угрозы...) чувствуется в предисловии к первому сборнику «Скифы», написанном Ивановым-Разумником:

«Скиф»

Есть в слове этом, в самом звуке его — свист стрелы, опьяненной полетом; полетом — размеренным упругостью согнутого дерзающей рукой, надежного, тяжелого лука. Ибо сущность скифа — его лук: сочетание силы глаза и руки, безгранично вдаль мечущей удары силы.

Люди чернозема, золотого, с небес упавшего, плуга и вольной степи, где на ярком вольном скаку — даже застоявшийся пряный воздух — вихрем овеивает склоненное к огненной гриве лицо. /.../

/.../ Великий русский поэт, воплотившись на минуту в древнего Эллина — Эпикурейца, воспел умеренность, закругленность, примиренность во всем, в великом и малом, в жизни и в смерти, в любви и в круговой чаше...

Мы не Скифы; не люблю

Други, пьянствовать бесчинно...

Как далек он был душою, как далек он был всей жизнью своею от этой проповеди тихого, умеренного приятия жизни, тихого, размеренного житейского горения! И если вино не должно проливаться «бесчинно», то бывают времена и сроки, когда еще преступнее «жизни пьяное вино растворять водою трезвой»:

Теперь не к стати воздержанье:
Как дикий Скиф хочу я пить!

И эти времена и сроки — всегда перед нами; всегда кипит перед нами вечное вино жизни. Бесчинно проливают его безумцы, по каплям смакуют его духовные скопцы. Но если безумец может быть оправдан, то скопец — всегда осужден.

/.../ Ибо не Эллин противостоит Скифу, а Мещанин — все-светный, «интернациональный», вечный. В подлинном «эллине» всегда есть святое безумие «скифа», а в стремительном «скифе» есть светлый и ясный ум «эллина». Мещанин же — рядится в одежды Эллина, чтобы бороться со скифом, но презирует обоих, /.../ Это он, все-светный Мещанин погубил мировое христианство плоской моралью, это он губит теперь мировой социализм, покаяя его духу Компромисса, это он губит искусство — в эстетстве, науку — в схоластике, жизнь — в прозябании, революцию — в мелком реформаторстве.

/.../ Пусть торжествует в настоящем все-светный Мещанин: смех его смешан со злобою и опасением. Ибо чует он, что и личина Эллина не поможет ему скрыть свое лицо, ибо знает он, что стрела Скифа — его не минует⁶.

Ахматова, близкая творчески и лично кругам, отрицавшим все, что воспевали «Скифы», не могла не чувствовать, что веселье «омерзительного бала» кошунственно и низко.

Размежевание «скифов» и большинства остальной творческой и культурной интеллигенции особенно резко проявилось после разгона Учредительного Собрания 5 января 1918 года. В «Записных книжках» Блока в записи за 22 января мы находим характерный эпизод:

Звонил Есенин, рассказывал о вчерашнем «утре России» в Тенишевском зале. Гизетти и толпа кричали по адресу его, А.Белого и моему: «изменники». Не подают руки. Кадеты и Мережковские злятся на меня страшно⁷.

Собрание, устроенное в Тенишевском зале, явилось одним из важнейших событий начала 1918 года, крупнейшей вехой в истории сопротивления большевизму. Ахматова принимала в нем активное участие, выступив с чтением своих стихов.

В петроградской прессе мы находим подробные отчеты об этом событии. Вот что писал 22 января 1918 года «Новый вечерний час»:

Утро *О России*, устроенное в Тенишевском зале на пользу политического Красного Креста, прошло с большим материальным и художественным успехом.

На рояле играли г.Дубинский и г.Лурье.

Внимание публики сосредоточилось на выступлении Д.С. Мережковского.

Поэт говорил о том, что он выступает с тяжелым чувством, когда как бы невозможно говорить, а в особенности читать стихи. Ведь это мерное слово, а мерность в настоящее время мы потеряли. Слово бессильно, когда наступило озверение. Нужен уже не певец, а пророк. Но и пророк что сделал бы сейчас? По мнению Д.С. Мережковского, ничего не сделал бы даже Л.Н. Толстой, если бы он был жив. Однако, нельзя отчаиваться, и мы, бедные рыцари прекрасной дамы — родины, — должны жить для нее. Мы все на дне моря ищем жемчужину, и если найдем ее, то стоит страдать.

Поэт читает сначала старые свои стихотворения о любви к родине, а затем сильное стихотворение З.Н. Гиппиус, посвященное декабристам.

З.Н. Гиппиус прочла ряд своих стихотворений, которыми была ею встречена мартовская революция и заклеимлен октябрьский переворот. Поэтесса не ждет ничего хорошего от этого переворота:

И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь, —

с болью пророчествует она.

Наши дни, когда «плевки матросские размазаны у нас на лбах», поэтесса рисует весьма мрачными красками.

Глубокой верой в светлое будущее проникнуты стихи Ф.К. Сологуба, которые любимый поэт прочел проникновенно-просто.

Утро закончила Анна Ахматова, прочитавшая два своих стихотворения.

Все участники утра горячо принимались публикой.

(«Новый вечерний час», 22 января 1917)

Утро «О России», оказывается, было не просто митингом, а демонстрацией поддержки политических заключенных, жертв большевистского террора. Если митинг-протест в защиту печати собрался *до* созыва Учредительного Собрания, то утро «О России» собралось уже *после* его разгона, после расстрела демонстраций в поддержку Учредительного Собрания, после зверского убийства Шингарева и Кокошкина.

Обратим внимание на то, что мотив *пророчества* поднимается как раз Мережковскими, находившимися в состоянии идейной и духовной войны со «скифами».

Из этой заметки мы ничего не узнаем о том, какие стихотворения Ахматова читала на митинге. Об этом можно узнать из другого газетного сообщения о том же событии:

После бесконечных назойливых митингов — элементарных и вместе с тем мудреных, примитивных и одновременно витиеватых, — после заносной иностранщины сладостно-тоскливо вернуться к прежним песням о родных полях, прежним и опять новым словам о родной стране, «о России».

Забытая, загнанная в подполье Россия перенесла за долгие месяцы митингования тяжелую, страшную болезнь.

И в смертной тоске агонизирует одинокая, покинутая собственными детьми, в увлечении «всемирным братством» забывшими, что нет всемирного без родного, нет братства народов без любви к родине-матери.

Знакомый и близкий по до-февральским воспоминаниям зал Тенишевского Училища. Необычайно объединенная одним настроением публика. Отсутствие в программе политических ораторов.

Смушено радостные встречи заблудившейся и разобщенной в извилистых закоулках программ и партий молодежи, настроенно-благодарный, дружный прием участников «Утра о России».

Все располагает к освежающим душу воспоминаниям о прошлом; ласково, но повелительно останавливает мысль на пропасти настоящего, с надеждой и упованием зовет в будущее.

— Россия была, России нет... Россия будет! — говорит Д.С. Мережковский. Одичалые, озверелые, проникнутые хаосом, мы в гордыне забыли о родине. И, когда опомнились, в безмолвном ужасе затаили дыхание у постели смертельно больной матери. Молчим, стиснув зубы. В красном тумане новых снов забыли о старых. А сейчас можно вспомнить лишь старые слова. Вспомнить «эти бедные березы и дождя ночные слезы и унылые поля...»

Тоской о потерянных надеждах «юного марта» звучат стихи З.Н. Гиппиус. «Веселье» октябрьских дней не находит радостного отзвука в ее душе. И поруганные заветы прошлых годов заставляют ее вспомнить о превратности настоящего, когда она произносит стих о мечте поколения — Учредительном Собрании⁸.

Чеканный и гордый стих Ф.К. Солдуба бичует ужасы запустения наших дней. Но поэт не потерял надежды на будущее, не проклял в отчаянии родной земли. И праведная, и грешная, и празднующая и злобствующая в заблуждении — она дорога ему надеждами, обещаниями в будущем («Гимны родине»).

Тем же настроением проникнуты стихи Анны Ахматовой («Молитва», «Высокомерьем дух твой омрачен»).

И все это — на фоне русских песен в исполнении М.Д. Черкасской, девственно-чистых танцев Судейкиной, прекрасной игры Дубянского и других участников утра «О России».

Задуматься о настоящем настойчиво звала и цель утра «О России», сбор с которого предназначается в пользу политического Красного Креста на помощь новым узникам нового — и столь похожего на старый — режима.

(«Наш век», 24 января 1918)

Оба отчета об утре «О России» помогают уточнить общественный и поэтический контекст «пророчеств» Ахматовой. Особенно ценными являются сведения о том, что известное стихотворение Гиппиус, строка из которого была процитирована в первом отчете, было посвящено Учредительному Собранию, что на митинге читал стихи Ф.К. Сологуб и что Ахматова прочла ту же самую «Молитву», которая была перепечатана почти за два месяца до этого накануне первоначальной даты созыва Учредительного Собрания, а также стихотворение «Высокомерьем дух твой помрачен», помеченное в сборнике «Белая стая», где было впервые напечатано, датой 1 января 1917 года. Вот это стихотворение:

Высокомерьем дух твой помрачен,
И оттого ты не познаешь света.
Ты говоришь, что вера наша — сон
И марево — столица эта.

Ты говоришь — моя страна грешна,
А я скажу — твоя страна безбожна.
Пускай на нас еще лежит вина, —
Все искупить и все исправить можно.

Вокруг тебя — и воды, и цветы,
Зачем же к нищей грешнице стучишься?
Я знаю, чем так тяжело болен ты:
Ты смерти ищешь и конца боишься.

Как и «Молитва», стихотворение это содержит надежду на будущее и полно веры в Россию и ее судьбу; надежда и вера — вопреки всему, несмотря ни на что, надежда и вера, полные любви к «смертельно больной матери».

Но, помимо мольбы о будущем страны, это стихотворение замечательно и тем, что оно является частью цикла стихотворений, посвященных Б.В. Анрепу, стихотворений, весьма важных для Ахматовой в лирическом плане. Все они впервые опубликованы в петроградской ежедневной печати в первые месяцы 1918 года и стали, таким образом, частью ахматовской линии в сложном политическом многоголосьи. Сюда относятся, в частности, стихотворения «А ты тяжелый и унылый» и «Это просто, это ясно»

(первая публикация в газете «Петроградское эхо» 22 января 1918 года), «Когда о горькой гибели моей» («Литературно-художественное приложение №1 к вечернему выпуску Новых ведомостей», 1 апреля 1918 года), «Когда в тоске самоубийства...» («Воля народа», 12 апреля 1918 года), «Ты — отступник: за остров зеленый» («Воля народа», 13 апреля 1918 года).

Самое известное из этих стихотворений «Когда в тоске самоубийства...», которое довольно скоро после публикации лишилось своих первых двух строк с их резко актуальным инвективным политическим содержанием и приобрело характер своеобразного диалога: *Мне голос был — Руками я замкнула слух.* Сама Ахматова датирует все эти стихотворения летом 1917 года, однако их публикация зимой 1918 года, в разгар противостояния интеллигенции большевикам, придает им в высшей степени полемический, острый характер. По сути дела, смысловые единицы, которые вне полемически-инвективного контекста могут показаться нейтральными, внутри него становятся глубоко поляризованными, как бы «намагничиваются» в поле политических страстей.

Так, вторая строфа стихотворения «Высокомерьем дух твой помрачен» получает одну интерпретацию в контексте конца 1916 года — начала 1917 года, когда противопоставление *грешна — безбожна*, возможно, осмысляется в свете только что отшумевшей истории Распутина, и — совершенно другую, если его поставить в контекст конца 1917 — начала 1918 года, когда *вина* и *безбожие* получают четкую негативную политическую окраску. Вообще во всех этих стихотворениях оппозиция *родина — чужбина* динамизируется и выходит из чисто личного лирического опыта, приобретая новый смысл. Так почти полностью меняется смысл следующей строфы из стихотворения «Ты отступник...»

Так теперь и кощунствуй и чванься,
Православную душу губи,
В королевской столице останься
И свободу свою полюби.

Если раньше семантический референт этого стихотворения носил камерный, лирический характер («герой, предавший возлюбленную»), то теперь, после того как родина завоевана большевиками, слова приобрели новое значение. *Кощунствовать* и *чваниться* стало присуще новым насильникам России, большевикам. Про них же можно сказать, что они *губят православную душу*. Таким образом, почти не желая того, автор в глубоко лирическом монологе начинает говорить языком гневного полити-

ческого обличения. Более того, сами слова *отступник* и *православная душа* почти автоматически закрепляют это стихотворение в жанре инвективы особого рода; это — не просто протест, но протест от имени *тот* России, которую погубили еще в *ма р т е* 1917 года.

При всем этом, знакомство со всем анреповским циклом бросает новый свет и на стихи «Когда в тоске самоубийства...» («Мне голос был»). Рассматривая это стихотворение в изоляции от его лирического окружения (как это традиционно делалось), мы невольно закрываем глаза на лично-полемический его характер. Ведь *голос*, который слышала поэтесса, это не просто некоторый абстрактный, соблазняющий, так сказать, западнически-эмигрантский голос, но голос живого человека, возлюбленного. Важно понять что именно этим объясняется особая горечь, даже озлобленность «лирического я» стихотворения Ахматовой. С другой стороны, существенно, что проблема разлуки, проблема возможного соединения, *ее* отъезда к *нему*, воспринятая вполне бытовым, или, наоборот, имагинативным образом, неоднократно обсуждалась в ахматовских стихах. И здесь возникает одно очень важное смысловое ядро, к которому Ахматова будет неоднократно возвращаться. Речь идет о противопоставлении *себя* нищей, грешной, бедной, больной и *другого*, пребывающего в совершенно иной экзистенциальной сфере. Вот цитаты из стихотворений анреповского цикла:

Но разве я к тебе вернуться смею?
Под бледным небом родины моей
Я только петь и вспоминать умею.
А ты меня и вспоминать не смей

(«Ты теперь тяжелый и унылый»)

Для чего же бросив друга
И кудрявого ребенка,
Бросив город мой любимый
И родную сторону,
Черной нищенкой скитаюсь
По столице иноземной

(«Это просто...»)

И, наконец, наиболее яркое воплощение нашел ахматовский облик Кассандры в стихотворении «Теперь», опубликованном в газете «Петроградское эхо» 14 февраля 1918:

Теперь никто не станет слушать песен.
Предсказанные наступили дни.
Моя последняя, мир больше не чудесен,
Не разрывай мне сердце, не звени.

Еще недавно ласточкой свободной
Свершала ты свой утренний полет,
А ныне станешь нищенкой голодной,
Не достучишься у чужих ворот.

Мандельштамовское стихотворение, обращенное к Ахматовой, содержит еще один любопытный мотив, связывающий его неким таинственным образом с трагической фигурой Ф.Ф. Кошкина, одного из руководителей к.-д. партии и борца за идею Учредительного Собрания. Предпоследняя строфа мандельштамовского стихотворения поражает образом человека на площади с броневиками: *...он Волков горящими пугает головнями: Свобода, равенство, закон!* Совершенно очевидно, что в тогдашнем контексте чаемого созыва и возможного (а потом и действительного) разгона Учредительного Собрания человек, противостоящий волкам на площади с броневиками и отгоняющий их огнем свободы, равенства и закона, должен был отождествляться с идеей защиты свободно избранного народного представительства. Весьма возможно, что Мандельштам мог здесь иметь в виду Шингарева или Кошкина, заключенных в то время в казематы Петропавловской крепости.

Интересно, что в своих трагически недописанных тюремных мемуарах А.И. Шингарев вспоминает о том, что чтение ежедневной прессы занимало важное место среди тюремных занятий. Возможно, что он и Ф.Ф. Кошкин могли прочесть — буквально перед смертью — мандельштамовские стихи в «Воле народа» за 31 декабря 1917 года.

Так или иначе, уже после трагического убийства Ф.Ф. Кошкина в его бумагах было найдено стихотворение в прозе (написанное в тюрьме перед смертью?), образы которого параллельны мандельштамовской картине. Об этом сообщила 19(6) марта 1918 года газета «Наши ведомости»:

В бумагах Ф.Ф. Кошкина, как сообщают «Русские Ведомости», нашлось, среди других набросков, одно стихотворение в прозе, в котором Ф.Ф. с почти пугающей прозорливостью предсказал свою гибель, гибель Человека от руки толпы /.../

«Я видел во сне человека. Он стоял в большой светлой комнате на возвышении с высоко поднятой головой. Перед ним были

звери, сильные, кровожадные, одни откровенно — свирепые, как волк, другие тихие и ласковые с виду, но лукавые и жестокие, как дикая кошка, третьи грязные и трусливые, как гиена.

Щелкая зубами, с пеной у рта, они окружали человека и рычали на него. Но он господствовал над ними. Смелой рукой он хлестал их бичом, и они, ежась и щетинясь, в бессильной ярости отступали назад. У зверей были когти и зубы. У человека был бич — человеческое слово, и щит — человеческий взгляд. И дикий звериный рев не мог заглушить властного человеческого голоса; налитые кровью звериные глаза не могли выдержать повелительного человеческого взгляда и в смущении отворачивались от него. Я никогда не видел зрелища, более полного царственной красоты.

Но судьба укротителей зверей всегда одна. Человек оступил-ся, на минуту бросил взгляд в сторону. И звери, поймав момент, с отвратительным, торжествующим ревом ринулись на него и вцепились в него зубами и когтями. Они могут растерзать его. Это дано им. И злоба их понятна всем. Ведь они сами знают, чего не дано им. Навсегда недоступен им царственный ореол человечности. И никогда, никогда не быть им людьми.

(«Наши ведомости», 19(6) марта 1918)

До сих пор речь шла о параллелизме определенных мотивов из политической прессы 1917-18 годов и мотивов из художественных текстов, иногда хронологически и не принадлежавших рассматриваемому периоду. Ниже мы еще вернемся к этой проблематике, а сейчас обратимся к другой грани ситуации «писатель и революция». Попробуем, хотя бы схематически, проследить, что писали в ежедневных газетах деятели русской литературы и культуры, имея в виду не только чисто художественные тексты, но и публицистику. Многое из того, что было тогда написано, совпадает по тональности и содержанию с публицистическими фрагментами, приведенными выше в связи с «Египетской маркой» и двумя стихотворениями Мандельштама. В данном разделе нас интересует общая картина публицистической активности литераторов во время переворота.

Но начнем мы ровно за год до того времени, к которому относится большинство обнаруженных нами свидетельств.

В номере газеты «Русская воля» за 29 декабря 1916 года (редактор А. Амфитеатров) мы находим стихотворение Мариэтты Шагинян «Времени. Ода». Вот последняя строфа оды:

Так обрастай же все мгновенья,
О время, длиннорунный мох!
Да не замрут тебе хваленья,
Доколь в груди не замер вздох.
Пусть с примиряющим лобзаньем
От нас твои уходят дни,
И ты спокойным указаньям
Волненье сердца подчини.
Судья людей в любви и гнев,
Надежд и памяти игла,
Тебе кормящее во чреве
Мечту о вечности — хвала!

Стихотворение это, не отличающееся особым поэтическим блеском, примечательно исторически — как в ряду литературном, так и в ряду социальном. Опубликовано накануне нового 1917 года, ознаменовавшего собою разрыв исторического времени, это стихотворение с его «гетеанским» примиряющим настроением (ср., особенно *примиряющие лобзанья*) являет собой любопытный пример поэтического голоса, совершенно не сливающегося с общим пророческим тоном многих из тогдашних стихов.

В то же самое время в «Оде» М.Шагинян звучат мотивы, в чем-то, пусть отдаленно, сходные с мотивами двух стихотворений Мандельштама — одного, предшествующего эпохе социального взрыва («Зверинец», написано в январе 1916 года, впервые опубликовано в газете «Новая жизнь» 15 июня 1917 года), и другого, как бы замыкающего эту эпоху («Я по лесенке приставной...», написано в 1922 году, впервые напечатано в «Гостинице для Путешествующих в Прекрасном», №1, 1922).

Речь идет о мотивах *руна (шерсти), времени и дыхания*. У Шагинян в самом начале этой последней строфы «Оды» мы находим сочетание *обрасти руном* (Так обрастай же все мгновенья, о время, длиннорунный мох). То же самое мы находим в «Я по лесенке приставной»:

Не своей чешуей шуршим,
Против *шерсти* мира поем.
Лиру строим, словно спешим
Обрасти косматым руном.

А в «Зверинец», в первой строфе мы находим:

Отверженное слово «мир»
В начале оскорбленной эры;

Светильник в глубине пещеры
И воздух горных стран — эфир;
Эфир, которым не сумели,
Не захотели мы дышать,
Козлиным голосом опять
Поют *косматые свирели*.

Любопытно при этом, что общий утопический сюжет «Зверинца» и примиряющая тональность «Оды» М.Шагинян хорошо согласуются друг с другом, а также с уже процитированной в начале настоящей работы статьей Питирима Сорокина о возможности скорого создания вселенской федерации государств!

Подобные утопические раздумья скоро, после того как первые недели мартовской революции перешли в повседневность безвластья, анархии, произвола и самосуда, сменяются более трезвым взглядом на российскую действительность. Впрочем, уже в самые первые дни мартовской революции в одной и той же газете «Современное слово» мы находим ходульно-оптимистические стихи Д.Якубовича «Час пробил... грозный, долгожданный! И лик России озарен... Под трубный клич, под грохот бранный Народ воспрянул, как Самсон!» («Современное слово», 8 марта 1917 года) и в следующем номере неожиданно резкие и некомплементарные заметки Софьи Федорченко «В эти дни» («Современное слово», 9 марта 1917 года).

Летом и осенью 1917 года К.Бальмонт выступает с целым рядом поэтических и публицистических заявлений. Публикуются они в московской газете, близкой партии к.-д. «Утро России». Колонка К.Бальмонта — одна из наиболее видных в газете. Поэт последовательно защищает национально-патриотические позиции. Он одним из первых выступает против цензуры печати, введенной Временным правительством после корниловского выступления. Он негодует против погромов печати, время от времени устраиваемых солдатами и красногвардейцами, науськиваемыми большевиками (статья «Или-или». — «Утро России», 1 сентября 1917 года).

На следующий день, 2 сентября 1917 года Бальмонт публикует в «Утре России» стихи, вызвавшие вскоре бурную полемику. В последней строфе поэт провозглашал:

Этим летом — униженье нашей воли.
Этим летом — расточенье наших сил,
Этим летом — я один в пустынной доле,
Этим летом — я Россию разлюбил.

Вслед за этими стихами (3 сентября 1917 года) Бальмонт публикует статью «Народная воля», в которой призывает создать «правительство сильных личностей».

14 сентября 1917 года «Утро России» печатает очередное стихотворение Бальмонта («На обезумевшей»), в котором поэт продолжает клеймить то, что ему представляется падением русского общества:

Покачнулась. В решеньи неправом
Опозорилась злость знамен
И с штыком от предательства ржавым
Не достигнешь до славы времен.

Эта филиппика была направлена против разлагающейся армии, не желавшей воевать против немцев.

Той же теме Бальмонт посвящает другие статьи («Солнечная угроза» — призыв к славянам объединиться против немцев, «Утро России», 23 сентября 1917 года) и стихи («Боевым орлам», 27 сентября 1917 года).

Бальмонтовские инвективы против России вызвали ответ публициста Вл. Асенкова. В статье «О нелюбви к отечеству» («Утро России», 14 сентября 1917 года) Асенков цитирует бальмонтовские стихи о том, что поэт «Россию разлюбил», и пишет, что при всем протесте, который у него вызвали слова поэта, он различает между этой «любовью-ненавистью» и тем, что он называет настоящей ненавистью к России, которую он видит у «иностранцев», вернувшихся в Россию из-за границы, чтобы разжечь ненависть.

К теме «русское-чужое» мы еще вернемся, а теперь обратимся к петроградской прессе в послеоктябрьские дни. Газеты в это время выходят нерегулярно, их часто закрывают ВРК или просто красногвардейцы и солдаты, и тогда они начинают выходить под новым названием (так «День» сменяется «Грядущим днем», а он, в свою очередь, «Ночью», а она — газетой «В темную ночь»; «Вечерний час» продолжает выходить как «Новый вечерний час» и т.п.). Можно проследить, как печатаются выступления какого-нибудь писателя до определенной даты, а потом исчезают. Так, уже упоминавшийся нами Михаил Пришвин, один из «скифов», то есть левых эсеров, активно печатается в правозсеровской «Воле народа» вплоть до 2 декабря 1917 года, а потом в номере к.-д. «Нашего века» от 13 января 1918 года мы находим заметку «Скифы переключаются», в которой, не без некоторого злорадства, сказано:

— Ау! — кричит Пришвин из пересыльной тюрьмы, куда его бросили без предъявления обвинения, без допроса и вообще без всяких оснований.

(«Наш век», 13 января 1918)

Статьи Пришвина в «Воле народа» печатались в виде дневника, в котором автор свободно сводил вместе самые разнообразные впечатления революционных дней.

М.М. Шкапская, начиная с 24 декабря 1917 года, печатает в «Дне» серию статей под названием «Гражданская война». В этих статьях дана широкая панорама развития событий в провинции: развал армии, погромы, насилие, надвигающийся голод.

Отдельные писательские выступления, посвященные той же теме организованных большевиками в деревне погромов, мы находим в самых различных газетах. Так, 19 ноября 1917 года в газете «Вольность» (казацья газета, редактор Петр Пильский) С.Подъячев печатает рассказ «Дичь», описывающий такой большевистский погром.

Газета «Эхо» (потом «Петроградское эхо», редактор Василевский — Не-буква) 18 декабря 1917 года публикует «Впечатления» Льва Гумилевского (впоследствии известный советский писатель), в которых отмечается любопытный факт того, что мужицкие погромы организуются точно по разнарядке, спускаемой большевистскими комитетами, как пишет Гумилевский, «мужики грабят по заказу». 29 декабря 1917 года «Эхо» публикует заметки «Из записной книжки» Ефима Зозули (тоже будущий советский писатель), с возмущением выступающего против большевистского насилия. В этой же газете «Петроградское эхо», как мы уже отмечали, 22 января и 14 февраля были опубликованы стихотворения Ахматовой. В №10 «Петроградского эха» за 18 января 1918 года напечатано следующее стихотворение О.Мандельштама:

Когда держался Рим в союзе с естеством,
Носились образы его гражданской мощи
В прозрачном воздухе, как в цирке голубом,
На форуме полей и в колоннаде роши.

А ныне человек — ни раб, ни властелин —
Не опьянен собой, а только отуманен.
Невольно говорим: «Всемирный гражданин»,
А хочется сказать: «Всемирный горожанин».

В советском издании «Стихотворений» О.Мандельштама («Библиотека поэта. Большая серия», Советский писатель, Л.,

1973), это стихотворение приводится в примечаниях как первоначальная, не опубликованная редакция другого стихотворения Мандельштама «Природа — тот же Рим и отразилась в нем». Эти же сведения приводит в своем критическом комментарии на советское издание Мандельштама и Виктория Швейцер⁹, которая пространно спорит с тем, что Н.Харджиев, комментатор советского издания, относит дату написания этого стихотворения к ноябрю 1917 года. Очевидно, что В.Швейцер не знала о первопубликации его в «Петроградском эхе». Не входя в подробности датировки этого стихотворения, я хочу лишь отметить одно существенное обстоятельство. Публикация этого стихотворения в дни, непосредственно следовавшие за разгоном Удительного Собрания, конечно, не могла не отразиться на его семантическом контексте. Укажем прежде всего на противопоставление эпохи Рима с его гражданственностью, которая пронизывает саму природу, современной эпохе, низведшей человека до уровня мещанина, а именно в этом смысл мандельштамовского «Всемирный горожанин», восходившего к герценовской оценке грядущей социальной революции. Так что мандельштамовское стихотворение не просто о Риме, и даже совсем не о Риме, оно глубоко актуально в самом глубоком гражданском и политическом аспекте тогдашней современности.

В номере «Петроградского эха» за 10 апреля 1918 года печатается фельетон А.Куприна «Каломель». Здесь, одним из первых, Куприн поднимает гневный голос против того, что станет отличительной чертой советского строя — насильственного оптимизма, обязательной для всех любви к тюремщикам и палачам:

Нет, ты целуй руку, что давит тебя во время предсмертных ударов.

(«Петроградское эхо», 10 апреля 1918)

Публицистика З.Н. Гиппиус (в частности, в газетах «Новые ведомости» и «Вечерний звон») и М.Горького (в редактируемой им и В.Сухановым «Новой жизни») достаточно хорошо известна, и мы не будем на ней останавливаться. Представляют интерес выступления в печати Вячеслава Полонского (будущего редактора «Нового мира») в первые дни после революции, особенно в связи с тем, что его точка зрения довольно скоро претерпит существенные изменения в про-большевистском направлении (см. ниже), но в течение ноября 1917 года «Новая жизнь» публикует две статьи Вяч. Полонского («Пока не поздно» — 1 ноября 1917 года и «Подхалим пришел» — 19 ноября 1917 года), направленные против большевиков. Обе статьи написаны с

позиций меньшевиков (и даже меньшевиков-интернационалистов); Вяч. Полонский призывает к замене большевистской диктатуры «правительством всей революционной демократии, блоком всех социалистических партий». В своей второй новожизненной статье Полонский протестует против того, что большевики пользуются услугами такого «черносотенца», как Ясинский.

Много интересного бытового материала мы находим в газете «Вечерний час». Выше уже приводились материалы Ното Novus и А.Измайлова. В этой газете активно сотрудничал в качестве политического публициста известный историк литературы Н.О. Лернер. 29 ноября 1917 года Н.О. Лернер публикует в газете «Вечерний час» статью «Поверженная Фемида», в которой с возмущением пишет о том, что большевики — «эти вечерашние немецкие шпионы» установили свой «Стучкин суд», являющийся неприкрытым издевательством над самыми элементарными правовыми нормами. На следующий день, 30 ноября 1917 года, «Вечерний час» публикует очередную статью Лернера «Самое страшное». Статья эта развивает мотивы, впоследствии возникающие в мандельштамовской «Египетской марке». Лернер ужасается падению нравов в среде интеллигенции: интеллигенты воруют, покупают и продают краденый товар, тащат товары из магазинов, разграбленных толпой.

В статье «Привычка» («Вечерний час», 9 декабря 1917 года) Лернер продолжает бичевать упадок общественных нравов: теперь никого ничто не ужасает; повсюду рабская привычка к ужасам: убийствам, грабежам, голоду, каннибализму. Как и другие газеты, «Вечерний час» уделяет много внимания описанию ужасов большевистского повседневного быта: О.Томский в статье «Петроград в эти дни» («Вечерний час», 9 декабря 1917 года) живописно рассказывает о разгроме винных погребов: «И стоя по горло в вине, они ненасытно пили. Тут же двое внезапно захрипели и погрузились на дно». Есть и небезынтересные политические наблюдения. В том же номере за 9 декабря 1917 года «Вечерний час» публикует статью В.Кадашева «Оперетка в порядке дня». Советский режим представляется В.Кадашеву «опереткой», в которой «Лев Троцкий играет роль Сен-Жюста»; «солисты» Анжелика Балабанова с Парвусом «объедут столицы мира и всюду образуют советскую власть». В номере от 14 декабря 1917 года «Вечерний час» публикует политическую корреспонденцию, рассказывающую, по сведениям «осведомленных кругов левых эсеров», как работает новый кабинет:

Ленин является единственным вдохновителем политики народных комиссаров, а Троцкий лишь глашатаем тех проектов и идей, которые разрабатываются Лениным и Сталиным-Джугашвили /.../ Все остальные комиссары являются послушным орудием в руках Ленина и Сталина.

(«Вечерний час», 14 декабря 1917)

Мнение это интересно в свете позднейшей контрверзы о роли Сталина и Троцкого в большевистском перевороте.

А вот что писал Петр Пильский в статье «О хороших писателях и злом мужике»:

И если для Пришвина этот народ — скиф, а для Бунина — «огромный беломордый кретин», то и самого Бунина он не знает, чужого и непонятого, не хочет и, главное, не может знать.

...Мало ли, чорт возьми, хороших рассказов на иностранных языках.

/.../ Мы были идеалистичны. Поэтому скорбели не только о нашей судьбе и нашей неволе и наших тяготах, — мы скорбели еще и о них. Но, — увы! — они реалистичнее нас. Книги наши им не нужны и они их не берут. Но наш скот и наш сад и усадьбы им необходимы до последней крайности — и они их взяли.

(«Новый вечерний час», 5 января 1918)

Эта же тема обсуждается в статье А.Чеботаревской «Вне культуры». А.Чеботаревская негодует по поводу только что изданного большевиками постановления об официальном запрещении держать дома в частном пользовании рояли и об обязательном реквизировании домашних библиотек. Указ этот был издан специально с целью «наказать» непокорную интеллигенцию, и Чеботаревская восклицает:

Вероятно, в благодарность за столетнюю освободительскую работу русский интеллигент, как класс, объявлен «вне закона».

(«Новый вечерний час», 23 января, 1918)

13 марта (28 февраля) 1918 года Ното Novus публикует в «Новом вечернем часе» «Прощальное Слово» по поводу переезда правительства из Петрограда в Москву. Статья эта стоит в ряду других, посвященных этому символическому событию, и Ното Novus дает свое толкование символик:

...Катастрофа унесла Петербург потому что Россия не была донесена до Петербурга.

(«Новый вечерний час», 13 марта /28 февраля/ 1918)

В высшей степени активную антибольшевистскую позицию занимает газета «Петроградский голос», редактируемая А.Измайловым. В «Петроградском голосе» особенно активно сотрудничают А.Амфитеатров и Ф.Сологуб. Амфитеатров разит большевиков сарказмом и сатирой, а Сологуб обращается с торжественно-проникновенным словом к жертвам большевиков. Так, в номере «Петроградского голоса» за 17 января 1918 года мы находим статью Амфитеатрова и статью Сологуба. Обе посвящены характеристике политических деятелей: Амфитеатров написал статью под названием «Троцкий — великоросс», а Сологуб — статью «Трибун» (о Жоресе).

Амфитеатров выступает с опровержением традиционно принятого тогда в некоторых кругах мнения о чуждости Троцкого России, о том, что он — «инородец». Напротив, говорит автор, Троцкому как раз не хватает того, что самому Амфитеатрову кажется традиционными еврейскими чертами — осторожности, образования, умения принаравливаться к обстановке. Нет, — говорит автор, — беда как раз в том, что Троцкий слишком хорошо усвоил типичные черты великоросса, причем великоросса-шовиниста: похвальба, драчливость, нахрапистость, легкомыслие, злоба, умение утереться.

В своей заметке о Жоресе Сологуб подчеркивает актуальное тогда противопоставление большевиков — противников войны, с их культом безудержного насилия и презрением к человеческой личности, другому противнику войны — Жоресу, понимавшему величие каждого отдельного человека.

Так же как «Новый вечерний час», «Петроградский голос» посвящает отдельную статью указу о реквизиции библиотек и запрещении роялей. 25 января 1918 года А.Амфитеатров обсуждает этот вопрос в статье «Война с роялизмом». В том же номере «Петроградского голоса» публикуется статья Федора Сологуба «Неблагодарность», первая из серии статей, посвященных судьбе русской интеллигенции в революции. Сологуб упрекает общество, народ в черной неблагодарности по адресу интеллигенции, духовенства, общественных деятелей: «Бедные Шингаревские дети, остались сиротами и ни копейки после смерти отца». Сологуб заключает свою статью призывом: «Всем тем, кто работал для народа, то есть для всех нас, мы должны быть благодарны».

15 февраля 1918 Сологуб печатает в «Петроградском голосе» статью «Уют». В ней рассказывается о бедственном положении поэтов и писателей, вынужденных продавать на толкучке последнее имущество.

21 февраля 1918 года публикуется очередная статья Сологуба из этой серии: «Спасибо». В ней поэт от имени русского народа благодарит русскую интеллигенцию, и в это страшное время помогающую народу справиться с последствиями войны, с голодом. И все это русская интеллигенция делает в обстановке травли, погрома, когда ее собственное положение неизмеримо тяжелее положения крестьян или рабочих.

23 февраля 1918 года Сологуб помещает в «Петроградском голосе» статью «Конец искусства», в которой бросает в лицо большевикам гневное обвинение в удушении искусства и литературы.

На следующий день «Петроградский голос» публикует такое стихотворение Сологуба:

Умертвили Россию мою,
Схоронили в могиле немой!
Я глубоко печаль затаю,
Замолчу перед злою толпой.

Спи в могиле, Россия моя,
До желанной и светлой весны!
Вешней молнии брызнет струя,
И прольются весенние сны

И разбудят Россию мою,
Воззовут от могильных ночей!
Я глубоко тоску затаю,
Я не выдам печали моей.

(«Петроградский голос», 24 февраля 1918)

Тема грядущей весны, которой противопоставлена нынешняя зима, могильная ночь и т.п. — одна из центральных тем русской печати того времени. К этой теме мы вернемся ниже.

В номере «Петроградского голоса» от 15 марта 1918 года мы находим два материала, посвященных трагической судьбе русской интеллигенции. А.Амфитеатров публикует статью «Две смерти», в которой говорит о трагической значимости кончины двух русских музыкантов — Ц.А. Кюи и В.И. Сафонова. Их смерть — трагическое свидетельство жестокой бесчеловечности русской революции. Амфитеатров предостерегает — как мы теперь знаем, пророчески — против легкомысленного отношения к судьбам заслуженных деятелей русской культуры. Россия, может быть, скоро останется без интеллигенции, предупреждает публицист.

Ту же тему поднимает в статье «Солоно» Ф.Сологуб. Он подчеркивает особое зверство режима по отношению к интеллигенции. Именно она вымирает быстрее всех остальных. Сологуб отмечает целенаправленность истребления интеллигенции и во многом искусственно созданный характер лишений, выпавших на ее долю: «...чтобы войти в социальный рай, надо прежде всего разрушить этот ненужный ад».

Как же должен реагировать поэт на этот «ненужный ад»? Ответ на этот вопрос Сологуб дает в своем стихотворении 16 марта 1918 года, в разгар событий, связанных с переговорами о Брестском мире:

Гонимый судьбой

Забыла ты полет орлиный
Для буйно-бредового сна
И чашу горечи змеиной
Должна ты осушить до дна.

Ты, поклонившаяся Змию,
Осквернена пред Судным Днем!
Так я хулил мою Россию,
Но Бог обжег меня огнем.

Сверкающие гневно струи
Свергались на меня и жгли,
Сладчайшие, чем поцелуи
И вздохи матери-земли.

Громам внимал я без боязни
И улыбался, онемев,
И понял неизбежность казни,
Благословляя Божий гнев.

Свивались в огненные реки
Змеино-злые слова.
Мне стало ясно, что вовеки
Душа горящая жива.

Пускай умру, убит грозою,
Но никогда, Россия-мать,
Тебя, гонимую судьбою,
Не стану злобно проклинать.

(«Петроградский голос», 16 марта 1918)

Думается, что в стихотворении Сологуба, как, впрочем, и в некоторых строчках Ахматовой, можно найти полемику против распространенных в тогдашней публицистике (ср. таких разных авторов, как Горький, Гиппиус и Бунин) мотивов вины России и русского народа в случившемся.

Вот что писал Сологуб в статье «Канун да ладан» («Петроградский голос», 20 марта 1918 года), посвященной перспективам Брестского мира: «Даже если Германия сойдется с Японией на Урале, все равно буду верить в матушку Россию».

28 марта 1918 года в «Петроградском голосе» публикуется стихотворение Сологуба «В кольцах змия», возможно, одно из тех, которые он читал на митинге «Утро о России» в Тенишевском училище. В этом стихотворении особенно отчетливо звучит вера в будущее России:

В кольцах змия

Как сладко мы тебя любили,
Россия милая моя,
И как безумно погубили
Под свист чужого соловья.

Как обратили мы нелепо,
Чужим внимая голосам,
В тоскливо-мглистый сумрак склепа
Великой славы светлый храм!

Но в напряженных кольцах змия,
Меня обнявших и алтарь,
В тебя, несчастная Россия,
Я верю, верю, как и встарь.

Молюсь, тоскою пламенея,
Чтобы опять ты расцвела,
Мечте мила, как Дульцинея,
И, как Альдонса, весела.

(«Петроградский голос», 28 марта 1918)

И, наконец, одно из самых проникновенных обращений Сологуба к России мы находим в его статье «Керенка» («Петроградский голос», 30 марта 1918 года): «Россия, несчастная мать моя, Господь с тобою, не бойся». В заключение нашего краткого обзора публицистической деятельности Сологуба в петроградских газетах конца 1917 — начала 1918 года приведем красноречивый отрывок из его статьи «Какой-то», в которой поэт рисует облик «нового советского человека»:

Идут мимо академии художеств два прыщавые молокососа. Смотрят тупыми глазенками на обвешанную Петровым гением великолепную перспективу Невы, курят как взрослые (обоим вместе не больше 35 лет) и говорят:

— А я, знаешь ли, рад, что это все (широкий жест к величественному зданию академии) будет разрушено.

— Ну зачем разрушать. Тут можно открыть столярную мастерскую.

— Нет, все на дым! Всему каюк! Разрушим, а потом будем заново строить.

(«Петроградский голос», 9 апреля 1918)

В своей, уже упоминавшейся нами выше, статье о Мандельштаме и революции Н. Нильссон привел интересный материал о соответствии темы «гибели Петрополя» в стихах Мандельштама периода революции и реального фона разрушения культуры и быта в Петрограде конца 1917 — начала 1918 года.

Думается, что в комплексе мотивов, связанных с разрушением и гибелью Петрограда, можно выделить один более специфический мотив, усиленно обсуждавшийся тогдашней русской публицистикой. Речь идет о мотиве *холода, зимы*, и более специфически, мотиве *холодной весны*. Тот факт, что большевистский переворот произошел в начале зимы, показался многим публицистам значительным. Так, Евгений Викторович Тарле, будущий советский академик-историк, пишет 21 декабря 1917 года в редактировавшейся А. Н. Потресовым газете «День»: «И мы, и вся Европа стоим не перед лучезарной весной, а пред долгой полярной ночью». Холод, прямой и переносный, холод страшной бестопливной зимы и холод надвигающейся социальной ночи все усиливался по мере развития и «углубления» большевистской революции, и высказанная Сологубом в преддверии весны робкая надежда на весеннее пробуждение России («Умертвили Россию мою») с приходом самой весны не осуществилась. А весна в 1918 году была страшная, холодная. Была она особенно холодной еще и потому, что календарь был переведен на тринадцать дней вперед, и в новом календарном апреле еще царили мартовские холода.

О. Мандельштам публикует в самом начале весны замечательное стихотворение «На страшной высоте блуждающий огонь», в котором объединяет вместе мотивы холодной весны, гибели, заката и некоей страшной угрозы с небес:

На страшной высоте блуждающий огонь!
Но, разве так звезда мерцает?
Прозрачная звезда, блуждающий огонь —
Твой брат, Петрополь умирает!

*

На страшной высоте земные сны горят,
Зеленая звезда летает;
О если ты звезда — воды и неба брат,
Твой брат, Петрополь умирает!

*

Чудовищный корабль на страшной высоте
Несется, крылья расправляет.
Зеленая звезда — в прекрасной нишете
Твой брат, Петрополь умирает!

*

Прозрачная весна над черною Невой
Сломалась; воск бессмертья тает...
О если ты звезда — Петрополь город твой,
Твой брат, Петрополь умирает!

Именно так, с отточиями и с такой пунктуацией, это стихотворение опубликовано в газете «Вечерняя звезда» 6 марта (по новому стилю) 1918 года. «Чудовищный корабль», упоминаемый в стихотворении, напоминает нам о реалиях того времени. Дело в том, что именно в эти дни были прерваны переговоры в Брест-Литовске и немецкая армия начала стремительное продвижение к Петрограду (которое, правда, потом было приостановлено в связи с возобновлением переговоров). Над Петроградом стали появляться немецкие аэропланы, сбрасывавшие на город бомбы, о чем, в частности, извещала и ежедневная пресса. Именно это обстоятельство и отражено в стихотворении Мандельштама. В свое время об этом мне сообщила Н.Я. Мандельштам.

Но мандельштамовские стихи связаны с современностью не только посредством этой реалии. Связь эта, притом довольно парадоксальная, устанавливается на страницах того самого номера «Вечерней звезды», где опубликовано мандельштамовское произведение (кстати, обратим внимание на то обстоятельство, что в этом стихотворении, как и ранее, в стихотворении «Кассандре», обыгрывается само название газеты — здесь «Вечерняя звезда», там — «Воля народа»).

Сразу же вслед за мандельштамовским стихотворением газета публикует статью Бориса Кушнера (будущий активный деятель ЛЕФ'а) под названием «Весенняя катастрофа». Статья Кушнера полемически направлена против мандельштамовских четверостиший, равно как и против символики зимы, холода и революции. Революционные «гримасы» — насилие, цинизм, произвол — Кушнер представляет как бедствие, которое, все-таки, не может перевесить все то положительное, что, по его мнению, должно придти вместе с социализмом. Вот что писал Кушнер:

Весенняя катастрофа

Наших ли эпох современникам бояться катастроф? Семнадцать лет неистового двадцатого века дали земле: Шесть грандиозных международных войн. Четыре кровопролитные войны гражданские. Семь великих и малых революций. Шесть грозных и страшных землетрясений. Ураганы, разрушавшие города и обрушивавшие море на десятки и сотни деревень и поселений! Беспрецедентные наводнения.

Чуму, холеру.

Позор и ужас погромов — еврейских, армянских и разных иных.

Более двадцати обширнейших и культурнейших государств с их неисчислимыми колониями, почти весь земной шар, приняли участие в этих войнах.

Европа, Азия, Америка равно страдали от этих бедствий.

Жертвы исчисляются миллионами людей.

/.../

Есть катастрофы и безнадежные. Мрачные как отчаянье. После них только смерть и небытие. Катастрофы осени.

Бывают катастрофы весенние. В них самое неистовство бедствия полно кипучим дыханием молодой непреодолимой жизни. В них уничтожение есть только путь к воздержанию. Они потрясают и ужасают, но не отравляют душу отчаяньем и безысходностью.

Когда я думаю о потрясениях, вздымающих на дыбы мою прекрасную, великую в испытаниях родину, когда сердце и ум смущены предвидением грядущих гроз, в памяти моей невольно всплывают изумительнейшие картины редчайшей весенней катастрофы, очевидцем которой мне довелось быть.

II

Десять лет тому назад в Швейцарии, в округе Берн, в ночь с 27 на 28 мая выпал снег густой и обильный, какой не падает в этих областях и в сильнейшую зимнюю вьюгу.

Первые снежные хлопья, прилетевшие на землю в лунную, теплую, томную майскую ночь, как крохотные привидения, кружились среди пышной зелени, в безмолвии фруктовых садов, в сумраке каштановых аллей. Они были бессильны, беспомощны

и покорно умирали. Но за первыми одиночками летели легионы их братьев. Каждая льдистая звездочка, то жемчужная, то изумрудная, вонзала морозное жало свое в лепестки цветов, в неокрепшие еще побеги. И укусы их становились смертельными. Невинные белые привидения превратились в стаи губительной саранчи, слетевшей с самого северного полюса. Густо насадала она на широкие ладони листьев, изобильно одела стволы и ветви. И темные тихие сады, и каштановые аллеи, и прекрасный и обширный лес, с трех сторон прильнувший к городу, внезапно поседели от горя и ужаса. И стали клониться к земле лесные могучие деревья, отягощенные несвоевременным и непосильным гнетом.

Огромная тяжкая ветвь столетней дуплистой липы перед террасой моего дома первая не выдержала. С сочным треском надломилась она, и шурша и вздрагивая, повисла умирать вдоль прямого высокого ствола. И тотчас издали ответствовали ей глухие и скорбные крики лесных сокрушаемых гигантов. /.../ Всю ночь, не переставая, падал снег. Всю ночь кричали и охали истязаемые деревья.

Утром трагически застыл и успокоился лес. Суровые сосны и ели, тяжкие дубы и гордые лиственницы лежали поверженные на протяжении многих десятин.

/.../ Прошли три дня. Весна опять по-прежнему могуче ликовала на протяжении всей пострадавшей местности. Лес гордо шумел. Сады благоухали и ширили тень свою. Катастрофа убила много деревьев, но не могла убить весны. И сила жизни торжествовала над гибелью. В тот год урожай был обычно богат. /.../

Россия переживает эпоху весеннего расцвета. Обильны и непреодолимы жизненные силы ее роста. Ей первой во всей Европе, во всем мире улыбнулся красный восток грядущего социалистического перерождения.

И какими сплошными тучами ни налетали бы на нее неисчислимые полчища бедствий, ее расцвет все же восторжествует над испытаниями.

Весенние катастрофы не убивают.

(«Вечерняя звезда», 6 марта 1918)

Образ чего-то теплого, живого, убиваемого холодом, морозом стал одним из центральных в мандельштамовской поэзии. Однако он вовсе не похож на несколько поверхностный оптимизм Кушнера. Для Мандельштама этот образ всегда глубоко трагичен (например, в стихотворении 1920 года «Чуть мерцает призрачная сцена»), он знаменует чаадаевскую струю в мировоззрении Мандельштама. В этой связи стоит упомянуть о популярности чаадаевских сопоставлений в публицистике революционного времени. Так, Николай Павлович Анциферов (позднее известный

краевед, написавший книгу «*Душа Петербурга*») публикует 17 марта 1918 года в газете «Наш век» статью под названием «Правда сумасшедшего о русском народе», в которой развивает чаадаевские мысли об оторванности России от времени и пространства.

Возвращаясь к теме «*весенней катастрофы*», отметим, что Мандельштам своеобразным путем преобразует ее в «Египетской марке», где, наоборот, смерть ассоциируется не с зимой, а с весной! Событие это подается глазами Парнока:

В феврале он запомнил такое событие:

По городу на маслобойню везли глыбы хорошего донного льда. Лед был геометрически-цельный и здоровый, не тронутый смертью и весной. Но на последних дровнях проплыла замороженная в голубом стакане ярко-зеленая хвойная ветка, словно гречанка в открытом гробу. Черный сахар снега проваливался под ногами, но деревья стояли в теплых луночках оттаявшей земли.

В стихотворении «На страшной высоте...» явственно ощущается атмосфера окончательной гибели. И, действительно, гибель Петрограда от голода и холода была неотвратимой. Газета «*Наши ведомости*» (позднее «*Новые ведомости*») настойчиво предупреждает о гибели города, публикуя все новые и новые материалы, свидетельствующие о катастрофе. 3 января 1918 года в «*Наших ведомостях*» появляется статья маститого И.Потапенко «*Проклятый город*», в которой он предрекает гибель Петрограда: «...отвергнутый Россией, он пропадет от голода и холода, одинокий, он не просуществует и двух месяцев». На следующий день (4 января 1918 года) Л.Николаев помещает в «*Наших ведомостях*» сообщение «*Бедствующая интеллигенция*» о вымирании петроградских интеллигентов от голода, холода и непосильного труда.

В том же номере мы находим заметку Кина «*Приучайтесь голодать*» с практическими советами, как вести себя при длительном голодании, и корреспонденцию «*Эпидемия тифа в Петрограде*». 8 января 1918 года «*Наши ведомости*» публикуют статью В.К. «*Наше недоедание*», а 13 января — статью академика Д.К. Заболотного, известного эпидемиолога, «*Голодный тиф в Петрограде*». В «*Новых ведомостях*» за 19 марта 1918 года мы находим красочное описание поедания лошадиной падали в заметке Ивана Лукаша. Как видим, облик Петрограда вовсе не соответствовал романтической картине кратковременного весеннего бурана. Напротив, все ощущали, что гибель Петрограда — явление постоянное, возврата назад или продвижения вперед не будет.

Гибель Петрограда казалась чем-то схожим с падением высокой античной цивилизации. Недаром Мандельштам обращается к Петербургу как к Петрополю. В своей статье «Гибнущие ризы» («Наш век», 17 марта 1918 года) известный публицист А. Рославлев видит в гибели Петербурга нечто несравненно более трагическое, чем гибель Рима:

Когда погибал Рим, дивная культура механически разрушалась варварами, но на смену шла светлая культура христианства.

(«Наш век», 17 марта 1918)

Теперь же на смену погибшей культуре Петербурга не может придти ничего.

Мы уже видели, что образ Рима стоял и перед Мандельштамом в эти дни. 18 января «Петербургское эхо» публикует его стихи «Когда держался Рим в союзе с естеством» с их гневным противопоставлением гражданского начала всемирному мещанству.

9 марта 1918 года, через три дня после публикации стихотворения Мандельштама «На страшной высоте», «Вечерняя звезда» снова публикует стихи поэта. В них как бы содержится ответ на вопросы, поставленные временем. Что останется от того времени, «когда держался Рим в союзе с естеством», а также от того времени, «когда погибал Рим»? На это поэт отвечает: важен не *город*, а *человек*, то есть как раз то начало, которое теперь втаптывается в грязь. Вот это стихотворение:

Пусть имена цветущих городов
Ласкают слух значительностью брэнной,
Не город Рим живет среди веков,
А место человека во вселенной.

Им овладеть стараются цари,
Священники оправдывают войны,
И без него презрения достойны,
Как жалкий сор, дома и алтари...

Стихотворение это, как мне представляется, является манифестом оплевываемого большевиками, и особенно некоторыми «скифами», гуманизма. Поэт пытается сохранить хотя бы какое-то реальное положительное начало среди обломков погибшей петербургской культуры. Он, пожалуй, готов понять возможность гибели «домов и алтарей», лишь бы сохранилось «место человека во вселенной». Позиция Мандельштама, по крайней мере

в этом стихотворении, созвучна в целом левой позиции «Вечерней звезды». На место человека во вселенной претендуют *цари, священники* тоже грешат против человека. Мандельштам находит, если говорить в терминах политики, скорее на левом фланге, чем в центре, и уж никак не справа.

Вячеслав Полонский, ставший ведущим публицистом «Вечерней звезды», публикует в ней статьи, проповедующие единство «социалистической демократии» и резко критикующие антибольшевистский пафос всей послеоктябрьской интеллигентской публицистики (статья В.Полонского «Интеллигенция и революция. Из дневника». — «Вечерняя звезда», 11 марта 1918 года). В «Вечерней звезде», кроме В.Полонского и О.Мандельштама, постоянно сотрудничали С.Есенин, Е.Замятин, Б.Кушнер, М.Левидов, Э.Герман, А.Лурье, Н.Орешин, Л.Рейснер, И.Бабель, А.Чапыгин. Я бы назвал линию газеты «предсменовеховской», если бы не широковещательный лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» над заголовком «Вечерняя звезда»!

При всем этом, линия газеты значительно более эклектична, чем позднейшее, гораздо более искушенное и опытное сменовеховство. Наряду с полубольшевистскими статьями Полонского, довольно быстро сменившего вехи от проклятий большевизму — к сотрудничеству, «Вечерняя звезда» публикует и резко антибольшевистские материалы.

Стихи Мандельштама — пример чистого персонализма. Для него центр всего — не абстрактный человек, но собственный этический опыт. Поэтому, говоря о смерти Петрополя, Мандельштам включает сюда себя самого. Этому и посвящено последнее стихотворение, опубликованное им в «Вечерней звезде» 15 марта 1918 года:

В Петрополе прозрачном мы умрем;
Где властвует над нами Прозерпина.
Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем
И каждый час нам смертная година.

*

Богиня моря, грозная Афина,
Сними могучий, каменный шелом:
В Петрополе прозрачном мы умрем:
Здесь царствуешь не ты, а Прозерпина.

В этом стихотворении Мандельштам сам отвечает на вопрос о месте человека во вселенной. Сейчас место его самого, как поэта, — в любимом, гибнущем Петрополе.

Сразу же вслед за мандельштамовским стихотворением газета публикует очерк Эммануила Германа «Петербург», посвященный, помимо прочего, переезду советского правительства в Москву. Герман видит причину гибели Петербурга в том, что у него отнято властительское место; так сказать, Афина покинула его, лишила город своего покровительства. Согласно Н.И. Харджиеву, стихотворение «В Петрополе прозрачном мы умрем» датируется маем 1916 года. Если принять эту датировку, то стихотворение приобретает характер пророчества, то есть поэт выступает здесь в виде Кассандры, как адресат своего же стихотворения «Кассандре». Публикация его рядом со статьей Германа еще более усиливает пророческий характер мандельштамовских стихов. Вот выдержки из статьи Эммануила Германа «Петербург»:

За шумом примелькавшихся разговоров — о скифском бунте Мстиславского, о дерзании восставшего, но своевременно возвратившегося Бухарина, о Штейнберге, возвратившемся в лоно «оборончества», и о Зиновьеве, зачисленном в «соглашатели», о всех этих «пораженцах», странно похожих на «оборонцев», и о самобытном российском мире, смахивающем на войну, за всем этим многоголосым и разноголосым гамом пустеющей петербургской улицы как-то незаметно, «само собой», проморгали дорогого покойника. Умер Петербург.

/.../ Петербург город гордый, царственный. Недаром он рожден буйной гордыней царя-бунтаря. За эту гордыню — когда-то самодержавную, деспотическую — ненавидели его рыцари «смирной Руси», славянофилы.

/.../ Петербург привык царствовать. Низложив гордыню самодержавия, он возвел на престол гордыню революции.

Обстоятельства сломили ее.

Петербург умер, ибо жить для него всегда значило царствовать.

(«Вечерняя звезда», 15 марта 1918)

В свете многочисленных свидетельств, приведенных нами, можно сделать один самый общий вывод: несмотря на все различия — эстетические, идейные, политические — между русскими деятелями культуры, которые имели место до октябрьского переворота или после него, их отношение к самому перевороту и новому режиму, установленному большевиками, в первые шесть месяцев после переворота можно суммировать словами В.Г. Короленко из письма к Луначарскому:

Русская литература и притом вся она, как вы сами говорите, — «безукоризненная» марксистская и народническая, социа-

листическая, демократически-радикальная и либеральная — вся она, без различия партий, оттенков и направлений — *не с вами, а против вас.*

(В.Г. Короленко. Торжество победителей. — «Русские ведомости», 3 декабря 1917)

Что касается «сумерек свободы» — известного образа из мандельштамовского стихотворения «Прославим, братья, сумерки свободы», то более или менее ясно, что поэт имел в виду *з а к а т* одной свободы — свободы гражданской — и здесь его стихи периода конца 1917 — начала 1918 года не оставляют никакого сомнения в том, что Мандельштам глубоко негодовал, как и остальные современники, по поводу уничтожения этой свободы — и возможный чаемый *в о с х о д* другой свободы, свободы внутренней, личностной, той, которую Блок, вслед за Пушкины, назовет *тайной свободой.*

**

Стихотворение Мандельштама «Прославим, братья, сумерки свободы», опубликованное впервые под заглавием «Гимн» в №209 эсеровской газеты «Знамя труда» (24 мая 1918 года) недаром вызывало столько споров и различных толкований. Оно, по-видимому, намеренно переводит размышления об исторических судьбах совершавшихся в России преобразований из плана злободневно-актуального в план *иной* — антропокосмической — истории, где важны не конкретные актеры политической сцены, а некоторые вечные роли. Поэтому и надлежит спорить о том — кто же такой *вождь*, что есть *бремя власти* и ее *невыносимый гнет* и когда наступают *сумерки свободы.*

И вместе с тем в самих этих глобальных семантических категориях слышатся отзвуки актуальных политических споров тех дней, а именно — мая-июня 1918 года.

Вспомним мандельштамовское стихотворение:

Прославим, братья, сумерки свободы, —
Великий сумеречный год.
В кипящие ночные воды
Опущен грузный лет тенёт.
Восходишь ты в глухие годы,
О солнце, судия, народ.

Прославим роковое бремя,
Которое в слезах народный вождь берет.

Прославим власти сумрачное бремя,
Ее невыносимый гнет.
В ком сердце есть, тот должен слышать, время,
Как твой корабль ко дну идет.

Мы в легионы боевые
Связали ласточек — и вот
Не видно солнца;
Вся стихия
Щебечет, движется, живет;
Сквозь сети — сумерки густые —
Не видно солнца и земля плывет.

Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий,
скрипучий поворот руля.
Земля плывет. Мужайтесь, мужи.
Как плугом, океан деля,
Мы будем помнить и в летейской стуже,
Что десяти небес нам стоила земля.

Отметим важные смысловые мотивы, настойчиво повторяющиеся в стихотворении, особенно в его первой части: мотив *сумерек*, мотив *ночи*, мотив *солнца* и *восхода*, мотив *зимы* и *холода*, мотив *свободы* и контрастный ему мотив *власти*, *гнета* и *бремени*, связанный с ним мотив чего-то *грузного*, *тяжелого*, *неповоротливого* и, напротив, мотив *движения*, наконец, очень важный мотив *верховенства*, *суда (судия-народ)*. Все эти мотивы можно истолковывать (и они истолковывались исследователями) в самых разнообразных смысловых контекстах, литературных и мировоззренческих, философских и исторических. Здесь мы хотим предложить одну параллель из ежедневной печати того времени, в которой можно проследить некоторые из вышеупомянутых мотивов.

Речь идет о статье «Белые ночи и черные дни», принадлежащей перу С.Аратовского и напечатанной в рубрике «Петербургские очерки» 14(1) июня 1918 года в газете «Молва» («Большая литературная и общественно-политическая газета» под редакцией В.Муйжеля):

Белые ночи и черные дни
(Петербургские очерки С.Аратовского)

Голодные люди

С каждым днем, все чаще и обязательнее, точно справляя поминки по светлым дням революции, в темные дни первой

годовщины собираются пестрыми толпами голодные люди на Знаменской площади:

— Помитинговать штоль немножко?!

Так же, как и в прошлом году светлые сумерки белых ночей; так же, как тогда тесно, шумно и взволнованно в толпе; так же остры и раздраженны речи и только нет прежней уверенной бодрости, которой тогда были все возбужденно полны.

— Вот кручусь, кручусь тут, — жалуется, чуть не плача, какой-то седой, высокий старик, — и ни от кого слова ладного не услышишь... Да что же это, товарищи, ужли в самом деле гибель пришла?!

В толпе то и дело шныряют мешочники, пугливо шарахаясь от тупо и важно прохаживающихся красногвардейцев, развертывают котомки, показывают товар и торопливо все свертывают, опять ползая в толпе с проворством и наглостью голодающих крыс, высыпавших из темных подполий давно опустевших амбаров.

— А как же не гибель, ежели он пятнадцать рублей за вот этакий хлебец сейчас вот у господина взял? Это что ж?

У всех темны, голодны и злы глубоко впадающие под нависшие брови глаза. И как они, — гневны, угрюмы и злы — и жесты, и речи:

— От голода такого на всё народ пойдет. Теперь только прикорми человека — всё сделает. Прикормили красноармейцев — поди ты, на своих же рабочих пошли... Даст Николай, аль Вильгельм по фунту хлеба — в ножки поклонится, как бы там социалист не был.

— И придет и даст, — погодите. К тому вся линия ведется.

В толпе как никогда много женщин. Они говорят редко, но слушают жадно, с раскрытыми ртами — точно глотают не слова, а хлеб, этот мучительно желаемый, доводящий до безумия хлеб. И только иногда, отходя от толпы, истерично кричат:

— И Вильгельма, и Николая, кого угодно — нам всё равно! С ними хоть порядок был, а с вами одно горе, одно несчастье, проклятые... Вешать вас всех!..

Против всех протестуют, но на «жидах» все соглашаются, как один. И не только свободные граждане, но и красногвардейцы охотно поддакивают им.

— Конечно, жида много портят. Они социализму вредят, потому ведь в банках — жида, в газетах — жида... А при настоящей коммуне — перво-наперво, конечно, всех жидов потопить...

Какой-то маленький, задыхающийся от волнения человек с безудержным и жадным восторгом рассказывал:

— Да вот тут, на этой же Знаменской, вот тут как раз у решетки мы одного пристукнули... Я тут каждый день бываю. И вот так же стоим, митингуем. И, конечно, про жидов говорим. А тут с нами такой пархатый один связался, кричит еще, что

и провокация и то и сё. Значит за всех, вообще, орет... Обозлились мы — молчал бы уж, да хоронился, а он еще лезет... А тут солдат был с винтовкой... Подошел он так, приподнял винтовку, да и стукнул его прикладом по башке. Легонько так, а вышло до смерти... Хрипит... Нехорошо так смотреть-то было, а только что же?! Жид он такой — его изводить надо. А то расплодился — тебя заест. — Они плодовые черти.

Гулким, безрадостным смехом загоготала толпа. Только какая-то набожная старушка сплюнула, перекрестилась и заторопилась выйти из тесного круга.

— У, охальники... Работали бы, — лучше б дело то было!

Кто-то заспорил с нею шутливо и весело. И она, вытянув скрюченный костлявый палец вперед, вдруг начала торопливо кого-то стыдить и корить:

— Бога вы забыли, охальники, оттого все это! По делам вашим и мука... Что вы с тряпками-то красными в среду страстную пошли... Простит это вам Бог? Да ни в жисть не простит, все это вам возместится!.. А Бога не стыдно -- дитёв бы постыдились, ведь всё это, всё это в книгах пропечатают. Дети-то вырастут — читать будут... Прочтут да ведь спросят тебя охальника: что же ты-то делал отец мой дорогой, что?! А ты ему что скажешь?!

Пошумела старушка и ушла, еще спросив меня на уходе:

— Ведь в книгах-то пропечатают, а?! Пропечатают?!

Конечно, пропечатают. И пропечатают нас во всем убожестве нашем, так безнадежно и полно обнаженном прорехами на красном рубище Великой России в эти белые ночи и черные дни.

Эта заметка, не могущая, конечно, стать в один ряд с замечательным стихотворением Мандельштама, демонстрирует, тем не менее, достаточно убедительно, что, *во-первых*, мандельштамовский *великий сумеречный год* совершенно однозначно означает год, прошедший с начала революции весной 1917-го до ее конца весной 1918-го, *во-вторых*, сумерки употреблены Мандельштамом в *двойном* значении: восхода свободы год назад и ее заката весной 1918 года, *в-третьих*, что, соответственно, *народный вождь*, в слезах берущий бремя власти -- это взятие власти весной 1917 года и *народный вождь* — Керенский (ср. здесь же и тему *сердца*, связанную, как было показано выше, с Керенским), *роковое бремя* власти — это бремя, связанное с невозможностью для народа выдержать испытание свободой (рок — это рок падения Керенского и падения свободы); из контекста процитированной статьи особенно значимыми — в некоем ироническом смысле — кажутся слова Мандельштама о народе как *судии*: если это и судия, то Шемякина (или содомского) суда (ср. позднее мотив «щучьего суда» в стихах Мандельштама

1924 года). Если принять эту интерпретацию, то становится более понятным мотив бремени власти и ее невыносимого гнета.

И мандельштамовское стихотворение, и очерк Аратовского заканчиваются выпадом в будущее, и в обоих случаях это будущее — литературное. Апокрифическая старушка из газетной статьи упоает на то, что все «в книгах-то пропечатают», а «Гимн» Мандельштама заканчивается двойной аллюзией культурно-литературного плана: на «новую землю и новое небо» из Апокалипсиса и на судьбоносное плавание «Арго» назад из Колхиды в поисках своей земли.

**

Мы завершаем обзор откликов на русскую революцию в периодической печати Петрограда 1917-18 годов кратким экскурсом в одну более частную область: евреи и революция.

В качестве самого общего вывода напрашивается заключение следующего свойства — в период октябрьских событий, незадолго до них и сразу после них печать реагирует на еврейский аспект событий в основном так же, как она реагировала на него во время предыдущих русских революций: она предупреждает против возможности антисемитских бунтов и погромов, в целом же этот аспект представляется, судя по прессе, глубоко второстепенным. Разумеется, имеются и дополнительные оттенки, не присутствовавшие ранее. Вот беглый обзор этой темы.

Пожалуй, наиболее сильный отклик на еврейскую тему в русской истории и в грядущей русской революции содержится в предновогодней статье А. Амфитеатрова «Чертова черта», опубликованной в газете «Русская воля» 30 декабря 1916 года. Статья эта представляет собою страстный призыв к русской общественности искоренить заразу антисемитизма, проявлявшуюся в то время, в частности, в массовых обвинениях проживавших в прифронтовой полосе евреев в шпионаже в пользу Германии. Амфитеатров призывает русских читателей своей статьи попытаться понять и почувствовать изнутри весь беспросветный ужас положения русских евреев и приходит к неутешительному выводу о невозможности такого понимания: для этого нужно обладать не только добрыми намерениями, но и культурой, образованностью, открытым сердцем и отсутствием предрассудков. Амфитеатров вспоминает в этой связи:

Шлоом-Алейхем, бывший с автором этих строк в очень дружеских отношениях и частой переписке, затеял однажды роман, в котором студенты — русский и еврей — меняются пас-

портами и затем русский проводит год жизни еврейской, а еврей — год жизни русской. /.../ Чрезвычайно талантливый, но слишком первобытный, мало образованный Шолом-Алейхем с нею не справился.

(«Русская мысль», 30 декабря 1916)

Если уже Шолом-Алейхем не смог представить себе такой перемены, то что уж говорить об обыкновенном обывателе. И все же Амфитеатров не может предоставить этой ситуации развиваться, как она развивалась раньше: это смертельно опасно для обоих участников. Россию это может привести к гибели, ибо общество, зараженное ядом антисемитизма, неспособно выдержать напор двадцатого века; русское же еврейство, искусственно задерживаемое в своем развитии и превращенное в глазах общества в какого-то оборотня (*loup garou*), оказывается неспособным защищаться в рамках русского государства и обречено погибнуть.

Но главное для Амфитеатрова это не видения гибели, а то предвидимое им чувство освобождения, которое испытает все, кто сумеет освободиться от антисемитизма, чувство освобождения, которое приведет к расцвету России. Увы, здесь Амфитеатров оказался слабым пророком, но стоит все же процитировать его страстный призыв к русским:

Нельзя держать 6 миллионов населения на положении *loup garou*. Расколдуйте их из волчьей шкуры — и тогда увидите перед собою, вместо шести миллионов оборотней, шесть миллионов граждан, не только таких же, как вы, но часто и лучше вас, не только русских, как вы, но и более русских, чем вы. А нам ли русским, русские не нужны?

(Там же)

В период июльских событий 1917 года и в последующие за ними месяцы правая русская пресса (в частности, редактируемые Алексеем Сувориным «Маленькая газета», «Новая Русь») печатала антисемитские материалы, особенно в связи с выдвинутыми против Ленина обвинениями в передаче ему немецких денег через Ганецкого и Парвуса, однако удельный вес подобных статей сравнительно невелик.

Другое дело — стихийные настроения улицы, толпы. Газета «Утро России» в трех номерах подряд (за 15, 16 и 17 сентября 1917 года) печатает обширный редакционный материал «Погромное движение», в котором рассказывается о подстрекательской деятельности большевиков, активно провоцировавших мужицкие и солдатские погромы «чистой публики» и, особенно, евреев.

Газета подчеркивает физическую опасность погромов, особенно для еврейских беженцев из прифронтовой полосы в центральные губернии.

18 декабря 1917 года газета «Эхо», редактировавшаяся известным журналистом Не-буквой (Василевским) публикует «Впечатления» Льва Гумилевского, в которых писатель сообщает об интересной системе погромов и грабежей (в частности, еврейских семей), выработанной в провинции, где мужики грабят специально по заказу партийных большевистских комитетов.

18 февраля 1918 года «День» публикует корреспонденцию Ф.Богрова «Погромная волна», в которой рассказывается о еврейских погромах на Украине.

На эти же тенденции указывают в своих уже упоминавшихся выше статьях в «Воле народа» от 7 ноября 1917 года А.Изгоев и Д.Философов.

Надо сказать, что революционные события вызвали брожение и в среде еврейства, в том числе и в двух столицах. Очевидно, что в целом русское еврейство ощущало после марта 1917 года необыкновенный подъем — независимо от партийной и идеологической принадлежности. И вместе с тем столь же очевидно, что национально мыслящие круги русского еврейства не могли не быть встревожены как внешними, так и внутренними процессами: что принесет русским евреям как народу так называемое углубление революции, как отразится на еврейской судьбе столь широковещательно прокламируемое участие отдельных евреев в процессе «углубления» революции.

Интересное свидетельство этой тревоги мы находим в программе Списка №1 («Союз внепартийных прогрессивных избирателей») на выборах в совет московской еврейской общины. Эта программа была опубликована в газете «Русские ведомости» 24 сентября (7 октября) 1917 года. Вот отрывок из этой программы:

Предстоит ли общине мирная, деловая культурно-просветительная работа или деятельность ее будет парализована партийными распрями, быть ли общине с религиозными институтами еврейства или без них.

(«Русские ведомости», 24 сентября 1917)

Интересен также состав этого списка. Вот первые восемь кандидатов:

1. Фукс Альберт Львович

— председатель Общества распространения просвещения между евреями

2. Высоцкий Давид Васильевич	
3. Вермель Соломон Самуилович	— доктор
4. Блюменталь Филипп Маркович	— доктор
5. Понизовский Матвей Григорьевич	— председатель Общества пособия
бедным евреям
6. Урыссон Исаак Савельевич	— присяжный поверенный
7. Райц Лев Владимирович	— член Комитета Общества рас-
пространения просвещения между
евреями
8. Шор Давид Соломонович	— свободный художник

На 23-м месте стоит следующее имя: Пастернак Леонид Осипович, академик. Особенно примечательно активное участие в этом списке Давида Соломоновича Шора, замечательного пианиста, члена-основателя известного «Московского трио» (Шор, Крейн, Эрлих) и одного из вождей российского сионизма. Д.С. Шор оставил интересные воспоминания, в которых он рассказывает как о московском, так и о последующем палестинском периодах своей жизни.

Опасения почтенных членов списка №1 оказались вполне основательными. Уже самое начало октябрьского переворота принесло русскому еврейству многочисленные жертвы, причем не с той стороны баррикад, о которой обычно принято думать в связи с участием евреев в октябрьской революции.

Вот что сообщает 6 ноября 1917 года петроградская «Вечерняя почта» в заметке «Похороны евреев-юнкеров»:

За последние дни петроградская еврейская община оплакивает свои многочисленные жертвы, как в дни еврейского погрома. На еврейском Преображенском кладбище за один день похоронено 50 жертв. Среди похороненных 35 юнкеров, убитых при осаде Владимирского Училища и телефонной станции.

(«Вечерняя почта», 6 ноября 1917)

А вот что сообщала 5 ноября 1917 года «Воля народа» в заметке «В Петропавловской крепости»:

В Петропавловской крепости сидят юнкера: Лифшиц, Мирочник, Берент, Берман, Левин, Моисей, Соломон, Моисей, Гуревич, Абрам, Арон, Соловейчик /.../

(«Воля народа», 5 ноября 1917)

Всего среди 35 имен, приведенных в заметке, 12 принадлежат евреям.

Конец ноября 1917 года стал для русского еврейства историческим рубежом. Мы уже отмечали выше, что на 28 ноября 1917 года был первоначально назначен созыв Российского Учредительного Собрания, с которым связывали свои надежды и русские евреи. По случайному стечению исторических обстоятельств 26 ноября войска генерала Алленби вошли в Иерусалим. Россия формально еще была союзницей Англии, и вести о предстоящем освобождении Иерусалима вызвали энтузиазм среди национально мыслящих евреев Петрограда. 26 ноября, буквально в день исторического возвращения Иерусалима еврейскому народу, в Петрограде созывается митинг сионистов. Вот что пишет газета «Вечерний час» в корреспонденции «На пороге земли обетованной. Митинг сионистов вчера днем в театре музыкальной драмы»:

«Мы хотим, чтобы за тех отщепенцев еврейства, которые сейчас играют отвратительную роль насильников, отвечал не весь еврейский народ, а чтобы такие насильники были ответственны за свои преступления перед всем народом», — сказал доктор М.С. Шварцман.

Оратор не называл имен, но чуткая аудитория узнала в этой реплике гг. Нахамкисов, Бронштейнов и пр.

(«Вечерний час», 27 ноября 1917)

Той же актуальной теме посвящено интервью с петроградским раввином М.Г. Айзенштадтом, опубликованное 30 ноября в газете «Вечер». Вот, как излагает «Вечер» основные мысли этого интервью:

Перед евреями открывается новая эра. Еврейство сейчас переживает новую эпоху, напоминающую библейские времена, хотя бы возвращение из Вавилона.

(«Вечер», 30 ноября 1917)

♦♦

Конец 1917 — начало 1918 гг. — судьбоносный период русской и мировой истории. Литература активно участвовала в формировании истории. Разумеется, ежедневная печать — это лишь часть общего потока прессы, выходившей в те дни; остается обследовать специальную прессу, журналы, еженедельные издания. При всем этом, не может быть сомнения в том, что именно в ежедневной прессе нашли свое отражение самые первые, непосредственные реакции на происходившие события.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Foreword. In: *ART, SOCIETY, REVOLUTION. RUSSIA 1917-1921*. Stockholm, 1979, p.7.

² Я пользуюсь этой возможностью, чтобы выразить свою искреннюю благодарность Библиотеке Восточного Института в Ватикане за предоставление мне доступа в коллекции русской прессы.

³ См. об этом нашу статью *ЛИТЕРАТУРА КАК ОХРАННАЯ ГРАМОТА*. — «*Slavica Hierosolymitana*», N 5-6, Jerusalem, 1981.

⁴ В.Набоков. *ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО*. — «Архив русской революции», издаваемый И.В.Гессеном, т.1, Берлин, 1922, с.91, 92 и passim.

⁵ *КАК ЭТО БЫЛО. ДНЕВНИК А.И. ШИНГАРЕВА. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ 1917-18*. Москва, 1918, с.1.

⁶ *СКИФЫ* (вместо предисловия). — В сб. «Скифы», сборник 1-ый, Пг., 1917, с.VII-XII.

⁵ А.Блок. *ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ*. М., Издательство «Художественная литература», 1965, с.385.

⁸ Ср. филиппику А.Блока из его дневниковой записи 5 января 1918 года (день разгона Учредительного Собрания), ярко суммирующую диаметрально противоположную позицию, занятую им по отношению к «мечте поколения»:

5 января

Любимое занятие интеллигенции — выразить протесты: займут театр, закроют газету, разрушат церковь — протест. Верный признак малокровия: значит не особенно любили свою газету и свою церковь.

Протестовать против насилия — метафора (бледная немочь). /.../

/.../ Почему «учредилка»? Потому что — как выбираю я, как все? В темную выбираем, не понимаем. И почему другой может за меня быть? Я один за себя. Ложь выборная (не говоря уже о подкупах на выборах, которыми *прогремели* все их американцы и французы). /.../

/.../ Инстинктивная ненависть к парламентам, учредительным собраниям и пр. Потому что рано или поздно некий Милюков произнесет: «Законопроект в третьем чтении отвергнут большинством».

А.Блок. Собрание сочинений, т.VII,
М.-Л., ГИХЛ, 1963, с.314-315.

⁹ См.: Виктория Швейцер. *СПУСТЯ ПОЧТИ ПОЛВЕКА* (к выходу «Стихотворений» О.Мандельштама). — В сб. *RUSSICA-1981*. Russica Publishers Inc., New York, 1982, с.238:

...стихи «Когда держался Рим в союзе с естеством...», которые Мандельштам не опубликовал, а Харджиев приводит в примечаниях как первоначальную редакцию стихотворения «Природа — тот же Рим и отразилась в нем...», — скорее всего не одна из редакций, а вариация на ту же тему, что часто встречается у Мандельштама.

***ИЗ ИСТОРИИ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖИЗНИ***

А.М. Ремизов
НЕИЗДАННЫЙ «МЕРЛОГ»

Публикация Антонеллы д'Амелиа

«Мерлог» — последняя книга А.М. Ремизова, завершенная им во второй половине 50-х годов; две ее главы — «Рисунки писателей» и «Антон Павлович Чехов», впервые напечатанные в нью-йоркской газете «Новое русское слово» в 1954 г., — дают основание думать, что составление книги относится к самым последним годам жизни писателя.

Подобно последним произведениям Ремизова, «Мерлог» — монтаж из ранее написанных статей и очерков, опубликованных в эмигрантских газетах и журналах; некоторые главы «Мерлога» прежде входили в другие книги (в основном в «Огонь вещей», «Встречи» и «Учитель музыки»); остальные же, здесь печатаемые, были переработаны и соединены с отрывками других статей, разрозненными записями и афоризмами.

«Мерлог», по всей вероятности, монтаж «для себя», не для читателя (в письмах и дневниках 50-х годов он совсем не упоминается); это как бы черновик монтажа, где Ремизов собрал свои многолетние размышления о писательском труде.

Название книги — искаженное слово «берлога». Как вспоминает Наталья Резникова¹, ее няня часто употребляла выражение «что за мерлог!» (вместо «что за берлога!»), которое нравилось Ремизову. Впоследствии он выбрал его как название этого своеобразного сборника, чтобы подчеркнуть разнородность включенного в него материала. Повторяя слова А.Синявского об «Опавших листьях» Розанова, можно сказать: «это не просто название книги, но определение жанра»².

¹ Приношу глубокую благодарность Наталье Викторовне Резниковой, представившей мне рукопись *МЕРЛОГ* для публикации.

² А.Синявский. «ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ» В.В. РОЗАНОВА. Париж, «Синтаксис», 1982, с.111.

«Мерлог» (125 листов) состоит из 32 кратких глав, написанных в основном в 20-30-е годы; некоторые дополнения были сделаны автором позднее. Тематически книга делится на три части.

Первая часть (20 листов) включает статьи о рисунке и графике, подписанные авторским именем или псевдонимом В. Куковников³. Здесь писатель рассказывает о своей тяге к рисунку и каллиграфии и о значении, которое в его жизни наряду с письмом всегда имел графический знак: «не могу считать себя художником, я пишу и моему писанию отдаю все. Но только не могу я — так всю мою жизнь — не рисовать»⁴.

Врожденный талант к рисунку, унаследованный от матери, любовь к росчеркам и линиям направляли путь Ремизова в «волшебное царство» каллиграфии; даже его орфография была не только фонетической, но и графической, придавая письму очертания рисунка: «О свободном искусстве каллиграфии я стал знать со вступительного экзамена в гимназию — с первой написанной под диктовку строчки "коровы и лошади едят траву" или как у меня писалось

"коровы и лошади едят траву"

причем, несмотря на линейки, хвост строчки, начиная с "ди" (лошади), спустился за линейку, и вся строчка изобразила лошадь; голова же строчки с рогами "к" (коровы) имела подобие — коровье»⁵.

Отождествляя себя с восточными каллиграфами и московскими писцами XVI века, Ремизов старается «вороньим пером» украсить рукопись, раскрыть тесную связь между «написанным» и «нарисованным»; когда словесный запас недостаточен и «мысль бродит» и «не поддается слово», писатель прибегает к рисунку, к соответствующей графической линии, чтобы передать творческие вспышки, зарождение мысли: «так обозначается рисунок на полях или в тексте; рисунок выступает и из зачеркнутого, зачеркнутое — зазубренное или заволненное — всегда тянет к разрисовке: неизбежные паузы, заполненные мечтой. И то неопределенное, известное как "мука творчества", имеет наглядное выражение: рисунок»⁶.

Графическим искусством Ремизов был очарован всю жизнь и использовал его в шуточных обезьяньих грамотах и рукописных книгах-альбомах, соединяющих слова и рисунки. По словам Б. Филиппова, он

³ В первую часть входят статьи: «Рисунки писателей», «Выставка рисунков писателей», «Рукописи и рисунки А. Ремизова», «Рукописные издания А. М. Ремизова» (анонимно в «Последних новостях», 16.02.1933), «Рисунки писателей» (напечатано в ж. «Временник общества друзей русской книги», 1938, кн. 4, позднее включены в книгу *ВСТРЕЧИ*. Париж, «Лев», 1980, с. 222-226) и «*Courrier graphique*» (напечатано в «Последних новостях», 29.12.1938 и переиздано в кн. *ВСТРЕЧИ*, с. 226-229). Из них здесь публикуются первые три статьи.

⁴ А. М. Ремизов. *Courrier graphique*. — *ВСТРЕЧИ*, с. 228.

⁵ А. М. Ремизов. *ПОДСТРИЖЕННЫМИ ГЛАЗАМИ*, Париж, YMCA-Press, 1951, с. 42.

⁶ А. М. Ремизов. *Рисунки писателей*. — *ВСТРЕЧИ*, с. 223.

«был замечательным художником линии и краски (его весьма ценил, к слову сказать, Пабло Пикассо), был и исключительным каллиграфом — писал любым уставом и полууставом, любил заставки, заглавные киноварные буквы зачал, росчерки и круженья букв и около букв»⁷.

В автобиографических книгах и записных книжках писатель не раз возвращается к теме своей любви к рисунку; а в «Мерлоге» он подробно рассказывает историю своей графической деятельности от первых рукописных «изданий» до выставок в Петербурге, Берлине, Праге и Париже, до публикации рисунков в художественных и литературных журналах. Так его творческий путь становится некоей лабораторией художественного слова и образа, слиянием письма и графики в границах украшенной страницы — страницы-партитуры.

Ремизовская страница не только стремится к поиску музыкального ритма, к передаче живого голоса, но и требует графической и зрительной формы: «Я не хочу воскрешать какой-нибудь стиль, я следую природному движению русской речи и как русский с русской земли создаю свой. В фразе важно пространство, как в музыке. Во мне все звучит и рисует, сказанное я перевожу на рисунок»⁸.

Вторая часть «Мерлога» включает статьи на «литературно-семейные дела», шуточные заметки и изречения в духе «Опавших листьев» Розанова, воспоминания о берлинской жизни в 20-е годы и ценные высказывания о писательском труде, о музыкальной прозе, о композиции литературных произведений⁹.

В главе «Цвофирзон» в форме «отчета» описана русская жизнь в Берлине и создание вымышленного философского объединения «Свободное Философское Содружество», возникшего «в противовес эмигрантскому отделению закрытой в России Вольфилы». Подробно рассказана деятельность философского объединения: назначаются заседания, читаются доклады, проводятся дискуссии, издается журнал. Вся эта деятельность — как и само общество — игра писателя с историей. «Воспоминания» Ремизова лишь формально напоминают историческую хронику, по сути — это рассказ с выдуманной фабулой, герои которого носят, однако, реальные имена.

«Цвофирзон» — литературная выдумка Ремизова, «апокриф» репортажа, жанровое переосмысление хроникальных заметок, которые были распространены в периодической печати тех лет.

Еще в Петербурге Ремизов создал себе маску чудака и выдумщика, изобретая тайное общество — Обезьяню Великую и Вольную Палату

⁷ Б. Филиппов. Заметки об А. Ремизове. — «Русский Альманах», Париж, 1981, с. 222.

⁸ Н. Кодрянская. *АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ*. Париж, 1959, с. 255.

⁹ Во второй части вместе с отрывками старых статей и разрозненными записями собраны статьи: «Щуп и цапля», «Библиография» (анонимные рецензии, появившиеся в ж. «Благонамеренный», 1926, №2), «Воровской самоучитель» (в ж. «Ухват», 1926, №5), «Цвофирзон», «Пруд», «Сонник», «Книжникам и фарисеям», «Три юбиляра», «Parfumerie», «Космография», «Для кого писать?». Здесь публикуется вся вторая часть, кроме глав «Библиография», «Воровской самоучитель» и «Parfumerie».

— в которое зачислил своих друзей. Неистощимый мистификатор, он шутил, фантазировал и интриговал ради интриги¹⁰. В своих воспоминаниях В.Пяст рассказывает ремизовскую «игровую» концепцию литературной жизни: «Ремизов открыл мне секрет: "Сплетня, — говорит он, — очень нехорошая вещь — вообще, в жизни, в обществе; но литература только и живет, что сплетнями, от сплетен и благодаря сплетням"¹¹. Сторонник непосредственного слияния жизни и литературы, Ремизов проник в художественную среду предреволюционного Петербурга, фантазируя и распространяя неправдоподобные слухи и выдумки: «Я всегда любил сочинять самые неправдоподобные истории; к сожалению, это так мало отразилось в написанном мною: в моих рассказах "боль и скорбь", а не эта веселость — изустная»¹².

В Берлине тяга писателя к литературным мистификациям нашла плодотворную почву в хроникальных заметках эмигрантских газет и журналов, ибо никогда прежде не бывало такого периода в истории русской печати, когда целые страницы литературных журналов отводились бы мелким фактам хроники, связанным с современной исторической эпохой¹³.

Мемуаристы предупреждают об «испорченности» исторических заметок берлинской прессы мистифицирующими ремизовскими сообщениями¹⁴. По воспоминаниям Е.Лундберга, «поскольку Ремизов лишь недавно приехал из Советской России и связан с широчайшими литературными и художественными кругами, Ященко обратился к нему за материалами. И не обманулся. Неделя за неделей пошли рассказы. Ященко записывает имена неведомых ему писателей, отчеты об их судьбах, названия произведений. Ремизов неистощим». А между тем «в том, что он рассказал Ященко, в том, что Ященко в восторге педанта потащит на свой склад для грядущих десятилетий, нет ни слова правды, Ремизов все выдумал»¹⁵.

В ремизовском пересказе литературная хроника стала пародийным рассказом о жизни русской интеллигенции в советской России и в зарубежье, о несуществующих культурных собраниях в реально существующих берлинских кафе, о выдуманных встречах во всем известных местах, о вымышленных выставках в знаменитых галереях. Ремизовский

¹⁰ См.: Г.Чулков. *ГОДЫ СТРАНСТВИЙ*, М., «Федерация», 1930, с.170-171.

¹¹ В.Пяст. *ВСТРЕЧИ*, М., «Федерация», 1929, с.31.

¹² А.М. Ремизов. *НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ. ПИСЬМА А.РЕМИЗОВА С.П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО*. В «Книгах записей С.П. Ремизовой-Довгелло», кн.Х, с.105 (Парижский архив Н.В. Резниковой).

¹³ См.: Л.Флейшман, Р.Хьюз, О.Раевская-Хьюз. *РУССКИЙ БЕРЛИН. 1921-1923*. Paris, YMCA-Press, 1983, с.21.

¹⁴ В частности, в «Бюллетенях Дома Искусств», в газете «Голос России», в справках о писателях в литературно-библиографическом журн. А.С. Ященко «Новая русская книга». О значении Ященко и его журналов в общественной культурной жизни русского Берлина см.: *РУССКИЙ БЕРЛИН. 1921-1923*, с.9-67.

¹⁵ Е.Лундберг. *ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ. 1920-1924*. Л., Изд. писателей, 1930, с.300-301.

репортаж перечисляет реальные адреса и имена, документируя приводимые сведения выдуманнными фактами¹⁶.

Просматривая журнальную хронику тех лет, читатель иногда легко уловит мистифицирующие или хвастливые ремарки Ремизова, например, в «Бюллетенях Дома Искусств», почти полностью им самим редактируемых: «Евразиец П.П. Сувчинский выступает в Цоо с советскими и добровольческими частушками под аккомпанемент известной литовской пианистки — А.М. Ремизова»¹⁷. Труднее расшифровать стилизаторскую ремизовскую хронику художественной жизни в отделе «Труды и дни писателей в России» — в газете «Голос России».

В произведениях Ремизова нередко лишь обманчивая граница отделяет исторический «документ» (письма, дневник, мемуары) от «рассказа». Такие книги, как «Кухня» или «Россия в письменах»¹⁸, написанные в берлинский период, показывают непрочность этой границы и свидетельствуют о попытках писателя уйти из литературы в поисках нового жанра и новых приемов сюжетосложения.

Не случайно, что некоторые главы второй части «Мерлога», отражающие жанровые искания Ремизова, написаны в духе Розанова. Чуждость и безобразия таких глав, как «Космография», «Щуп и цапля», «Воровской самоучитель» или «Parfumerie» с их мимолетными мыслями, житейскими заметками и наблюдениями над русским языком звучат как отклики на розановские «Опавшие листья» и «Уединенное». Даже графическая деталь — одна страница «Мерлога» представляет собой приглашение на выставку 1932 г. писателей и художников в галерее L'Eroque — напоминает розановские приемы «домашности»: семейные карточки, вклеенные в оба Короба «Опавших листьев».

Употребление афоризмов лучше всего отвечает «философскому» духу и жанровому своеобразию «бессвязной» тематики и непоследовательного повествования, где исповедь перемежается с шуточными изречениями, с замечаниями о языке, с ежедневными темами. Афористичность позволяет Ремизову не заботясь о логике перепрыгивать с темы на тему, с предмета на предмет. Афористичность освобождает его от необходимости последовательного изложения своего мирозерцания. В «Апофеозе беспочвенности» философ и близкий друг Ремизова Лев Шестов избрал афористическую форму как наиболее соответствующую не-рационалистическому изложению и не-научной системе; по мысли Шестова, афоризм был новой формой «адогматического мышления» в русской культуре начала XX века.

¹⁶ В 1943 г. в тетради «Быль и небыль» Ремизов собрал некоторые свои анонимные или написанные под псевдонимом журнальные выдумки, появившиеся в газете «Голос России» в разделах «Труды и дни писателей в России» и «Из жизни художников в Берлине».

¹⁷ «Бюллетени Дома Искусств», Берлин, 1922, кн. 1-2, с.37.

¹⁸ О жанре *КУКХИ* и *РОССИИ В ПИСЬМЕНАХ* и о построении текста на основе «смещения» между документами и комментариями см.: Л.Флейшман. Из комментариев к «Кухне». Конкретор Обезволпала. — «Slavica Hierosolymitana», 1977, №1, с.185-188.

По стопам Розанова и Шестова — «Шестов и Розанов учили меня житейской мудрости»¹⁹ — Ремизов пишет афоризмы о писательском деле, о новой литературной форме, о значении писателя в XX веке. Как исповедь звучит глава «Для кого писать?», где он отстаивает позицию творческой независимости писателя и самоценности художественного труда: «Литературное произведение — дело жизни. Пишется не для кого и не для чего, а только для самого того, что пишется и не может быть не написано»²⁰.

Со стилистическими и композиционными поисками Ремизова связана глава «Пруд», посвященная перипетиям и творческим переработкам одноименного романа, и глава «Сонник», где писатель излагает собственные соображения о значении сновидений для понимания и обогащения повседневной человеческой жизни.

Во сне освобожденный человек проникает в иной мир — беспредельный, невещественный. Сон — переходное звено из одной сферы в другую; сновидение возникает как бы на хребте двух реальностей, соединяя дневные образы с неземными представлениями. Во снах исчезают дневные законы, человек освобождается «из-под власти трехмерного пространства», теряются границы прошлого и настоящего и «время крутится волчком». Жизнь расширяется, удваивается, поглощая дневную и ночную реальность.

В сновидениях Ремизов находит ту «интерпенетрацию» времени и пространства, то четвертое измерение, которое он всегда искал в своих сочинениях и рисунках.

Эта глава очень важна для понимания жанровых исканий писателя, признававшего в «Соннике»: «у писателей сны принимают литературную форму»²¹. Сновидение становится для него законченным художественным образом, формой литературного хронотопа, где пересекаются пространственные и временные перспективы²². Время сгущается, делается почти зримым, а пространство погружается в течение времени, истории и повествовательной фабулы.

«Сонная многомерность» богато наполняет произведения Ремизова, расширяет их «реальность» пространственно-временными измерениями, освобождает повествование от «дневной» трехмерности, введя в него время как четвертое измерение пространства.

В третьей части «Мерлога» (90 листов) собраны этюды о русских писателях и деятелях культуры, выбранных главным образом по ремизовскому «генеалогическому дереву» подлинного русского языка: протопоп Аввакум, Григорий Квитка-Основьяненко, Николай Гоголь. Тут же писатель дает очерк литературной деятельности Л.М. Добронравова и набрасывает живой портрет Я.П. Гребенщикова — одного «из

¹⁹ А.М. Ремизов. *МЫШКИНА ДУДОЧКА*. Париж, «Оплешник», 1953, с.132.

²⁰ А.М. Ремизов. Для кого писать? — «Числа», 1931, кн.5, с.284.

²¹ А.М. Ремизов. *МАРТЫН ЗАДЕКА. СОННИК*. Париж, «Оплешник», 1954, с.10.

²² См.: М.Бахтин. *ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭСТЕТИКИ*. М., 1975, с.234-236.

самых ревнивых и яростно-ревнивых библиотекарей Государственной публичной библиотеки»²³.

Заключают эту мемуарную часть, где критические наблюдения переплетаются с личными воспоминаниями, статьи памяти Л.Шестова, И.Болдырева-Шкотта, Л.Толстого, А.Чехова, В.Диксона.

Последняя глава посвящена «философской натуре» молодого Владимира Соловьева — еще один пример монтажа «документов» (письма В.Соловьева к невесте Екатерине Владимировне Романовой) и «комментариев» самого писателя.

В третьей части «Мерлога» Ремизов поместил материалы, опубликованные не только в журналах, но и неоднократно включавшиеся в другие книги; эти материалы подобно музыкальным мотивам, по-разному выстраиваются в различных автобиографических произведениях и по-разному звучат в новых сочинениях и сопоставлениях, каждый раз как бы заново рассказанные живым голосом Ремизова-повествователя.

В последнем монтаже, в «Мерлоге», писатель необычайно расширил возможности художественного текста. «Мерлог» — не хроника, не мемуары, не критика, а сложная повествовательная форма, соединяющая афоризмы и разрозненные мысли с замечаниями о взаимодействии письма и графики, с заметками хроникального жанра, с литературными «комментариями».

«Мерлог» — наиболее «теоретический» монтаж Ремизова: здесь литературный текст чередуется с размышлениями о литературе и «документ» перемежается с «комментарием», увековечивая — в розановском духе — неповторимо-оригинальную личность прозаика, графика и выдумщика.

²³ В третьей части собраны статьи: «Столетие "Пана Халявского"» («Последние новости», 15.05.1938; «Новое русское слово», 21.03.1954, *ВСТРЕЧИ*, с.275-279); «Тайна Гоголя» («Воля России», 1929, кн. 8/9; *ОГОНЬ ВЕЩЕЙ*, Париж, «Оплешник», 1954, с.115-119); «Заветы. Памяти Л.М. Добронравова» («Версты», 1927, №2; *ВСТРЕЧИ*, с.256-264); «Яков Петрович Гребенщиков» («Последние новости», 9.05.1935; *ВСТРЕЧИ*, с.264-266); «Памяти Льва Шестова» («Последние новости», 24.09.1938; *ВСТРЕЧИ*, с.267-269; *УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ*, Париж, «La Presse Libre», 1983, с.495-497); «Аввакум»; «Чудесная Россия. Памяти Льва Толстого» («Москва», 1929, №9; *ВСТРЕЧИ*, с.229-233); «А.П. Чехов» («Новое русское слово», 8.08.1954; «Грани», 1957, кн.34-35; *ВСТРЕЧИ*, с.250-251); «Философская натура. В.Соловьев — жених»; «Этот камушек. Памяти Владимира Диксона» («Последние новости», 22.12.1929); «Владимир Диксон» («Москва», 1931, кн.12). Из них здесь публикуется глава «Аввакум».

В традиции русской литературы — рисунки писателей. Начиная с Ломоносова все писатели рисуют²: Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, Тургенев. Наверное рисовал и Лесков и Салтыков и Писемский и Мельников-Печерский и Гончаров. Известны рисунки Лермонтова, Боратынского, Жуковского, Батюшкова, Полонского, Хомякова. Традиция продолжается: рисовал Леонид Андреев, Гумилев, Блок, Андрей Белый; сохранился рисунок В.В. Розанова. Исключение — Лев Шестов. Когда Н.В. Зарецкий³ затеял в Праге выставку рисунков писателей, ему непременно хотелось иметь рисунок Шестова, но сколько я ни просил Шестова, сам вижу, что не может — и на каракулю рука не подымается. Но зато один из всех Шестов в молодости пел, все это помнят: «Ах, Ленский, ты не прав, ты не прав!» А ведь рисовать и петь такое разное, но одной страсти, как и писать.

В самом процессе письма есть рисование. А когда «мысль бродит», рука продолжает механически выводить узоры — так обозначается рисунок. А как только появился рисунок, выступает рисовальщик. Но два дела делать нельзя: или писать или рисовать⁴.

Рисунки писателя любопытны, как очертания его «невывысказавшейся» мысли, или как попытка неумелой рукой изобразить выраженное словом: ведь написанное не только хочется выговорить — пропеть — но и нарисовать.

Источник моей рисовальной страсти — каллиграфия⁵, но еще и то очарование, какое испытываю я перед красками: цветная память о моей шелковой и ковровой родине.

Был ли я китайцем — ученые доказывают мое литературное родство со знаменитым китайцем, поэтом XI века, Оу-Янг-Сиу⁶, будто одними глазами смотрим мы на небо и землю, — или я был персом, или не китайцем и не персом, а искони московским — странником по чудесному востоку⁷, цветистые шелка и расшитые ковры, вижу их и осязаю. Есть красочная тайна: что руководит в выборе красок; и не только по теме, но и по звуко-краско-словному выражению узнаешь о человеке.

Рисунки мои могут быть заметны только с книгой и рукописью. На большее я не претендую. Они всегда связаны с книгой, как часть или продолжение: моя рукопись переходит в рисунок и рисунок в рукопись, все рисунки я подписываю. Так во всех моих разрисованных книгах — «Взвихренная Русь», «Посолонь», «По карнизам», «Оля», «Учитель музыки», так и в иллюстрациях к Гоголю, Тургеневу, Лескову, Достоевскому: картинка с

текстом. Исключение: «Демоны и люди» и «Бестиарий»⁸ — книги без подписей, но это потому только, что я не знаю имена всех демонов, а у меня их триста, и басенных зверей, их тоже порядочно.

Организатор выставки в Моравской Тшебове⁹ преподаватель гимназии В.В. Перемиловский отнесся с большим пониманием к моей рукописно-рисовальной работе. Картинок было до тысячи — «тюк — пуд», и надо было этот пуд распределить, устроить и показать. В.В. Перемиловскому помогали его бывшие ученики: его сын В.Перемиловский, Н.Кривенко, Вс.Гейн, В.Бернер, Тамара Каминчан, Галина Аше, Инесса Аше, Вера Гейк, Людмила Калмыкова, Ирина Кривенко.

В учительскую — самую большую комнату в гимназии — снесли все классные доски (6), поставили их в линию с небольшими интервалами и закрыли девятью черными одеялами, — так получился экран. Два огромных стола должны были принять альбомы, которые не уместятся на экране. Из женского барака нанесли все, какие там были, горшки с цветами и зеленью. Сверху экрана спускался золоченый шнурок собственной позолоты, на высоте глаз шнурок обхватывал альбом петлей и спускался, оттягиваемый кистью рябины. На экране были таким образом подвешены: «Взвихренная Русь», «Посолонь», «Сказки». В пролетах между досками экрана были подвешены отдельные листы — портреты Гумилева и В.В. Перемиловского, четыре письма скорописью и грамоты. Параллельно экрану на широком лакированном столе были разложены все остальные альбомы, крепленные, чтобы их не возили по всему столу и не трепали: от одного края к другому было протянуто двенадцать шнуров, которые петлей обхватывали по два альбома — один для этой стороны, другой для той.

За два дня выставки посетителей перебивало семьдесят; лупами очень пользовались...

Приношу благодарность В.В. Перемиловскому за его внимание и ученикам Перемиловского, справившимся в короткий срок с «тысячною» работой.

ВЫСТАВКА РИСУНКОВ ПИСАТЕЛЕЙ¹⁰

И это вовсе не обязательно вместо носа иметь хронический насморк, носить под фалдами потрепанные знаки препинания и чтобы несло от тебя мышью и нафталином, если ты любишь старинную книгу, автограф и самодельнишный рисунок писателя. Не скажу о Костроме¹¹, но наши питерские и московские

книжники могли позволить себе жениться и даже иметь детей. К примеру Василеостровский Я.П. Гребенщиков¹², уж какое пристрастие к книгам, и пользовался большим успехом и по преимуществу у городских учительниц. А парижские пушкинисты Гофман¹³ и Ходасевич¹⁴ — молодец к молодцу, чуть что не авиаторы. Тоже и художник Н.В. Зарецкий — художник, археолог, библиограф, коллекционер, выдумщик и «предприниматель», т.е. пропагандист и агитатор, да еще в прошлом и гусар, да его на коня если, да дать ему саблю в руку — взмахнешь — командор!

Открывшаяся на Николин день в Народном музее выставка привлекла большое и должное внимание как среди русских, так и чехов, оказавших к тому же и участие.

Выставочное обозрение начинается с Ломоносова — мозаика и северное сияние, тут же и «российская грамматика» 1755 г. А рядом Жуковский «Баллады и повести» 1831 г. и рисунки, — большой был любитель и предпочитал очень мелкую работу, Гоголь в письмах из Рима не раз поминает, на мелочи и глаза сорвал. Батюшков, Пушкин, Боратынский, Хомяков, Гоголь, Шевченко, Кулиш¹⁵, Я.Полонский, — каждый представлен рисунком, автографом, книгой, и висит портрет. Тургенев выделен, — Тургеневский поминальный год. Лермонтов с автографом «На смерть Пушкина». Достоевский — два рисунка. Толстой — рисунок к Азбуке. Оказывается, Толстой много делал рисунков к Жюль-Верну, когда читал его своим детям, но эти рисунки потерялись. Короленко, Розанов, Брюсов. А тех писателей, которых рисунков нет, их портреты со стен смотрят — «русский Пантеон». Рисунки Блока, Гумилева, Волошина, Маяковского, А.Н. Толстого, Осоргина, Болдырева-Шкотта¹⁶ и Кобякова¹⁷, — фотографические снимки с «фейермэнхена»¹⁸. И совсем «молодая поросья»: М.Горлин¹⁹ — Берлинские портреты и Б.Очередин — в разноцветных красках, и в каждой краске еще красочка — Монпарнас.

А в заключение Ремизов²⁰, — и тут каких только нет каллиграфических затей и карандашом, и пером, и спичкой, и коготками мелких зверей, и птичьей породы: рукописные альбомы, рыцарские грамоты, знаки и печати, чудище («Посолонь»), революция («Взвихренная Русь»), интерпенетрация («По карнизам»), пустяки или, по Достоевскому, мизер («Учитель музыки»), иллюстрации к избранным любимым текстам Достоевского, Лескова, Писемского, портрет Льва Шестова, и Гоголь — «Вечера». Так от Великого Ломоносова до «чудачеств» Ремизова — живая русская книга. Рукописный каталог работы Зарецкого, устройства выставки²¹.

Василий Куковников.

Ремизов мечтал сделаться учителем чистописания²³. По нынешним временам это не высокое звание. В старину «доброписцы» были в большом почете, а теперь учитель чистописания приравнивается к учителю пения и гимнастики: они не числятся в педагогическом совете, и на учительские заседания их не приглашают. Своим учителем Ремизов считает учителя чистописания Московской 4-ой гимназии Александра Родионовича Артемьева, впоследствии артиста М.Х.Т. Артема²⁴.

Не копирование прописей и образцов древней скорописи, а самая росчеркная и завитная природа букв вдохновляет каллиграфа. И все иллюстрации к рукописным книгам — рисунки А.Ремизова от его каллиграфии.

Ремизов начал с усиков и завитков, которые довел до завитущих — одним махом без перерыва. Закругляющиеся или расщепляющиеся завитки принимали самые разнообразные формы, и легко было найти не только форму какой-нибудь морды, мурла, рожи, рыла и хари, про хвост и «мелочи» и говорить нечего, но и самые замысловатые китайские постройки. То, что называется «литературой» — преднамеренности — в этих рукописных рисунках никак не могло быть: все для себя и из себя.

Другие учителя чистописания: Иван Евсеевич Евсеев и Иван Алексеевич Иванов, оба из Строгановского училища, очаровались Ремизовскими завитушками, да не очень. Иван Евсеевич еще ничего, допускал кое-какие «безобразия», но Иван Алексеевич прямо заявил, что он «эти усы обломает». Иван Алексеевич — большой знаток в письме, «ученый каллиграф» — писал, как рисовал: и линия у него выходила прямая и тонкая, а строчку вел ровную — «абсолютный глаз». Он как-то прищурился и нацеливался — хромой — когда, вспомняв старину, — все прописи на память знал — выводил, точно клал, на черной доске белым:

Америка очень богата серебром

Ремизову ничего не оставалось, как уступить и расстаться со своими «хвостами» — за годы он научился писать «каллиграфически» — четко, ясно, бисером, но учителем чистописания он не сделался, да видно и никогда не будет. Природа взяла свое, а ремизовская природа непокорная и своевольная — тянуло расшвыривать перо по листу в игре — как Бог на душу положит, т.е. к самому настоящему искусству, природа которого без «почему», а «само по себе», «так», — «потому что», как говорят дети.

В России не мало находится рукописных книг, альбомов, листов, грамот и свитков А. Ремизова. В одном из Московских государственных музеев хранится рукописная книга Ремизова: «Гоносиева повесть», относящаяся к годам после революции 1905 года. Эта паутинная, мелко расшитая буквами, книга — начало рукописных работ Ремизова.

На рукописно-рисовальные упражнения Ремизова обратили внимание Петербургские художники: А. Н. Бенуа²⁵, К. А. Сомов²⁶, Л. С. Бакст²⁷, М. В. Добужинский²⁸, И. Я. Билибин²⁹, С. В. Чехонин³⁰, Б. М. Кустодиев³¹, А. Я. Головин³².

Впервые Ремизов выставил свои рукописные завитки в «Треугольнике» у Бурлюков³³, а первые рисунки появились в сборнике «Стрелец», у А. Э. Беленсона, автора «Голубых панталон»³⁴.

В революцию из молодых художников очень внимательно отнесся Лев Бруни³⁵ и Ю. П. Анненков³⁶.

Деятельное отношение Ремизов встретил в Берлине, познакомившись с Иваном Альбертовичем Пуни³⁷ и Николаем Васильевичем Зарецким. Через Пуни Ремизовский рисунок появился в *Das Kunstblatt. August-Heft. 1925. Berlin*, а через Зарецкого рисунки и грамота воспроизведены в «*Gebrauchsgraphik*», Juni 1928, Berlin, и в *Die Litterarische Welt. N 19. 1926. Berlin*.

В 1927 г., в Берлине, в «Штурме» у Вальдена состоялась выставка рисунков Ремизова³⁸. В 1932 г. в Париже на выставке «Чисел», организованной Н. А. Оцупом — «рисунки французских и русских писателей», были рисунки и Ремизова³⁹. В сентябре этого года в Праге на выставке писателей, организуемой Н. В. Зарецким, будут показаны до 1000 рисунков и отдельные альбомы Ремизова: «Сны Тургенева», «Видения Гоголя», «Из Достоевского», «Из Лескова», «Из Писемского», «Бесноватая Соломония», «Взвихренная Русь», «Посолонь», и портреты современников — писателей, художников и музыкантов: *Paris est en nos mains*.

В период 1919-1920, когда писатели за невозможностью издать свои книги, сами стали переписывать их и иллюстрировать, кто как мог и умел, Ремизовым выпущены были несколько книг, из которых книжными любителями были отмечены по сложности письма и краскам «золотая» — «Илья Громовник» и «волшебная» — гадальные карты Сведенборга⁴⁰. И теперь в Париже — пришла пора и на Париж — с конца 1932 г. по май 1933 Ремизовым сделаны 45 альбомов, заключающих в себе 80 рисунков и 285 страниц текста⁴¹.

Как ни зайдешь вечером на огонек, сидит Ремизов, пишет — и пишет с удовольствием: разводы пером разводит — дело увлекательное, только проку мало: товар на любителя — и кому

это нужно, да и понять ничего нельзя. Помню из Петербургской жизни 1919-1920 г. товарищ Ложкомоев⁴² из Петрокоммуны на керосиновых прошениях Ремизова ставил резолюцию и всегда «выдать» — и исключительно за почерк. Да, попадаются любители, да редко.

ЩУП И ЦАПЛЯ

— дела литературно-семейные —

(Под редакцией баснописца Василия Куковникова).⁴³

Василий Петрович Куковников роду московского получил высокое звание баснописца, живя в Берлине в период инфляции — *Fabeldichter aus Tiergarten*, хотя с Лафонтеном и Крыловым у него ничего общего. К литературе вообще никакого отношения, а сочинял испокон веков, и была у него страсть к письму: переписывал древние памятники и выборные места из классиков; имел же такой обычай: переписанное самодельно переплетет, занумерует, поставит на полку и успокоится⁴⁴. Характера миролюбивого, разговор с ним легкий, сговорчивый. «Только очень прошу, обязательно упомяните, что я бывший младший регистратор Государственной Думы, а то, может, есть еще в Париже Василий Петрович, в Петербурге был один... и много было неприятностей по службе». Пропитание Василий Петрович добывал себе вязанием джемперов и жил тихо и радостно. Самый подходящий редактор — и кто еще может так легко и совсем безобидно выщупать и зацепить то, что совсем не к месту или не при чем или наоборот или по «недоразумению», а попросту с великого ума.

Рак и раковая наследственность

Всякий человек, даже в самые возвышенные минуты при получении денег или при известии о неожиданном вспомоществовании, равно и в самых простых разговорах — по-русски и по-французски — говорит прозой. Слова складываются сами собой и, если выходит не всегда вразумительно, — все зависит, с каким дураком вы ведете разговор, — договориться обо всем можно: в разговоре большую роль играет интонация и мимика — от игры глаз до игры воображаемого, постоянно виляющего хвоста. Другое дело в письме, где не может быть живого беспорядка — звучащие и движущиеся слова разговорной речи должны быть строго организованы: каждое слово знает свое место. Смешливый разговор учителя стихосложения с Журдэном о перестановке слов в

— «belle marquise vos beaux yeux me font mourir d'amour» — имеет глубокий смысл: место слова дает ему свое значение.

В одной парижской газете — заметка:

«Профессор Н.А. Добровольская-Завадская вернулась в конце декабря пр. года из поездки по Северной Америке, где она прочла ряд лекций о *раке и раковой наследственности в университетах и ученых собраниях*».

Из этого сообщения ясно, что Надежда Алексеевна читала лекции о каком-то особом виде «рака», называемом «университетский рак» и о раковой наследственности, наблюдаемой в ученых собраниях. А в действительности ничего подобного: Надежда Алексеевна прочла ряд лекций в университетах и ученых собраниях о раке и раковой наследственности. Ведь совсем пустяковая перестановка, а весь смысл другой!

Бы-быть и же

Сказанное слово звучит для всех, написанное слово звучит не для всякого: читая, воспринимают только начертание, которое представляется и окрашивается чувством, вызывая другие представления, другие чувства и другие слова. Не одни иностранцы, а и писатели часто лишены этого «глазного слуха».

Единственный выход: написанное читать себе вслух.

«Кем вы хотели бы быть?»

Анкета «Рубежа», Харбин.

Ясно, что писал глухой. А ведь как просто: «кем бы вы хотели быть?» А кроме того, ударение на «кем», — к нему, значит, и «бы».

Одна старая петербургская писательница и теперь упражняющаяся в словесности, имела необычайное пристрастие к частице «же», она не то что ставила ее, а сеяла, где надо и не надо, должно быть для гладкости стиля, и еще была у нее неизбывная страсть писателей читать публично свои произведения. И такая получалась музыка; кончит, точно концерт прослушал. А вспомнил я ее при чтении тоже «опытного» писателя, поместившего свой рассказ в хрестоматии, изданной в Париже:

«Но за то какие же есть жрецы! От них же первый — Иван Осипович Степанов».

«Рыбная ловля».

«Опытные» и неопытные писатели! во имя русского слова остерегайтесь музыки! Не ассонируйте, не рифмуйте в прозе, не пишите: «крутились-доносились» или «скрывать-спать» или «в ра-

боте — на народе», читайте написанное вслух! даже при острейшем «глазо-слухе», не уступающем ажану на пассаж-кютэ, есть опасность замузыцировать; «музыка», как и пестрота «живописи» эпитетов, делает прозу «разложившимся элементом», подкрашенным и надушенным треско-пустословием; проза, и самая сложнейшая, скромна, как сталь.

Английский язык

«Линдберги живут в маленьком доме, в открытом поле, в двух часах езды от Нью-Йорка. Однажды они пригласили меня к чаю. На мой вопрос, как к ним добраться, г-жа Линдберг ответила: «О, это очень просто! *Езжайте прямо по дороге*».

«Андрэ Моруа и миссис Линдберг»
из парижской газеты

Не о неправильности идет речь: по-русски от «ехать» и не только «езжайте», а и почище можно, только все в своем месте, а неуместно — получается неловко. Ну, возможно ли, чтобы Анна Каренина сказала Вронскому: «Езжайте прямо по дороге», — никогда! — она скажет: «поезжайте», а вот Анютка из «Власти тьмы» может. «Анну Каренину» и «Власть тьмы» написал Лев Толстой.

Е и Ё

«Буква е может произноситься как ё только тогда, если она стоит под ударением. Если, с изменением формы слова, ударение переходит на другой слог, то звук ё исчезает.

Напр.: *учён, но учена*».

«Pour bien savoir le russe»
Payot, Paris, 1930, p.297.

Ничего подобного: если «учён» (т.е. образованный), то женский род — «учёна» (т.е. образованная), а если «учен» (выучен или не выучен), то женский род — «учена» (выучена или не выучена).

Это то же, за что Игоря Северянина в Варшаве нынче обличали русские Грамматики, всякие бывают Грамматики: ему говорят — неправильно произносите «утонченный», надо говорить «утончённый»! А он по простоте своей — учение о предложении и о словосочетаниях для него мертвая грамота — возразить ничего и не может. Так и уехал в Тойлу. А ведь был прав: есть «утончённый» (по существу тонкий), а есть «утонченный» (не тонкий, лишь сделавшийся тоньше: как бы рубанком прошлись!).

Если вы спросите Грамматика, он вам скажет, что «о» надо употреблять перед согласной, а «об» перед гласной, и примеры приведет из старинных памятников: на «об»: «сташа об оноу страну Оке» (Новг. I л. 6717 г.); и на «о»: «Аже братья ростяжются перед князем о задницу» (Р. Прав. Влад. Мономаха). И этим «об ону» и «о задницу» все решит. А между тем искони говорится: «ударился мордой об стол», «треснулся головой об стену», «об рундук головой билась» («Власть Тьмы» Толстого), как есть русская традиция, известная поэтам (свидетельство Валерия Яковлевича Брюсова и Михаила Алексеича Кузмина) и книжным справщикам, что искони писалось и надо писать: «комедия о Алексее, человеке Божьем», а не «об Алексее», или «комедия о Евдокии», а не «об Евдокии». Стало быть, опять все дело в «глазо-слухе»: начертание «об» перед «Алексеем» и звучание этого «об» — нестерпимо, но и как нечувствителен был бы звук, если, следуя правилу «о задницу», написать «треснулся головой о стену». Вот почему следует писать «о Осоргине» и «о Алданове», непосредственно: «а-Осоргине», «а-Алданове». И только желающему придать своему слову гром и грозу может быть сделано исключение к удовольствию Грамматика.

Самоочевидности

Великая тайна сказать слово, и чем тайнее слово, тем оно проще, и самые простые и самые тайные из слов — самоочевидности: «все, что имеет начало, имеет и конец», «целое всегда больше своей части», «из ничего и будет ничего». (Ex nihilo nihil fit) и т.д. — все их знают и никому в голову не приходит, что кто-то сказал их первый. В дополнение к известным приведу еще две, не зарегистрированных ни в каких философиях, принадлежащие Юлии Леонидовне Сазоновой:

1) «Чем выше вершина, тем дальше с нее взор охватывает горизонт».

2) «Тенор не может стать хорошим басом»

(Из статьи в «Последних Новостях»).

Соблазн

«Нилка был большой мужик с набухшим, в зеленых угрях носом».

Леонид Зуров⁴⁶. «Кривичи».

Самое соблазнительное по двусмысленности в русской литературе — описание деревни, мужиков и вообще «народа». Это

описание сводится или к фальшивому представлению барином мужика, как любили барыни представлять кухарок, или к переодеванию в мужика для высказывания через него своих заветных мыслей. О проникновении в душу «народа» — о перевоплощении в мужика (а почему не в слона и зайца?), — а об этом старались неискушенные критики к соблазну авторов повестей о жизни «народа» и читателей, желавших узнать жизнь «народа», — не может быть речи: творчество не перевоплощение в кого-то и не проникновение куда-то, а только в самого себя и в извлечении из себя мыслей-чувств-и-слов и в изображении себя — своих мыслей-чувств-и-слов. Пример Толстой, который хотел объять необъятное, — так и поняли: чего только не описал Толстой! Дядя Ерошка в «Казаках» без Толстого в природе не существует, потому что это Толстой в маске Ерошки. Каратаев в «Войне и мире» существует настолько же, насколько его лиловая собачонка, — пример расславленного «художественного проникновения»: Каратаев существует через обонятельно-зрительное восприятие — крепкий пот, и как сидит перед расстрелом у березы (а почему не заяц?), а между этими впечатлениями набор слов, среди которых мотив русской заветной сказки: «чужая вина». Толстой внешне нарядился под мужика и написал «Власть тьмы», переряживаясь то в Акима, то в Никиту, то в Митрича.

ЦВОФИРЗОН ⁴⁷

«Да не посетуют философы на мою память о давно-минувших днях в Берлине (1922 г.) и на мое слово не от злого сердца. "Смех полезен для щитовидной железы, а улыбка для мозга!" — припоминается мне изречение латинского философа Псевдо-Далмата (Лутохина)⁴⁸ из Мокропсов и руку окрыляет смелость подать этот поминальный свиток».

Предпосылки.

Протокол

§ 1.

На Красную горку в кафе «Die stille Ecke» в Шенеберге состоялось организационное собрание нового философского общества, возникшего в противовес эмигрантскому отделению закрытой в России «Вольфилы»⁴⁹. Общество называется «Свободное Философское Содружество», а для краткости на манер «Вольфилы», — «Цвофирзон» (Zwovierzon)⁵⁰. Почетным председателем избран

единогласно Лев Шестов⁵¹, секретарем инж. Я.С. Шрейбер⁵². В члены принимаются все искавшие и что-либо нашедшие, как физически, так и духовно, в вещи или в идеях, безразлично.

§ 2.

В противовес появившемуся художественному журналу «Object — Вещь — Gegenstand»⁵³, созданному кучкой художников «левого» направления во главе с А.Шрейдером⁵⁴, образовалась при Цвофирзоне «авангардная» ячейка, объединенная неизвестным Я.С. Шрейбером, и с осени предполагается издание журнала — «Idée — Понятие — Begriff».

Музыку берет на себя П.П. Сувчинский⁵⁵, искусства — С.И. Шаршун⁵⁶, литература же вся в руках Г.С. Киреева⁵⁷.

§ 3.

В пивной «Berliner Kindel» в Шарлоттенбурге состоялось первое открытое собрание Цвофирзона. Первым выступил Г.С. Киреев, «Ижица, как символ вещей сокровенных», затем П.П. Сувчинский «О знаменитом распеве», третьим Жорж Шклявер⁵⁸ свои римские воспоминания о встрече с Кодексом. После чего М.М. Тер-Погосьян продекламировал поэму «Лалазарь»⁵⁹. А в заключении была оглашена приветственная телеграмма из Парижа от Льва Шестова: наш философ решительно отказывается от звания почетного председателя, мотивируя свой отказ исключительно дальностью расстояния и неудобствами путей сообщения.

Следующее собрание будет посвящено докладу д-ра А.С. Родде⁶⁰ «О питательности пилюль д-ра Кубу» и очерку В.К. Винниченко⁶¹ «Днепровские пороги, как подводная Скандинавия: запорожцы и викинги».

§ 4.

После летних каникул Цвофирзон возобновил свою деятельность.

В Rosenkranzsonntag на Erntedankfest в кафе «Ruhiges Plätzchen für brennenden Zigarren» приехавший из Парижа б. почетный председатель Лев Шестов, chargé de cours à l'Université de Simfégorol, поделился своими тирольскими афоризмами.

«Если бы не дождь, — сказал философ, — так бы и зазимовал на альпийской панораме. Верите ли, целое лето пришлось таскать ваточное киевское пальто, а из калош, прямо скажу, не вылезал».

Затем выступил с докладом секретарь общества пресловутый инж. Я.С. Шрейбер: «Адогматическое обоснование трирэмь,

как безмоторного двигателя для борьбы с соляным и спиртовым червем». После Шрейбера сестры Черновы⁶² исполнили под аккомпанемент Е.Д. Кусковой⁶³ «Солнце всходит и заходит» и послана телеграмма Кемалю паше в Турцию.

§ 5.

В день Всех Святых в кафе «Drei Reichskronen» состоялось прощальное заседание Цвофирзона. Перед отъездом в Париж б. почетный председатель Лев Шестов прочитал доклад на латинском языке, коснувшись главным образом своей знаменитой полемики с секретарем общества пресловутым Я.С. Шрейбером по вопросу о спиртовом и соляном черве: Лев Шестов в противоположность Шрейберу пытается доказать, что подобного червя в природе не существует и, больше того, никогда не могло быть.

«Капустные же черви, — сказал наш философ, — появляются, как на капусте, так и на других питательных и полезных овощах и прочих фруктовых продуктах по преимуществу, как говорится, в теплые дни после дождя».

С возражением выступили только что прибывшие в Берлин из России высланные московские философы во главе с Н.А. Бердяевым⁶⁴: в общем не отрицая червей, как «проводников в вечность», Бердяев выставил свой тезис о курином непаленом перо.

«Непаленое куриное перо, — заявил наш философ, — попадая в организм и соединясь с луковицей, становится актуальным, так например, рентгенизацией установлено у философа Степуна⁶⁵ присутствие целых двух павлиньих крыльев, а у Г.Г. Шпета⁶⁶ одно утиное в зачаточном состоянии. *Celui qui veut manger l'oiseau commence par lui ôter les plumes*».

На это возражений не последовало.

Единственный из оппонентов М.А. Осоргин⁶⁷ говорил по-русски; он затронул вопрос о гонораре, защищая себя и прочих недалеких писателей из обезволпала. А в заключении П.П. Сувчинский исполнил цикл евразийских песенок под аккомпанемент Ильина 2-го⁶⁸.

§ 6.

Геликон⁶⁹ — А.Г. Вишняк (Шварц)⁷⁰, племянник «Современных Записок» и член президиума Цвофирзон, вслед за «Эпопеей» Андрея Белого предпринимает серию популярных справочников по заграничным курортам на русском языке с подробным указанием цен на предметы первой необходимости, медикаменты («передвижные аптечки») и железнодорожный тариф на грузы,

как малой, так и большой скорости, и с историческими очерками городов, как близ лежащих, так и более или менее отдаленных. Вся серия будет называться «Эпоха» под общей редакцией Соломона Каплуна-Сумского⁷¹.

Z. V. S.

Эсхатокол

В одной деревушке была засуха. Жители обратились к колдуну. Колдун сказал, что дух дождя — дождевик-Регенмантель требует человеческой жертвы. Кинули жребий. И жребий пал на Н.В. Зарецкого. Зарецкому ничего не оставалось, как покориться. И когда наступила ночь, он с помощью Тер-Погосьяна и Барладьяна⁷² сделал из соломы чучелу, убежал в лес, где жил этот самый дождевик Регенмантель. А ранним утром, ничего не подозревая, чучелу сожгли. И когда погас последний уголек, к всеобщему удовольствию хлынул сильнющий дождь. Тут Зарецкий под видом дождевика вышел из леса и давай Бог ноги.

По пути в соседнюю деревню на горе стоял женский монастырь.

И как раз о ту пору в монастырь проник под видом блаженного какой-то... безо всего, наг и бос, и расположился бесстыжий в кельях, как у себя дома. Монашки же, уверовав в его святость, немедленно подпали под его волю. Но тут что-то случилось — ревность? а может, раскаяние? — только монашки в один прекрасный день, сгрудившись, выгнали его вон из монастыря. И вот, завидя теперь Зарецкого, подняли тревогу и с криком — «Пильняк⁷³ возвращается!» — бросились на него и давай лупить, чем попало. Зарецкий отбивался, как мог. Монашки, сорвав с него листик, уж ловили его рукой, норовя защемить как побольнее или, попросту, оторвать. Только чудом вырвался от них Зарецкий и, сломя голову, пустился с горы и там юркнул под кустик.

Дождик между тем перестал, прояснилось.

Зарецкому надо было только выждать и в уединении собраться с мыслями: как дальше? И вдруг зверчайший чох оборвал ему сердце: ему представилось, это монашки — тут! — нагрянули! — и вот разложат его, как зайца.

А никакие монашки — под кустиком сидел, как и Зарецкий, и также наг и бос и безо всего, только смокинг на пуговицу, Соломон Каплун-Сумский.

«Соломон Гитманович!» — обрадовался Зарецкий.

И Соломон рассказал ему свою не менее чудесную повесть.

На том же самом необитаемом острове на горе как раз против женского монастыря жил чародей. Одни говорили, что это Степун, другие — Бердяев. А это был и не Степун и не Франк и уж никак не Бердяев, а самый настоящий живой Андрей Белый⁷⁴.

Жил он великим отшельником, никуда не показывался, никого к себе не принимал, и голосу его никто никогда не слышал. И лишь на ранней заре в теплую погоду он высовывался по плечи из узкого окна и кричал так, что даже в женском монастыре посуда с полок падала, кричал на-голову и всегда одно и то же:

«Существую я — или не существую?»

Покричит-покричит и спрячется.

Потом только носом выглянет на минуту и уж пропал.

И опять до теплой зари ничего не слышно, и существует он или не существует, неизвестно.

«Как-то засиделись мы в Prager Diale, — рассказывал Соломон, — и вышел у нас большой философский спор: кто скорее до дому дойдет? Шкловский⁷⁵ стоял за меня — Шкловский доказывал: пусть Эренбург⁷⁶ и Вишняк-племянник живут тут же наверху над кафе и подняться им, кажется, ничего не стоит, но это только так кажется, на самом же деле поздний подъем несравненно труднее, а главное кропотливее бега по гипотенузе на Мартин-Лютерштрассе, и затем даже после удачного подъема еще ведь поиски комнаты, а это займет гораздо более времени, чем вынуть ключ и отпереть дверь. Бахрах⁷⁷ же держал сторону Эренбурга, доказывая, что гипотенуза, хотя и представляет все выгоды и в общем быстрее опущенного перпендикуляра, но есть и величайшая опасность: гипотенуза, и совсем незаметно, может превратиться в гиперболу и уж вместо Мартин-Лютерштрассе я будто бы попаду на Виктория-Луизенплац. Большинство было на стороне Бахраха: Пуни⁷⁸, Богуславская⁷⁹, Осипов⁸⁰, Богатырев, Хентова⁸¹, Ходасевич⁸², Берберова⁸³, Одоевцева⁸⁴, Лурье⁸⁵, Георгий Иванов⁸⁶, Адамович⁸⁷, Оцуп⁸⁸, Шрейдер и Лисицкий⁸⁹, Козинцева⁹⁰, Сувчинский, Шрейбер, Залкинд⁹¹, Валтер⁹² и Ракинт⁹³, Лагорио⁹⁴, Исцеленов⁹⁵ и Вишняк-племянник; за меня же кроме самого Шкловского, Андрей Белый, Сергей Гессен⁹⁶, Муратов⁹⁷ и два Зака⁹⁸. Осоргины же и Зайцевы⁹⁹ ни за, ни против. Бердяев — при «особом мнении». И все-таки я решился. А уговор такой: я проиграю — я должен Эренбургу 13 трубок; если же Эренбург проиграет, я заказываю себе за счет Вишняка-племянника смокинг. Была чудесная теплая погода. Превратившись в верблюда, я пустился по пустынной Прагерштрассе. Воображение мое, разгоряченное спором, пылало гастрономической витриной. И неза-

метно для себя я очутился на Виктория-Луизенпляц. И в ту же самую минуту в пансионе Крампэ¹⁰⁰ распахнулось окно и на всю площадь раздался пронзительный крик: "Существую я или не существую?" "Да, ответил я, не только существуете, но и предиднадсуществуете, Борис Николаевич!" И в доказательство я вытащил из карманов два тома "Петербурга" и два "Серебряного голубя" и, подняв высоко над головой, помахал ими, чтобы было видно и ясно, как "kein Ausgang" ("проход воспрещен"). С этой роковой зари завязалась между нами самая тесная дружба. Летом мы жили вместе на взморье в Свинемюнде, вместе купались, танцевали фокстрот "под Ходасевича" и увековечили нашу дружбу на семейной карточке трех видов: вплавь, на пляже и с Гржебиным». ¹⁰¹

«А что же Эренбург с Вишняком-племянником, нашли комнаты?» — отдышавшись, тихонько спросил Зарецкий.

«Им ищет Метакса!¹⁰² — и Соломон гордо показал на свой смокинг, — я выиграл!»

**

Дружба Соломона Каплуна с Андреем Белым продолжалась и после купанья. Вернулись они в Берлин вместе — ехали в одном вагоне. Вместе ночевали в «Эпохе»¹⁰³. Всюду, где появлялся Соломон, мелькал и Белый. Их видели неразлучно в ревире, в вонунгсамте, в полицейпрезидиуме на Александерпляц. И Андрей Белый, когда его куда звали, беспомощно повторял одно и то же: «Как Соломон Гитманович!» А по пустынному острову в час теплой зари еще резче надносился крик чародея: «Существую я или не существую?»

Кто-то из знакомых — не то гостившая в Берлине Шкапская¹⁰⁴, а может, и Цветаева¹⁰⁵, не помню хорошенько, — кто-то одним словом, сказал, что Андрей Белый — «выходит из себя».

И захотелось Соломону посмотреть, как это делается.

«Но это не безопасно, — возразил Андрей Белый, — вы знаете: выходящий из себя действует на душу присутствующего при этом постороннего тела, как реактив. Все зависит от природы души. Бывали случаи, что человек начинал мяукать, а один, например, и это у всех на памяти, вдруг залаял...»

Но Соломон настаивал: ни лаять, ни мяукать, ни даже кукарекать Соломон не собирался.

«И вот Борис Николаевич, закрыв себе ладонями глаза, стал понемногу выходить... "У вас роковой день 17-ое мая, сказал он, я вижу пески, финики, пустыню". — "Как же, ответил я,

в эту ночь, именно 17-го мая, я мчался, как верблюд, по Прагерштрассе!“ Но что произошло дальше, я больше ничего не помню, я только слышал, как что-то в комнате летало и жужжало, как телефонное ”besetzt“ (”занято“), потом резкий запах ромашки ударил мне в нос, я чихнул и очнулся. Борис Николаевич сидел у стола, перелистывая ”Эпопею“. Я хотел его спросить, но чох не давал мне выговорить слова. ”Kamelenseel! — сказал Андрей Белый, — Kamelenseel!“ Тут я все понял и кубарем скатился с лестницы».

Соломон чихал, не переставая, день и ночь чихал потрясающе.

Доктор нашел — «рефлекторное раздражение обонятельного нерва»: мазать вазелином переносицу на ночь. Соломон вымазался весь — до кончика. Ничего не помогало. Хозяйка набавила на комнаты. В Prager Diele от «будьте здоровы» не стало проходу, а в «унтергрунде» (метро) и в трамваях скандалы: будто бы иностранная речь. Далин (сосед) ищет квартиру.

— И вот я пошел, куда глаза глядят.

**

Секретарь Цвофирзона инженер Я.С. Шрейбер, «всемирно-известный» изобретатель «*Wünschelrute*» — такая палочка вроде дирижерской, которая на расстоянии безошибочно показывает, где и какая есть горная порода и где текут подпочвенные воды, как горькие, так и сладкие, — Шрейбер, воспользовавшись праздничным отдыхом, выбрался в Груневальд. Испытание чудодейственной волшебной палочки — как она будет действовать? — и текущая работа в «Пельмене» не выходила у него из головы.

«Пельмень» — это такой технический журнал при Цвофирзоне, очень распространенный: в Logos'e¹⁰⁶ на складе лежит.

«Освещение вопроса о применении авиационных моторов в сельском хозяйстве по преимуществу для тяжелых тракторных плугов; способы использования отработавшего пара для пуска в ход газовых турбин, установка дизелей для товарной локомотивной тяги и т.п.» — было над чем подумать!

Так в размышлении, и совсем незаметно, Яша достиг того укромного местечка, где под кустиком с Соломоном засел Зарецкий. И вдруг волшебная палочка сделалась необыкновенно чувствительна, а стрелка показала присутствие горной породы.

Шрейбер тихонько раздвинул кусты — но вместо — угля — он увидел никакую породу, а своих соратников по Цвофирзону.

Тут они, голубчики, и попались, а с ними и Андрей Белый, и Ходасевич. И поехали все в Саров на «Беседу»¹⁰⁷ есть горьковские медовые олады.

[ГЛАВА БЕЗ НАЗВАНИЯ]

1

Кто еще чувствует острее, а знает, как свои пять пальцев, что такое безработица, как не русский писатель? Без книги или зачахнешь или оскотеешь, а между тем во все времена судьба писателя — наглядный пример «безработного». Мой голос, как одного из обреченных, испытавшего на своей собственной шкуре всю беду и унижение, не может быть не услышан, потому что сказанное от самых корней сердца — чудодейственно, и я знаю, мое слово — помочь безработным! — постучится в дверь не безотказно.

2

Приятель мой, небезызвестный Иван Козлок, не раз мне говаривал, что, случись ему, чего Боже упаси, снова на земле мыкаться, ничего бы он не желал, как иметь собственную колбасную.

Небольшая торговля.

Колбасы б висели над ним, а он сидит за прилавком, либо стоя, покупатель если: ведь чего приятнее духу колбасной, разве — оранжерея?

Я согласен, но я был бы доволен, если б мой приятель Козлок разрешил мне заходить иногда к нему в лавку, — я тоже люблю этот копченый воздух.

Постоять, посмотреть на вкусный душистый товар, а потом — 1/4 фунта довольно! — и домой: с чаем хорошо колбасу с хлебом.

Почему, вы спросите, этот ваш Козлок такой колбасный человек зародился?

А скажу так, что на большее заноситься — все равно никто тебя не послушает: выше своей природы не станешь.

А тут — хоть продовольствием обеспечен, и то слава Богу.

3

Как и от человека, жду всегда только одного хорошего, но не удивлюсь, если обманет. Так и от нового года. Я жду, что наконец-то ученые, трудящиеся над изобретением удушливого газа,

совершенно случайно откроют такой состав, от которого человеку дышать будет легко и приятно. И как только захочется кому-нибудь почесать руки у пушек, немедленно пустить этот газ, и всякое воспоминание о истреблении забудется. Это будет лучшая гарантия мира среди народов.

4 108

В школе 1-го Морского Берегового Отряда (б. 2-й гвардейский экипаж) на уроке русского языка зашел разговор: кто кого читал и что кому нравится? Один говорит: «Горький». Другой: «Демьян Бедный». Больше Горький да Демьян.

«А Пушкин? нравится?»

А моряк Костров, старательный ученик, и говорит:

«Я понимаю: Пушкин великий! Но это для образованных людей, а мне больше всех нравится Некрасов».

Пушкин интересовался архивом, матерьялами — конечно, тут было любопытство к истории, к событиям — но вернее, его верное чутье узнать свой родной «природный» язык. Пушкина привлекал «базар» — русский склад речи (а в матерьялах история склада этой речи) — «базар» (отсюда «Балда»), чуждый образованным людям, а близкий, свой и понятный таким, как моряк Костров, а Костров — это русский народ, Россия.

5

Старинный московский обычай — соседи наши, немцы, на елку обязательно дарят детям книги, а у нас повелось так: книга и приложение.

Я — московский, из самого Замоскворечья: я хочу, чтобы мне подарили Робинзона или Гулливера и приложение — пять тысяч франков.

Я поеду на юг Франции, — никогда не был, — возьму с собой книгу.

Это мне будет для отдышки после сумбурного Парижа, а Робинзон с Гулливером для науки и во-обра-жения.

6

Самым выдающимся явлением за пять лет для русской литературы я считаю появление молодых писателей с западной закваской. Такое явление могло произойти только за границей: традиция передается не из вторых рук, а непосредственно через язык и памятники литературы в оригинале. Для русской литературы это будет иметь большое значение, если только молодые русские писатели сумеют остаться русскими, а не запишут

в один прекрасный день по-французски и канут в тысячах французской литературы.

Устремленность к Западу, т.е. к той жизни, во всех ее видах и разнообразии, истории и современности, в которой живут молодые русские писатели, явление нормальное, и русская традиция, без которой не может быть русского писателя, ответственнейшая после Гоголя, Толстого и Достоевского, не только ничего не потеряет, а даст при талантливости писателей своеобразный вид русского письма.

Две темы современности: «хлеб» (люди работают всю жизнь, а не могут найти себе и угла, и нищенствуют) и «автономная мысль» (чем сильнее стук и строже ритм машины, тем мысль упорней и сама-по-себе) — эти темы одинаковы на берегу ли океана в Европе, или на равнине в России, отгороженной железным хребтом Урала от другой, русской же, бескрайней сибирской равнины до другого океана.

Живя за лесом, трудно следить за литературой в России: слышал о «Соти» Леонова и «Каспийском море» Пильняка, но книги еще в дороге. И все еще нахожусь под чарами Дон-Кихота: новый перевод под редакцией кельтолога Александра Александровича Смирнова¹⁰⁹.

7

У Лескова в «Полунощниках» Николай Иванович в религии все произошел, «потому что с самим патриархом Макариусом в Константинополе чай пил». Так и я в киноических делах, «потому что полтора года прожил над кинематографом»¹¹⁰.

«Мимические» фильмы с изобретением «говорящих» обречены на пропад. А пропадает все то, на что больше не обращается внимания. «Говорящие» же по своему техническому совершенству сливаются во всей своей словесной массе в «Рычи, Китай». Правильнее было бы вести параллельную работу: не бросая «мимических», заниматься «говорящими».

В общении человека с человеком мимика играет несравненно большую роль, чем это думают словесники, забывая, что слово без движения часто только пустой звук. А пересадка театральных разговоров в кино и при всяких усовершенствованных передачах не оживит их, потому что театральные разговоры изжиты и потеряли свое волшебство.

Я люблю географические и производственные фильмы — люблю путешествовать и всегда остановлюсь посмотреть, как дом строят. Только не надолго: все, что больше часу, мне уж и

скучно; а это от моей нетерпеливой природы. Но я представляю себе, почему кино влечет и даже затягивает — высидивают вечера изо дня в день: кино — место общения в присутствии общего третьего соединяющего — действия на сцене и притом такого разнообразного, чего современный театр не может дать. Современный театр в лучшем случае только подделка под кино.

8

На океане только и есть: или буря или, как сейчас, тишина. Закутанный туманом, океан спит, и оттого тишина. И петух Бабиляс уверен, что все еще ночь, схватится и запоет, а все то же — тихо — и моим глазам тихо — там серые тихие тучи, а в комнате — мухи.

Я люблю утро — только утром мысли ясны и во всех своих развивах уловимы — я люблю утро и печальное, как сегодня, и бурное, как вчера. И, когда летом попадаем на океан, время проходит незаметно в стократной работе: наверстываю парижские утра, занятые хозяйством и тягчайшими хождениями «по делам».

На берег к океану я больше не выхожу¹¹¹. В раскрытое окно мне видно, как плывет он: его необозримая чешуйчатая дышащая спина, а в лунные ночи сверкающий серебром хвост.

Не я один, обходят его и другие, не такие, как я; и не едят больше крабов и омаров. Мне пришлось однажды плыть в Нуар-Мутье, на этот друидический остров — «черный монастырь», на Сен-Филибере, и в тихую погоду какого натерпелся я страху! И теперь особенно жутко в лунные ночи.

В полдень père Jourdan приносит почту. За «деженэ» Бику, или как его зовут его «копэны», Куку или Момо (Морис)¹¹² — теперь ему уж десять лет и он мечтает собрать «trois cents vues de la Collection Coloniale du Chocolat Suchard» и сделаться авиатором или... казаком — Биби-Куку-Момо учит меня техническим словам, которые я тотчас забываю и рассказываю ему о слонах, гиппопотамах, носорогах.

Однажды приходили другие дети, товарищи Мориса: в первый раз они увидели не француза и были очень довольны, а еще больше, потому что ели варенье — Синет, Бебер, Птижан, Фифин.

Днем, прочитав газету, продолжаю работу. И вечером до «динэ». А после «динэ» читаю вслух. Так проходит ваканс.

Фурас (Fouras) во Франции на берегу Атлантического океана между Вандеей и Жирондой. А знаменит тем, что это последний берег Франции, откуда на фрегате «La Saale» в 1815 году отплыл Наполеон в ссылку на остров св. Елены. В сезон народу наезжает, не протолкнешься; коров много, а молока на всех не хватает. Дважды в день на улице появляется глашатай (le crieur) с барабаном; пробарабанит, а потом все новости выложит — и где какое представление или собрание и что продается и, если пожар случился, и о пожаре. (Вот бы завести нам в России такую живую газету в маленьких городах!) Съезжаются одни французы, иностранцев нет. (Потому, должно быть, и не во всякой уборной крючок есть). Я, «китаец», попал по неведению и, прожив три дня, вижу, пора восвояси.

1. Я очень люблю детей, всегда любил, и много их встречаю на улице и всегда радуюсь, глядя на них, и мне кажутся они такие же, как помню их в Париже и до войны. Иногда очень взволнованно вдруг примутся что-то рассказывать мне, но говорят все вместе, и трудно разобрать, в чем дело. А из того, что я понимаю, я чувствую, что это какое-то важное событие из их мира, который мы не замечаем и, возможно, что даже при желании заметить, ничего не разберем. В то время, как оценки взрослых очень изменились, везде и на все понизилось требование: выбирают ли книгу для чтения, смотрят ли в театре пьесу или просто развлекаются, — сказать о детях, что бы и их мир так обеднел и так сомкнулся, будет неправильно.

2. От всякой книги прежде всего требуется, чтобы она была безразлична, будь то о путешествиях, о бабочках, о звездах или как люди живут и чем живут или о воображаемых поступках. При таком условии слово получает силу, как соль и сахар, хина и яблоко, гнев и милость.

3. И лучше всего брать для детей не то, что написано «для детей», а то, что ни для кого не предназначалось, но и не могло не быть написано, и потому вышло для всех — и для детей и для взрослых: Аксаков, Толстой, Гоголь, Достоевский.

Когда горит, не говорят «пожар», а бросаются в огонь и спасают. А безработица это тот же пожар, и не надо ссылаться ни на какой «кризис». В войну повторяли «военное время», и этим словом все покрывалось, как сейчас «кризис». Что же связывает человеку руки? Да страх. Единственно страх: «а ну — как

самому не хватит?». И этот страх леденее и самого черствого сердца. Но, только победив этот страх, человек почувствует себя свободным. Не бойтесь, жертвуйте на безработных!

«ПРУД»¹¹⁴

«Пруд» — мое первое произведение. Написан в Вологде (1901-1902), но в него вошло — «запевы» (лирические вступления) — из ранее написанного еще в Устьсысольске (1900-1901)¹¹⁵. В 1-й редакции с некоторыми редакционными пропусками «Пруд» напечатан в ж. «Вопросы Жизни» в 1905 году¹¹⁶. Встреча была самая дружная — не было журнала и газеты, где бы не было отзыва — везде выругали. Несмотря на изустное заступничество — слово: П.Е. Щеголева, Н.А. Бердяева, В.В. Розанова, Льва Шестова, Е.В. Аничкова — я не мог найти издателя. И только в 1908 г. через С.К. Маковского в изд. «Сириус» (С.Н. Тройницкий, А.А. Трубников, М.Н. Бурнашов) вышел «Пруд» отдельной книгой¹¹⁷ с обложкой М.В. Добужинского. Это 2-я редакция без пропусков.

«Пруд» отпугнул «странностью и непонятностью», теперь совсем не странной и ничего не непонятной. У меня не было, конечно, ни «серебристой дали», ни «истомы зноя», ни традиционных при описании природы «вальдшнепов», я по пылу молодости хотел все обозначить по-своему — назвать каждую вещь еще неназванным именем. И в построении глав было необычное, теперь совсем незаметное: каждая глава состоит из «запева» (лирическое вступление), потом описание факта и непременно сон; при описании душевного состояния, как борьбы голосов «совести», я пользовался формой трагического хора.

Через год после выхода «Пруда» в «Сириусе» я попал в еще горшее положение: «Неуемный бубен» — последняя надежда — был отвергнут ред. «Аполлона»¹¹⁸, хотя устно — и И.Ф. Анненский и Вяч.И. Иванов и С.К. Маковский и Н.С. Гумилев и М.А. Кузмин и Е.А. Зноско-Боровский выражали мне только сочувствие. Все издательства отказались издавать мои книги — от Горького («Знание») до Андрея Белого («Мусaget»)¹¹⁹. Ну, никуда!

Через Р.В. Иванова-Разумника¹²⁰ попал я в «Шиповник»: напечатав в 13-м Альманaxe «Крестовые сестры», взялся «Шиповник» издать собрание моих сочинений в 8-и книгах. Тут-то мне и пришло в голову: «а что если попробовать странный и непонятный "Пруд" изложить своими словами? (скажу теперь: никому и никак не пожелаю этого делать — ни волею,

ни неволею, ни от желания и сердца, ни со зла, ни на зло)». Целое лето, сидя в Париже на Rue Monsieur le Prince¹²¹, я прилежно занимался исправлением: и если в 1-ой редакции и во 2-ой я, как тогда говорили, «наворотил», в 3-ей я так «разворотил», что самому неловко стало — уж очень «на дурака»! Так вышла 3-ья редакция «Пруда» (1911 г.), изд. «Шиповник — Сириус» (1911-1912). Собр. соч., т. IV.

И опять в Париже, но уж на Avenue Mozart — опять целое лето — IV-ая редакция (1925 г.) и в последний раз! В основу я взял 2-ую редакцию («Сириус»), а из 3-ей («Шиповник — Сириус») только то, что дополняло хронику романа, все же, «изложенное своими словами» вычеркнул; выделил «запевы» (лирические вступления), а также сны и «хор»; и, насколько возможно, сделал поправки в самом «письме»:

1) есть т.н. «ритмическая проза» (само собой во всякой прозе свой ритм!), но это именно то, что принято называть «ритмической прозой» и что так любят мелодекламировать, — большой соблазн для начинающих, но от которого легко избавиться чтением вслух;

2) всевозможные описательные украшения по преимуществу природы, и притом ничего не изображающие или захватанные до беззвучия и бесчувствия;

3) однословные фразы — без надобности, а главное без внутреннего напряжения, что можно сравнить с искусственным органом без пульса;

4) повторение слова «для углубления», смысла не углубляющее, а только удлиняет строчку;

5) библейское «и», уместно звучащее у пророков;

6) бесприличные многоточия, как мушиная паль...

7) ассонансы (глагольные), производящие стрекотню кузнециков, а бывает и заторнее;

8) расслабляющая слащавая чувствительность: ставь определение за определяемым и готово дело, — не скажи, напр., «французский народ», а говори «народ французский».

В первый раз читал я «Пруд» по рукописи в Вологде Щеголеву, Савинкову и Каляеву: когда П.Е. Щеголев¹²² не был еще «Архивным фондом», а всего только «почетный академик» — за осанку, за голос, а главное за искусное плавание (так вологжане уверовали!), а Б.В. Савинков¹²³ сотрудничал в «Искре», а И.П. Каляев¹²⁴ служил корректором в газете «Северный Край» в Ярославле. И «Обезьянья великая и вольная палата» называлась не «обезволпал», а таинственным С.С.А.¹²⁵

«Пруд» — автобиографичен¹²⁶, но не автобиография. Круг

моих наблюдений — фабричные, фабрика, где прошло мое детство¹²⁷; улица и бульвары — я был «уличный мальчишка»; подмосковные монастыри, куда оравой выбирались мы летом «на богомолье». Все это из жизни. Но самые центральные места: «Монах» (самоубийство матери) и «Латник» (видение в тюрьме) — подлинные сны.

СОННИК¹²⁸

«Сонник» с картинками; картинки — иллюстрации наиболее ярких снов — в мозаичной рамке: по золоту красное, голубое, черное — крапинками, клеточками и сетка. Глаз на Восток — там родина снов и сонников (снотолкований). Самый равнодушный читатель, раз заглянув в книгу, никогда от нее не отделается: всякое утро, вспоминая сон, хватится, чтобы узнать — «что сей сон значит?» И самое несуразное толкование не отпугнет: ведь когда-нибудь непременно же случится — «исполнение сна». Любопытство человека к своему будущему обеспечивает успех книги. В России не было кухарки, которая не имела бы «Сонника», да и во Франции «Сонник» — «живая» книга. И никто так картинно не сумеет рассказать сна, как простой человек, насобачившийся на «Соннике». «Сонник» побуждает вспоминать сны.

Воспоминание снов увеличивает чувство жизни. Через сон человек проникает на «тот» свет; это единственная дверка. Сны бывают ясные, яркие и смутные.

«Реальная» жизнь ограничена и стеснена трехмерностью; принуждение проникает все часы бодрствования, во сне же, когда человек освобождается прежде всего из-под власти трехмерного пространства, впервые появляется чувство «свободы» и сейчас же обнаруживаются чудеса «совместности» и «одновременности» действия, немислимые в дневном состоянии. Принуждение остается и во сне, но оно совсем другое, и, пожалуй, тягостнее нашего дневного и, главным образом, по неожиданности и внезапности. («Вдруг» и «сразу» — характерные признаки сонного явления).

Сон, и если даже он вспоминается, ослабленный дневным «причинным» сознанием, все-таки обогащает жизнь¹²⁹: события сна всегда ярче и резче, а чувства глубже. Надо научиться вспоминать сны: всякое утро тотчас после пробуждения следует рассказывать себе сон, молча, и стараясь не двигаться. (Во время сна человек делает определенное количество движений, связанных со сновидением, и всякое движение вслед за пробуждением сдвигает и путает сонную сетку).

Сны сами-по-себе увлекательны, как всякое приключение; а «приключения» — душа живой жизни: из приключений составляется биография человека и история вообще. Сны как бы прерываются бодрствованием, а на самом деле, проникая бодрствование, непрерывны — нигде не начинаются и не имеют конца или: уходят в глубь веков к первородному, к самой пуповине бытия — так по Эвклидовой мерке, и в безвремяе — по счету сонной многомерности. Наблюдение над снами имеет практическое применение: сны по своей непрерывности и связанности с бодрствованием «предсказывают» и «открывают» будущее.

«Сонники» появились не для забавы и развлечения: в прошлом это «руководящая» книга — по ней можно знать, что тебя ждет, а, стало быть, и как поступать надо — чего остерегаться и, наоборот, к чему стремиться. Но и как забава и развлечение «Сонники» могут, и совсем незаметно, служить педагогическим целям: «Сонники» приучают запоминать сны; а запомнившиеся сны — материал для «психоанализа»: по снам можно разгадать прошлое. В древности было устремление на будущее — «сон предсказывал!» Теперь же на прошедшее — «сон выбалтывает всю подноготную!»

С открытием Фрейда «сон» занял свое место, как факт человеческой жизни. В искусстве явления сна всегда были значительнейшими фактами: Э.Т.А. Гофман, Гауф¹³⁰, Гоголь, Достоевский¹³¹, Лев Толстой¹³².

Обзавестись «Восточным сонником» дело и приятное и полезное. Если ночью снилось — припомнишь сон, чтобы по «Соннику» узнать его значение; а когда «дрях без просыпу» и ничего тебе не снилось, ну, так перелистать книгу, посмотришь картинки — особенно хороша одна: изображен фокусник в белых перчатках с отрезанной головой, он же и отрезанную свою голову держит, как мешок с картошкой, и хоть бы что, ну, как бесчувственный, и рука не вздрогнет, а означает такой безголовый сон — «славу и богатство»!

КНИЖНИКАМ — И — ФАРИСЕЯМ ¹³³

Гонение на «употребление знакомых» мне совершенно непонятно. Вы только подумайте! Д.С. Мережковский¹³⁴ с начала революции (вот уже десять лет на носу!) Тутанхамоном упражняется; М.А. Алданов¹³⁵ на князьях и графах собаку съел, треплет всяких Зубовых и в ус не дует, — и ничего, пропускают! А мне — нельзя помянуть С.В. Познера!¹³⁶ А в чем виноват Познер, что он не «фараон» и не «граф» и никакая придворная птица?

ТРИ ЮБИЛЯРА ¹³⁷
(1866-1926)

В нынешнем году исполняется шестьдесят лет со дня рождения наших знаменитых философов.

Вячеславу Ивановичу Иванову¹³⁸,
Дмитрию Сергеевичу Мережковскому,
Льву Исааковичу Шестову.

Вот — нет В.В. Розанова! вот кто бы написал юбилейную память о «трех волхвах»: подумать только — В.И. Иванов на древне-греческом языке не только пишет, а и разговаривать может, Д.С. Мережковский — по-египетски, Л.И. Шестов — по-латыни. Этакого ни в одной земле не водится!

Будь я царем, как были цари египетские, греческие и римские, я по такому случаю издал бы декрет: издать полное собрание сочинений по новой орфографии и по старой, как кому любо; квартиру без мебели в собственность в Кламаре (Clamart) поблизости от Н.А. Бердяева; автомобиль для личных поездок и отокар для гостей — развозить по домам после разговоров ночью, когда трамваи не ходят; *carte d'identité* или *récépissé* — бессрочно; *femme de menage*; визу во все государства и Нобелевскую премию каждому, а если сразу трем не полагается, то одну, разделя на три части (поровну) —

Вячеславу Ивановичу Иванову,
Дмитрию Сергеевичу Мережковскому,
Льву Исааковичу Шестову.

ДЛЯ КОГО ПИСАТЬ¹³⁹

Нет и не может быть такой оценки литературного произведения: для кого оно написано? Литературное произведение — дело жизни. Пишется не для кого и не для чего, а только для самого того, что пишется и не может быть не написано. Толстой исправлял и переписывал свои произведения не для себя и не для Софьи Андреевны, а чтоб выразить как можно яснее то, что думается. Для писателя, когда он пишет, не существует никакого читателя. И что было бы с несчастным писателем, если бы он оглядывался — и на ком ему остановить глаза: на Шестове или на Пугавкине?¹⁴⁰ То, что поймет Шестов, останется невнятным Пугавкину, а то, что легко прочтется Пугавкиным, Шестов просто читать не будет. Писатель отдает в печать то, что на его глаз сделано и что может он показать в свет

как вещь. Понравится ли эта вещь, или ее выбросят — тут он совсем не причем. А судить его вещь будут по ее добротности, и судов будет столько, сколько будет судей. Говорить о литературном произведении, что оно плохо, потому что автор сделал его «для себя», так говорить может только человек, который никогда никаких литературных вещей не делал и не представляет себе, как они делаются. И, говоря так, Осоргин-писатель говорит не от себя, это через него, его голосом говорит «стомиллионное» население русского Парижа. Критик Makeев¹⁴¹ решает дело проще: по его мнению, точка зрения Осоргина — оглядка журналиста. Но, по-моему, Makeев не прав: когда я писал рекламу о распродаже моих книг¹⁴², я не думал ни о Бреннере, в магазине которого будут продаваться по дешевке дорогие книги, ни о Демидове¹⁴³, которому пошлю рекламу с просьбой напечатать в «Последних Новостях», ни о покупателях, которых зазовет моя реклама в книжный магазин «Москву», я думал только о том, как наиболее ярко выразить состояние писателя, книги которого, изданные в тысячах экземпляров по контракту и в тысячах «про запас» сверх условленных в контракте, обречены на корм мышам и пожизненную обузу для автора; и если моя реклама подействовала на читателя и вызвала покупателей к Бреннеру, то единственно оттого, что рекламный зазыв прозвучал в ней полным голосом, т.е. вещь была сделана добротнo, и самые разнообразные судьи в оценке ее согласились. Только мнение «стомиллионов» выражается по-другому, а именно: писатель, когда пишет, прислушивается и приглядывается к этому «стомиллиону» и, написав, отдает в печать, а иногда пишет что-то «для себя» и оставляет у себя «в портфеле», но бывают чудачки, которые это написанное «для себя» печатают — «но мы ничего не понимаем!» И такому «стомиллионному» мнению давность века, и в веках никому не пришло в голову усумниться в своем мнении и, оставив виноватить «чудака», признать в себе «недоразвитый мозг» и еще «непрорезавшиеся глаза». И эти уверенные «стомиллионов» совершенно правы, да иначе и думать не могут, а каждый из них усомнившийся немедленно выбывает из их «стомиллионного» строя. Но никогда не прав писатель, принимающий в своем суде о литературном произведении расценку такого «стомиллионного» глаза, слуха и сердца. Повторяю: для писателя, когда он пишет, нет ни читателя, ни расчета — пишется не для кого и не для чего, а только для самого того, что пишется и не может быть не написано.

**

Я статей не умею писать: не могу. Я не журналист, не историк литературы и никакой «мэтр», который все может. У меня совсем другой прием — другой глаз. Но, употребляя литературные имена и хронологию, я могу соблазнить неопытных и неспециалистов, и они примут мои рассказы за «исследования». Ведь как часто и наоборот — обыкновенную журнальную статью читают, как рассказ, только потому, что попала в отдел рассказов.

А называю я эти мои «завитушки» — Чупыжник, лесным словом, означающим мелкую заросль — ольха, елка, крупный кустарник, но очень густой; оно подходит, а также ввиду «де-национализации»¹⁴⁴.

**

Охотнее всего и с подробностями любят старые писатели вспоминать о начале своей литературной работы. Спросите у Льва Исааковича Шестова, вот кто порассказать мастер — десять вечеров будете слушать, а всего не переслушаете: и как ему «опытные писатели» слог выправляли с «плевательницей, то бишь чернильницей», и как Тулов к Толстому за статьей ездил, и о Бердяеве, и о Челпанове¹⁴⁵. Умеет и Николай Александрович Бердяев вспомнить такие обстоятельства, какие в историю литературы не попадают и вовсе не за неуместностью, а по небрежности и невниманию сочинителей. И все это понятно, ведь с первым напечатанным произведением связаны самые яркие надежды, и лишь раз чувствуешь в себе твердую уверенность: еще вчера ничего, а с сегодняшнего числа попал в ряды неизгладимых никаким временем имен: от Фалеса до Толстого. Когда появилось мое первое напечатанное произведение: «Плач девушки перед замужеством» (8.X.1902 г. в газете «Курьер», Москва; входит в книгу «Посолонь», изд. «Таир», Париж, 1930) и притом совершенно неожиданно для меня — мои начинания не одобрил ни один «опытный писатель»¹⁴⁶ — я, вознесенный до Фалеса, прежде всего задал себе вопрос: как же я себя теперь именовать должен? И летом, на следующий год, очутившись в Херсоне¹⁴⁷, на опросном листке Городской Библиотеки, в первый раз написал в рубрике занятий «писатель».

Когда писал, ничего, не пропустил в «писателе» ни одной буквы, но когда подал листок с «писателем» библиотекарше, и она, взглянув на него, как-то так посмотрела на меня — так смотрят подозрительные на почте, когда подаешь заказную бандероль с надписью «manuscrit pour l'impression», которая

расценивается, как «imprimé» — и я посмотрел на нее... А через три дня попросил знакомого снести в библиотеку взятую книгу, и больше не брал книг, так и залог пропал. Или нельзя так сразу в Фалесы вскочить, а надо время.

Прошло три года, напечатан был мой роман «Пруд», а уж в «Курьер» меня больше не принимали. Случилось, искал я квартиру и обратился к какому-то «полковнику»: сдавал квартиры в собственном доме. Говорили об условиях, и чего можно, и чего нельзя, и как всегда, говорили не о действительных требованиях, а о возможных; я несколько раз спрашивал: «можно ли петь после двенадцати?» — и не потому, чтобы я цел, а имея в виду наезды в Петербург Льва Исааковича Шестова. И когда обо всем договорились, полковник обратился ко мне с самым животрепещущим для меня вопросом: «чем вы занимаетесь»? И я не нашел в себе той уверенности, какая была у меня в Херсонской библиотеке, и не без застенчивости, но и лукаво ответил: «Я так». И ответ мой решил все дело: от квартиры пришлось отказаться — одна из комнат в подвальном этаже оказалась залита водой — но сколько ни просил я вернуть задаток, 20 рублей, «полковник» не вернул. Но когда же — в какие сроки я найду в себе право называться без всякого такого, двусмысленного «так» — «писатель»? Я об этом долго потом думал. И как-то совсем незаметно — автоматически прикрепилось название. И в войну я уж смело сказал хозяйке, передававшей квартиру, что я писатель; и получил ответ: «у меня муж был писатель, ни за какие деньги!» Но я не оправдывался и не опровергал. И теперь, после стольких лет литературной работы, мне не раз приходилось здесь, в Европе, доказывать свое звание: не верят — и в кардидантите я не числюсь «писатель», а rédacteur. И скажу так: не всякому дается легко прыгнуть в Фалесы, но еще труднее удержаться.

КОСМОГРАФИЯ ¹⁴⁸

Мучительное

Для меня самое мучительное, когда спутник мой по каким-нибудь делам пошел, ну, купить что-нибудь или за справкой, пошел: «я сейчас, подождите!» — и пропал.

Ожидание и поиски — ни другу, ни недругу не пожелаю.

Удовольствие

Самое большое удовольствие для меня, да наверно и для вас да и для всякого — показать человеку дорогу.

Но мне, не говорящему путно ни на каком языке, и даже по-русски, если внезапно, не находящему слов для ответа и обреченному скитаться среди иностранцев, это удовольствие очень чувствительно.

Лучшее

Самое лучшее — смех и улыбка.

Только никогда не знаешь, что другому будет смешно и на что улыбнется. И как часто (замечал на улицах и в театрах) там смеются, когда, кажется, нет ничего смешного, и улыбаются, не знаешь почему.

Лысые поверхности

Лысые поверхности (пустыри, взлизы, взбоины) — излюбленное Полднего, Ночника и кикимор — но это вещь очень деликатная.

Род

Одной душой я испокон веков чувствовал себя, ну, как бы это сказать — для меня совершенно не важно ни земля, ни народ, ни речь: я принимаю все земли, все народы и всякую речь и, кажется, заговорил бы на всех языках и назвался бы всяким народом. Но другой душой (у меня в этом две, а наверно попадает у человека и больше!) вот этой — я чувствую страшное лишение и обездоленность, когда долго не слышу родной речи. И это я особенно понимаю и радуюсь, когда зазвучит хороший русский говор, «русский природный язык» — поэтому-то верно я так часто и вспоминаю историка П.Е. Щеголева.

АВБАКУМ ¹⁴⁹

(1620-1682)

Все мы от Пушкина, Гоголя и Бестужева-Марлинского (родоначальник Лермонтова и Толстого, первый поэт русской прозы), но нет и не может быть русского писателя, кто бы вольно или невольно не тянулся к Аввакуму: его «природный» русский язык — речь самой русской земли! И нет и не было писателя, кто бы безразлично отнесся к этой «природной» речи Аввакума, все сошлись на восхищении: я вспоминаю отзыв, исходящий от величайшего дара, и от большого таланта, и от скромного, но всегда и везде необходимого «культурного труженика», — отзыв Толстого, Тургенева, Горького.

И не в словах — с Далем¹⁵⁰ и областными можно нанизать самые заклепистые прямо со словесной жарины, а зазвучит не по-русски — в том-то и дело, что не слова, а все в обороте — лад слов. Лесков, кореня Аввакумова, в «Воительнице» и «Блохе» каких-каких во славу Аполлона «Полведерского» не понасажал «мелкоскопов» и «нимфузорий», а ведь не спутаешь: сказано по-русскому, русским сказом с его особым, не Ломоносовским синтаксисом — словесными построениями.

И когда задолго до революции, а особенно в революцию многие молодые писатели записали «под меня» — это не так; они только через мое, через меня, открыли в себе слух к «природному» и своим «третьим ухом» откликнулись «природным» же, потому что жили-были на русской земле.

Аввакум не с ветру, за его спиной в русских веках безымянные «невежды», выразившиеся «просто» и обреченные на молчание — их произведения никак не могли попасть в Житийный Макарьевский кодекс с мерой на блестящие речи, «красные словеса» Пахомия Логофета и Епифания Премудрого¹⁵¹, с которыми со временем перекликнутся из Киева «Трубы словес проповедных» Лазаря Барановича¹⁵².

В 1924 году Аввакум заговорил по-английски¹⁵³. Перевод создавался в Париже мисс Харрисон Еленой Карловной, и ее ученицей Хоп Миррилиз Надеждой Васильевной в сотрудничестве С.П. Ремизовой-Довгелло¹⁵⁴ и Д.П. Святополка-Мирского¹⁵⁵. Мое участие было в звании «чтеца»: интонация и ритм шепчут и самое заковыристое и непривычное — не «литературное» — живую речь, которую всегда можно представить «книжно» и перевести на живую речь другого языка.

А читается «Житие» Аввакума двояко: по-московски с ударением в самом имени на «у» — «Аввакум» и по-староверски «Лесов и Гор» Мельникова-Печерского с ударением на втором «а» — «Аввакум»; в Андрониеве и Новоспасском на выставке Рогожских и Таганских невест по ударениям различали «шепотницу» и «двуперстницу»: староверка не скажет «спасенье», а непременно «спасенья», так и сам Аввакум сказывал, земляк Горького.

Аввакум жил в век Паскаля, а сожжен царем Федором Алексеевичем в Пустозерске 14 апреля 1682 г. Царь Федор «гимнограф» (его «Хвалите» исполнялось Афонским за всенощной на рю Дарю)¹⁵⁶ отменил на Москве вековечный «природный» знаменный распев, ввел киевский и покончил с беспокойным протопопом.

С разных концов земли два дымка поднялись к небу: в Париже на площади Грэв сожгли «гадалку» Лавуазен, а в Пусто-

зерске на «красной» перед земляной тюрьмой из пылавшего сруба с пламенем улетел ловить царский венец протопоп «всея русской земли», Аввакум.

И вот, в 1939 году в Сорбонне «аршипретр» Аввакум Петрович Петров заговорит по-французски. Его толмач — переводчик и толкователь — профессор школы восточных языков Пьер Паскаль, Петр Карлович¹⁵⁷.

В субботу 4 марта в Сорбонне, в аудитории Лиарда, Паскаль защищает докторскую диссертацию: «Житие Аввакума (1620-1682)». Председатель жюри: профессор Сорбонны Рауль Лабри; оппоненты — профессора: Жюль Легра, Андрэ Мазон, Жак Ансель, Андрэ Вайян¹⁵⁸. Начало в 1 час 30 мин.

Для русских знаменательный день.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья была напечатана в газете «Новое русское слово» 27.07.1954.

² О рисунках писателей см.: А.М. Ремизов. *РИСУНКИ ПИСАТЕЛЕЙ*. — «Временник общества друзей русской книги», 1938, кн.4.

³ Зарецкий Николай Васильевич — художник и директор Русского музея в Праге (Cfr. G.Slobin. *THE WRITER AS ARTIST*. — In «The Catalogue of the Exhibition Images of Aleksei Remizov», Amherst, 1985, Mead Art Museum, p.13). Автор многочисленных работ о русском искусстве: *РАСЕЯ В ГРАМОТАХ И ГОВОРАХ*. Берлин, 1925; *ПУШКИН РИСОВАЛЬЩИК*. — «Возрождение», 1951, кн.15. Кроме выставки рисунков русских писателей в 1932 г. Зарецкий устроил в Праге большую выставку о Пушкине и его времени, где наряду с автографами, записями и рисунками поэта были представлены картины, акварели и художественные изделия пушкинской поры (см. каталог выставки: N.V. Zarecky, *VÝSTAVA PUSKIN A JEHO DOBA*. Nákladen Slovanského Ústavu v Praze. 1932). В кн. *ЖИЗНЬ НА ФУКСА* (М.-Л., 1927, с.263-266) Роман Гуль посвящает Зарецкому ряд страниц в своих берлинских воспоминаниях, подчеркивая его «изысканность» и преданность русскому искусству. В Берлине Зарецкий дружил с Ремизовым, часто бывал у него дома, иллюстрировал его книги, изданные в 1922-23 гг. З.И. Гржебиным (*РУСАЛИЯ, КРЕСТОВЫЕ СЕСТРЫ, ПЯТАЯ ЯЗВА, СКАЗКИ РУССКОГО НАРОДА*).

⁴ Подобное утверждение высказывает Ремизов в кн. *ПЛЯШУЩИЙ ДЕМОН* (Париж, «Дом книги», 1949, с.9): «Слово — музыка — живопись — танец, это "единое и многое", и у всякого свой ритм, своя мера. Слово вдохновит музыканта, но читать под музыку не выйдет. То же с живописью: картина вызовет слово, но живописать слово — пустое дело».

⁵ Во всех своих произведениях Ремизов пишет о собственном пристрастии к каллиграфии и о взаимодействии каллиграфии и рисунка: «Все мое рисование из каллиграфических завитков. Завитнув, я не могу остановиться и начинаю рисовать. И в этом мое и счастье и несчастье: мне хочется писать, а завиток, крючком вцепившись в руку, ведет ее рисовать — мысли разбегаются, конец письму, а под неоконченными строчками рисунок» (*ВСТРЕЧИ*, с.225). Когда в послереволюционные годы издательское дело в России претерпевало серьезные трудности из-за нехватки бумаги, многие писатели, в том числе и Ремизов, были вынуждены от руки переписывать и размножать свои произведения. Со второй половины 1920-х годов Ремизов стал снимать рукописные копии со своих ранних произведений, предназначая их в дар друзьям и знакомым (см.: С.С. Гречишкин. *АРХИВ А.М. РЕМИЗОВА*, в кн. «Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год», Л., 1977, с.27).

⁶ Оу-Янг-Сиу (в современной транскрипции Оуян Сю, 1000-1072) — один из «Восьми великих» поэтов эпохи Сун (960-1279), автор-составитель, вместе с Сун Ци, *НОВОЙ ИСТОРИИ ДИНАСТИИ ТАН*.

⁷ См.: А.М. Ремизов. *МЫШКИНА ДУДОЧКА*, с.68: «Я люблю Восток, а Персию особенно: мое пристрастие к каллиграфии — "Тысяча и одна ночь" — Огонь — Заратустра — Мани».

⁸ *ДЕМОНЫ И ЛЮДИ* и *БЕСТИАРИЙ* — названия ремизовских альбомов, нарисованных в Париже. Они включены в перечень альбомов, подготовленный и напечатанный писателем в «Ревельской Нови», 1934, кн. 8.

⁹ Пражская выставка рисунков русских писателей (см. главу *ВЫСТАВКА РИСУНКОВ ПИСАТЕЛЕЙ*) была показана и в Моравской Тшебове по предложению преподавателя латинского языка местной русской гимназии В.В. Перемиловского (см. анонимную рецензию в журнале «Числа», 1933, кн.9, с.197).

¹⁰ Статья впервые была опубликована в газете «Последние новости», 30.12.1933. О пражской выставке писателей появилось объявление в журнале «Числа» (1933, кн.9, с.197): «15 сентября в Праге открывается выставка рисунков русских и чешских писателей, организованная художником Н.В. Зарецким. В организации выставки приняли участие и чешские ученые: Милослав Навотный, библиотекарь и хранитель автографов Народного Музея в Праге, и Иосеф Вольф, декан библиотеки Народного Музея и председатель Общества чешских библиофилов в Праге. Из русских будут представлены рисунки 29 писателей. Из современных: А.Белый, Оцуп, Ремизов, Очередин, Соколов-Микитов и А.Толстой. Кроме рисунков — фотографии Кобякова: Feuermaennchen и конструкции Очередина».

Дата открытия выставки («на Николин день»), указанная здесь Ремизовым, не совпадает с журнальным объявлением и с указаниями в

письмах Ремизова к Н.В. Зарецкому и В.А. Залкинд (см.: В.Морковин. **ПРИПЕКШИН ЦАРЯ АСЫКИ**. — «Ceskoslovenská rusistika», 1969, 4, с.178-186; Л.С. Флейшман. **ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К «КУКХЕ»**. **КОН-КРЕКТОР ОБЕЗВОЛПАЛА**. — «Slavica Hierosolymitana», 1977, №1, с.185-193).

¹¹ Намек на «костромского книжника», «ученого археолога» и друга Ремизова Ивана Александровича Рязановского, часто упоминаемого в произведениях Ремизова (**КУКХА**, **ПОДСТРИЖЕННЫМИ ГЛАЗАМИ**, **УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ**). «Значение изустного слова Рязановского в возрождении "русской прозы" можно сравнить только с "наукой" самого из всех "знающего" громокипящего Вячеслава Иванова в возрождении поэзии у стихотворцев» (**ПОДСТРИЖЕННЫМИ ГЛАЗАМИ**, с. 153). Беседам с Рязановским в Костроме многим обязаны книги **НЕУЕМНЫЙ БУБЕН** и **ПЯТАЯ ЯЗВА**.

¹² Гребенщиков Яков Петрович (1887-1935) — библиотекарь Государственной Публичной библиотеки, «известный всему книжному Петербургу под именем василеостровского книгочия» (**ВСТРЕЧИ**, с.264). Имя Гребенщикова часто встречается в произведениях Ремизова; после его смерти писатель посвятил ему статью **ЯКОВ ПЕТРОВИЧ ГРЕБЕНЩИКОВ** в «Последних новостях» (9 мая 1935), переизданную в кн. **ВСТРЕЧИ**, с.264-266.

¹³ Гофман Модест Львович (1887-1959), писатель и литературный критик; хранитель Пушкинского Музея в СПб, автор ряда трудов о творчестве Пушкина и истории русской литературы: **ПУШКИН. ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА** (Париж, 1928); **ПУШКИН. ДОН ХУАН** (Париж, 1935); **НОВЫЙ АВТОГРАФ ПУШКИНА. ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН** (Париж, 1937). Вместе с сыном Ростиславом он написал **LE DRAME DE ROUSHNINE** (Paris, 1948). В эмиграции в Париже Гофман читал лекции на русском отделении в Сорбонне (см.: П.Е. Ковалевский. **ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ**, Париж, 1973, с.166).

¹⁴ Глубокое интимное отношение и тонкое филологическое чутье отличают работы В.Ф. Ходасевича о Пушкине — от юношеской статьи **ПЕТЕРБУРГСКИЕ ПОВЕСТИ ПУШКИНА** (1914), позднее высоко оцененной формалистами, до исследования **ПОЭТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПУШКИНА** (Л., 1924) и предсмертной книги **О ПУШКИНЕ** (Берлин, 1937), где Ходасевич выделяет элемент «взаимодействия» в произведениях Пушкина.

¹⁵ Кулиш Пантелеймон Александрович (1819-1897) — украинский писатель, историк, этнограф. Автор исторического романа **ЧЕРНАЯ РАДА**. **ХРОНИКА 1663 ГОДА** и украинского букваря **ГРАМАТКА** (1857).

¹⁶ Болдырев-Шкотт Иван Андреевич (1903-1933) — писатель, автор повести **МАЛЬЧИКИ И ДЕВОЧКИ**. С Ремизовым познакомился в 20-е

годы, когда бежал из Советской России и поселился в Париже. Здесь принимал участие в литературной жизни и вместе с В. Андреевым, Д. Кобяковым, Г. Газдановым, В. Познером и другими молодыми писателями выступал, читая свои произведения в литературном кружке «Кочевье», образованном в 1928 г. по инициативе М. Л. Слонима. О нем см.: А. М. Ремизов. *НАД МОГИЛОЙ БОЛДЫРЕВА-ШКОТТА*, в кн. *ВСТРЕЧИ*, с. 272-275 (статья включена также в кн. *УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ*, с. 301-304) и Н. В. Резникова. *ОГНЕННАЯ ПАМЯТЬ*, Berkeley, 1980, с. 85.

¹⁷ Кобяков (Сири́н) Дми́трий Ю́рьевич — молодой поэт, в 1916 г. в Москве входил в литературный кружок вместе с К. Большаковым, С. Спасским и др.; в 1918 в Тифлисе сотрудничал в журн. «Арс» С. Городецкого. После революции эмигрировал в Югославию, где был редактором двухнедельного литературно-художественного журн. «Медуза» (Белград, 1923). В парижской эмиграции издал несколько сборников стихов: *ГОРЕЧЬ* (Париж, 1927); *КЕРАМИКА. ТРИНАДЦАТЬ ВЕШЕЙ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОГО ГОДА* (Париж, 1925); *ВЕШНЯК. РИТМИЧЕСКИЙ ЦИКЛ* (Париж, 1926).

¹⁸ Фейерменхен — талисман берлинской жизни, «огневик», выдуманный Ремизовым дух огня. В мире писателя всегда присутствовали чудища-куклы, «чучела-чумичела», материализованные духи его фантастического воображения: чертики из *ПОСОЛОНИ*, цверги, маленькие звери. «В Берлине первым появился цверг — Feuermaennchen и он вызвал ко мне целый мир ни на что не похожих, загадочных существ. Я протянул веревку и они понемногу перешли на воздух. Все берлинские игрушки пропали и только Feuermaennchen со мной» (Н. Кодрянская. *АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ*, с. 120).

¹⁹ Горлин Михаил Генрихович (1909-1943) — поэт, литературный критик, муж Раисы Н. Блох. Сотрудник журн. «Числа», автор книги экспрессионистских стихов *ПУТЕШЕСТВИЯ* (1936) и нескольких работ по истории и теории литературы. В сборнике *ETUDES LITTERAIRES ET HISTORIQUES* (Paris, 1957, Institut d'Etudes Slaves) находится написанная совместно с женой большая статья о прозе Ремизова. Во время войны он и его жена были арестованы немцами, увезены в Германию и пропали без вести (см.: Г. Струве. *РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИЗГНАНИИ*, Нью-Йорк, 1956, с. 361). О нем см. также в ремизовской книге *МЫШКИНА ДУДОЧКА*, с. 159-166.

²⁰ О рисунках Ремизова см.: Aleksis Rannit. *TEN DRAWINGS. REMIZOV, A MANNERIST DRAMA* («New Directions International Anthology», New York, 1979, vol. 38, pp. 47-51) и Avril Pyman. *ALEKSEY REMIZOV ON DRAWINGS BY WRITERS* («Leonardo», Pergamon Press, 1980, vol. 13, pp. 234-240).

²¹ Оригинальный рукописный каталог утрачен; известен его немецкий перевод с предисл. Д. Чижевского: N. V. Zaretsky. *RUSSISCHE DICHTER*

ALS MALER UND ZEICHNER, Germany, 1960 (cfr. G.Slobin. *THE WRITER AS ARTIST*, p.23).

²² Впервые Ремизов опубликовал эту статью под псевдонимом В.Куковников в журн. «Числа», 1933, кн.9, с.191-194.

²³ О желании писателя сделаться учителем чистописания см. *ПОДСТРИЖЕННЫМИ ГЛАЗАМИ*, с.42-48 и Н.Кодрянская. *АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ*, с.97.

²⁴ Артем (Артемьев) Александр Родионович (1842-1914) — актер МХТа с 1898 по 1914.

²⁵ В своих воспоминаниях знаменитый художник и историк искусств Александр Николаевич Бенуа (1870-1960) пишет: «...величайший чудак А.М. Ремизов, обладающий даром создавать вокруг себя сказочное настроение» (*МОИ ВОСПОМИНАНИЯ*. М., «Наука», 1980, т.2, с.514).

²⁶ Сомов Константин Андреевич (1869-1939) — живописец и график. Сын Андрея Ивановича Сомова, директора Эрмитажа в 1910-е годы. Один из основателей журн. «Мир искусства», член одноименного объединения. С 1925 жил в Париже. О своих отношениях с молодым Сомовым Ремизов пишет в кн. *ВСТРЕЧИ* («Моя литературная карьера», с.45-81) и в воспоминаниях *О ПРОИСХОЖДЕНИИ МОЕЙ КНИГИ О ТАБАКЕ* (Париж, 1983, с.9-52).

²⁷ Бакст Лев Самойлович (Розенберг, 1866-1924) — театральный художник и график. О петербургских литературных встречах 1906 г. Ремизов вспоминает: «Из событий — вечер у Врасских. Читаю главу из "Пруда", как под Пасху повесилась мать. Скандал. За меня Дягилев, Блок, Философов, Бакст. Мережковским "наплевать", а Сологуб настороже» (*НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ. ПИСЬМА А.РЕМИЗОВА С.П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО*, в «Книгах записей С.П. Ремизовой-Довгелло», кн.Х, с.175-176). С 1909 Бакст жил главным образом в Париже и был одним из ведущих декораторов русских балетов Дягилева.

²⁸ Добужинский Мстислав Валерианович (1875-1957), график и живописец, член «Мира искусства», театральный декоратор. О совместной работе с Ремизовым в театре В.Ф. Комиссаржевской над постановкой *БЕСОВСКОГО ДЕЙСТВА* рассказывается в главе его *ВОСПОМИНАНИЙ* (Нью-Йорк, 1976, с.335-341). В книге *ВСТРЕЧИ* (с.15) Ремизов повествует об успехе пьесы: «На Варварин день 1908 г. на театре В.Ф. Комиссаржевской играли мое "Бесовское действо" — "Святочное представление или маслянное гуляние с чертями", по определению цензора барона Н.Н. Дризена. Режиссер Ф.Ф. Комиссаржевский — его первая постановка — встречен аплодисментами, М.В. Добужинский — его первые декорации — встречен восторженно, а я под дождь свистков слышу сквозь неистово хлопают: "Балаган"!»

²⁹ Билибин Иван Яковлевич (1876-1942) — график, иллюстратор и театральный художник; «чисто русские» элементы его искусства были близки Ремизову.

³⁰ Чехонин Сергей Васильевич (1878-1936) — график и живописец, Член «Мира искусства», работал в области книжной графики и росписи по фарфору и эмали. С 1928 эмигрировал во Францию.

³¹ Кустодиев Борис Михайлович (1878-1927) — живописец, график и театральный художник, с которым Ремизов встречался в 1910-е годы на литературных вечерах и выставках. В письме к Серафиме Павловне 1907 г. Ремизов сообщает: «Для "Золотого Руна" будет меня рисовать Б.М. Кустодиев, рисовал Сологуба. Сегодня на вечере "Голубой розы" переговорю с Рябушинским: нельзя ли, чтобы меня рисовал Бакст? (Мой портрет рисовал Кустодиев, а Бакст Андрея Белого и З.Н. Гиппиус)». (НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ. ПИСЬМА А.РЕМИЗОВА С.П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО, с.184). Рисунок Кустодиева «Портрет писателя А.Ремизова», сделанный по заказу редакции «Золотого Руна» в начале мая 1907 г., перечисляется среди работ Кустодиева в кн. М.Г. Эткинд. БОРИС КУСТОДИЕВ. М., «Советский художник», 1982, с.254.

³² Головин Александр Яковлевич (1863-1930) — театральный художник, сотрудник антрепризы Дягилева в Париже. В 1912 писал декорации для неосуществленного «волшебного балета» АЛАЛЕЙ И ЛЕЙЛА (текст Ремизова, музыка А.К. Лядова) в постановке В.Э. Мейерхольда.

³³ Выставка «Треугольник», организованная Н.Кульбиным, состоялась в 1910 в Петербурге (сfr. Valentine Marcadé. *LE RENOUVEAU DE L'ART PICTURAL RUSSE. 1863-1914*, Lausanne, 1971, L'Age d'Homme, p.248).

³⁴ Футуристический сборник *СТРЕЛЕЦ* вышел в Петрограде в 1915 под редакцией Александра Беленсона, который опубликовал здесь свои стихи *ГОЛУБЫЕ ПАНТАЛОНЫ* (с.194) с рисунками О.Розановой. Как заметил В.Марков в кн. *RUSSIAN FUTURISM* (Los-Angeles, 1968, p.411): «Remizov had his own touches of futurism in what he printed in *Strelec*: the author's drawings in the text, infantilism, special stress on speech intonation, and a collage like technique».

³⁵ Бруни Лев Александрович (1894-1948) — художник и график. Член «Союза деятелей искусств», принимал активное участие в художественной жизни Петербурга; вместе с В.Татлиным и А.Родченко декорировал кафе «Питтореск», которое должно было стать, по замыслу художников и писателей, «мировым вокзалом искусства» (В.П. Лапшин. *ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ И ПЕТРОГРАДА В 1917 ГОДУ*. М., «Советский художник», 1983, с.251).

³⁶ Анненков Юрий Павлович (псевд. Б.Темирязев, 1889-1974) — художник, прозаик и мемуарист. В его книге *ДНЕВНИК МОИХ ВСТРЕЧ* (Нью-Йорк, «Международное Литературное Содружество», 1966, т.1, с.211-229) большая глава посвящена творчеству Ремизова и их сотрудничеству в 1916 в постановке неосуществленного балета *ЯСНЯ*.

³⁷ Об известном художнике Иване Альбертовиче Пуни интересная ремизовская запись в дневнике 1956 г.: «Иван Альбертович Пуни единственный из художников по-настоящему интересовался моими многомерными рисунками. Имя Пуни я стал знать с моим первым театром. Дед Пуни — автор балета "Конек-Горбунок". "Конек-Горбунок" — первое, что я видел в театре. Его внуки: художник Иван Пуни, неразговорчивый, а другой внук — художник Бруни тоже интересовался моими рисунками» (Н.Кодрянская. *АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ*, с.98).

³⁸ В 1927 издатель газеты «Der Sturm» Г.Вальден пригласил Ремизова принять участие в выставке галереи. Писатель отправил ему почти сто рисунков (сfr. G.Slobin. Op. cit., p.16).

³⁹ В 1932 в Париже в галерее «L'époque» (22, rue de la Voëtie), благодаря М.И. и М.Я. Залкинд, была организована серия выставок художественной группы журнала «Числа», в том числе, по инициативе М.И. Залкинд и Н.А. Оцуца, была устроена большая выставка русских и французских писателей и художников (декабрь 1932 — январь 1933), где показывались рисунки, гуаши, акварели, литографии, гравюры и картины писателей от Гюго и Готье до Ремизова, Поплавского, Верлена и Валери. (См.: «Числа», 1932, кн.6, с.254).

⁴⁰ Благодаря гадальным картам шведского философа и мистика Эммануила Сведенборга (1688-1772) произошла первая встреча Ремизова с «волшебным» и «легендарным» (см. *ПОДСТРИЖЕННЫМИ ГЛАЗАМИ*, с.21-26). О ремизовском рукописном издании Сведенборга (1950) в собрании Пушкинского Дома см.: С.С. Гречишкин. *АРХИВ А.М. РЕМИЗОВА*, с.34.

⁴¹ В парижские годы из-за трудностей с изданием своих книг Ремизов создал множество рукописных иллюстрированных альбомов в единственном экземпляре. Перечень 260 иллюстрированных альбомов, сделанных Ремизовым с 1932 по 1940, будет помещен в приложении к сборнику докладов ремизовской конференции (Amherst, 3-5 мая 1985).

⁴² Ложкомоев, советский чиновник, занимавшийся продовольственным снабжением, упомянут во *ВЗВИХРЕННОЙ РУСИ*.

⁴³ Статья впервые опубликована под псевдонимом В.Куковников в «Новой газете», 1931, кн. 1-2-3-4.

⁴⁴ Явные автобиографические совпадения с жизнью и характером А.М. Ремизова. См.: *УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ* (с.346-347) — те же свойства даны герою Василию Петровичу Куковникову, одному из двойников писателя.

⁴⁵ Сазонова-Слонимская Юлия Леонидовна (1887-1960), публицистка. Сотрудничала в «Аполлоне» в разделе театра и балета; в эмиграции в Париже регулярно помещала критические статьи в «Современных записках», «Русской мысли» и «Последних новостях».

⁴⁶ Зуров Леонид Федорович (1902-1971) — прозаик молодого поколения русского зарубежья, ученик Бунина. Живя в Эстонии в 20-е годы обратил на себя внимание рассказами о войне и революции; в 30-е переселился в Париж, где опубликовал романы *ДРЕВНИЙ ПУТЬ* (1934) и *ПОЛЕ* (1938).

⁴⁷ Статья впервые опубликована в журнале «Наш огонек» (Рига, 30 мая 1925). Цвофирзон — немецкое слово, придуманное Ремизовым, передающее название вымышленного общества «Zwovierzon» — Свободное философское содружество. В *УЧИТЕЛЕ МУЗЫКИ* изобретение Цвофирзона приписано «залесному аптекарю» Семену Петровичу Судок, двойнику автора: «Судок был автором берлинского "Цвофирзона". И этот "Цвофирзон" ("Zwovierzon") — "свободное философское содружество" можно рассматривать как образец его литературных упражнений; ни слова правды. Два года (1921-1923) мучил Судок этим "цвофирзоном" русский Берлин, в те годы самую многочисленную эмигрантскую колонию. По его милости возникла нашумевшая полемика между "Рулем" и сменовеховским "Накануне": обе враждующие газеты были введены в заблуждение его вымышленными сообщениями, появившимися тоже по недоразумению в третьей берлинской газете с переменным названием» (с.357). 2 мая 1923 в «Клубе писателей» Ремизов читал «интервью» «Цвофирзон» вместе с отрывками из «Розановых писем» (см. «Новая русская книга», 1923, кн.5-6, с.43). О жизни русской эмиграции в Берлине, о литературных встречах, о политических и культурных дискуссиях, об издательских предприятиях и художественной деятельности в начале 20-х годов см.: Л.Флейшман, Р.Хьюз, О.Равевская-Хьюз. *РУССКИЙ БЕРЛИН. 1921-1923*. По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris, YMCA-Pres, 1983; Robert C. Williams. *CULTURE IN EXILE. EMIGRES IN GERMANY 1881-1941*. London-Ithaca, Cornell University Press, 1972; Manfredo Tafuri. *URSS — BERLINO. 1922*, в кн.: *LA SFERA E IL LABIRINTO. AVANGUARDIE E ARCHITETTURA DA PIRANESI AGLI ANNI 70*. Torino, Einaudi, 1980, pp.141-182.

⁴⁸ Лутохин Далмат Александрович (1885-1942) — экономист, беллетрист, редактор петербургских изданий «Экономист. Вестник XI отдела Русского технологического общества» и «Утренники», закрытых по указанию В.И. Ленина. В начале 1923 г. был выслан за границу и после кратковременного пребывания в Берлине поселился в Праге, где сотрудничал в журналах «Воля России» и «Записки Института изучения России». В 1927 — при содействии М.Горького — вернулся в СССР (см.: *РУССКИЙ БЕРЛИН. 1921-1923*, с.300-303).

⁴⁹ Вольфила — Вольная Философская Ассоциация, открытая в Петербурге 16 ноября 1919 г. (Литейный, 21). Члены-учредители: Белый, Блок, Иванов-Разумник, Бердяев, Шестов (см.: Н.Бердяев. *САМОПОЗНАНИЕ*, с.268-276). В Берлине деятельность Вольфилы возобновилась и собрания общества проходили в кафе Флора Диле (Мотштрассе, 65) под председательством А.Белого.

⁵⁰ Сходные описания возникновения новой философской ассоциации появились и в прессе: под псевдонимом «Смольный» в газете «Голос России» 7.05.1922 в разделе «Из жизни художников в Берлине» объявлено: «В Шарлоттенбурге в "Берлинер Киндель" состоялось первое открытое собрание нового философского общества. Первым выступил Г.С. Киреев: "Ижица, как символ вещей сокровенных". Затем П.П. Сувчинский читал "о знаменном распеве" — о его решающем значении для русской музыки. Третьим — художник К.Ф. Задолит свои воспоминания о скульптурных работах в России по украшению Петербурга (1918-1920). После чего А.И. Чхеидзе продекламировал поэму "Лалазар"».

⁵¹ Философ Лев Исаакович Шестов (Шварцман, 1866-1938) — друг и интеллектуальный собеседник Ремизова в течение всей жизни: «Розанов и Шестов учили меня житейской мудрости» (*МЫШКИНА ДУДОЧКА*, с.132). Его имя мелькает во всех воспоминаниях Ремизова. Об их дружеских и литературных отношениях см.: Н.Баранова-Шестова. *ЖИЗНЬ ЛЬВА ШЕСТОВА*. По переписке и воспоминаниям современников. Paris, «La Presse Libre», 1983. О жизни философа в Берлине см. также *РУССКИЙ БЕРЛИН*, с.28-30.

⁵² Шрейбер Яков Самойлович, инженер, знакомый Ремизова, часто упоминаемый в книгах *ВЗВИХРЕННАЯ РУСЬ*, *АХРУ*, *УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ*.

⁵³ «Вещь» — журнал, выходивший в 1922 в Берлине под ред. Эль Лищцкого и Ильи Эренбурга (всего 3 ном.). О журнале см. С.Solivetti. *LA REVISTA VESC E IL DIBATTITO ARTISTICO POST-REVOLUZIONARIO*, «Rassegna sovietica», 1982, n.2, pp.49-77; М.Tafuri. *URSS — BERLINO. 1922*, pp.168-176.

⁵⁴ Шрейдер Александр Абрамович — левый с.-р. В послереволюционные годы жил в Италии, где выпускал бюллетень «Il Vessillo». Редактор журнала «Знамя. Временник литературы и политики» (Берлин, 1921, 1-2) и сотрудник издательства «Скифы».

⁵⁵ Сувчинский Петр Петрович (1892-1983), известный музыковед, один из зачинателей евразийского движения, вместе с Д.П. Святополк-Мирским и С.Я. Эфроном соредатор журнала «Версты», который выходил в 1926-1932 при ближайшем участии Ремизова. Вместе с

П.Н. Савицким и кн. Н.С. Трубецким издавал непериодическое издание «Евразийский Временник» (Берлин-Париж, 1923-27) и еженедельник «Евразия» (Clamart, 1928-29). В «Книгах записей С.П. Ремизовой-Довгелло» (кн. IV, с.3-4) Ремизов так характеризовал Сувчинского: «С первого глаза в Берлине мне понравился П.П., с ним хорошо разговаривать о знаменном распеве. Он весь в пении /.../ Он был душою "Верст" и меня никогда не гнал /.../ В нем было что-то от русской истории, когда он появлялся переполненный евразийством: его мысль зажигалась и сверкала. Такие были в 20-х годах шеллингианцы, а потом гегельянцы, я не сказал бы "марксисты", которые уже очень кратки и безнадежно "реальны", а ведь *пыл* именно в бесконечной мысли».

⁵⁶ Шаршун Сергей Иванович (1888-1975) — знаменитый художник русского Парижа. В 1922 в Берлине встретился с Пуни и Лисицким, выставлял свои картины в галерее «Der Sturm» и «Van Diemen». С 1925 вернулся в Париж и до Второй мировой войны принимал активное участие в художественной жизни русского Монпарнаса (Cfr. Michele Beyssac. *LA VIE CULTURELLE DE L'EMIGRATION RUSSE EN FRANCE*. Chronique 1920-1930, Paris, 1971). Автор романов *ДОЛГОЛИКОВ* и *ПУТЬ ПРАВЫЙ* (1934). О нем см.: каталог выставки «Paris-Moscou» (Paris, 1979, Centre Pompidou, p.548) и «Die kunstisten in Russland», Köln, 1977, p.187.

⁵⁷ Киреев Григорий Сильвестрович, знакомый Ремизова, упомянутый в *ВЗВИХРЕННОЙ РУСИ* под прозвищем Турки (с.78-84). Позднее студент католического университета в Лувене. (См. о нем во *ВСЕОБЩЕМ ВОССТАНИИ* («Эпопея», 1922, №2), а также в хроникальной заметке Саркофагского (Ремизова) *ИЗ ЖИЗНИ ХУДОЖНИКОВ В РОССИИ* — «Голос России», 8 окт. 1922.

⁵⁸ Шклявер Георгий Гаврилович (George) — адвокат, один из друзей Ремизовых, постоянно посещавший дом писателя в Париже (см. *МЫШКИНА ДУДОЧКА*, с.142-143 и Н.Резникова. *ОГНЕННАЯ ПАМЯТЬ*, с.100). В «Книгах записей С.П. Ремизовой-Довгелло» (кн. IV, с.19) Ремизов пишет о нем: «Георгий Гаврилович стал французом, отошел от России бесповоротно... Это меня очень от него отвело...».

⁵⁹ *ЛАЛАЗАР. КАВКАЗСКИЙ СКАЗ*. — Книга Ремизова, изданная в Берлине в 1922 г. (изд. «Скифы»).

⁶⁰ Вероятно, доктор филологических наук Альберт Роде — автор книги *HAUPTMANN UND NIETZSCHE*, переведенной с немецкого Ремизовым и Мейерхольдом и изданной в Москве в 1902 (Издание В.М. Саблина).

⁶¹ Вероятно, Владимир Кириллович Винниченко (1880-1951), украинский писатель, один из руководителей националистического движения

на Украине в 1918-19, с 1920 г. эмигрант. Автор романов *НА ВЕСАХ ЖИЗНИ* (1911) и *ЗАВЕТЫ ОТЦОВ* (1914) и мемуарно-публицистических произведений.

⁶² Сестры Черновы — Наталья, Ольга и Ариадна — долгое время были в близких отношениях с Ремизовыми. Они дочери Ольги Елисеvны Колбасиной-Черновой и лидера партии с.-р., министра Временного правительства Виктора Михайловича Чернова. Наталья Викторовна — жена Даниила Георгиевича Резникова; Ольга Викторовна — жена поэта и мемуариста Вадима Леонидовича Андреева (1902-1976), сына писателя Л.Андреева; Ариадна — жена литератора Владимира Брониславовича Сосинского (1903), постоянного сотрудника журналов «Воля России», «Своими путями», «Благонамеренный» и «Числа». (См.: Н.В. Резникова. *ОГНЕННАЯ ПАМЯТЬ* и М.Beysac. *LA VIE CULTURELLE DE L'EMIGRATION RUSSE EN FRANCE*. Chronique 1920-1930).

⁶³ Кускова Екатерина Дмитриевна (1869-1958) — журналистка, жена экономиста С.Н. Прокоповича, высланная из России в 1922. Жила в Праге, умерла в Женеве. Об этой «выдающейся женщине» пишет Р.Гуль в воспоминаниях *Я УНЕС РОССИЮ. АПОЛОГИЯ ЭМИГРАЦИИ*, Нью-Йорк, «Мост», 1981, т.1, с.183-188.

⁶⁴ Бердяев Н.А. (1874-1948) — философ, профессор Московского университета, летом 1922 был выслан в Европу с группой философов и профессоров, крупных религиозно-философских мыслителей начала XX века: Б.П. Вышеславцевым, Н.О. Лосским, С.Л. Франком, Ф.А. Степуном, И.А. Ильиным и др. Под его ред. в 1923 вышел в Берлине единственный выпуск журнала «София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии». О жизни и деятельности Бердяева в Берлине см. П.Е. Ковалевский. *ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ*, с.186-187; Robert C. Williams. *CULTURE IN EXILE. RUSSIAN EMIGRES IN GERMANY*, p.245-261.

⁶⁵ Степун Федор Августович (1884-1965), мыслитель, ученый и писатель. Выслан из России с группой Бердяева. В Берлине в 1922-23 часто выступал на литературных вечерах. О нем и об общественно-культурных организациях русского Берлина см.: Р.Гуль. *Я УНЕС РОССИЮ. АПОЛОГИЯ ЭМИГРАЦИИ*, т.1, с.143-147.

⁶⁶ Шпет Густав Густавович — приват-доцент Московского ун-та. Большой друг Шестова, с которым разделял интерес к Гуссерлю. См. о нем: Е.Лундберг. *ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ*. Берлин, «Огоньки», 1922, с.203.

⁶⁷ Осоргин (Ильин) Михаил Андреевич (1878-1943) — писатель и журналист. До революции был итальянским корреспондентом «Русских ведомостей», а в эмиграции — сотрудником «Дней», «Последних новостей» и «Современных записок». Его отношения с Ремизовым были

всегда полемичны; когда в 1931 на страницах журн. «Числа» возник спор «Для кого писать?», ответ Осоргина оказался резко противопоставленным ремизовскому; Осоргин защищал «простоту» литературного текста и права читателя: «то, что художник творит — как говорится — "для себя", должно и оставаться для него, в его лаборатории. Основной недостаток Ремизова в том, что творимое "для себя" он пускает на рынок; свои "сны", все кислоты и мелочи своей мастерской» («Числа», 1931, кн.5, с.283).

⁶⁸ Вероятно, Ильин Иван Александрович (1882-1954), философ и публицист. Профессор Юридического ф-та Московского университета, «самый блестящий из учеников Гегеля», был выслан в 1922 и жил некоторое время в Берлине. Редактор и издатель журн. «Русский колокол» (Берлин, 1927-30). Автор многочисленных работ, среди которых содержательная статья о творчестве Ремизова (в кн. *О ТЬМЕ И ПРОСВЕТЛЕНИИ*. Мюнхен, 1959, с.81-131).

⁶⁹ «Геликон» — издательство, возникшее в 1918 г. в Москве и в 1921-23 возобновившее свою деятельность в Берлине. В «Геликоне» опубликованы книги Цветаевой, Ремизова, Пастернака, Белого, Эренбурга и журнал Белого «Эпопея». О русских книгоиздательских предприятиях в Берлине см.: Robert C. Williams. *CULTURE IN EXILE. RUSSIAN EMIGRES IN GERMANY. 1881-1941*, pp.125-140.

⁷⁰ Вишняк Абрам Григорьевич (1895-1943) — заведующий изд. «Геликон» и племянник М.В. Вишняка, редактора «Современных записок». Депортированный немцами, погиб в лагере. Глубоко сочувственный отзыв о нем содержится в воспоминаниях Эренбурга *ЛЮДИ, ГОДЫ, ЖИЗНЬ* (т. II, с.771). О нем см. также: *РУССКИЙ БЕРЛИН*, с.158-159.

⁷¹ Каплун-Сумский Соломон Гитманович, владелец берлинского изд. «Эпоха»; до революции сотрудник «Киевской мысли», в Берлине — активный работник с.-д. партии (меньшевиков), регулярно выступал в «Социалистическом вестнике», в «Днях». Впоследствии переехал в Париж и работал в «Последних новостях». Умер в конце 1940 (см. *РУССКИЙ БЕРЛИН*, с.172).

⁷² Тер-Погосьян и Барладьян, по всей вероятности, мистификации Ремизова. В пародийном контексте упомянуты во *ВЗВИХРЕННОЙ РУСИ* и в *УЧИТЕЛЕ МУЗЫКИ*. Имя Барладьяна появляется в списке членов берлинского Дома Искусств (см. «Бюллетени Дома Искусств», Берлин, 1922, №1-2).

⁷³ В 1922 вместе с молодым поэтом А.Кусиковым уже известный писатель Борис Андреевич Пильняк (Вогау, 1894-1937) был командирован в Берлин. По приезде он поселился у Ремизовых, познакомился с молодыми прозаиками — Дроздовым, Алексеевым, Соколовым-Микитовым, а также с А.Толстым, — и вошел в литературную среду, окру-

жавшую редакцию журн. «Новая русская книга» (см. *РУССКИЙ БЕРЛИН*, с.187-203). Пребывание Пильняка в Берлине и его выступление в Доме Искусств описаны в воспоминаниях Р.Гуля *ЖИЗНЬ НА ФУКСА* (М.-Л., 1927, с.211) и *Я УНЕС РОССИЮ. АПОЛОГИЯ ЭМИГРАЦИИ*. (с.148-153). Имя Пильняка всегда появляется в шуточном контексте на страницах Ремизова, в его воспоминаниях, в *ВЗВИХРЕННОЙ РУСИ*, в *УЧИТЕЛЕ МУЗЫКИ*. В «Бюллетенях Дома Искусств» (Берлин, 1922, 1-2) выдумана издательская история, где шуточно звучит искаженная фамилия писателя: «В Берлине основывается кавказское книгоиздательство "Кура-Тифлис", субсидируемое женежским инженером Я.С. Шрейбером (не смешивать с левым эсером А.А. Шрейдером). Во главе издательства стоит известный профессор физики тифлисского университета Рачден Хутцишвили. Ближайшее участие в издательстве принимают: Елена Гогобелидзе, Анико Чхеидзе, Б.А. Пильняк (Вогау, по бабушке — Пильнякянц-Барладьян), Карл Кусиков и бывш. посол Тер-Погосьян».

⁷⁴ Андрей Белый (1880-1934), «гениальный», «единственный» поэт, самый близкий Ремизову из всех современников. Берлинский период — один из самых плодотворных в его биографии; мемуаристы не раз отмечали интенсивность его творческой жизни в эти годы. Вместе с Ремизовым Белый в конце 1921 г. выступил инициатором создания Дома Искусств и Вольной Философской Ассоциации; сотрудничал в журналах Яшенко, выпустил свою «Эпопею», был привлечен с Ходасевичем к изданию горьковской «Беседы» (см. *РУССКИЙ БЕРЛИН...*, с.221-229). О берлинском периоде его жизни, о его душевном трагическом состоянии, о публичных докладах, об издательских выступлениях см.: М.Цветаева. *ПЛЕННЫЙ ДУХ* в кн. «Избранная проза в двух томах. 1917-1937», New York, Russica Publishers, 1979, т.2, с.80-121; А.Бахрах. *ПО ПАМЯТИ ПО ЗАПИСЯМ*. Paris, «La Presse Libre», 1980, с.52-56; Р.Гуль. *Я УНЕС РОССИЮ. АПОЛОГИЯ ЭМИГРАЦИИ*, т.1, с.75-79).

⁷⁵ В феврале 1922 Виктор Борисович Шкловский (1893-1985) уехал из России, спасаясь от ареста (его жена сидела в тюрьме). В Берлине он прожил около года, выпустил *ХОД КОНЯ* и *СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ* и вернулся в Советский Союз. О его литературных выступлениях и встречах см. Н.Берберова. *КУРСИВ МОЙ*. München, Fink Verlag, 1972, с.175-176, 195, 224: «он умел быть блестящим, он был полон юмора и насмешки, остроумен и подчас дерзок... он был талантливый выдумщик, полный энергии» (с.230-231). В книге *ЗОО ИЛИ ПИСЬМА НЕ О ЛЮБВИ* (Л., Изд. писателей, 1929, с.34-37) Шкловский дал интересную характеристику Ремизова-выдумщика и подчеркнул значение «роли личного элемента как материала искусства» в его произведениях.

⁷⁶ О появлении Ильи Григорьевича Эренбурга (1891-1967) в берлинской культурной среде см. *РУССКИЙ БЕРЛИН...*, с.134-137, и воспоминания Р.Гуля *Я УНЕС РОССИЮ. АПОЛОГИЯ ЭМИГРАЦИИ*, с.73-75.

⁷⁷ Бахрах Александр Васильевич (1902-1985), литературный критик. Автор книги воспоминаний о парижской эмиграции *ПО ПАМЯТИ, ПО ЗАПИСЯМ* (Paris, «La Presse Libre», 1980), где описывает первое знакомство с Ремизовым в Берлине и их долгие дружеские отношения: «Скромная, по-мещански меблированная квартира была приведена Ремизовым в "надлежащий" вид и была пропитана воздухом "взвихренной Руси", как он прозвал первые послеоктябрьские годы. Ремизовские комнаты были разукрашены какими-то яркими бумажными вырезками, от стены к стене была протянута веревка, на которой висели елочные шишки и какие-то амулеты, то и дело куковала невпопад какая-то заводная кукушка...» (с.23).

⁷⁸ Пуни Иван Альбертович (1892-1956) — один из виднейших представителей русского художественного авангарда. О берлинском периоде его биографии см. Hermann Berninger, Jean-Albert Cartier. *POUGNY (1892-1956)*. Catalogue de l'oeuvre. Tome 1: Les années d'avant-garde, Russie-Berlin, 1910-1923. Tubingen, 1972, pp.120-141. В «Бюллетенях Дома Искусств» (Берлин, 1922, №1-2, с.37) находим следующее мистифицированное описание его деятельности: «Знаменитый петербургский футурист И.А. Пуни работает над проектом усовершенствованного материала (паучьиные гнезда) для росписи будущей одежды и морд».

⁷⁹ Богуславская Ксения, художница, жена И.А. Пуни, часто упоминаемая в берлинских выдуманных заметках Ремизова: «К.Л. Богуславская — по поручению "Синей Птицы" — устраивает с графом А.Н. Толстым новое водевильное кабаре под названием "Russische Kraft" («Бюллетени Дома Искусств», 1921, №1-2, с.37). О художественной деятельности Богуславской и Пуни в Берлине см.: Manfredo Tafuri. *URSS-BERLINO. 1922*, pp. 158-160.

⁸⁰ Осипов Сергей Яковлевич, сотрудник изд. «Сирин», упоминаемый Ремизовым во *ВЗВИХРЕННОЙ РУСИ*. Писатель также называет его в списке членов берлинского Дома Искусств.

⁸¹ Хентова П.А. (ум. в 1933) — витебская художница, закончила Брюссельскую королевскую академию. До войны работала в Мюнхене и Париже. После революции, в 1919 или 1920, через Киев приехала в Берлин, где зарабатывала на жизнь преподаванием живописи, редким писанием портретов и иллюстраций (сказки Афанасьева, Толстой для детей, «Гавриилиада» и др.). В 1923 переселилась в Париж, где выставляла несколько раз свои работы вместе с группой русских парижских художников (в Ротонде и Осеннем Салоне). В 1930 уехала в Лондон и благодаря помощи английского художника Г.Каппа стала жить более комфортабельно. (См. некролог С.Шаршуна — «Числа», 1933, кн.9, с.188-189).

⁸² О жизни и литературной деятельности В.Ф. Ходасевича (1886-1939) в Берлине см. воспоминания Нины Берберовой (*КУРСИВ МОЙ*, с.173-

236) и Романа Гуля (*Я УНЕС РОССИЮ...*, т.1, с.70-71). О мучительном состоянии поэта в «чужом» унылом городе и о гнетущем влиянии «мачехи российских городов» на его стихотворения см. Примечания к берлинскому циклу в Собрании сочинений В.Ф. Ходасевича, под ред. Джона Мальстада и Роберта Хьюза (Ann Arbor, «Ardis», 1983 pp.353-365) и статью Caterina Graziadei *ITINERARIO BERLINESE DI VLADISLAV CHODASEVIC* («Il Cannocchiale», 1969, n.2-4, pp.121-130).

⁸³ Берберова Нина Николаевна (р. 1901), писательница. В эмиграции с 1921. Автор интересных воспоминаний о русском Берлине (*КУРСИВ МОЙ*).

⁸⁴ Одоевцева Ирина Владимировна (наст. имя Гейнеке Ираида Густавовна, р. 1901), поэтесса, с 1922 в эмиграции; в Берлине с мужем Г.Ивановым часто выступала на вечерах Цеха поэтов (см. Р. Гуль. *Я УНЕС РОССИЮ...* т.1, с.148). Автор двух книг мемуаров: *НА БЕРЕГАХ НЕВЫ* и *НА БЕРЕГАХ СЕНЫ*.

⁸⁵ Вероятно, Семен Владимирович Лурье (умер в Руане 8.12.1927), литератор, близкий друг Шестова и знакомый Ремизовых еще по Москве. См. о нем некролог А.М. Ремизова *ПАМЯТИ С.В. ЛУРЬЕ*. — «Звено» 5 (1928), кн. 1, с.36-38.

⁸⁶ Иванов Георгий Владимирович (1894-1958), поэт и мемуарист. В эмиграции с 1923, в Париже был одним из ведущих литературных деятелей зарубежья.

⁸⁷ Адамович Георгий Викторович (1894-1972), поэт и литературный критик. В парижской эмиграции выступал как наставник молодого поколения писателей. Глава его книги *ОДИНОЧЕСТВО И СВОБОДА* (Нью-Йорк, изд. им. Чехова, 1955) посвящена творчеству Ремизова.

⁸⁸ Оцуп Николай Авдеевич (1894-1958), поэт-акмеист и литературный критик. В эмиграции в 1923 был редактором берлинских выпусков альманахов Цеха поэтов и часто выступал на литературных собраниях. В Париже редактор журнала «Числа» и сотрудник «Современных записок». О нем см.: Temira Pachmuss. *A RUSSIAN CULTURAL REVIVAL: A CRITICAL ANTHOLOGY OF EMIGRE LITERATURE BEFORE 1939*. 1981, pp.243-253.

⁸⁹ Лисицкий Лазарь Маркович (псевд. Эль Лисицкий, 1890-1941), художник-конструктивист и график. О берлинском периоде его творчества см. *EL LISSITZKY, MALER, ARCHITEKT, TYPOGRAF, FOTOGRAF*. Erinnerungen, Briefe, Schriften, übergeben von Sophie Lissitzky-Küppers, Dresden, 1967, VEB Verlag der Kunst.

⁹⁰ Козинцева Любовь Михайловна — художница, жена И.Г. Эренбурга. О ней в берлинской прессе была напечатана пародийная заметка

Ремизова: «Известная художница Л.М. Козинцева заканчивает большой труд — апология "конструктивизма", озаглавленная "Она не перестала вертеться". В художественных кругах книга вызывает много толков: выходит в издательстве "Макабуз"» (см.: *РУССКИЙ БЕРЛИН...*, с.21-22).

⁹¹ Залкинд Виктор Александрович (1895 - ?), «конкретор Обезволпала», инженер. Сын известного петербургского врача-терапевта Александра Вениаминовича Залкинда (1866-1931), активного деятеля еврейского общественного движения. Юношеские годы провел в Гомеле; ближайшими его друзьями были Лев Выготский и Давид Выгодский. После окончания в 1921 Петербургского Политехнического ин-та, он выехал в Германию, где в 1922 познакомился с Ремизовым, а осенью 1923 переехал в Палестину. В 1950-е работал советником по научным делам в представительстве Израиля в ООН и в израильском посольстве в Вашингтоне (см.: Л.С. Флейшман. *ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К «КУКХЕ». КОНКРЕКТОР ОБЕЗВОЛПАЛА.* — «Slavica Hierosolymitana», 1977, №1, с.185-193). «Редчайшей доброты человек», — пишет о нем Ремизов в *КУКХЕ* (с.122).

⁹² В «Бюллетенях Дома Искусств» (Берлин, 1922, №1-2) упоминаются два Вальтера: Вальтер В.В. и Вальтер Р.Р.

⁹³ Ракинт В.Л. — художник, активно работал в «Союзе деятелей искусств» и Академии художеств; в послереволюционные годы читал лекции в Институте истории искусств, учрежденном В.П. Зубовым, и принимал участие в художественной жизни Петрограда (см.: В.П. Лапшин. *ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ И ПЕТРОГРАДА В 1917 ГОДУ*, с.315, 330-333).

⁹⁴ Лагорио Мария А. (1893-1979), художница, упомянутая в списке членов берлинского Дома Искусств. Вместе с Н.Исцеленовым иллюстрировала книги издательства «Трирема», где Ремизов опубликовал *ПЛЯС ИРОДИАДЫ*. Вместе с Л.Зак, И.Пуни выставлялась на большой экспозиции в Брюсселе (1928) и в галерее «Ренессанс» в Париже (1932). (См.: П.Е. Ковалевский. *ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ*, с.265). О жизни и творческой деятельности М.Лагорио см.: M.Grey. *MARIE LAGORIO OU LE REVE MATERIALISE*. Paris, Jean Touzot, 1985).

⁹⁵ Исцеленов Н. — художник, автор рисунков к книге Ремизова *ПЛЯС ИРОДИАДЫ*, Берлин, «Трирема», 1922. Об издательстве «Трирема» см. объявление в «Новой русской книге», 1922, №1: «В Берлине образовалось новое художественное издательство "Трирема" на Waitzstr. 17. Во главе издательства стоят А.Лагорио и Н.Исцеленов. Издательством выпущены книги: "Московские типы" в оригинальных литографиях Н.Исцеленова, 12 литографий Марии Лагорио Kikimora Erotique — рисунки, "Пляс Иродиады" Ал.Ремизова с многочисленными рисунками. Печатаются "Царица Тамара" Лермонтова с гравюрами на дереве

М.Лагорно, "Экклезиаст" с рисунками, "Типы Берлинских улиц" ориг.-литогр. Н.Исцеленова. Намечен ряд монографий русских художников» (с.38).

⁹⁶ Гессен Сергей Иосифович (1887-1951), педагог и философ, сын известного политического деятеля Иосифа Владимировича Гессена. Во время Первой мировой войны заведовал кафедрой в Томском ун-те, после революции получил кафедру в Праге, а оттуда переехал в Варшаву. В Польше пережил все события Второй мировой войны и вместе с университетом был эвакуирован. О нем см. воспоминания брата: В.Гессен. *В БОРЬБЕ ЗА ЖИЗНЬ. Записки эмигранта*. Нью-Йорк, 1974. См. также статью В.Зеньковского в «Возрождении» (1951, №13, с.195-197). Автор многочисленных статей о Достоевском и Толстом; сотрудник журн. «Современные записки».

⁹⁷ Муратов Павел Павлович (1881-1950) — историк искусства и критик. Автор известной книги *ОБРАЗЫ ИТАЛИИ*. Близкий друг Зайцевых. См. о нем: Б.Зайцев. *ДАЛЕКОЕ*. Вашингтон, 1965. Арестован в 1921 в Москве вместе с Комитетом помощи голодающим, с 1922 — в эмиграции; жил сначала в Италии (см. воспоминания E.Lo Gatto. *I MIEI INCONTRI CON LA RUSSIA*. Milano, 1976, pp.56-59), затем в Париже и Ирландии, где и умер.

⁹⁸ Вероятно, речь идет о художнике и поэте Льве Заке (1892-1980) и о философе Семене Франке (1877-1950), писавшем под псевдонимом. Биографические данные о деятельности Льва Зака см. в кн.: Claude Perrin. *PENSER L'ART DE LEON ZACK*. Lausanne, 1984, L'Age d'homme. Семен Людвигович Франк был выслан из Советской России в 1922 г. с группой Бердяева, прожил несколько лет в Берлине и переселился в Париж, где выступал в «Русской мысли» и «Числах» на философско-политические темы. О нем см.: *РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ XX ВЕКА*. Ред. Н.П. Полторацкий. Питсбург, 1975, с.372-382.

⁹⁹ Борис Константинович Зайцев (1881-1972) эмигрировал в Берлин в 1922; вместе с Ремизовым, Муратовым, Осоргиным, Белым и Бердяевым создал «Клуб писателей», где философы и литераторы собирались еженедельно и выступали с докладами (см.: Р.Гуль. *Я УНЕС РОССИЮ...*, т.1, с.148).

¹⁰⁰ Клампе — берлинский пансион на Виктория Луиза Пляц (Victoria Luise Platz), где жили в начале двадцатых годов многие русские писатели: Ходасевич и Берберова, Белый, Никитин (см. Н.Берберова. *КУРСИВ МОЙ*, с.173-175).

¹⁰¹ Гржебин Зиновий Исаевич (1869-1929), художник-график и издатель. До революции сотрудничал в изд. «Шиповник»; после Октября владелец одноименного издательства. Близкий друг Горького, с которым свя-

зал свое издательское предприятие (см.: Л.М. Хлебников. *ИЗ ИСТОРИИ ГОРЬКОВСКИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ: «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА» И «ИЗДАТЕЛЬСТВО З.И. ГРЖЕБИНА»*. — «Литературное наследство», т.80, 1971, с.668-703). В 1919 в Петрограде Гржебин выпустил книгу А.В. Луначарского *ВЕЛИКИЙ ПЕРЕВОРОТ*, оставшуюся единственным изданным в России томом из серии «Летопись революции», задуманной Горьким. (См.: *РУССКИЙ БЕРЛИН*, с.350-358). В Берлине он издавал в большом количестве исторические и литературные книги в надежде распространять их в Советской России, но отказ в разрешении привел к финансовому краху издательства. Затем Гржебин переехал в Париж, где в 1924 «еще жил надеждами, что его издания будут допущены в Россию, что книги Горького, Зайцева, Ходасевича, Белого и других будут куплены у него на складе, что ему дадут издавать журнал, переиздавать классиков» (Н.Берберова. *КУРСИВ МОЙ*, с.248).

¹⁰² Метакса — берлинское агенство по найму квартир.

¹⁰³ «Эпоха» — издательство С.Г. Каплуна-Сумского в 1922-25, издававшее «Беседу» Горького и Собрание сочинений А.А.Блока.

¹⁰⁴ Шкапская Мария Михайловна (1891-1952) — поэтесса, высоко ценившаяся М.Горьким и П.Флоренским. О трудностях ее советской жизни и творческой деятельности см.: Б.Филиппов. *О ЗАМОЛЧАННОЙ. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПОЭЗИИ МАРИИ ШКАПСКОЙ*. — «Вестник РСХД», №100, 1971, с.273-280. См. также статью Б.Филиппова в кн.: *HANDBOOK OF RUSSIAN LITERATURE*. Ed. by Victor Terras, New Haven and London, Yale University Press, 1985, pp.406-407.

¹⁰⁵ О берлинском периоде М.И. Цветаевой см.: Ариадна Ефрон. *СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ*. Париж, «Лев», 1979, с.80-105; Simon Karlin-sky. *MARINA TSVETAEVA. THE WOMAN, HER WORLD AND HER POETRY*. Cambridge University Press, 1985, pp.114-121.

¹⁰⁶ «Логос» — берлинский книжный магазин.

¹⁰⁷ «Беседа» — журнал, выходивший в Берлине в 1923-25 под редакцией М.Горького, А.Белого, В.Ходасевича и Ф.А. Брауна (всего вышло 7 книг). См.: R.Platone. *UN TENTATIVO FALLITO: LA RIVISTA BESEDA*. — «Europa Orientalis» III, 1984, pp.171-202. В третьем выпуске (сент.-окт. 1923) горьковской «Беседы» Ремизов опубликовал одну главу из второго тома *РОССИИ В ПИСЬМЕНАХ* — книги, которая до сих пор полностью не издана.

¹⁰⁸ Этот фрагмент появился в журн. «Воля России», 1926, кн.8/9, в разделе «О разных книгах», как рецензия на немецкое издание Пушкина: А.Puschkin. *ANEKDOTEN UND TISCHGESPRÄCHE*. Herausgegeben, übertragen und mit einem Vorwort versehen von Johannes von Günter. Mit illustrationen von Nicolai Saretskij, München.

¹⁰⁹ Смирнов Александр Александрович — ученый-кельтолог. Профессор Петербургского ун-та; его лекции посещали Н.Гумилев и О.Мандельштам. В воспоминаниях *ВСТРЕЧИ* (с.18-19) В.Пяст упоминает в салоне дома Мурузи у Мережковских молодого Смирнова как поэта, автора нескольких стихотворений в сборнике *ГРИФ*. К малоизвестному эпизоду его молодости относится переписка с художницей Соней Делоне (Sonia Delaunay), опубликованная Ж.Маркаде в журн. «Cahiers du monde russe et soviétique», 1983, №3, pp.289-327.

¹¹⁰ С ноября 1928 до мая 1930 Ремизов жил в Латинском квартале на бульваре Пор-Руаяль, 11, над кинематографом. Этот период его жизни описан в *УЧИТЕЛЕ МУЗЫКИ* (Парижское воскресенье).

¹¹¹ В 1924-39 Ремизовы проводили лето в Бретани на берегу Атлантического океана, который писатель очень любил. В *УЧИТЕЛЕ МУЗЫКИ* некоторые главы посвящены воспоминаниям жизни в Бретани.

¹¹² Бику и Морис — бретонские дети, с которыми Ремизов познакомился во время летних каникул в Бретани.

¹¹³ Впервые опубликовано в еженедельнике «Новая неделя» (Рига, 1926. №14).

¹¹⁴ Статья впервые опубликована в журн. «Воля России», 1926, кн.8-9, с.230-232 под рубрикой «О разных книгах».

¹¹⁵ О начале работы над романом и о жизни Ремизова в ссылке см.: А.М. Ремизов. *НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ. ПЕРЕПИСКА А.РЕМИЗОВА С С.П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО*. — «Europa Orientalis» IV (1985), pp.153-190.

¹¹⁶ О выпусках романа в журнале «Вопросы жизни» и о критических откликах на свое вступление в литературу Ремизов вспоминает в кн. *ВСТРЕЧИ* (с.13-30): «Известность сомнительная. Приговор "декадент" говорилось с раздражением. Необычность формы — не по так принятому — "нарочито" и "претенциозно" — оклеивали мои фразы этими ничего не значащими определениями, сменившими "вялость слога" и "недостаток воображения" 30-х годов прошлого века» (с.13). О романе и идеологической линии «Вопросов жизни» см. также: И.В. Корецкая. *НОВЫЙ ПУТЬ*. «Вопросы жизни». — в кн. *ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА*. М., «Наука», 1982, с.228-233.

¹¹⁷ О друзьях, которые помогали издавать 2-ю редакцию романа, Ремизов пишет в воспоминаниях *ВСТРЕЧИ*: «"Копытчик" С.К. Маковский и с ним "кавалергарды" С.И. Тройницкий, А.А. Трубников, М.П. Бурнашов и пятый Н.Н. Врангель основали издательство "Сириус" и типографию. Первая книга издательства "Сириус" — мой "Пруд"»

(СПб, 1908). Судьба моих благодетелей: Копытчик и бабовидный в ажурных чулках А.А. Трубников — Париж. Тройницкий, бородатый, остался в России, был главным в Эрмитаже, его отставили. Жив ли, не знаю. Врангель был ближайшим к "Старым годам", помер в Петербурге. М.Н. Бурнашов, после Правоведения учился в Археологическом институте, учился с Серафимой Павловной, не мог кончить, опаздывал на экзамен — это родовое Бурнашовых, его отец трижды опаздывал в церковь на свою свадьбу; Бурнашов эмигрировал, жил в Риге, сделался священником и помер до войны. Он был кроткий и тихий» (с.74).

¹¹⁸ Об «историческом вечере», когда Ремизов читал перед всем сидрионом «Аполлона» свой *НЕУЕМНЫЙ БУБЕН*, см. *ВСТРЕЧИ*, с.31-33. «С.К. Маковский, возвращая рукопись, мне объяснил на петербургском обезьяньем диалекте: по размерам не подходит, у них нету места, печатается большая повесть Ауслендера» (с.33).

¹¹⁹ Через Белого Ремизов задумал предложить Метнеру в «Мусагет» книгу рассказов. «На большом листе аршинными косыми буквами неистовый ответ Андрея Белого: Метнер отказал. Тут вот Котылев и вынудил Стракуна подписать контракт на издание моей книги — Рассказы, Прогресс 1910» (*ВСТРЕЧИ*, с.31).

¹²⁰ Об отношениях писателя с Ивановым-Разумником см. *ВСТРЕЧИ*, с.33-36. О романе *ПРУД* и Ремизове, по словам критика стоявшем «между святой Русью и обезьянами», Иванов-Разумник написал большую и интересную статью, вошедшую в кн. *ТВОРЧЕСТВО И КРИТИКА. СТАТЬИ 1908-1922*. Пб, «Колос», 1922, с.57-82.

¹²¹ В 1911 Ремизов был в Париже с Г.Чулковым и целое лето работал над романом для издательства «Шиповник». К этой поездке относятся парижские воспоминания в книге *УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ* (с.25-31).

¹²² Щеголев Павел Елисеевич (1877-1931) — историк, литературовед. Пушкинист. За участие в революционном движении в 1899 выслан в Вологодскую губ., где познакомился с Ремизовым. Их дружба продолжалась и после ссылки; личности друга-академика Ремизов посвятил ряд воспоминаний в кн. *ИВЕРЕНЬ, ВЗВИХРЕННАЯ РУСЬ, МЫШКИ-НА ДУДОЧКА*.

¹²³ Савинков Борис Викторович (1879-1925), «роковой революционер», один из руководителей партии с.-р.. В 1902 выслан в Вологду. Тогда «он печатал корреспонденции из России в заграничной Искре — марксистского толка, и рецензии в Русском Богатстве» (*ИВЕРЕНЬ*, Berkeley, 1986, с.199). Ремизов посвятил ему целую главу — «Савинков. Le tueur de lions» — в *ИВЕРЕНЕ* (с.264-272) и своеобразный «романтический» портрет С. дан в «Книгах записей С.П. Ремизовой-Довгелло» (кн.1, Парижский архив Н.В. Резниковой).

¹²⁴ Каляев Иван Платонович (1877-1905), активный член БО ПСР. Познакомившись с Ремизовым в ссылке, он помог писателю издать некоторые его произведения в «Северном Крае» (см. *ИВЕРЕНЬ*, с.199).

¹²⁵ В ссылке Ремизов выдумал тайное общество — Клуб свободных алкоголиков — в которое зачислил своих вологодских друзей.

¹²⁶ См. *НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ. КНИГИ ЗАПИСЕЙ С.П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО* (кн.Х, с.102-103): «В "Пруды" я всю правду написал, только сумел ли? и все это я так кровно вчера почувствовал, когда подходил к Найденовскому дому к Mutter'у, когда заглянул в сад. Но говоря так, в черной волне, я забыл все тепло — дыхание "родного", я забыл блавест, распевы, Пасху — колыбельную Москву неповторимую...»

¹²⁷ О «страшном мире» *ПРУДА* и первых ремизовских произведений см.: В.А. Келдыш. *РУССКИЙ РЕАЛИЗМ НАЧАЛА XX ВЕКА*, М., «Наука», 1975, с.268-277.

¹²⁸ Впервые опубликовано в журн. «Воля России», 1926, кн.8-9, с.232-233, как рецензия на книгу *ORIENTALISCHES TRAUMBUCH VON MARIETTE LYDIS*. Müller Verlag, Potsdam.

¹²⁹ Ремизов не раз подчеркивал значение сна для обогащения человеческой жизни (см. *МАРТЫН ЗАДЕКА. СОННИК*. Париж, «Оплешник», 1954, с.7-16, 93-98) и писательской техники (см. *ИВЕРЕНЬ*, с.22-24): «...если бы писатели одаренные, с глазом, с ухом, с сердцем, "недо-троги", на которых все действует, попробовали развить в себе эту коренную память на "ночное", бобровую перекопь, литература приняла бы, я уверен, совсем другую форму: она была бы ближе к Прусту и много была бы в ней и чудного, и чудного с теми приятными и неприятными неожиданностями, какие бывают только во сне» (*ИВЕРЕНЬ*, с.23).

¹³⁰ Гауф Вильгельм (Hauff W., 1802-1827), немецкий писатель, представитель позднего романтизма. Лучшая часть наследия Гауфа — его сказки, в которых вместе с мотивами восточных сказок широко использованы сюжеты и образы немецкого фольклора.

¹³¹ Снам в литературном произведении Ремизов посвятил проникновенные страницы в книгах *ИВЕРЕНЬ* и *ОГОНЬ ВЕЩЕЙ. СНЫ И ПРЕДСОНЬЕ* (Париж, «Оплешник», 1954), где собрал свои размышления о снах в творчестве Гоголя, Пушкина, Тургенева и Достоевского.

¹³² О снах в произведениях Толстого см. статью *ЧУДЕСНАЯ РОССИЯ* в кн. *ВСТРЕЧИ*, с.229-231.

¹³⁴ Ремизовы познакомились с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус в 1905 после возвращения из ссылки во время работы писателя в редакции «Вопросов жизни». Ремизов не раз писал о своей отчужденности от литературной среды Петербурга и особенно от Мережковских: «и к "революционерам" не подхожу, и к "полиции" не подхожу, и к "Весам" ("декаденты") не подхожу, и к "Правде" ("большевики") не подхожу. Еще остается Петербург, наперед скажу, и у Мережковских я не свой, да и они не по мне, вместе с Чулковым и с их фальшивой "религией"» (*НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ...*, с.57). О литературных встречах Ремизова в 1910-е годы в Петербурге см. содержательную статью Н.Lampl. *REMIZOV'S PETERSBURGER JAHRE. Materialien zur Biographie.* — «Wiener Slavistischer Almanach», 1982, Bd.10, pp.271-325. В парижской эмиграции отношения Ремизовых и Мережковских еще более ухудшились и в ремизовских записях того периода встречаются только язвительные замечания о них.

¹³⁵ Алданов (Ландау) Марк Александрович (1889-1957) — писатель, автор исторических романов. Про Алданова в дневнике Ремизова запись от 28.02.1957: «Смотрю на книги — труд его жизни. В русской литературе имя Алданова займет почетное место. Исторический роман: Загоскин, Лажечников, Полевой, Мордовцев, Данилевский, Салиас, Соловьев, Алданов. Книги Алданова будут читать. Не даром прошла жизнь» (Н.Кодрянская. *АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ*, с.316).

¹³⁶ Познер Владимир Соломонович (1880-1946) — поэт и критик, «брат младший» Серапионовой группы. В парижской эмиграции стал французским журналистом. Автор книги *PANORAMA DE LA LITTERATURE RUSSE CONTEMPORAINE.* Paris, 1929, Edition Kra, и сборника воспоминаний о советских и французских деятелях культуры: *VLADIMIR POZNER SE SOUVIENT DE...* Paris, 1972, Juillard.

¹³⁷ Впервые опубликовано анонимно в парижском сатирическом журн. «Ухват», №1, 31.03.1926.

¹³⁸ Вячеслав Иванович Иванов (1866-1949) — философ, поэт, ученый, высоко ценимый Ремизовым: «Ученик Моммзена ("Римские древности"), сам, как Моммзен, человек "универсальный" (таким был у нас князь В.Б. Одоевский, отчасти Сенковский)» (*НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ...*, с.149). Они познакомились в 1904 и стали регулярно встречаться с 1905 г., когда Ремизов работал в «Вопросах жизни»: «Очень понравилась В.Иванову моя мысль: Театр — обедня. Человеческие души разные и разными проходят жизнь. Какое же может быть общее "служение"? Надо победить свою отдельность и не замечать, но и другие должны забыть тебя и соединиться с тобой в игре "не в твое и не в мое"» (*НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ...*, с.104).

¹³⁹ Впервые напечатано в журн. «Числа», 1931, кн.5, как ответ на анкету «Для кого писать». Вместе с ответом Ремизова было опубликовано противоположное мнение Осоргина: «простота письма есть единственный обязательный закон искусства» (с.283).

¹⁴⁰ Пугавкин — «философ, уже затмивший Канта», упомянутый в *УЧИТЕЛЕ МУЗЫКИ* (с.152-160).

¹⁴¹ Макеев Николай Васильевич (1889 - ?), критик. Автор кн. *RUSSIA*. New York, Scribner, 1925.

¹⁴² В том же вып. «Чисел» (1931, кн.5), отвечая на анкету редакции «Что вы думаете о своем творчестве», Ремизов перечислил свои последние произведения: «Чего я буду говорить о моем творчестве, когда читатели "Чисел" ничего не слышали о моих книгах. И если бы я затеял рассуждать о моем письме, эти рассуждения были бы так же неожиданны и странны, как мое описание нового типа самоуправляемых, без шофера, автомобилей с автоматической (с помощью магнита) остановкой на пассаж-клюдэ. Я думаю, я буду вполне прав, перечислив мои последние издания, и это будет моим ответом: "Взвихренная Русь" (1927), "Оля" (1927), "Звезда надзвездная" (1928), "Три серпа" (1929), "По карнизам" (1929), "Посолонь" (1930) и появившиеся в "Воле России" — "Русская повесть XVII века о бесноватой Соломонии" (1929) и "Тридцать снов Тургенева" (1930).

Читатель, прочитав такой ответ, подумает: большое значение придает себе человек, если так ценит каждую свою печатную строчку, помнит все годы, как войны, революции и бывших королей» (с.287-288).

¹⁴³ Демидов Игорь Платонович, редактор «Последних новостей».

¹⁴⁴ Впервые статья опубликована в «Последних Новостях», 21.02.1932, под заглавием «Чупыжник».

¹⁴⁵ Челпанов Георгий Иванович (1862-1936), психолог и логик. Основатель и директор Московского психологического ин-та (1912-1923).

¹⁴⁶ О появлении в печати своих первых произведений и о негативном отношении критиков и «опытных писателей» Ремизов пишет в *ИВЕРЕНЕ* (гл. «Мое вступление в литературу» и «Москва», с.191-236) и во *ВСТРЕЧАХ* (гл. «На большую дорогу» и «Моя литературная карьера», с.13-84).

¹⁴⁷ В 1903 Ремизов жил в Херсоне, где женился на С.П. Довгелло. Там он в качестве «заведующего репертуаром» сотрудничал с В.Э. Мейерхольдом в Товариществе новой драмы (см. *НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ...*, — «Europa Orientalis» IV, 1985, с.171-190).

¹⁴⁸ Впервые опубликовано в журн. «Звено», 29.12.1924. Здесь печатается без фрагмента «Страшно», который следовал за «Лысыми поверхностями» и вошел в кн. *УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ*, с.13-15).

¹⁴⁹ Впервые напечатано в «Последних новостях», 2.03.1939. О личности протопопа Аввакума и значении его стилистической манеры идет речь во многих автобиографических фрагментах произведений Ремизова, в особенности в книге *ПОДСТРИЖЕННЫМИ ГЛАЗАМИ*.

¹⁵⁰ В своем анализе развития русской литературной речи Ремизов не раз сосредоточивал внимание на стилистических особенностях писателя и фольклориста Владимира Ивановича Даля (Луганского, 1801-1872): «Оживление литературной речи "вяканьем" начинает Даль в своих пересказах народных сказок, его внимание не на сюжет, а на склад речи» (Н.Кодрянская. *АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ*, с.145).

¹⁵¹ В пути Ремизова «по словесной русской земле» часто встречаются имена Пахомия Логофета и Епифания Премудрого: «Епифаний Премудрый, монах Троице-Сергиевой Лавры (14-15 вв.), заморозил словоплетением русскую книгу 16-ого века, Епифаний Премудрый из слов плел венки: слово ему цветы. В его глазах пестрое поле, он брал цветы по цвету, на ленту выговаривая: глаза его голосов были цветные. Или по-ученому: "плетение словес" Епифания — близкий аналог "плетеного орнамента". Слово как таковое часто теряет здесь свои выразительно-смысловые функции; элементы речи объединяются не столько логической связью, сколько на основе своей фонетической стороны, путем рифмы, ассонанса, путем гибкого видоизменения и сочетания слов одного корня. Потом пришел ученый афонский мужик Пахомий Логофет и сапожищами ну топтать цветы» (*ВСТРЕЧИ*, с.247-248).

¹⁵² Лазарь Баранович (1620-1693), церковный политический и литературный деятель Украины XVII в. Приняв монашество, был преподавателем, а затем (1650) ректором Киевской коллегии (Киево-Могилянская Академия). С 1657 черниговский архиепископ. Выступил в печати с двумя сборниками проповедей — *МЕЧ ДУХОВНЫЙ* (1666) и *ТРУБЫ СЛОВЕС ПРОПОВЕДНЫХ* (1674), полемическими трактатами в защиту православных против католиков и римского папы и стихотворениями на польском языке (*ЛЮТНИ АПОЛЛОНА*, 1671).

¹⁵³ THE LIFE OF THE ARCHPRIEST AVVAKUM, BY HIMSELF. Translated from the Seventeenth Century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees, with a Preface by Prince D.S. Mirskij. London 1924. О переводе мисс Харрисон и ее отношении к России см.: В.Диксон. *О ЛЮБВИ К РОССИИ*. — «Воля России», 1926, №10, с.181-183.

¹⁵⁴ Серафима Павловна Ремизова-Довгелло (1876-1943), жена писателя. Действительный член СПб Археологического Ин-та, ученица Ильи Александровича Шляпкина, специалистка по палеографии. В Париже преподавала в Институте восточных языков.

¹⁵⁵ Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (1890-1939), литературный критик. Сын министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского, позволившего Ремизову после ссылки вернуться в Петербург раньше времени.

Офицер Белой армии, после 1920 присоединился к семье в Афинах. В 1921 переселился в Англию, где читал лекции о русской литературе в King's College и в лондонском университете. Автор многочисленных исследований и авторитетной *ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ* (1926). Сотрудник наиболее знаменитых европейских научных славяноведческих изданий, основатель журн. «Числа» и еженедельника «Евразия». В 1922 примыкает к евразийству, в 1931-32 вступает в коммунистическую партию Англии и в 1932 с помощью Горького возвращается в Советский Союз, где в 1937 был арестован и отправлен на Колыму. О его жизни и деятельности см.: D.S. Mirsky. *PROFIL CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIQUE*, par Nina Lavroukine et Leonid Tchertkov, Paris 1980, Institut d'Etudes Slaves.

¹⁵⁶ На рю Дарю в Париже находится храм Александра Невского.

¹⁵⁷ Паскаль Петр Карлович (Pierre Pascal, 1890-1982), профессор славянских языков в Сорбонне, близкий друг Ремизовых. «Петр Карлович Паскаль, профессор Сорбонны, ученый, исследователь русского блистательного XVII века; с Паскалем много о чем вспоминаешь, и к мосму "русскому" он со вниманием: я и вправду, может, последний из "огненной России"». Так слывет допетровская Русь с речью природных русских ладов» (*ИВЕРЕНЬ*, с.239). В воспоминаниях Е.Лундберга дан портрет молодого Петра Карловича во время его пребывания в Советском Союзе в послереволюционные годы: «Паскаль, француз, приват-доцент Лионского университета... Говорит по-русски, превосходно знает русскую литературу, наивно-печален, как это бывает у хороших французов. Был членом французской военной миссии. Теперь большевик, хотя и правоверный католик. У Паскаля страсть к централизации, создаваемой на почве духовных отличий. Во главе — орден, каста, церковь. Паскаль находит эти черты в новой российской государственности. "Католическое начало" в советской власти» (*ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ*, с.184-185).

¹⁵⁸ Знаменитые профессора славянского отделения в Сорбонне, историки, филологи, литературоведы: Raoul Labry (*L'INDUSTRIE RUSSE ET LA REVOLUTION*, Paris 1919, Payot; *AUTOUR DE MOUJIK*, Paris 1923, Payot; *ALEXANDR IVANOVIC HERZEN*, Paris 1928, Bossard; *HERZEN ET PROUDHON*, Paris 1928, Bossard), Jules Legras (*AU PAYS RUSSE*, Paris 1910, Armand Colin; *EN SIBERIE*, Paris 1913, Armand Colin; *LA LITTERATURE EN RUSSIE*, Paris 1929, Armand Colin; *L'ÂME RUSSE*, Paris 1934 Flammarion), Andre Mazon (*UN MAITRE DU ROMAN RUSSE: IVAN GONTCHAROV*, Paris 1913, Henry Champion; *CONTES SLAVES DE LA MACEDONIE SUD-OCCIDENTALE*, Paris 1923, Henry Champion; *GRAMMAIRE DE LA LANGUE TCHEQUE*, Paris 1931, Henry Champion; *DOCUMENTS, CONTES ET CHANSONS SLAVES DE L'ALBANIE DU SUD*, Paris 1936, Droz), Jacques Ancel (*LES BALKANS FACE A L'ITALIE*, Paris 1928, Libr. Delagrave; *LA MACEDONIE, SON EVOLUTION CONTEMPORAINE*, Paris 1930, Libr. Delagrave; *GEOGRAPHIE DES FRONTIERES*, Paris 1938, Gallimard), André Vaillant (*GRAMMAIRE COMPAREE DES LANGUES SLAVES*, vv.1-5, Paris 1950-1977, Klincksieck).

ИЗ ПЕРЕПИСКИ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА

(1925 — 1938)

Публикация Джона Мальмстада

Со времени смерти Владислава Ходасевича в Париже 14 июня 1939 г. представление о нем как об озлобленном и желчном человеке росло медленно, но неуклонно, как растет коралловый риф. Несомненно, есть доля правды в таком восприятии, но оно представляется односторонним, как показывает внимательное изучение творчества Ходасевича. Отрицать его глубоко ироническую манеру, с ее интенсивно-печальной и остро-проникающей нотой было бы бессмысленно (не стоит, однако, и преувеличивать ее, как это делается слишком часто), но не менее нелепо было бы игнорировать его остроумие, сочувствие и особый род здравого благоразумия, при которых простое противопоставление «оптимизм» — «пессимизм» становится невозможным и поверхностным. (Подобные слова вообще неприемлемы при всякой серьезной оценке искусства большого художника.) Мемуаристы (иногда хочется поставить это слово в кавычки) «вспоминают» о Ходасевиче как о бичующем в своих критических статьях и рецензиях все показное, поддельное и второразрядное. Молчать Ходасевичу было невозможно, особенно в период кризиса культуры, ощущение которого ни на мгновение его не оставляло. Правдивость, может быть самое характерное его качество как человека и критика, заставляла его писать прямо, не косвенно, говорить всю правду, как он ее понимал, не игривые комплименты, как делал это Адамович во имя литературной тактики текущего момента. («Георгий Викторович Адамович давал о них лестные отзывы, и потом с виноватой улыбкой оправдывался: — Литература проходит, а отношения остаются... Надо быть снисходительным». — Д.Аминадо. Поезд на третьем пути. 1954, с.307-308.) Но пристальное чтение критических работ Ходасевича обнаруживает, что он чаще писал о том, что ему нравилось, а не о том, что он презирал (единственное исключение составляют его оценки всего, что писалось

о Пушкине). Прославленные отрицательные высказывания в его критике являются незначительными вкраплениями в общий контекст одобрения, особенно когда это касалось молодых писателей. И как критик он пишет не только остроумно, но и действительно очень смешно (вспоминаются слова Набокова «голос муз, высокое веселье» — «На смерть Ю.И. Айхенвальда», 1929). Сам Ходасевич прекрасно понимал значение юмора во всяком творчестве, и в поэзии, и в критике, что показывает следующий отрывок из его поздней статьи «Канареечное счастье», опубликованной в газ. «Возрождение» от 11 марта 1938 (№ 4122):

Не так давно в каком-то из наших журналов довелось мне прочесть фразу о том, что в эмиграции может смеяться только идиот или сумасшедший. /.../ признаюсь, фраза мне показалась столь же претенциозной, сколько неверной. Эмиграция не изьяла нас из законов человеческого бытия. Мы эмигрировали, а не умерли. /.../ Человек, не умеющий смеяться, — такой же величественный урод, как человек, не умеющий плакать. /.../ Как ни примечателен писатель, как ни значительны его книги, на какие высоты не взбирайся он в своих писаниях, — если ни разу в жизни он не пошутил, не написал ничего смешного или веселого, не блеснул эпиграммой или пародией, — каюсь, такого писателя в глубине души я всегда подозреваю в затаенной бездарности, на меня от такого пророка или мудреца разит величавой тупостью.

Его эпиграммы, собранные в первом томе Собрания сочинений («Ардис», 1983), бывают иногда едкими, но «веселость» Ходасевича легко обнаруживается в блестящем «Приношении Р. и М. Горлиным» (там же) или в пока еще не изданной пародии на «Вторую симфонию» Андрея Белого.

Но все-таки ничто так не поможет раз и навсегда похоронить упорное представление о злой и лишенной юмора натуре Ходасевича и создать более сложный, богатый нюансами портрет писателя, как его собственные письма. Писем к Ходасевичу было опубликовано довольно много. Но его письма только теперь начинают становиться доступными читателю. И они служат безусловным доказательством наличия у Ходасевича ума, остроумия, искренности, честности, своеобразного «игривого яда» (как выразился Набоков) — качеств, вообще отличающих его прозу.

Пять писем, впервые публикуемые здесь, относятся к различным периодам жизни Ходасевича в эмиграции. Они так же не похожи одно на другое, как и сами их адресаты. Разнообразие этих «первых блюд» уже теперь намекает на богатство предстоящего «пира», который ожидает нас после того, как будут опубликованы готовящиеся теперь к печати письма Ходасевича к Нине Берберовой, Анне Чулковой, Владимиру Вейdle и Александру Бахраху.

Ходасевич встретил Вячеслава Иванова (1866 - 1949) в Москве, где они часто виделись до и после революций 1917 г. у общего друга Михаила Гершензона (1869 - 1925). Летом 1920 года он жил в той же «Здравнице для переутомленных работников умственного труда», где жили Гершензон и Иванов и где создавалась знаменитая их «Переписка из двух углов» (см. воспоминание Ходасевича «Здравница» в газете «Возрождение», 14 марта 1929, № 1381). Ходасевич и Иванов никогда не были близкими друзьями, но их теплые дружеские отношения основывались на взаимном уважении, на любви к стихам друг друга и на том, что каждый из них ценил в другом его интеллигентность. В 1936 г., в рецензии на «Современные Записки» (кн. LXII) Ходасевич назвал печатание там «Римских сонетов» «литературным событием» (это была первая со времени отъезда из России в 1924 г. публикация Иванова в эмигрантской прессе) и продолжал: «Никто более Боратынского не вложил чувства в свои мысли». Эти пушкинские слова, может быть, применимы к Вячеславу Иванову еще вернее, чем к самому Боратынскому. Вячеслава Иванова, как поэта, нельзя ни понять, ни оценить, не почувствовав органической слитности мысли и чувства в его творчестве. Самая эрудиция этого человека, совершенно поразительного объемом и глубиной познаний, служит для него источником не только умозрений, но и живых, реальных переживаний. /.../ нельзя да и нет никакой надобности отрицать, что поэзия Вячеслава Иванова имеет интеллектуальную, умственную природу. Но у него из мысли рождается чувство, не менее, а порою и более живое (и живительное), чем у иного вполне "чувствительного" поэта. Следственно, поэзия Вячеслава Иванова не умственна, а умна...» («Возрождение», 25 декабря 1936, № 4058).

Естественно, Ходасевич надеялся увидеться с Ивановым, будучи проездом в Риме в 1924 г. Он видел в Иванове возможного ценного сотрудника для журнала «Беседа». Судя по четырем письмам Иванова к Ходасевичу, опубликованным Н.Н. Берберовой в «Новом Журнале» (1960, № 62), Ходасевич дважды писал Иванову в 1924 г. и оставил ему записку в Риме в октябре 1924 г. Эти письма, видимо, утерялись, как и письма, отмеченные Ходасевичем в своем «камерфурьерском журнале» (записи встреч, которые он вел со времени своего приезда в Берлин 30 июня 1922 г.; оригинал хранится в Бахметевском архиве Колумбийского университета): см. записи от 26 февраля («о Гершензоне») и от 29 апреля 1925 г., уже из Парижа. (19 и 20 апреля 1925 г. Ходасевич виделся с Ивановым в Риме, у Павла Муратова.) В римском архиве Иванова сохранилось только одно письмо Ходасевича. Это письмо можно было увидеть летом 1983 г. в Риме, на выставке, устроенной в Национальной библиотеке в связи со вторым международным симпозиумом, посвященным Вячеславу Иванову, а потом оно было подарено мне дочерью и сыном писателя.

Самое сердечное спасибо Вам, дорогой Вячеслав Иванович, за доброе слово о «Тяжелой Лире»¹. Я бы, кстати сказать, давно прислал ее Вам, будь у меня хоть один экземпляр.

Сейчас я сколько ни пробую писать — ничего не выходит. Отчетливо чувствую, что прежняя моя форма должна быть как-то изменена, где-то надломлена. Однако, ни вычислить угол и точку надлома, ни натолкнуться на них в процессе работы — мне все не удается. Не скрываю от себя и того, что сей «кризис формы» корнями уходит, конечно, глубже, что должно мне сейчас разрешить для себя ряд других проблем, которые, вероятно, автоматически приведут к разрешению формальной². Но — это дело трудное и затяжное.

В «молитвах издателю» я Вас поминаю усердно. Но: 375 лир за 123 стиха — это выходит по 3 лиры, т.е. больше, чем по 2 франка за стих. А другие эмигрантские журналы («Соврем[енные] Зап[иски]», например) платят по франку, 1 1/2 — максимум. Конечно, это гонорар нищенский, но он — следствие безвыходного положения эмигрантской печати вообще. В частности, что касается «Беседы», дело обстоит так: для утешения Алексея Максимовича советские жулики формально разрешили ввоз журнала в Россию, но *фактически* приказали своему органу, имеющему *монопольное* право закупки книг за-границей («Книга») — покупать «Беседу» в количестве... 10 экземпляров! Десяти, я не пропустил ни одного нуля! Вот Алексей Максимович и утешается, ибо не то не умеет, не то не хочет понять всю эту махинацию, сколько ему ни растолковывают. В результате — все вскоре выяснится: либо «Беседа» проникнет в Россию в нормальном количестве, либо вовсе прекратит свое существование³. В первом случае гонорар, конечно, возрастет. Сейчас дела журнала так плохи, что я лично не получил ни копейки с октября 1923 года. Сам же издатель, Каплун, человек безупречной честности, даже больше: в «Беседу» он ухлопал все небольшие деньги, которые у него были, и сейчас сам живет буквально впроголодь⁴.

Будьте здоровы. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Владислав Ходасевич.

¹ 12 января 1925 г. Иванов писал Ходасевичу: «От Муратовых добыл я книгу Вашу: читаю и перечитываю "Тяжелую Лиру" с восхищением конечно, боль, горечь и скорбь исполняют своё высшее эстетиче-

ческое (— и не только эстетическое!) назначение, когда из их горнила вырывается гимн, — когда

На гладкие чёрные скалы
Стопы опирает Орфей.

Этот высокий акт преодоления озаряет Вашу лирику необыкновенным, несколько жутким, ибо нездешним отблеском, падающим из мира "страшных братьев"; и проносится по ней мгновеньями ветер "почти свободы". У Бодлера вырываются порой большие и вместе торжествующие крики этого великолепного дуализма. Из дуализма лирического пафоса вытекает с художественною закономерностью и дуализм формы. Это соединение жестокого веризма и гимнической монументальности. Синтез de l'Ange et de la charogne, как изображение человека — вот Ваше паскалевское задание, выполненное с редко изменяющим Вам мастерством. И как благодарен Вам читатель за то, что эта беспомощная в земной юдоли, хрупкая Психея (вспоминаются свои строки:

Меж пальцев алавастровых лампада
Психеи зябкой теплится едва, —
Алмазная играет синева), —

что эта милая Психея является и бестрепетной и победоносной, несмотря на все пробелы в душе и мире "как бы от пролитых кислот"... Одним словом, обнимаю Вас за "Тяжелую Лиру" горячо» («Новый Журнал», 1960, кн. 62, с.286-287).

² Во время своего «соррентского периода», когда Ходасевич жил в гостях у Горького на вилле Il Sorito под Сорренто с 9 октября 1924 г. по 18 апреля 1925 г., он написал всего три стихотворения, озаглавленных при появлении в газ. «Последние Новости» 23 августа 1925 (№ 1635) «Соррентинские заметки». Примечательно, что Ходасевич не включил эти сравнительно слабые стихи в свое «Собрание стихов» (1927). Первое из них (второе в цикле), «Там, над отвесною громадой», было написано 18 октября, а второе (первое в цикле), «Смотря на эти скалы, гроты», спустя четыре месяца. Ответ Иванова на письмо Ходасевича от 30 ноября (об этом затерянном письме упоминается в «камерфурьерском журнале»; в дневнике Иванова, в записи от 1 декабря, приводится цитата из этого письма: см. третий том его Собрания сочинений, с.851) проливает свет на настроение Ходасевича в этот период: «Как ни мрачен общий фон и Вашего и моего душевного настроения, по одинаковым причинам, в письме Вашем правильно отмеченным ("Россия раскололась пополам, и обе половины гниют, каждая по своему")...» (письмо Иванова от 29 декабря 1924 г., «Новый Журнал», 1960, кн. 62, с.285).

³ Проездом из Парижа в Сорренто Ходасевич останавливался на два дня в Риме. 8 октября 1924 г. он заходил к Иванову, но не застал его дома. На этот раз писатели разминулись. Ходасевич оставил записку, в которой он пригласил Иванова сотрудничать в журнале «Беседа»,

совместно редактируемом им и Горьким (см. ответ Иванова на записку: «А я хотел поговорить с Вами подробно о сотрудничестве в "Беседе". Напишите мне об этом обстоятельно.»).

В конце ноября Иванов послал пять недавно написанных «Римских сонетов» в Сорренто. 1 декабря он записал в Дневнике: «Письмо от Максима Горького: "Прекрасные стихи Ваши получил, примите сердечнейшую благодарность, мастер". /.../ Вечером — другое письмо из Сорренто — от Ходасевича, хвалит также "высокое и скромное мастерство" сонетов» (Собрание сочинений, т.3, с.851). Вдогонку Иванов послал еще четыре сонета. 12 декабря Горький отправил ему следующее письмо (оригинал находится в римском архиве поэта и публикуется впервые; письмо упоминается на с.387 третьего выпуска «Летописи жизни и творчества А.М. Горького», 1959):

Дорогой Вячеслав Иванович, —

сонеты отправил в редакцию, написал, чтоб Вам немедля прислали корректуру, и повторил просьбу о переводе гонорара телеграфом. Удивлен тем, что это ещё не сделано.

Видеть Вас здесь мы все были-бы искренно рады. У нас — тихо, мы живем вдали от города и Вы могли-бы здесь хорошо отдохнуть.

Очень прошу Вас прислать статью об «Идиоте». Было-бы хорошо поместить её в 7-й книге, если статья не очень велика. А для 8-й статью о Пушкине, — если Вы не против?

Сердечно желаю Вам всего доброго.

А.Пешков

12. XII. 24

Villa Il Sorito

Capo di Sorrento

В конце 1924 г. Иванов, так ничего и не получив, писал Ходасевичу 29 декабря: «издатель Ваш не то, чтобы стихи мои издать, даже обещанного гонорара выслать не хочет, ниже книжек "Беседы" /.../ Пишу для "Беседы" об "Идиоте". Не присоветуете ли чего-нибудь относительно изданий? Привет!» В письме от 12 января 1925 г. Иванов благодарит Ходасевича за его «милое письмо, содержащее и деловой вопрос» (еще одно потерянное письмо), но просит его: «помяните меня в молитвах к издателю». Он жалуется на нищенский гонорар: «На последний отвечаю так: книжек "Беседы" всё не получил, деньги же высланы через банк, в размере 375 лир (или 68 нем. марок) за 9 сонетов, т.е. 126 стихов по расчёту, следовательно 25-28 копеек за стих. Но ведь это ни на что не похоже! Принужденный дорожить здесь и теперь каждым грошем, я был приведён этим обстоятельством полностью в уныние. А ещё Алексей Максимович писал мне о повышении гонорарного тарифа в виду допущения "Беседы" в Россию!» («Новый Журнал», кн. 62, с.287).

В ответном письме, опубликованном здесь, Ходасевич не только изображает «финансовую реальность» эмигрантской прессы, но и открывает

Иванову глаза на кризисное положение дел в «Беседе», приведшее вскоре (май 1925) к ее закрытию, после выхода номера 6/7 (стихи Иванова там так и не были опубликованы). Ходасевич подробно рассказал о сложной истории возникновения и о блужданиях журнала, а также об обмане (и самообмане) Горького, во второй части своих воспоминаний о Горьком: см. «Горький», изд. посмертно в последнем номере «Современных Записок» (1940, LXX), в частности с.142-143, 146-147, 152-153 («Стало ясно, что Сумский прав: Горького просто водили за нос»).

Когда «Римские сонеты» Иванова наконец появились в печати в 1936 г. в «Современных Записках» (кн. LXII), Ходасевич, рецензируя номер журнала, писал: «В напечатанной тут же статье Ф.А. Степуна, весьма содержательной и представляющей собою опыт общей характеристики Вячеслава Иванова /.../ сказано, между прочим, что "Римские сонеты" "возникли из искуса длительного молчания". Это не совсем так. Длительное молчание предшествовало лишь их появлению в печати. /.../ Написанные тотчас по приезде поэта в Италию, в 1924 г., они вскоре после того должны были появиться в журнале "Беседа". Этого не случилось, потому что журнал внезапно прекратил существование» («Возрождение», 25 декабря 1936, № 4058).

⁴ Соломон Гитманович Каплун-Сумский (умер в конце 1940 г., см. некролог Г.А[ронсона] в «Социалистическом Вестнике», № 3, 10/II 1941) — заведующий издательством «Эпоха» (Берлин, 1922-1925), выпускавшим «Беседу». В упомянутых воспоминаниях о Горьком Ходасевич писал, что «дела "Беседы", издание которой за несколько месяцев до того стало единоличным делом С.Г. Сумского, находились в катастрофическом состоянии», прибавляя: «... советское правительство усердно распускало слухи [в начале 20-х годов. — Публ.], что оно намерено допускать в Россию зарубежные издания, не содержащие агитации против власти и отпечатанные по новой орфографии. Разумеется, эти слухи не вязались с введением внутренней цензуры, но к неувязкам в распоряжениях Москвы привыкли. Впоследствии стало ясно, что тут действовала чистейшая провокация: в Москве хотели заставить зарубежных издателей произвести крупные затраты в расчете на огромный внутрироссийский рынок, а затем границу закрыть и тем самым издателей разорить. Так и вышло: целый ряд берлинских издательств взорвался на этой мине», в том числе и издательство «Эпоха».

ХОДАСЕВИЧ — М.В. ВИШНЯКУ

Марк Веняминович Вишняк (1883 - 1977), с.-р., секретарь Учредительного собрания и один из редакторов «Современных Записок», впервые подробно написал о Ходасевиче в очерке «Владислав Ходасевич (из личных воспоминаний и архива б. редактора)» («Новый Журнал»,

1944, №7). Позднее он его слегка переработал и включил в состав своей книги «"Современные Записки". Воспоминания редактора» (1957), но не переменял оценки Ходасевича: «замечательного поэта, выдающегося пушкиниста, даровитейшего литературного критика, автора "Державина", которого специалисты-литературоведы считают образцом биографического искусства на русском языке». В журнальном варианте Вишняк предложил «вниманию читателей сохранившиеся» тридцать писем к нему Ходасевича. При обработке своего архива (ныне хранящегося в отделе рукописей Lilly Library, при Индианском университете) Вишняк нашел еще одно письмо. В верхнем левом углу он записал: «Затерявшееся письмо В.Ходасевича и, потому, не попавшее в напечатанные в №7 "Нового Журнала" письма Ходасевича к Вишняку. 21.IV.54. М.Вишняк».

25 декабря 927

Милый Марк Веняминович,
прилагаю Вашу статью. На словах при встрече поговорим о ней, писать — долго, сил нет. Я и то «записался».

Кстати — о моих писаниях. Я во вторник получу от Мих[аила] Ос[иповича] Цетлина] кое-какие книги и засяду за Сологуба. Сделаю все, что в силах (и что не в силах), чтобы к 25 кончить¹.

Еще кстати. Умоляю Вас после моей смерти похлопотать, чтобы в Академическом издании моих сочинений не было ныне приписываемой мне заметки Возрождения по поводу истории с Ветлугиным. Ей-Богу, я пишу лучше! Там, помнится, меня поразила какая-то фраза, которая дважды повторяется, — а и вся та заметка строк в 20! Потомки будут думать, что это стилистический прием, что это «фигура повторения» — а это просто какая-то беспомощная фигура топчется на одном месте².

Впрочем, говорят, что и присутствие Ветлугина в «Возрождении» «Посл[едние] Новости» угадали по стилю. Кажется, пойду к Полякову в ученики³. Ведь если он Ветлугина умеет узнать, то уж, конечно, поможет нам, горемычным, найти в Литер[атурной] Газете все псевдонимные заметки Пушкина. А то мы сто лет бьемся, спорим, ошибаемся. А тут прямо не Поляков, а Лакмус.

Кажется, я Вам писал об уничтожении Зайцева в «Посл. Нов.». Затем был уничтожен Муратов — прошу заметить⁴. Теперь, значит, очередь за мной, потом за Берберовой. Это называется: «пиши у нас, а то докажем, что твои писания ничего не стоят». Помните московских извозчиков? На одного садишься, а другой кричит: «Он не доведет! У яво лошадь хромая!» Все повторяется.

Всего хорошего. Жму руку.

В.Ходасевич

¹ 7 декабря 1927 г., через два дня после смерти Федора Сологуба в Ленинграде, Ходасевич поместил в «Возрождении» (№ 918) краткий некролог, посвященный писателю («† Фёдор Сологуб», за подписью «В.Х.»). Вишняк сразу же предложил ему срочно написать статью для «Современных Записок», вроде его очерков о Гершензоне, Есенине и Брюсове, ранее опубликованных в журнале. 8 декабря Ходасевич писал Вишняку: «Я приложу все старания к тому, чтобы написать о Сологубе как можно скорее. Но будет ли это к 5 янв[аря], или февр[аля], или марта — не знаю. Раз редакция не может назначить меня в человеческие условия работы, то она и не может назначать мне никаких сроков». А 16 декабря, в другом письме к нему же: «Вы, к сожалению, не ответили на моё последнее письмо. Жаль, ибо ежели мне писать о Сологубе, то, чтобы успеть, к 25 января, надо сейчас же (благо с понедельника на 2 недели свободен) садиться за чтение (а сперва заняться добыванием книг)» («Новый Журнал», 1944, №7, с.295-296). С получением нужных ему книг от Михаила Осиповича Цетлина (1882 - 1945, постоянный сотрудник журнала, заведывавший отделом стихов в «Современных Записках»), Ходасевич сел за работу и 18 января 1928 г. принес статью в редакцию журнала, таким образом даже раньше того срока, который он сам намечал в письме к Вишняку (см. «Новый Журнал», 1944, №7, с.297-298). Очерк «Сологуб» появился в тридцать четвертом номере «Современных Записок» (1928); в слегка переработанном виде он перепечатан в «Некрополе» (1939).

² В субботу 17 декабря 1927 г. в «Последних Новостях» (№ 2460) было напечатано сообщение «А.Ветлугин... в "Возрождении"»:

Реорганизация редакции газеты «Возрождение», повидимому, закончилась. Из новых лиц, как нам сообщают, в состав редакции и сотрудников входит Н.Н. Львов и уже вошел... г. А.Ветлугин.

Появление на столбцах «национальной» газеты небезызвестного автора «Записок мерзавца», работавшего сначала в «Белом» Бурцевском «Общем Деле», затем в розовом сменовеховском «Накануне» и, наконец, больше двух лет редактировавшего красный большевистский «Русский Голос» в Нью-Йорке, несомненно вызовет не малую сенсацию среди лиц, хорошо знакомых с шумной карьерой талантливого сподвижника Кирдецова. В «национальной» газете г. Ветлугин, конечно, будет выступать под псевдонимом.

На следующий день «Возрождение» (№ 929) на своей первой странице опубликовало опровержение под названием «Кампания лжи "Последних Новостей"» («/.../ нужно быть совсем больным человеком, чтобы напечатать у себя в газете такую бессмыслицу, как сообщение о Ветлугине»). В заметке (без подписи), скорее в 60, чем в 20 строк, дважды повторялась фраза «очернить своего конкурента», «оклеветать конкурента». 20 декабря «Последние Новости» (№ 2463) должны были

напечатать на первой странице («на основании 13 ст. закона 29 июля 1881 г.») письмо в редакцию от редактора «Возрождения», Ю.Ф. Семенова, в котором заявлялся протест по поводу напечатания «заметки фантастического характера о, якобы, состоявшемся вхождении в состав редакции "Возрождения" некоего большевика Ветлугина». Этим кончилась история с А.Ветлугиным (псевд. В.И. Рындзюна). О нем Д.Аминадо писал: «Большевизанство Ветлугина было так же наиграно, как и всё остальное в его путаной биографии. На последний шаг [возвращение в СССР. — Публ.] он не решился. Пить водку с Кусиковым это одно, а регистрироваться на вечное поселение — совсем иное. Расчет был сделан, сальдо в пользу Америки оказалось бесспорным» («Поезд на третьем пути», 1954, с.286).

³ «Душой газеты [”Последние Новости“. — Публ.] и настоящим, неполитическим её редактором был /.../ А[лександр] А[брамович] Поляков [1879 - 1971]. Милюков возглавлял, Поляков правил. Альбатрос парил в поднебесьи, рулевой стоял у руля. Стоял и наводил панику на окрестности» (Д.Аминадо. «Поезд на третьем пути», с.313 и дальше).

⁴ В октябре 1927 г. Б.К. Зайцев (1881 - 1972) перешел, по финансовым соображениям, из «Последних Новостей» в «Возрождение». 6 декабря 1927 г. «Последние Новости» (№ 2440) опубликовали рецензию (за подписью «М.Ю. Б-овъ») на «Странное путешествие» — сборник рассказов (Париж, 1927) Зайцева, где писалось: «Не всё, далеко не всё в этом сборнике достойно было того, чтобы с маловзыскательных столбцов газеты быть перенесенным на страницы книги. За книгу автор больше в ответе. А между тем, из девяти вещей, вошедших в сборник, лишь первые четыре — на обычном уровне зайцевского творчества. Остальные пять взяты скорее просто для заполнения места. /.../ Короче и ярче нельзя охарактеризовать творчество Зайцева. Он именно ходит ”по одним и тем же местам“ /.../ в этом — и объяснение некоторого его однообразия».

Что касается Муратова (1881 - 1950), Ходасевич имеет в виду рецензию Георгия Иванова на «Современные Записки», кн. XXXIII, в «Последних Новостях» от 15 декабря 1927 г. (№ 2458): «не желая ”считаться с действительностью“, [Муратов. — Публ.] продолжает начатое им когда-то дело, прежде полезное, теперь ставшее бесполезным, вредным даже. Трудно, конечно, переделать самого себя. /.../ эстетизм 1910 года в 1927 году неуместен по одному тому хотя бы, что им даётся дурной, и соблазнительный в своей лёгкости, пример и так уже окруженному всякими ”соблазнами“ и лишенному здоровой почвы, подрастающему в эмиграции литературному поколению. /.../ не в том дело, какое из произведений Муратова удачней и какое слабей. Важно другое: все они, одинаково made in 1910».

Отношения между Ходасевичем и Зинаидой Николаевной Гиппиус (1869 - 1945), с которой он познакомился после того, как он окончательно поселился в Париже в апреле 1925 г., были всегда сложными и запутанными. Ходасевича восхищала ее талантливость, и он часто встречался как с ней, так и с ее мужем, Д.С. Мережковским (1865 - 1941), в парижских литературных кружках в 1926-1929 гг. Но отношения, тем не менее, были напряженными.

В статье «О переиздании политических дневников З.Н. Гиппиус» Нина Берберова писала: «В дружбе она признавала только "глобальное" согласие, только "тоталитарный унисон", не знала, что такое "дружеский контрапункт отношений"». («Russica-81. Литературный сборник», 1982, с.219). Именно такого «унисона» между Ходасевичем и Гиппиус быть не могло, и два этих писателя никогда не стали ни близкими друзьями, ни литературными союзниками в эмиграции. Хотя 5 февраля 1927 г. Ходасевич прочитал вступительную речь на первом собрании общества «Зеленая Лампа», созданного по инициативе Гиппиус и Мережковского, он вскоре разочаровался в нем, главным образом из-за его «философского уклона», который был ему несимпатичен, даже противен. Юрий Терапиано так писал об этом в своих воспоминаниях: «Мережковский и Гиппиус обвиняли Ходасевича в неспособности понимать метафизику. Действительно, в годы, когда я его знал, Ходасевич не выносил разговоров о "последних вопросах". Иронически, подчас очень зло, он высмеивал Зелёную Лампу и "Тайну трёх (с маленькой буквы) за чайным столом", предлагая младшему поколению, "взамен всей этой болтовни, сосредоточить свои силы на какой-нибудь серьёзной литературной работе"» («Встречи», 1953, с.86-87). Скептицизм Ходасевича в отношении «тайны трёх», т.е. к тому, что он называл «Мерезлобин» (Гиппиус, Мережковский и их секретарь Владимир Ананьевич Злобин, 1894 - 1967), напоминает замечание М.А. Кузмина о другой, ранней «тайне трёх»: «Боже, какие болтуны и совопросники, тонушие в собственной болтовне! Я позабыл про трицу Мережковских [Гиппиус, Мережковский, Философов. — Публ.], но какие же это теоретики? Ворчливые дворцовые швейцары не у дел» («Чешуя в неводе», «Стрелец. Сборник третий и последний». Пб, 1922, с.101).

Отношение Ходасевича — прирожденного литератора, воспринимающего все, что касалось литературы, как самое важное — к «литературной политике» тоже было совершенно иным. Он находил взгляды Гиппиус на литературу вызывающими и резкими, и его все чаще раздражало то, что он расценивал как ее любовь к литературному «хулиганству» ради него самого, раздражали ее умышленные «провокации» как литературные (это хорошо видно из публикуемого ниже письма к ней), так и личные. На последнее указывает одно место в его письме к Берберовой, весной 1933 г.: «ты слишком хорошо знаешь, как я поступал с людьми, которые дурно относились к тебе или пытались загнать клин

между нами. (Зина — пример очень наглядный. Она не только тебя на меня настрикивала, но и меня на тебя, если хочешь знать. *За это я ее и возненавидел навсегда*).

К 1930 году в их отношениях наступает полное охлаждение, до точки действительного разрыва; оба критиковали друг друга в печати гораздо резче, чем прежде (см., например, «О писательской свободе» Ходасевича в газ. «Возрождение», 10 сентября 1931, № 2291, или «Современность» Гиппиус в «Числах», 1933, №9). Всё же они никогда окончательно не порывали отношений, и в 1939 г., когда Ходасевич умерал, Гиппиус написала ему письмо необыкновенной теплоты, сожалея о былых конфликтах. Письма Гиппиус к Ходасевичу можно найти в кн. «Письма к Берберовой и Ходасевичу» («Ардис», 1978), где бросается в глаза отсутствие писем с осени 1931 г. до весны 1939 г. (оба писателя продолжали встречаться в этот период на всякого рода собраниях). Оригинал письма, которое здесь публикуется, находится в частном собрании А.Я. Полонского (Париж), и мы пользуемся случаем выразить ему признательность за предоставление текста для печати.

10 bis, rue des 4 Cheminées
Boulogne s/Seine

Милая Зинаида Николаевна, простите, что пишу на машинке: плохо себя чувствую. Получив Ваше древнее письмо и открытку, которая дошла благополучно, несколько раз начинал писать Вам — то неотложная работа, то болезнь меня отрывали¹.

Спасибо, что меня вспоминали в Белграде. Но, по-моему, недовспоминали². «Взрывать» Струве ради взрыва я Вас не благословлял. Что за борьба, если у противника просто механически заткнута глотка? Тут нет и победы, а одна личная неприятность. Вы как будто удовлетворены тем, что «материально Струве от этого разрушения не страдает». Но страдает хуже: страдает от сознания, что его деятельность (ему-то ведь она кажется благой, он честный человек) прервана, задавлена административным путем.

Я бы еще понял, если б Вы перевели журнал на себя³. И тут был бы оттенок физического воздействия, но это была бы борьба двоих за единственный спасательный круг: или я потону, или тебя потоплю. Тут борьба за существование — и все смягчающие обстоятельства на лицо. А Вы что сделали? «И сама потону, да за то тебя потоплю». Или —

Ступай, душа, во ад и буди тамо пленна.

О, если бы со мной погибла вся вселенна! ⁴

Словом, как я Вам говорил в аллеинном кафэ, надо или взять журнал и ответственность на себя — или оставить его Струве и бороться идеями, а не пушками⁵.

Простите, что говорю все это так отчетливо. Внутренно я сейчас живу очень просто, ясно, отчетливо⁶. Мне хочется так же и изъясняться. Надеюсь, что это состояние долго не омрачится. Потому, между прочим, что в общественных делах я всегда оказываюсь в положении того легендарного старичка, которому мальчишка говорит на улице, у чужого подъезда:

— дяденька, позвони, мне не дотянуться.

Старичек сочувствует и звонит: надо ж помочь правому делу. А мальчишка весело убегает. А старичек видит, к чему сводилась вся «общественность». Нет, баста⁷.

Во всем этом есть утешительность горьковатая: утешительность правды.

Не сочувствую и Вашей мечте об уничтожении «Возрождения»⁸. Не вижу, почему надобно русскую эмиграцию, тысячи людей, не спекуляющих на черной бирже, не сутенеров, не проституток, а живущих каторжным трудом, не сочинителей вороватых стишков да похабных романчиков, — выдавать головой под идейное и духовное водительство Талина и Ко⁹. Думаю, даже знаю, что и Вы того не хотите. Что же Вас движет? Воля к разрушению, та самая, в которой Вы не раз упрекали меня — несправедливо, ибо уходить от зла не значит разрушать благо. А «Возрождение» — «капля блага», ибо при всех недостатках у него есть одно неотъемлемое достоинство: соглашательством там не пахнет, а когда запахнет, то его вышвырнут.

Впрочем, повторяю, на всю литературщинку, которая здесь выдается и принимается искренно за «общественность», смотрю «как души смотрят с высоты на ими брошенное тело»¹⁰.

Когда вернетесь? Поклонитесь Дм[итрию] Серг[еевичу]. Целую руку.

Ваш В.Ходасевич.

4 дек[абря] 1928.

¹ Ходасевич отвечает на письмо Гиппиус от 26 октября 1928 г., которое приводится в «Письмах к Берберовой и Ходасевичу», с.92-93 (там нет открытки, помеченной этим временем). Физически слабый, Ходасевич часто и подолгу страдал от разного рода болезней (фурункулеза, прилипчивой и мучительной экземы). Из его «камерфурьерского журнала» видно, что он проболел две с лишним недели в начале ноября 1928 г., проводя почти все время дома, в постели.

² С 25 сентября по 1 октября 1928 г. в Белграде, по инициативе сербского лингвиста проф. Александра Белича (1876 - 1960), проходил Зарубежный Съезд русских писателей и журналистов. «Белградские события» получили большой резонанс в эмигрантской прессе, так как на съезде присутствовали Мережковский, Гиппиус, Куприн, Бунин, Шмелев, Чириков и ряд других политических и культурных деятелей. На приеме у короля Александра Мережковский получил орден св. Саввы первой степени, а Гиппиус орден второй степени. Ходасевич надеялся на получение скромного ежемесячного пособия, которое сербское правительство выплачивало некоторым известным русским писателям в эмиграции (в том числе Мережковскому и Гиппиус), на приглашение прочитать серию лекций в Белграде или на издание своих сочинений. Надежды эти так и не осуществились.

³ В 1928 г. Александр Белич уговорил сербское правительство дать деньги на учреждение эмигрантского издательства в Белграде (впоследствии издательство выпустило около сорока томов) и субсидировать новое периодическое издание. В апреле 1928 г. П.Б. Струве (1870 - 1944), находясь в поездке, предпринятой в поисках денег, по пути в Софию, остановился в Белграде. 16 августа 1927 г. Струве был отстранен А.О. Гукасовым от редактирования газеты «Возрождение», а 10 марта 1928 г. еженедельная газета «Россия», редактируемая Струве, закрылась из-за отсутствия денег. Дальше Белграда Струве не поехал, так как Белич предложил ему профессию в Русском научном институте и начал с ним переговоры об открытии новых периодических изданий, а также о редактировании литературного отдела нового журнала. Струве переселился в Белград, но в итоге из всего этого ничего не вышло. В конце концов он получил деньги от чешского правительства, и с 1 декабря начала выходить его еженедельная газета «Россия и Славянство» (закрылась в 1934 г.).

После своего возвращения из Белграда Гиппиус и Мережковский провели несколько недель на юге Франции. Своими впечатлениями о белградском съезде (см. выше) Гиппиус поделилась с Ходасевичем в письме от 26 октября: «Мы до седьмого пота старались — разрушали Струве; успели (материально от этого разрушения не страдает), но успели тем самым и разрушить, на ближайшее время во всяк[ом] случае, — журнал. Тогда в тумане поднялась газета; поднялась — но в тумане и осталась. /.../ Словом — ни синицы ни пёрышка, одни, как говорится, "ивиковы журавли". Особенно я: приехала без единой насущной выгоды и без перспектив даже. Но я утешаюсь всей забавой, которую получила...» («Письма к Берберовой и Ходасевичу», с.92-93). См. также ее письма к В.А. Злобину в кн.: «Intellect and Ideas in Action. Из переписки З.Н. Гиппиус». Ред. Темира Пахмусс. 1972, с.220-229. В письме к Ходасевичу от 12 декабря 1928 г. она писала: «"взрывать" Струве мы, если бы и думали, не могли. Белич *ничьих* влияния не признаёт. Мы могли только советовать ему избрать для журнала другого литер[атурного] редактора, — потому-то и потому-то» (с.94-95).

⁴ Последние строчки пьесы «Димитрий Самозванец» (1771) А.П. Сумарокова.

⁵ Лето 1928 г. (с начала июля по 18 сентября) Ходасевич и Берберова, вместе с В.В. Вейдле и его будущей женой, провели на юге Франции, возле Cannes (Juan-les-Pins, Cannes, Le Cannet, Antibes). Они очень часто виделись с Мережковскими в «аллейном кафе» (Café des Allées, в Каннах).

В ответном письме к Ходасевичу от 9 декабря 1928 г. Гиппиус писала: «Я уж не помню, что писала вам в "древнем" письме. Должно быть, оно произвело на вас впечатление "интриги" против Струве. Но нам-то казалось, что мы действуем "по совести", а т.к. не берем журнал на себя, то и бескорыстно. М.б., впрочем, объективная правда и на вашей стороне. Одна поправка: где же это "идейно" бороться с "идеями" Струве? В этом же самом журнале, или как вы думали? Кстати, у него уже есть газета; но идейно опять-таки негде "бороться" (если это вообще нужно).» («Письма к Берберовой и Ходасевичу», с.93-94).

⁶ Ср. письмо Гиппиус от 9 декабря: «Вот именно: "ясно, просто и отчетливо" во всём, в изъяснении тоже. Я сызмальства к этому стремлюсь. Поскольку вы достигли — приветствую и завидую».

⁷ Ср. письмо Ходасевича к Вишняку от 2 апреля 1928 г.: «Вернувшись [из Версаля в Париж. — Публ.], начну "новую жизнь". Я думал — эмиграция хочет бороться с большевиками. Она не хочет. Быть так. Я не Дон-Кихот.

Я думал, эмиграция хочет *делать* литературу. Она не хочет — или не может. Опять же — я не Воронов. И не обезьяна, это главное. /.../ Баста. Отныне живу и пишу *для себя*, а на чужие дела сил и жизни не трачу. Ей-Богу, одно хорошее стихотворение *нужнее* и Господу угоднее, чем 365 (или 366) заседаний "Зеленой Лампы".

Словом — Вы теперь меня не узнаете. Говорю это очень серьезно». («Новый Журнал», 1944, №7, с.300).

⁸ В конце письма к Ходасевичу от 25 октября 1928 г. Гиппиус писала: «Что день грядущий нам готовит — в смысле печати? Хоть бы паршивая лавочка Возр[ождения] лопнула!» С февраля 1927 г. до самой смерти в 1939 г. Ходасевич возглавлял литературный отдел «Возрождения», основанного на средства А.О. Гукасова и придерживающегося правых взглядов. Сотрудничество в газете давало Ходасевичу главный его заработок.

⁹ Талин, Степан Иванович Португейс (1881 - 1944), — известный социал-демократический публицист, постоянный сотрудник «Последних Новостей» (он же «Ст. Иванович» и «В.И. Талин»). Для Ходасевича Талин — подчеркнуто-политическое имя и олицетворение беспринципной «левой» политики, связанной для него с «Последними Новостями».

20 октября 1927 г. Ходасевич напечатал в «Возрождении» (№ 870) за подписью «М.» статью «Максим Горький и СССР». В ней он с иронией писал о лживых обещаниях Горького вернуться в СССР и о его упорном пребывании за границей в связи со «здоровьем». В ответ «В.И. Талин» опубликовал издевательские «Заметки журналиста (Бей его, я его знаю)» на страницах «Последних Новостей» (23 октября, № 2405). 27 октября «М.» ответил ему в статье «Нравственность г. Талина» («Возрождение», № 877), которая кончалась так: «Наконец, если уж говорить о "сыске", то куда ближе нас подходит к этому делу г. Талин, старающийся расследовать, кто мог и кто не мог написать нашу статью (подписанную лишь одной буквой). Попытки г. "Талина" (который ни одну свою статью не решился подписать своей настоящей фамилией) намекнуть на то, кто именно "скрылся" под этой буквой, — поистине мерзки. На этом мы и заканчиваем полемику с г. Талиным навсегда». См. также письмо Гиппиус от 26 октября 1927 г. («Письма к Берберовой и Ходасевичу», с.85).

¹⁰ II, 3-4 стих. Тютчева «Она сидела на полу» [1858].

ХОДАСЕВИЧ — ВЛАДИМИРУ НАБОКОВУ

Взаимоотношения между Ходасевичем и самым блестящим прозаиком, появившимся в эмиграции, Владимиром Набоковым (1899 - 1977), были гораздо более спокойными и устойчивыми, чем отношения с Гиппиус. Сирин (псевдоним Набокова до 1940 года, под которым он фигурирует во всех упоминаниях о нем Ходасевича, даже в «камерфурьерском журнале») дал восторженную оценку его «Собрания стихов» 1927 года в берлинской газете «Руль» (14 декабря 1927 г.). Ходасевич, в свою очередь, отозвался, хотя и вскользь, благоприятно о втором романе Набокова в обзоре «Литература в эмиграции» в «Возрождении», 14 января 1929 г. (№ 1322): «Из книг более молодых авторов необходимо прежде всего назвать роман В.Сирин "Король. Дама. Валет" — вещь безусловно даровитую, современную по теме и любопытную по выполнению». Во время пятимесячного пребывания Набокова во Франции, с начала февраля до конца июня 1929 г., они не встречались (Набоков с женой жили на юге, в Пиренеях). Вместе с тем, появившаяся в 1930 году статья Ходасевича о «Защите Лужина» («Возрождение», 11 октября, № 1957) открывает ряд критических отзывов о произведениях Сирина, по тону настолько благосклонных, что в 1938 году он смог написать в отзыве о пьесе «Событие»: «Моя любовь к Сирину, столько раз засвидетельствованная, даёт мне право быть к нему очень требовательным» («Возрождение», 22 июля, № 4141).

В 1931 году в своем «Неоконченном черновике» Набоков написал следующие строки:

Зоил (пройдоха величавый,
корыстью занятый одной)
и литератор площадной
(тревожный арендатор славы)
меня страшатся потому,
что зол я, холоден и весел,
что не служу я никому,
что жизнь и честь мою я взвесил
на пушкинских весах, и честь
осмеливаюсь предпочесть.

С равным успехом эти строки могли бы относиться к Ходасевичу, ибо их сближению и дружбе способствовало не только взаимное восхищение искусством друг друга, но и их одинаковое преклонение перед Пушкиным.

Они наконец встретились, в воскресенье 23 октября 1932 года, на квартире Ходасевича (гостями были Берберова, Терапиано, Смоленский и Вейдле с женой), когда Набоков приехал в Париж со своим первым публичным выступлением. Мы знаем, что он ужинал у Ходасевича 30 октября, и они виделись у Алданова 2 ноября. 15 ноября Ходасевич присутствовал на чтении Набокова в зале Las Cases, но больше они не виделись, так как Набоков вскоре вернулся в Берлин. Они не встречались до 1936 года, но имеются два письма и одна открытка Набокова, сохранившиеся в архиве Нины Берберовой в Йельском университете, все датированные 1934-м годом, еще одно письмо (без даты) и одна открытка 1935 года с обращением «Дорогой Владислав Фелицианович». В письме от 26 апреля 1934 г. из Берлина Набоков писал: «... Так как я покупаю по четвергам "Возрождение" — а в исключительных случаях и в другие дни — то не пропустил ваших замечательных статей о Белом [номера от 13 января и 8, 13 и 15 февраля. — Публ.]. Я читал "Петербург" — раз четыре — в упоении — но давно. ("Кубовый куб кареты", "барон — борона", какое-то очень хорошее красное пятно — кажется от маскарадного плаща, — не помню точно; фразы на дактилических рессорах; тикание бомбы в сортире...). А из стихов — чудные строки из "Первого Свиданья", — полон рот звуков: "Как далай-лама молодой"».

Их следующая по времени встреча произошла на квартире у Алданова, в Париже, 29 января 1936 года. Они провели вместе большую часть дня второго февраля, вероятно, обсуждая совместный вечер чтения, который состоялся восьмого февраля, в субботу, в La Salle Las Cases. В этот вечер Ходасевич читал свою блестящую «литературную мистификацию» «Жизнь Василия Гравникова — 1785-1820», а Набоков три рассказа. (Адамович принял шутку Ходасевича за чистую монету, а Набокова назвал «редким гостем в Париже», когда он писал об этом вечере в «Последних Новостях» 13 февраля 1936 г., № 5439).

По окончании чтения они отправились с большой группой из числа публики (Вейдле, Алдановы, Бунин, Вишняки, Зензинов, Фонламинский, Нилус, Макеев, Берберова, Микельсон, Руднев и др.) в ресторан

Fontaines. Они виделись еще только раз после этого — 21 февраля, у Фондаминского (где Набоков обычно останавливался, приезжая в Париж), ибо Ходасевич в это время болел.

В 1937 г. Набоков снова приехал в Париж. В субботу, 23 января, он посетил Ходасевича, а на следующий день Ходасевич открыл вступительным словом авторский вечер Набокова. Судя по отчетам об этом вечере в русской парижской прессе, речь Ходасевича представляется первым наброском его замечательной статьи «О Сирине», которая вскоре после того была напечатана в «Возрождении» (13 февраля, № 4065). В этом же году состоялись еще две встречи: одна четвертого февраля в кафе Мюрат, другая 12 мая у Фондаминского, когда Набоков приехал в Париж в связи с подготовкой своего переезда из Берлина во Францию. Они виделись чаще, когда Набоков с женой и маленьким сыном устроились в Париже в сентябре 1938 г. Однако привычка Ходасевича коротать время, часто до поздней ночи, в парижских кафе (где он любил играть в бридж) и, напротив, строгий рабочий режим Набокова не способствовали слишком уж частой возможности для них видеться. Ходасевич посетил Набоковых 2 января 1939 г. Ответный визит Набоковых последовал 28 января. Они оба присутствовали на вечере поэта В.Л. Корвина-Пиотровского четвертого марта, а восьмого марта Ходасевич заходил к Набоковым.

Вскоре после этого болезнь, от которой Ходасевич умер (рак), настолько обострилась, что он всё реже покидал свою квартиру. Набоков навестил его седьмого мая, когда Ходасевич был уже прикован к постели. Это была их последняя встреча. 21 мая, когда Набоков зашел к нему, Ходасевич был уже в таком состоянии, что не смог принять его.

16 июня 1939 г. Набоков, в числе нескольких сот человек, был на похоронах Ходасевича (см. «Возрождение», № 4188 от 16 июня и № 4189 от 23 июня). В своем некрологе «О Ходасевиче», напечатанном в предпоследнем номере «Современных Записок» (1939, кн. LXIX) Набоков писал: «Крупнейший поэт нашего времени, литературный потомок Пушкина по тютчевской линии, он остается гордостью русской поэзии, пока жива последняя память о ней». Набоков повторил эту высокую оценку несколько раз — в своих мемуарах («Другие берега»), в комментариях к своему переводу «Евгения Онегина» и в предисловии к английскому изданию «Дара», где Ходасевич прямо назван «величайшим русским поэтом двадцатого века».

Из писем, которыми обменивались писатели, среди бумаг Ходасевича в архиве Н.Н. Берберовой в Йеле сохранилось всего три письма и две открытки Набокова. Ни одно из этих писем не является ответом на два письма Ходасевича Набокову, публикуемых здесь. Оригиналы их находятся в архиве Набокова в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне и были любезно предоставлены мне для опубликования вдовой писателя.

Дорогой Владимир Владимирович,
 спасибо за открытку. О Ваших передвижениях я, впрочем, несколько осведомлен. Между прочим, некая особа, собою преизрядная, погубившая на Монпарнассе 144 сердца и два-три семейных очага, жила с Вами в Cannes в пансионе¹. Должен Вас огорчить — Ваш сын имел у нее больше успеха, чем Вы. «Мальчик, говорит, поразительный, а он сам даже не посмотрел на меня — сухарь». Скажите Вашему сыну, что я при первом же знакомстве научу его читать «Для берегов...» с вариантами².

Кстати — не состоится ли таковое знакомство, т.е. вечно ли Вы будете возбуждать мою зависть сидением на юге? Если б Вы знали, как мерзко в Париже! Приезжайте же!

Ваш В.Ходасевич.

P.S. Секрет: собираюсь писать для «С[овременных] З[аписок]» статью о 20-летию эмигрантской литературы³. Полагаю, что царь Иван Васильич

От ужаса во гробе содрогнется⁴.

В.Х.

19 нояб[ря] 937.

¹ После своего отъезда из Берлина Набоков с семьей жил от середины июля до середины октября в Каннах, в Hôtel des Alpes. Потом они переселились в Ментону, где провели зиму 1937-1938 г. в пансионе Les Hesperides.

² Дмитрий Владимирович родился в мае 1934 г. 15 мая Набоков открыткой известил Ходасевича о рождении сына. Шутливое упоминание Пушкина намекает на ту взаимную любовь, которая тесно сближала двух писателей. В 1937 г. Набоков опубликовал статью «Rouchkine ou le vrai et le vraisemblable» в мартовском номере парижского журнала «La Nouvelle Revue Française», а позднее, в 1964 г., свой четырехтомный перевод «Евгения Онегина» с обширными комментариями. В феврале 1937 г., «в ознаменование столетия кончины А.С. Пушкина», в берлинском издательстве «Петрополис» (тиражом в 500 экз.) вышел сборник статей Ходасевича «О Пушкине». 11 февраля того же года Ходасевич записал в свой «камерфурьерский журнал»: «В Сергиевское Подворье (Панихида по Пушкине; о. Булгаков, Вейдле)».

³ Статья под таким заглавием не появилась ни в «Современных Записках» (где Ходасевич редко печатался после 1935 г.), ни в газете

«Возрождение», где он должен был каждую неделю помещать свои литературные статьи и рецензии. Это связано, по-видимому, с ухудшением здоровья писателя в конце 1937 г. (см. следующее письмо).

⁴ «...Но если ты теперь / Со мной хитришь, то головою сына / Клянусь — тебя постигнет злая казнь: / Такая казнь, что царь Иван Васильич / От ужаса во гробе содрогнётся» (Пушкин. «Борис Годунов», сцена «Царские палаты»; Собрание сочинений в 10 томах, 1957, т.5, с.267).

II.

Дорогой Владимир Владимирович,

я, конечно, скотина, потому что не ответил на Ваше поздравление и сам Вас не поздравил. Дело в том, однако, что еще 15 декабря я заболел и лежал в постели с температурой и болями целый месяц. (Этим объясняется и отсутствие моих фельетонов в «Возрождении».)¹ Сейчас мне несколько лучше, я лежу по полдня и даже по утрам выползаю на улицу. Так что — если Вы на меня сердитесь, то перестаньте. Как раз в пору Нового Года мне было всего хуже.

Читал очередной кусок «Дара» — с очередным восторгом². Жаль только, что кроме ахов и охов, от которых какой же прок?, ничего не сумею о нем написать: если бы Вы знали, как трудно и неуклюже — писать об кусках, вынутых из середины!³ Кстати сказать — прелестны пародии на рецензии. Мортус, как Вы, конечно, заметили, озверел, но это полезно⁴. Не знаю, думали ли Вы о Цетлине, когда изображали *стихотворную* часть Линевской критики, но угодили Вы ему в самый лоб, и всего забавнее, что образчик «межщитатных мостиков» имеется в той же книжке: см. стр. 430-431 — рецензия на стихи Кузнецовой⁵.

В ближайшем номере «Возрождения» прочтите мою статью о нашем друге Георгии Иванове⁶. Она не очень удалась, я дописывал ее в полном изнеможении вчера вечером, но кое-что в ней Вы, надеюсь, оцените.

Правда ли, что Вы написали пьесу? Приедете ли, как подобает драматургу, на премьеру? Будете ли выходить на вызовы? Влюбитесь ли в исполнительницу главной роли? Я, впрочем, все равно решил идти на первый спектакль — из любви к Вам и на зло человечеству, так как на пьесы Алданова и Теффи идти отказался⁷.

Знаете ли новую повесть Белкина о том, как корнет Фондаминский пригласил генерала Милюкова шафером на свадьбу свою

с девицей Павловской — а генерал взял да и увез невесту прямо из под венца к себе на квартиру?⁸ Чудная вещь, немножко напоминает «Выстрел», хотя решительно без всякой стрельбы.

Долго ли Вы пробудете в Ментоне? Последний доктор, который у меня был (Аитов)⁹, сказал, что мне надо выиграть в Национальную Лотерею, и ушел, ничего не прописав. Теперь я стараюсь выиграть, и если выиграю, то поеду в Монте-Карло, и мы станем соседями.

Будьте здоровы. Вам кланяется моя жена¹⁰.

Ваш В.Ходасевич.

25 янв[аря] 1938.

¹ В письме (машинописи) дата «16 декабря» исправлена рукой Ходасевича на «15 декабря». В «камерфурьерском журнале» начало записи «в постели» помечено четвергом, 16 декабря; запись охватывает время вплоть до 18 января следующего года. 19 и 20 января Ходасевич записал: «В [кафе. — Публ.] Murat», но 21-го снова появляется: «Весь день в постели». На следующий день он опять «выполз» в Murat, а уже с 23-го: «Весь день в постели». В записи от 24-го читаем «гулял», а 25-го: «Весь день дома». Только с 26-го Ходасевич начал выходить по вечерам (обыкновенно к друзьям или в кафе Мюрат, на бридж). Последний его фельетон 1937-го года («О Горьком. Из воспоминаний») появился в «Возрождении» 10 декабря (№ 4109), а следующий, уже в 1938 г. («Беседа») в номере 4114 от 14 января.

² В кн. LXV «Современных Записок» за 1937 г., с.5-70, был опубликован третий выпуск «Дара» (вторая половина второй главы романа и первая часть третьей главы; от слов «Поднимаясь бывало по Желтой реке...» до слов «...дуя на страницу, вышла»); с.138-202 в первом полном издании романа, вышедшем в издательстве им. Чехова в Нью-Йорке в 1952 г. и переизданном «Ардисом» в 1975 г.; все ссылки на роман в нижеследующих примечаниях даются по этому последнему тексту).

³ Уже в 1913 г. Ходасевич писал своему другу Борису Садовскому: «Очень понравилось ей [А.И. Чулковой-Ходасевич. — Публ.] начало Вашей повести в Рус[ской] Мысли. А я не буду читать, пока не кончится: не умею читать помесечно и из-за этого вечно отстаю от литературы» (письмо от 31 января 1913 г., «Письма В.Ф. Ходасевича Б.А. Садовскому», «Ардис», 1983, с.14). Вместе с тем, когда Ходасевич стал еженедельно писать о литературе для «Возрождения», ему приходилось писать о «кусках, вынутых из середины». Он регулярно рецензировал выпуски «Современных Записок», в которых по кускам были опубликованы почти все «крупные» вещи Набокова. Ходасевич не мог

написать отдельную рецензию о романе, он рецензировал каждый выпуск журнала, в котором публиковался «Дар» (за исключением нашумевшей четвертой главы, содержавшей биографию Чернышевского, роман был напечатан целиком в кн. LXIII-LXVII, в 1937-1938 гг.). Таким образом «по кускам» можно составить своего рода сводную оценку романа:

Только что вышедшая шестьдесят третья книжка «Современных Записок» открывается новым романом В.Сирина — «Дар». Уже сейчас, по прочтении первой главы (по слухам, их всех будет пять) хотелось бы поделиться с читателями кое-какими о ней соображениями. Но я не поддаюсь этому соблазну. Судя по размаху, по напряжению, по всей «хватке», с которыми «Дар» начат, можно думать, что в развитии сирина творчество он играет важную роль, что выразится в нём многое, до сих пор автором недосказанное, но необходимое для понимания Сирина вообще. Но сейчас, в напечатанной первой главе, всё еще только намечено и обещано, но ничто не предрешено, и неизвестно, как это обернется и какой смысл получит в дальнейшем. Повидимому, Сирин сознательно «интригует» читателя, не обнаруживая даже таких существенных вещей, как отношение автора к главному герою — оно может оказаться и положительным, и отрицательным, в зависимости от чего роман получит тот или иной смысл. Можно ожидать, что Сирин долго еще будет дразнить читательское любопытство. Следовательно, приходится вооружиться терпением и на сей раз отметить лишь самые общие, но уже несомненные свойства романа, — прежде всего огромную насыщенность образную и стилистическую. Щедрый вообще, в «Даре» Сирин как бы решил проявить совершенную расточительность. Иногда в одну фразу он вкладывает столько разнообразного материала, сколько другому, более экономному или менее одаренному писателю хватило бы на целый рассказ. Впрочем, эту замечательную (может быть, самую замечательную) сторону сирина дарования вряд ли способен по достоинству оценить «широкий читатель» и даже «широкий писатель» нашего времени. Слишком рано еще подводить «итог» Сирина, измерять его «величину», но уже совершенно ясно, что к несчастью (к нашему, а не его), сложностью своего мастерства, уровнем художественной культуры приходится он не по плечу нашей литературной эпохе. Он в равной степени чужд и советской словесности, переживающей в некотором роде пещерный период и оглашающей воздух дикими кликами торжества, когда кому-нибудь в ней удастся смастерить кремневый топор, и словесности эмигрантской, подменившей традицию эпигонством и боящейся новизны пушке сквозняков.

(«Возрождение», 1937, № 4078, 15 мая)

«Дар» Сирина продолжается в этой книге [«Современные Записки», кн. LXIV. — Публ.], но напечатана только половина второй главы из этого обширного произведения, в котором, судя по всему, наиболее примечательна окажется композиция и которого смысл можно будет уяснить не иначе, как в связи с этою композицией. Страницы, до сих пор нами прочитанные, еще не дают возможности её угадать. Следовательно, и весь авторский замысел от нас еще вполне скрыт. Сирин, впрочем, столь опытный и искусный «построитель» своих романов, что, надо думать, он и на этот раз, как в «Приглашении на казнь», будет долго интриговать читателя и раскроет карты не иначе, как уже под самый конец. Однако, лежащий перед нами отрывок имеет очень большие самостоятельные достоинства. Рассказ об отце героя, о его ученых трудах, о семейной жизни, воображаемое путешествие, которое с ним проделывает герой — всё это сделано с замечательной живостью и с такой богатой изобретательностью по части развертывания сюжета, что могло бы служить любопытнейшим материалом для исследования современной прозы. Вся беда только в том, что для таких исследований ни у кого сейчас нет ни места, ни времени, ни читателей, и говоря о таком сложном литературном явлении, как Сирин, приходится ограничиваться досаднейшими общими местами. Тем не менее, надо надеяться, что когда «Дар» будет напечатан полностью, нам удастся рассмотреть его более пристально и подробно.

(«Возрождение», 1937, № 4101, 15 октября).

Не меньшее удовлетворение испытал бы читатель, если бы, пожертвовав Алдановым или Иванниковым, редакция [«Современных Записок». — Публ.] отвела больше места «Дару» Сирина [в кн. LXV. — Публ.] Внутренняя линия этого романа, обширного по замыслу и размерам, развертывается с естественною медленностью, и потому сравнительно небольшие отрывки, помещаемые в журнале, на сей раз в особенности мешают цельности впечатления и понимания. Кроме того — скажу по совести — «Дар» так прекрасно, так виртуозно написан, читая его — так удивляешься и радуешься неиссякаемой изобретательности Сирина, что, расставаясь с ним слишком скоро, всякий раз испытываешь досаду. Кстати — несколько слов именно об изобретательности и виртуозности. Как ни восхитительны они сами по себе, как ни красноречиво свидетельствуют о замечательном даровании Сирина, я всё же думаю, что расточительность с которою Сирин ими пользуется, несколько убудет со временем, когда, вместе с созреванием таланта, писатель начнет искать более строгих, более «классических» форм. Я себе вовсе не противоречу: очень хорошо, что сейчас Сирин еще так бурлив в своем творчестве — это признак избыточных

и еще очень молодых сил, то-есть отличнейший залог плодотворной будущности. Ещё — признаюсь — несдержанная виртуозность Сирина забавляет меня потому, что именно она до крайности раздражает его менее одаренных предшественников и сверстников: опять — верный признак выдающегося дарования. Будущий историк эмигрантской словесности, просматривая наши газеты и журналы, с веселой горечью отметит, что нападки на Сирина начались как раз с того момента, когда в «Защите Лужина» он сделал такой большой шаг вперед. Эти нападки, порой непристойные, впоследствии поутихли: идти против очевидности сиринаского дарования стало уже невозможно. Неудачливые соперники пытались было похоронить Сирина с помощью почтительного признания: «да, несомненный талант, но он уже себя исчерпал». Однако, «Дар» как нельзя более отчетливо говорит о противном, и партизанские вылазки против Сирина начинают возобновляться. Разве же это не забавно?

(«Возрождение», 1938, № 4120, 25 февраля)

«Дар» В.Сирина появляется в «Современных Записках» такими маленькими дозами, что я собирался совсем отказаться от упоминаний об этом замечательном романе до тех пор, пока он не появится полностью. Однако, не могу отказать себе в удовольствии обратить внимание читателей на очередной отрывок [в кн. LXVI. — Публ.], в котором рассказывается о том, как герой работал над биографией Чернышевского. Эта глава, где под видом озорной шутки сказаны очень важные и печальные вещи, несомненно причинит автору много хлопот. Все выученики и почитатели прогрессивной полиции умов, надзиравшей за русской литературой с сороковых годов прошлого века, должны взбеситься. Их засилье не совсем еще миновало, и над автором «Дара» они зовьются теперь классическим «журнальным роем» слепней и комаров. Кстати, энтомологическая наблюдательность Сирина натолкнула его на забавное открытие. Оказывается, Некрасов, «несмотря на деревенские прогулки», называл овода шмелём (над стадом «шмелей неугомонный рой»), а десятью строками ниже — осой (лошади «под дым костра спасаются от ос»).

(«Возрождение», 1938, № 4137, 24 июня)

В беллетристическом отделе отчётной книжки [LXVII. — Публ.] закончен «Дар» Сирина. Однако, из повести выключена целая глава, да и всё печатание так растянулось, что сейчас мне не представляется возможным высказаться о всей вещи в целом. Надеюсь посвятить ей особую статью, когда она появится в отдельном издании, без сокращений.

(«Возрождение», 1938, № 4157, 11 ноября).

Ходасевич умер задолго до появления романа отдельным (без сокращений) изданием в 1952 г. В письме от 26 апреля 1934 г. Набоков сообщил Ходасевичу, что работает над романом и читает Чернышевского.

⁴ На странице 188-191 романа герой его, молодой поэт Федор Константинович Годунов-Чердынцев, заходит в книжный магазин в Берлине и находит две рецензии на сборник стихов поэта Кончеева. Первая из них принадлежит перу критика Христофора Мортуса «из парижской "Газеты"». В лице Мортуса Набоков высмеивает одного из своих с Ходасевичем литературных врагов, поэта-парнасца Георгия Викторовича Адамовича (1894 - 1972), главного критика «Последних Новостей». Отождествление Адамович-Мортус выясняется следующим образом из словаря Даля (т.1, с.13):

Адамова-голова, мёртвая голова, т.е. человеческий череп; /.../ Самый большой сумеречник, бабочка мёртвая голова, Sphinx Caput mortuum, на спинке которой виднеется изображение человеческого черепа.

Ср. также «мистификацию» Набокова 1931 г., его «перевод» «Из Калмбрудовой поэмы "Ночное путешествие" (Vivian Calmbrood's "The Night Journey")»: «К иному критику в немилость / я попадаю оттого, / что мне смешна его унылость, / чувствительное кумовство, / суждений томность, слог жеманный, / обиды отзвук постоянный, / а главное — стихи его. / Бедняга! Он скрипит костями, / бренча на лире жестяной; / он клонится к могильной яме / адамовою головой». (Цитируется по изд. «Стихи» Владимира Набокова, «Ардис», 1979, с.240-241; поэма опубликована в берлинской газете «Руль» 5 июля 1931 г.) Но как всегда у Набокова, Мортус является контаминацией двух «реальных» человеческих лиц: Адамовича и Зинаиды Гиппиус. Показателен, во-первых, тот факт, что Мортус оказывается женщиной, которая пишет под мужским псевдонимом (Гиппиус тоже часто писала свои рецензии под псевдонимом «Антон Крайний»), а во-вторых, мимика любимого стилистического приема Гиппиус, «недостоверной цитаты», в рецензии Мортуса («Не помню кто — кажется, Розанов, говорит где-то...»).

Набоков прямо прицеливается в рецензии Мортуса в одно из частых критических требований Адамовича от молодых поэтов: «лирические дневники» и «человеческие документы»: «И право же от них [стихов Кончеева. — Публ.] переходишь с каким-то отрадным облегчением к *любому человеческому документу*, к тому, что "вычитываешь" у иного советского писателя, пускай и не даровитого, к бесхитростной и горестной исповеди, к частному письму...» (с.189). Ср. рецензию Ходасевича «Летучие листы (Человеческий документ)» в «Возрождении», 1929, № 1514, 25 июля или его же «Новые стихи» в «Возрождении», 1935, № 3585, 28 марта: «Своё заблуждение они [молодые поэты. — Публ.] именуют любовью к "человечности", а не к "литературности в поэзии". /.../ Это пагубное направление в них отчасти

поддерживается извне. Я имею в виду талантливые, но опасные статьи Г.В. Адамовича»; или статью Ходасевича «Жалость и "Жалость"» («Возрождение», 1935, № 3599, 11 апреля), где он спорит с возражениями Адамовича на статью «Новые стихи», цитируя его самого: «Конечно, из одной человечности искусства не сделаешь, /.../ получают только человеческие документы». В рецензии на третью книгу «Круга» в «Возрождении» (1938, № 4153, 14 октября) Ходасевич писал: «Мне ничего не остается, как еще раз, вероятно — последний, формулировать мои возражения против литературы человеческих документов. /.../ По поводу замены литературы фабрикацией и публикацией человеческих документов мне неоднократно случалось полемизировать с Г.В. Адамовичем». См. также с.220-222 («Полемика Адамовича и Ходасевича о поэзии») в «Русской литературе в изгнании» (1956) Глеба Струве.

«Мортус озверел» можно понимать в том смысле, что, рецензируя кн. 65 «Современных Записок» в «Последних Новостях» (20 января 1938 г., № 6144) Адамович подробно писал о «Начале конца» Алданова и «Дороге» М.Иванникова, но о «Даре» сухо заметил в последнем абзаце рецензии следующее: «"Дар" Сирина длится — и сквозь читательский, немагический "кристалл", еще не видно, куда и к чему его клонит». А 16 декабря 1937 г., до того, как «Современные Записки» появились в продаже, он писал о Сирине в «Последних Новостях» (№ 6109): «Но ключа к этой правде у нас нет, Сирин его не дает, — и главная беда в том, что при всём восхищении неистощимым остроумием и находчивостью авторского дарования, у читателя нет большой охоты на поиски этого ключа отправиться. Происходит это по простой причине: "ключ" дорог тогда, когда он открывает доступ ко всему, что можно объединить под словом жизнь. Один, уединенный, замкнутый в себе писатель, как бы талантлив он ни был — в лучшем случае "любопытен". Но то, что за ним, вокруг него, вне его — интереснее».

Стоит добавить, что нельзя прямо отождествлять в романе Ходасевича с поэтом Кончеевым, как это часто делается. Ходасевич, конечно, «присутствует» в этом характере (как самый ценный Набоковым поэт современности), но присутствуют и В.А. Комаровский (физическое сходство), и В.Л. Корвин-Пиотровский (берлинский поэт-современник Набокова, чью даровитость он уважал; заметим, что герой «Дара» всегда описывает Кончеева как «молодого человека» и своего берлинского современника).

⁵ М.О. Цетлин (см. о нем выше) печатал свои стихи под псевдонимом «Амари» и регулярно рецензировал новые сборники стихов в «Современных Записках». Приводим его рецензию на сборник Кузнецовой «Оливковый сад» (изд. «Современные Записки», Париж, 1937) в кн. LXV, с.430-431:

Галина Кузнецова удачно назвала свой первый сборник стихов. Матово серебристые листья оливковых деревьев хорошо пе-

редают основной тон книги, слабое сияние, излучающееся от этих стихов.

Прежде всего хочется отметить их неподражаемость. Совсем нет в них — почти неизбежного в женской поэзии — влияния Ахматовой. Те поэты, у которых она училась, научили её естественно и правдиво передавать её собственные переживания, её душу.

Душа эта склонна к печали. Привкус грусти лежит почти на всём, что она пишет.

...Волшебная и страшная земля
Мне чудится огромным, странным садом,
Где безутешно жизнью грежу я.

Она всегда чувствует преходящность жизни, и часто «блаженно» думает о смерти.

Мы с тобой состаримся и смолкнем
Обе наши жизни обветшают, —
Здесь кустарник тот же будет колкий,
От горы всё та же тень большая. . .

Печалью обвевана и её любовь, как в прелестном стихотворении:

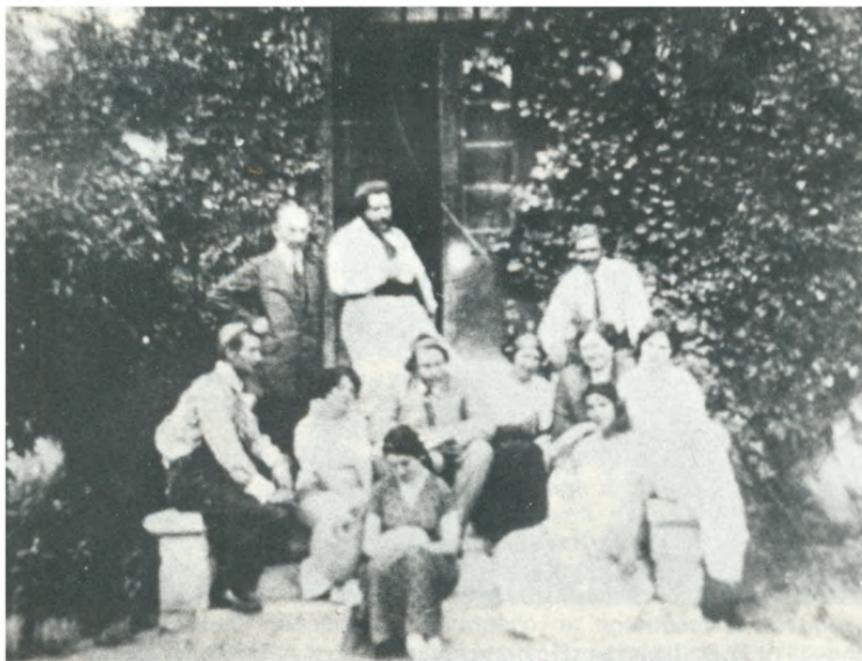
В большой, тяжелой книге бытия,
Что для тебя, всезнающего, я?
Простой и слабый белый мотылёк,
Наивно развернувшийся цветок,
Дитя, которому твоя рука
Отодвигает локоны с виска...

«Диапазон» её голоса не велик и далеко не всё в жизни и природе находит в ней поэтический отклик. Природу она чувствует и видит по своему. Большинство её пейзажей — это пейзажи Прованса и юга Франции. Но и яркая эта природа у неё хрупка и грустна, как бывает в ранние утра, в весенние вечера. Если изредка находишь отзвук истории или живописи — то это «Флорентийская Мадонна», которая «глядит покорными глазами куда-то вниз». Если она посещает старый замок, то ей чудится, что

Здесь тебе когда-то, тёмной ночью,
Умирая, родила я сына.

Стихам Галины Кузнецовой, которым так подходят их несколько заглушенные, не звонкие рифмы, порой не хватает подъёма, «широкого дыхания», но зато нет и ошибок вкуса, отсутствия чувства меры. И если совершенством можно назвать внутреннюю гармоничность, соответствие средств выражения и содержания — то в этом смысле стихи Галины Кузнецовой часто к нему приближаются.

В «Даре» (с.190-191) описывается «критика-буфф» Валентина Линёва, печатавшего рецензии в варшавском «еженедельном иллюстрированном журнальчике»: «Когда же, как сейчас, он писал о стихах, то просто-

У дома Волошина в Коктебеле. Конец 1910-х.
Стоят: К.Ф. Богаевский, М.А. Волошин, д-р Гинкулов.
Внизу: Кирилл Кедров, (?), А.Н. Толстой, (?), Лидия
Лампси, (?). Ниже: С.И. Дымшиц и Е.Я. Эфрон.

**Н.В. Толстая (Крандиевская) и дети А.Н. Толстого:
Никита (слева) и Митя.**

душно употреблял приём так называемых *междитатных мостиков*. Его разбор кончеевской книги сводился к тому, что он за автора отвечал на какую-то подразумеваемую альбомную анкету (Ваш любимый цветок? Любимый герой? Какую добродетель вы больше всего цените?): "Поэт, — писал о Кончееве Линёв, — любит (следовала цепочка цитат, искаженных насильем их сочетания и винительных падежей). Его пугает (опять обрубки стихов). Он находит утешение в — (та же игра), но с другой стороны — (три четверти стиха, обращенных посредством кавычек в плоское утверждение); иногда же ему кажется, что" — и тут Линёв ненароком выковырнул что-то более или менее целое:

Виноград созрел, изваянья в аллеях синели.

Небеса опирались на снежные плечи отчизны...

— и это было так, словно голос скрипки вдруг заглушил болтовню патриархального кретина».

⁶ Рецензия Ходасевича на «Распад атома» Георгия Иванова (1894 - 1958), давнего «врага» его и Набокова, появилась в «Возрождении» 28 января 1938, № 4116 («/.../ он не сумел избавиться от той непреодолимой красивости, которая столь характерна для его творчества и которая составляет как самую сильную, так и самую слабую сторону его поэзии»). Статья-разнос Иванова «В защиту Ходасевича» в «Последних Новостях», 1928, № 2542, 8 марта, вызвала ряд протестов (она перепечатана целиком в статье Ю.Терапиано «Об одной литературной войне», «Мосты», 1966, №12). То же самое случилось после грубого выпада Иванова против Набокова в первой тетради «Чисел» (1930, с.233-236, рецензия на книги «Машенька», «Король, дама, валет», «Защита Лужина», «Возвращение Чорба»), где он его назвал «типом способного, хлётского пошляка-журналиста, "владеющего пером" и на страх и удивление обывателю, которого он презирует и которого он есть плоть от плоти...» и сравнил его с «самозванцем... втирающимся в высшее общество», который «всё-таки... самозванец, кухаркин сын, чёрная кость, смерд».

Рецензируя этот номер «Чисел» в «Возрождении» (27 марта 1930, № 1759), Ходасевич писал: «Нельзя было бы приветствовать только рецензию Г.Иванова на книги В.Сирина. Автор "Защиты Лужина" не нуждается в нашей защите. Мы бы, впрочем, и не снизошли до спора с Г.Ивановым, статейка которого, наполненная непристойной бранью по адресу Сирина, подсказана причинами, слишком хорошо понятными литературным кругам [намек на то, что выпад Иванова был вызван отрицательной рецензией Набокова на книгу жены Иванова, Ирины Одоевцевой. — Публ.] /.../ жаль, что редакция "Чисел", достаточно осведомленная, запятнала свой первый номер заметкой Г.Иванова».

⁷ В пятницу, 4 марта 1938 г., Русский театр (существовал с 1936 г. и отчасти финансировался Фондаминским) поставил в зале «Журнал», 100, rue Richelieu, «Событие» Набокова. См. рецензию «К.П.» в «По-

следних Новостях» (6 марта, № 6189), которая вызвала протест некоего «Зрителя из XIV аррондисмана» — письмо в редакцию, в газете от 10 марта (№ 6193).

В воскресенье, 6 марта Ходасевич ходил на второе представление пьесы. Впоследствии он написал в «Современных Записках» (1938, кн. LXVI, с.423-427) большую статью об этой постановке. В ней он жаловался на «довольно печальное зрелище», которое представляет собой репертуар эмигрантского театра, и назвал постановку «действительным событием нашей театральной жизни».

«"Событие" Сирина, конечно, художественно повысило и украсило репертуар Русского театра, в котором пьеса шла минувшей зимой, но с литературной стороны она не принадлежит к лучшим вещам этого автора», — писал Ходасевич о пьесе Набокова, рецензируя в «Возрождении» (1938, № 4141, 22 июля) апрельский номер «Русских Записок» за 1938 г., в котором пьеса была издана (с датой: Ментона, 1938). Судя по записи в «камерфурьерском журнале» Ходасевича — «март 6, вос[кресенье]. Спектакль Сирина (Вакар, Поляков, Долинский, Смоленский, Головины, Анненков, Зензинов, Цвибак, Бенедиктов...), в кафэ (Головины, Смоленский)», — Набоков не приезжал на постановку (он жил в то время на юге Франции).

Ходасевич, наверное, узнал о пьесе из репортажа в «Последних Новостях» (21 января 1938, № 6145), где писалось, что пьеса Сирина была «только что закончена» и принята к постановке Русским театром, где она пойдет в середине февраля. 13 ноября 1937 г. «Последние Новости» (№ 6076) извещали об открытии «Второго сезона Русского театра»: «В прошедшем сезоне — от 28 ноября по 17 июля — Русским театром было дано 40 спектаклей, при почти переполненном зале. Были поставлены: "Линия Брунгильды" М.А. Алданова, "Момент судьбы" Н.А. Тэффи, "Фабрика молодости" А.Толстого, "Ржавчина" Кирشنا, "Мысль" Л.Андреева, "Генерал Бо" Р.Гуля, вечера инсценировок из произведений А.Чехова, Тэффи, Аверченко, Дон-Аминадо и др.». Второй сезон открылся 27 ноября 1937 г. постановкой пьесы Чехова «Три сестры». «Линия Брунгильды», пьеса в шести картинах с эпилогом, была опубликована во втором номере «Русских Записок» в 1937 г.

⁸ Пародийный «перифраз» инцидента из истории нового журнала «Русские Записки», основанного на средства бывшего эс-эра М.Н. Павловского в 1937 г. Первые три номера, на обложке которых значилось «Париж — Шанхай», вышли под редакцией И.И. Фондаминского (1879 - 1942), одновременно бывшего и одним из редакторов «Современных Записок», с участием других членов редакции «Современных Записок» (Н.Д. Авксентьева, М.В. Вишняка и В.В. Руднева). После сложных переговоров со всеми участниками редакционного комитета журнал был передан его издателем Павловским П.Н. Милюкову. Первый номер под его редакцией вышел только в апреле 1938 г. (на нем значилось уже только «Париж»). О перипетиях возникновения журнала

см.: «"Современные Записки". Воспоминания редактора» М.В. Вишняка (1957), с.322-325 (где фамилия Павловского не упоминается). Ходасевич критически относился и к возникновению журнала, и к «взятию» его Милюковым (см. его рецензию «"Русские Записки", апрель-июль» в «Возрождении», 22 июля 1938 г., № 4141), и поэтому в издании журнала участия не принимал.

⁹ Владимир Давидович Аитов, сын Д.А. Аитова, русского царского консула в Париже и председателя выборного правления Тургеневской библиотеки (ум. в апреле 1933 г.), был дважды у Ходасевича во время его болезни, 7 и 14 января 1938 г.

¹⁰ Ходасевич женился на Ольге Борисовне Марголиной (1890 - 1942) в 1933 г. Она была арестована немцами во время оккупации и погибла в Аушвице. См.: Валентина Ходасевич и Ольга Марголина-Ходасевич. Неизданные письма к Н.Н. Берберовой. Berkeley, 1979, с.75-86.

ПИСЬМА А.Н. ТОЛСТОГО К Н.В. КРАНДИЕВСКОЙ

Публикация В.Грекова

Нам известно около полутораста писем Алексея Николаевича Толстого (1883-1945) к его третьей жене Наталии Васильевне Крандиевской-Толстой (1888-1963). Первые из них относятся к сентябрю 1914, последнее помечено апрелем 1941. Мы публикуем 25 писем за 1929-40 гг.

Нельзя сказать, что письма эти вовсе недоступны исследователям. Выдержки из них встречаем в основных монографиях о Толстом (напр., в кн.: В.Р. Щербина. *А.Н. ТОЛСТОЙ. ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ*. М., 1956; Ю.А. Крестинский. *А.Н. ТОЛСТОЙ. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО*. М., 1960; В.В. Петелин. *АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ*. («ЖЗЛ»). М., 1978; М.В. Чарный. *ПУТЬ АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО*. 2-е изд. М., 1981). Кое-что напечатала в своих *ВОСПОМИНАНИЯХ* сама Н.В. Крандиевская. В извлечениях небольшое количество писем к Н.К. опубликовано в 1983 в январских (юбилейных) номерах советской литературной периодики (см., напр., «Юность»). Наша публикация отличается большей полнотой*.

Публикуемые письма писались тогда, когда окончательно утвердилось благополучие и преуспеяние Толстого и наступило время его полного официального признания. Он занимает место в Ленсовете и в Правлении Союза писателей (1934), в комиссии VIII съезда Советов по установлению окончательного текста конституции СССР (1936), в Верховном Совете (1937), становится академиком (1939) и председателем секции литературы Комитета по Сталинским премиям (1940), награждается орденом Ленина (1938) и «Знаком Почета» (1939). После смерти Горького он явно на положении самого авторитетного советского писателя.

Письма А.Н. Толстого не только приоткрывают некоторые черты его личности. Они дают богатый материал для размышлений и над более общими вопросами: как взаимодействуют личность писателя и его творчество? какие человеческие типы оказались в те годы на

* За время, прошедшее между подготовкой этого материала и его публикацией, вышел в свет юбилейный том *А.Н. ТОЛСТОЙ. МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ*. М., Наука, 1985. 528 стр. В нем помещены 39 писем А.Н.Т. к Н.В.К. 4 из них есть и в данной подборке. По нашему мнению, обе публикации, несмотря на различия в критериях отбора материала, хорошо дополняют друг друга. — Ред.

верхах советской культуры и почему это происходило? куда и как двигалась наша мораль?

Написанное еще в эмиграции «Детство Никиты» Толстой назвал «повестью о многих прекрасных вещах». Корней Чуковский говорил, что это была его настоящая, внутренняя тема. Даже не тема — утопия, из которой выводилась формула счастья.

Среди «многих превосходных вещей» долгие годы у Толстого на первом месте стояла любовь. Она воодушевляла и одушевляла его напряженнейший литературный труд.

Вопрос в том, была ли для Толстого любовь идеей одухотворяющей?

Найти внутреннюю положительную идею жизни Толстой пытался долгие годы. Само любовное чувство к Наталии Крандиевской вело его за собой. В одном из ранних писем к ней он утверждал: «Истинный труд, задача всей жизни — это работа с тобой. Любовь к тебе и работа с тобой — вот всё» (февр. 1915).

Каким Толстой представлял себе человеческое существование в те, ранние годы его отношений с Наталией Васильевной, видно по первому же его письму к ней осенью 1914: «/.../ земля будет чудесной для нас, и мы будем казаться чудесными людьми. Мы возьмем от любви, от земли, от радости, от жизни всё, и /.../ после нас останется то, что называют — чудом, искусством, красотой».

Взял Толстой много даже в самые нищие времена.

Каким он казался — видно по многочисленным мемуарам, изданным в СССР и в Зарубежье.

Что от него *осталось* как от художника — известно самым широким читательским кругам.

Но каким Толстой *был* как личность — об этом дает представление его переписка с женой.

По ней читатель, вероятно, отметит и гедонистический склад толстовского мироощущения, и его упоение вешным, внедуховным комфортом, и его тайное отрицание достоинства в другом человеке, и его бессознательное неприятие «человека с идеей», и его принципиальный эгоцентризм... Впрочем, откажемся от подсказок. Напомним только, что еще в 1913 А.А. Блок увидел, как «много в Толстом и крови, и жиру, и похоти, и дворянства, и таланта», как творчество его «испорчено хулиганством, незрелым отношением к жизни, отсутствием художественной меры»; Блок почувствовал, что грозит Толстому «нарушение одного — той заповеди, без исполнения которой жизнь и творчество распыляются» (А.А. Блок. Собр. соч. в 8 тт. Т.7. М.-Л., 1963, с.221).

Что же касается лейтмотива тех писем Толстого к Крандиевской, которые предшествуют публикуемым, то вот он: «Ты мне дала такое счастье, о котором я не мечтал» (1915), «Если ты умрешь, то и я — сейчас же за тобой» (1928).

Письма А.Н. Толстого и (в комментариях) Н.В. Крандиевской публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Лишь в некоторых случаях сохранены индивидуальные или имеющие интонационное значение особенности текстов.

15 дек. 1929 [Детское Село]¹

Что нас разъединяет? То, что мы проводим жизнь в разных мирах. Ты в думах, в заботах о детях и мне, в книгах, я — в фантазии, которая меня опустошает. Когда я прихожу в столовую или в твою комнату, — я сваливаюсь из совсем другого мира. Часто бывает ощущение, что я прихожу в гости. Второе, что нас разъединяет: — ты понимаешь происходящее вокруг нас, всю бешеную ломку, стройку, все жестокости и все вспышки ужасных усилий превратить нашу страну в нечто неизмеримо лучшее. Ты это понимаешь, я знаю и вижу. Но ты, как женщина, как мать, инстинктом страшишься происходящего, всего неустойчивого, всего, что летит, опрокидывая. Повторяю, — так будет бояться всякая женщина за свою семью, за сыновей, за мужа. Я устроен так, — (иначе бы я не был художником), — что влекусь ко всему летящему, текучему, опрокидывающему. Здесь моя пожива, это меня возбуждает, я чувствую, что не даром попираю землю, что и я несу сюда вклад.

Когда тыходишь в столовую, где бабушка² раскладывает пашанс, тебя это успокаивает. На меня наводит тоску. От тишины я тоскую. У меня всегда был этот душевный изъян — боязнь скуки.

Не думай, что эта разность в ощущениях жизни не должна сказаться на взаимоотношениях. На тебя болезненно действует убожество окружающей жизни, хари и морды, хамовато лезущие туда, куда должны бы входить с уважением. Дегенерат, хам с чубом и волосатыми ноздрями — повергает тебя в содрогание, иногда он заслоняет от тебя все происходящее. Я стараюсь этого не замечать, иначе я не увижу того, что тот заслоняет. Хамская рожа мне интересна, как наблюдение.

Понимаешь, какая разница в восприятиях? От этого накапливается раздражение, — непонимание, ссоры.

Ты говоришь, мы друг друга не понимаем. Не верно. Очень понимаем, иногда не хотим понимать, потому что сердце зло.

Вот может быть, что ты мало знаешь во мне: — это холод к людям. Я люблю только трех существ на свете, — тебя, Никиту и Митю и отчасти Марьяну³. Но ее как-то странно, — что меня удручает, — когда вижу, люблю, но никогда не скучаю, могу расстаться, как с чужой, на много лет. *Никогда не говори ей этого.*

Когда я бываю на людях, то веселюсь (и меня считают очень веселым), но это веселье будто среди призраков. И это тоже меня удручает. И вот почему я все забываю, даже лица, имена, не говоря уже о словах и жестах.

Единственная живая плоть на земле — это ты и Митька с Никиткой. Я вас очень люблю и очень вам предан. Истинная это любовь, полулюбовь, низкая любовь, — ей-Богу, не знаю. И про то, что такое любовь, не имею понятия. Но знаю, что это все же главное в моей жизни, потому что к работе своей отношусь как-то с холодком: у меня нет острого самолюбия, процесс творчества доставляет истинное наслаждение, но ставлю себе вопрос: будь я обеспеченным человеком, как бы я работал? Наверное, в 10 раз меньше. Я, может быть, нашел бы другую забаву, чтобы скрасить много, много лет дребезжащую во мне тоску земного существования.

Боюсь ли смерти? Теперь почти нет. Но боюсь смерти твоей и детей. Твоей смерти боюсь оттого, что меня будет поминутно преследовать твой образ где-то в непоправимом одиночестве смерти, твоя беззащитность в том неведомом мире. То, что ты ушла. Вот что непереносимо страшно. Что делать, чтобы этого не было, — не знаю. Нужно прощать друг другу и, как мы только можем, любить друг друга, любить как два растения, прижившиеся друг к другу в защиту от черной, непогодной ночи.

2.

12 июля 1930⁴

Милая, голубенькая, очень жалко, что тебя нет со мной. Здесь отдыхаешь с каждым днем на год. Питаемся мы хорошо, осетрина, судак, иногда стерлядь, икра, балык. На пристанях много яиц, молока, копченой рыбы, огурцов, ягод. Вчера я слопал кило малины, с топленным молоком. Всё время было прохладно, сегодня первый жаркий день. Только что вернулись с прогулки по Самаре, был в доме, где я вырос⁵, видел дом отца в развалинах⁶. Узнавал отдельные дома и то, что с ними связано в детстве. Дивная вещь воспоминания. Не знаю, как у тебя, — у меня не вспоминается никаких фактов, ни лиц, не помню ни людей, ни обстановки, но только что-то необъяснимое, как печаль, как будто — неслышимые уху вздохи ушедших теней снова проносятся по ту сторону глаз.

Очень тебя люблю, ужасно. Нам необходимо с тобой отправиться путешествовать. Это решено твердо. Милый, голубенький, не утомляйся, наплюй на мелочи жизни, думай больше о себе. Поцелуй деточек, скажи, что их очень люблю. Я катастрофически толстею. Ужасно.

Твой А.Толстой.

[Январь 1932, Москва]⁷

Моя любимая, родная, одна в мире. Тусинька, неужели ты не чувствуешь, что теперь я люблю тебя сильнее и глубже, чем раньше? Люблю больше, чем себя, как любят свою душу. Ты неувядаемая прелесть моей жизни. Все прекрасное в жизни я воспринимаю через тебя. Иногда мне смертно тебя жалко, когда чувствую твою беспомощность, как тогда, когда ты сидела в больнице со сломанной ножкой. Странно — что я как будто в ту же минуту, видимо, не воспринимал тебя со сломанной ножкой. Но это не верно. Восприятия как-то по-особенному, чудно уходят в глубь меня и там живут и делают свою работу, и не исчезают, но усиливаются. Так всегда по отношению тебя, именно тебя, любовь моя. Так и моя любовь к тебе: — ты часто не веришь ей. Я часто представляю вид как бы человека в полусне, сонно не воспринимающего глубоких переживаний. Но они идут через эту оболочку прямо вглубь. Я это теперь только понял. Какое-нибудь потрясение отзывается не сразу, наружно как будто даже и не действует. Например — кинется на меня человек с ножом. Я не испугаюсь, буду смело и расчетливо бороться. А потом почувствую, что потрясен.

Любовь моя, умоляю и заклинаю тебя — беречься, не носить тяжестей. Пусть будет одна картошка, на все, на все наплевать, кроме твоего здоровья. Будь эгоисткой, ругайся и требуй, но из-за удобства семьи *не смей* жертвовать здоровьем. Обещай мне. Слышишь?

Дела мои таковы. Халатов⁸ посылает завтра приказ печатать «Черное золото»⁹. Здесь, на партконференции, уже наметился поворот к осуждению «левого перегиба». О разрешении за границу он сказал, что до 18-20 все будет устроено. «Недра»¹⁰ независимо от дальнейшего разрешения вопроса о контракте со мной, теперь же выплачивают мне две тысячи. Когда я устрою все эти дела — тогда возьмусь за основное перед отъездом: — устройство переиздания моих книг, т.е. за дело с недровским контрактом.

Ежедневно работаю в комиссии по Дворцу Советов¹¹ и пользуюсь здесь большим почетом. Оказывается, меня назначило верховное правительство, и это большой почет, вроде ордена.

Закончил только что два фельетона о Большом Ленинграде для «Вечерней Москвы»¹².

Остановился сначала в гостинице, но там было так гадко и беспокойно (за стеной два кавказца устраивали еженочно афинские ночи), что переехал к Радиным¹³.

Тусинька, если тебе не трудно, купи и пошли Леле¹⁴ коробку хороших конфет из кооп[ератива] с Мойки и если хватит денег — то купи для Лели *большую* чайную чашку с блюдечком (на Невском в фарфоровом тресте) и пришли посылкой.

Дело в том, что они так милы, так на меня расходуются, что мне совестно.

По поводу тебя (заграница) еще не говорил, но, конечно, это нужно будет сделать, когда мы с тобой приедем в Москву, в конце января. Я уверен, что это дело так же легко будет устроить.

Коля¹³ просит тебе передать, что целует тебе ручки и ножки. Лели нет сейчас дома, она очень тебя любит.

До свиданья, мое счастье, любовь моя, сероглазенькая. Детей всех целую. Младшие пусть не заносятся слишком, и слушаются тебя, старшие пусть не грустят.

Юнкер Шмит из пистолета
Хочет застрелиться.
Юнкер Шмит, честное слово, —
Лето возвратится.¹⁵

Твой всегда и навсегда.

А. Толстой.

4.

18 марта 1932 г. Берлин¹⁶

Тусинька, милая, родная, — начну по порядку: за Столбцами началась Польша, т.е. та же Россия, вернее Россия, какой она была до революции, — нищие, невероятно нищие деревни, жалкие городки, как будто над этой страной остановилось время. В элегантном, в немецком стиле вагоне, кроме меня и еще трех-четырех штатских, — польские офицеры с огромными козырьками фуражек, все в аксельбантах и значках. Вообще такое впечатление, что половина людей в Польше — огромные козырьки с металлическим кантом и перетянутые френчи. Вечером — Варшава. Я и еще один русский пошли минут на двадцать в город — на длиннейшую улицу в унылом стиле Александра Второго. На это провинциальное уныние прицеплено украшение в ультра-

современном стиле — зеленые и красные огненные рекламы, — буквы и линии повсюду, над крышами и вдоль фасадов. Это стеклянные трубки, наполненные светящимся газом. Но шику не вышло, как если бы на провинциальную матрону надеть модную шляпку. В Варшаве пересели в спальный, страшно тесный вагон и легли спать. Зато вагон, который шел с этим же поездом, прямо на Париж, — вот это так вагон — в фешотинском¹⁷ стиле: весь гладкий, лакированный, полосатый — белый и бледно-зеленый, с умопомрачительными какими-то лампочками, кнопками, вешалками, умывальниками: — в стиле Корбюзье... Но нас туда не пустили. Спать было невыносимо жарко. Едва заснул на рассвете. Просыпаюсь, поднял штору, — идет снежок, проносятся близко полотна немецкие, чистенькие фермерские домики. Поля уже оголенные и только чуть-чуть по прошлогодней траве запорошены снежком. Мгла, и во мгле — пейзаж Запада, Европы. Потом огромные предместья Берлина, дома, заводы, газовые баки, дымы и первый вокзал. Мы вышли и пересели на круговую дорогу. Вагоны как в метро, новые. А старые, ты помнишь их? — в Варшаве, — немцы их загнали полякам. Перед Берлином я пошел в вагон-ресторан, — пахнет сигарами, умопомрачительный кофе-фильтр, булочки с тмином, мед и варенье. И ни одного военного. Порядок. Старая культура. На Цо меня встретили Тэр¹⁸ и Ионов¹⁹. Вышли на Курфюрстендам. Совсем тепло, люди в демисезонном. А на мне шубища и проклятая шапка, как у турка, в руке паршивый чемоданишка. Ионов ушел, а Тэр, — милый и обязательный человек, сразу, не заходя даже в пансион, начал приводить меня в человеческий вид. Первое, — привел к Гринфельду, это на углу Курфюрстендам и Иохимсталлерштрассе (кажется), это, Тусинька, не магазин, а не то сон, не то дворец. Какой-нибудь Шерве — грязная лачуга. Окна, вертящаяся дверь, — стекло и никель. Внутри — стекло, никель и лимонное дерево. Круглый лифт — стекло и никель в круглой шахте из стекла и никеля. Обращение самое вежливое. Я, Тусинька, в своей шубище и турецкой шапке, небритый и грязный, прямо тебе говорю, — заробел. Но шеф магазина и продавщицы, не продавщицы, а прямо ученые лаборантки, — хоть бы хны. И сразу на сто тридцать марок. Тут я не выдержал и купил тебе, Тусинька, купальный халат, какой-то светлый с зелеными попугаями, цвета зеленой мечты и с воротником шалью. В этом купальном халате ты смело можешь ходить по Невскому, надевая его вместо вечернего сорти де баль. От Гринфельда в Кадеве²⁰. Но там одежда — хлам. Кинулись напротив. Я уже ничего не понимаю — в глазах не рябит, а помрачение, купили

пальто, — мечта, выдающее пальто, боязно даже надевать (100 марок). Пальто надел, шубу наконец оставил (в магазине) и в проклятой шапке — совсем турок. Опять кинулся в KDW за шляпой, — настоящая барселина, серая, мечта, страшно надеть на кончики волос, замараешь. И заметь, — я тут же все на себя новое надеваю, старое оставляю, чтобы присылали. В Саламандре — башмаки желтые, 15,5 марок, мечта, жалко ходить. Потом парфюмерия, очки и еще что-то. Потом разменяли чек, я сейчас же отдал Тэру 700 марок для Крючковой²¹. И я на глазах худею, лицо стало худое, как у сумасшедшего. Только в 4 часа попал в пансион, сел в ванну, побрился, оделся во все гринфельдовское, отдохнул и обедать к Кемпинскому на углу Фазаненштрассе: не дорого и не хуже чем у Прюпье. Вот где я загоревал, что тебя нет со мной! Первое — устрицы, потом отварная форель, потом шоп-мутон-грилье и бутылку Либфрауенмилх, кофе-фильтр. Поел, пришел в себя, наблюдаю. Народу не слишком много и народ не слишком веселый. Кризис здесь ужасающий. Заводы работают почти что исключительно на нас. 6 миллионов безработных. Когда я ходил по магазинам (и в этот день, и в следующие), то такая картина: — помнишь, в конце Лейпцигерштрассе, огромный магазин кожаных вещей, чемоданы и прочее? Я зашел туда в пятом часу, и я был *один* в магазине, ко мне со всех сторон подходили сдержанной иноходью заведующий, помощник заведующего и приказчики. И так почти *езде*. У Гринфельда я лучший покупатель (на 120 марок) и я уже хамлю. Вообще говоря — в первый же день я, в первый раз в моей жизни, почувствовал себя, не как раньше бывало: — приехал из России и чувствуешь, что — варвар и робеешь после каждого слова — *bitte*, — я теперь почувствовал себя так, будто не я, а они варвары. Между прочим, если в магазине ты показываешь красный, советский паспорт, то во многих, даже в KDW — 10% скидки, а часы я купил, как советский гражданин, — с 30% скидки. Вот это — лихо!

Ну, так вот, у Кемпинского — буржуа с несколько отшибленными мозгами. Только один какой-то весельчак — лицо, как красная тыква, монокль, две старые дамы и подросток, — всем домом. Странно было смотреть на служащего мальчика: одетый чудно, в расшитую курточку и в круглой шапочке на резинке — на ухо, вроде обезьянки, хорошенький, лет 12-ти (похож на нашего Никиту). Я подумал: ему бы учиться, да в ВУЗ. Затем — пошел в кафе, потом побродил по улицам. Ночью фантастика: фасады домов очерчены красными, синими, желтыми огненными линиями, буквами, рисунками. Витрины залиты светом, за стек-

лами манекены, фифишки с заломленными руками, во вкусе Фе-фочки: до того испорченные на вид, что даже за куклу — жутко. По зеркальному асфальту вереницы машин, — главное движение вечером, до 12-ти. Под конец пошел разлагаться в Какаду. Только вошел: — метр д'отель указывает на столик. Сел: — рюмку вина. Метр д'отель уверенно: — этот столик заказывает только шамвейн. Я оробел: не уходить же. Хорошо: принесли бутылку. Сейчас же за столик сели две фифишки и сразу выпили мою бутылку. Чувствую, что надо веселиться, но — кругом все те же невеселые лица, хотя кабачок самый первоклассный, с джасом, с воздушными шарами и сольными номерами. Лица всё какие-то стертые, будто здесь давно уже отвеселились, а сейчас сидят только потому, что дальше итти некуда и буржуазная культура ничего лучшего предоставить не может. Фифишки, вылакав мою бутылку, заговорили со мной на тему о самоубийстве, из чего я понял, что ощущение этого «Какаду» было у меня не субъективное. Один из сольных номеров была «дикая»: выскочила фифишка небольшого роста с очень худыми ногами, одета в пояс из мочалы и в какой-то папахе, затрясла плечами, задрыгала и, делая дикое лицо, как-то причмокивала, вроде: «чик, чик»... На этом номере закончилось мое разложение, и я пошел спать и от усталости и от хаоса в голове почти не спал до утра.

На улицах, в толпе ты видишь юношей, — это уже новое, — в спортивных костюмах, в беретах, они идут решительными шагами, глядя вверх голов, вверх гибнущей этой Германии. Вчера я спросил о них у нашего посла Хинчука²² (обаятельный человек, большой культуры, старый немецкий студент). Он сказал, что эти юноши или коммунисты или фашисты. В Германии сейчас активны только эти две силы. Завтра я вижу с одним немецким коммунистом, и он обещал повозить меня в машине по Берлину. Несмотря на хаос в голове, у меня очень острое восприятие окружающего. Жалко, что так мало времени и денег.

Каганского²³ я видел, он мне должен. Сказал, что завтра в понедельник рассчитается. Вид у него жалкий и пришибленный, но сдастся, что марок хотя бы 1000 я с него все же сорву. Вчера 19-го получил твою телеграмму. Если Каг[анский] не заплатит, я все же как-нибудь вывернусь. Заказал костюм, только что принесли его (пишу утром [в] воскресенье, а начал позавчера вечером). Костюм такой, что хочется взять стул, сесть против него и плакать счастливыми слезами, — 140 марок, причем я получил, как советский гражданин, 30% скидки.

Тусинька, скажи Никите, что линейки и ручки я заказал у Тэра. О радиоаппаратуре просил навести справки. Что купить Мите в Италии? Старчакову²⁴ купил садовый ножик.

Нежно целую тебя. Пиши мне на адрес Горького, не сюда. К Горькому выеду 24-25-го.

Целуй всех. Марьянины поручения будут исполнены. Воротнички Фефочке будут полумягкие.

Твой Алексей Толстой.

5.

20 октября 1934 г. [Москва]²⁵

Милая, родная Тусинька, посылаю тебе письмо Лизаветы²⁶ к Леле¹⁴. Лизавета рассчитывает, что я его прочту и таким образом косвенно нажалуются и оправдаются. Письмо похоже на бред. Пожалуйста, Тусенька, сообщи Лизавете, что я никаких счетов и оправданий у нее принимать не буду и что ты — высшая инстанция.

Но только нужно спокойно все просмотреть, все высчитать, подсчитать и затем обдумать — что делать: — подать ли прокурору. С одной стороны необходимо проучить, нельзя оставлять безнаказанным преступление, но нужно учесть грязь, которая поднимется на суде: ведь придется свидетелями выступать нашим детям, Пушкиным²⁷ и бабушке. Учти все это — спокойно и разумно. Я очень жалею тебя, бедняжку, что пришлось окунуться в это болото. Нужно подыскать человека. Леля здесь не знает.

Ты мало пишешь о Мите, — как он поступил в Консерваторию и что написал в наше отсутствие.

Дела мои обстоят так: сюда приехал режиссер Петров²⁸. Фильм «Петр» предполагается грандиозный, сниматься он будет по-русски и по-французски одновременно с русскими и французскими актерами. В конце ноября меня с Петровым посылают в Париж на несколько дней, провести рекламу фильма. На фильм ассигновано, кроме валюты, 5 мил. руб.

Борис Липатов²⁹ оскандалился с сценарием, — написал возмутительную и наглую халтуру, Петра по Липатову, где нет ни черточки из моего романа. Липатова я из дела выкидываю. Эти дни работаю с Петровым над планом сценария.

Затем пишу новую главу для 18-го года, работаю с Минцем³⁰ над материалами.

С машиной — неопределенно. Получено сведение, что постройка ее приостановлена, так как не годится наша сталь для штамповочных частей и эту листовую сталь выписали из-за границы. Завтра туда (в Нижний) едет один верный человек и мне протелеграфирует точную картину. Все же мне придется числа 24-го поехать в Нижний самому, это все мне советуют³¹. О заграничной машине говорил с Генрихом Григорьевичем³², — он мне поможет, на днях буду говорить с наркомом по внешторгу — Розенгольцем³³. Затяжка с машинами меня ужасно мучает и мешает работать. Но, стиснув зубы, нужно все довести до конца. Я рассчитываю поехать домой числа 26-го. Тусинька, заяви всем, что в хозяйство и в разбирательство с Лизаветой я входить не буду, — я — не хозяин.

Думаю, что машина будет готова к середине ноября, с переводом денег и с посылкой человека я все налажу. Мне не хочется посылать Константина³⁴, так как его отсутствие будет продолжаться, может быть, с неделю, и мы лишимся в самое гнусное время транспорта.

Целую тебя, моя дорогая Туся, — поцелуй Митю, Никиту, Машку, привет Волькенштейнам³⁵ и моим сватьям Радловым³⁶. Кланяйся Пушкиным.

Что с Тетерскими?³⁷ Пожалуйста, напиши мне обо всем сейчас же и подробнее.

А.Т.

6.

[1934, между 20 окт. и 1 ноября. Москва]

Милая Тусинька, — я упрямо добиваюсь своего, т.е. или получить машину, или — точный срок, когда она будет готова. Я обжаловал в Совнарком канитель, разводимую заводом, и уже дано дополнительное распоряжение о выдаче мне машины. Завтра получу бумагу и все точные сведения.

Сегодня получил разрешение на заграничную машину. По совету Халатова, я еще не говорил о рассрочке платежа, — пока нужно добиться определенных результатов с русской машиной.

Читаю рукописи по гражданской войне, делаю выписки. Чувствую себя неважно, каждый день болит голова, как-то по-особенному. Коля¹³ захворал, — у него, видимо, воспаление почечных лоханок. Несколько раз виделся с Генрихом Григорьевичем³², он мне дает потрясающий материал для «19-го года»³⁸, материал совершенно неизвестный. В романе это будет сенсационно.

Тусинька, пожалуйста, никому не сообщай, когда я приеду. (Я надеюсь быть *первого*.) Иначе меня замучают статьями и разными интервью перед октябрьскими торжествами. Я уже здесь выступил на предсъездовском колхозном собрании с речью³⁹ и сейчас скрываюсь от газетчиков. Завтра везу Дюну⁴⁰ к Бубнову⁴¹. Он у нее был и очень ее хвалил (мне). У Коли для Никиты купил спортивный костюм из чудного английского сукна, с короткими штанами. Мальчишка должен его носить, иначе набью морду, так ему и передай.

Если будет холодно — захвати в машину ватное пальто. Льву⁴² передай, что с «Нафтой»⁴³ пока ничего не выходит, Накаряков⁴⁴ уклоняется от переиздания.

Нежно целую тебя. Поцелуй всех детей.

Твой А.Т.

7.

8 марта [1935, Москва]⁴⁵

Тусинька, милая, Слава Малох⁴⁶ тебе передаст на словах, что сделано: машина готова, Костя молнировал сейчас из Нижнего, деньги (10000) сегодня перевожу.

Сегодня в Горках⁴⁷ читаю оперу⁴⁸ Ворошилову⁴⁹ (вместе с Шапориным⁵⁰). Пиноккио⁵¹ читал там же 6-го. Очень понравилась. Там была Марья Игнатьевна⁵² (10-го она уезжает обратно). Она берет Пиноккио для Англии, рисунки будет делать Славка⁴⁶.

Славка передаст для Никиты черное кожаное пальто на меху. Кожа очень хорошая. Его можно будет отдать портному — переделать поладнее. Халатов тоже заказал для Никиты кожаное пальто коричневое. Дня через три получу.

По поводу Бьюика (который уже выписан) пойду узнавать подробности 10-го. 9-го еду в Орехово-Зуево. Для удовлетворения твоего честолюбия (и для объяснения этого поступка) посылаю тебе адрес.

С 10-го числа начну кончать Пиноккио. Живу я частью у Коли¹³, частью в Горках, но больше бегаю, мотаюсь, звоню, пишу и пр. Веду себя благоразумно настолько, что Крючков (в Горках в 2 часа ночи за столом, уставленным бутылками), когда я готовил коктейли, а сам пил нарзан с апельсиновым соком, — Крючков сказал, что пришел Антихрист!

Чувствую себя хорошо, но очень мало сплю, часов по 5, так как будят утренние звонки.

Тусинька, милая, в связи с тем, что из Ленинграда столько теперь высылают⁵³, думаю, что мне благоразумнее подождать числа до 20-25 здесь. Меня же замучают звонками и просьбами. Лучше такое острое время просидеть здесь, в Горках. Правда?

Старую машину покуда в ремонт не отдавай, — до моего отъезда. Мы ее устроим на военный завод. Меня очень беспокоит Никитино состояние. Его нужно свозить к Бадмаеву⁵⁴, сделай это, пожалуйста. Передай Мите, что Кубацкий⁵⁵ очень просит его написать ему письмо о Митиных работах и взглядах на жизнь.

Адрес Кубацкого: Москва, гостиница «Савой», комната №20.
Нежно целую тебя. Поцелуй детей всех.

Твой А.Толстой.

8.

[Март 1935, после 8-го]

Тусинька, милая, о детях Жирковичей⁵⁶ я уже говорил с Г.Г.³² Думаю, что это дело можно будет устроить. Сегодня буду говорить еще раз. Я в колебании — возвращаться ли домой или переждать еще немного.

За все время не выпил ни одной капли, и это дело у меня поставлено твердо.

Написал одну главу Пиноккио. Захватил грипп и вкатил себе уротропин в кремлевской больнице. Оказывается, они делают до 5 вливаний.

Тусинька, когда придет машина, — телеграфируй. Живу в Горках, то здесь, у Коли¹³. Его нужно отправить за границу, и с этим хлопот полон рот.

Напиши мне, как вы живете.

Целую тебя и детей.

Твой А.Т.

Еще неприятность, — болен Минц, и это задерживает соби-
рание материала для 19 года.

9.

[Март 1935, после 8-го]

Милая, родная Наташа, все хлопоты, кажется, окончились благополучно. Пришлось немало потратить сил на это. Я получил очень интересные данные для романа⁵⁷, и теперь не только

**Н.М. Толстая (Лозинская) и Н.В. Толстая (Крандиевская).
Около 1935.**

**Вверху, слева направо: (?), А.Н. Толстой, А.А. Фадеев.
Внизу: Лаганский, (?), А.М. Безыменский. Конец 1930-х.**

могу начать писать, но мне хочется начать; начну с 1-го апреля, параллельно заканчивая Пиноккио.

Написал еще одну главку (среди суеты), до 26-го напишу еще 2 главы. 26-го день рождения Алексея Максимовича⁵⁸, и 27-го думаю ехать наконец домой.

Время все же проведено здесь с пользой. Если бы я был в Детском — все равно пришлось бы ехать в Москву, да еще как бы вышло, опоздал бы и т.п.

Тусинька, больше писем *таких*⁵⁹ мне не пиши. Пока нужно передохнуть и дать возможность другим передохнуть от меня.

Завтра еду в Наркомвнешторг узнавать относительно Бьюика. Никитке никак не могу купить на костюм из-за денег, все же обещают достать.

Пожалуйста, когда придет машина, — телеграфируй.

Я по вас всех, мои родные и милые, соскучился и с наслаждением вернусь в родное гнездо.

Сегодня звонил Михаил Александрович⁶⁰, хотел встретиться вечером, но у него мигрень, в театр иду без него. Был у старых Бончей⁶¹: взял с собой Ираклия⁶². Я его беру уже третий раз, хожу с ним как со своим двойником. Он всех уложил. Веду себя добродетельно, вчера парился в бане (в Горках), выгонял остатки гриппа. Сердце — ничего, только много пью кофе.

Целую тебя, душенька, сыновьям и дочери посылаю отеческое благословение.

10.

21 июня 1935 [Париж]⁶³

Тусинька, моя родная, сегодня приехал в Париж через Диеп и сразу же начал с 9 часов вечера заседать на конференции. Вот уже 5-6 дней, как я сплю часа по 4 и чувствую себя прекрасно. Поездка так интересна, что жалко терять часы. Первое Гамбург, где я весь день шатался с капитаном⁶⁴. Мертвый порт (раньше был второй в мире, теперь на последнем). Доки, краны, заводы, верфи, дымы, шпицы колоколен, огромные кирпичные здания складов, каналы, мосты. При въезде, на мертвом якоре стоит знаменитая «Кап-Полония» — она уже никогда не выйдет в море, ее внутренность, всю роскошь — съели крысы. Порт пуст, город точно задремал, — это Германия.

На следующую ночь в Северном море попали в шторм. В моей каюте было все перебито. Затем через день, в туман и дождь, в

непроглядную ночь подошли к Лондону. Тусинька, этот город меня подавил величием и грандиозностью. В нем нет плана, бесчисленные, роскошные, кривые улицы, дворцы, древние церкви из прокопченного камня с белыми потеками, парки, парки. Я ночевал в Сент-Джемском парке в нашем посольстве, и в 7 часов меня разбудили соловьи под окном. В 10 часов сел в поезд, в купе, где сидел старый, гнусный мышиный жеребчик, все прихрашивался, и с ним девчонка с собачонкой. Это был Н.Х. Денисов⁶⁵, глава антисоветского движения, наш лютей враг. Мы сделали вид, что не узнали друг друга.

Зеленые холмы, пастбища, дубовые рощи и однообразные линии рабочих поселков, Нью-Хафен, светло-туманный голубой Ламанш и Диеп с заржавленными пароходами, старенькими кафе, пыльными улочками и лодырями на набережной. Затем фруктовые сады, сады, сады, холмы — Франция, жара, — все старое, неторопливое. Затем грязный прокопченный Гар Сен-Лазар и Париж, — точно я никогда не уезжал отсюда, точно время остановилось над городом.

После Лондона — Париж провинциален, мал, грязен. У меня к нему странное чувство, как при встрече с другом, с постаревшим, но не изменившим ни одной из своих привычек, рассказывающим все те же рассказы. Стою Boulev. St. Germain, Hôtel Palace.

Целую тебя. Все поручения исполню. С капитаном посылаю тебе пустяки.

Целую всех.

А.Толстой.

11.

[Между 22 июня и 5 июля 1935. Париж]

Наташенька, друг мой милый, спасибо за письма, ты дивный и прелестный человек.

То, что я чувствую, бродя по этому городу, очень сложно и трудно высказать. Впервые я почувствовал огромность расстояния между собой и этой жизнью. Париж — это какой-то город призраков, мертвецов. Вчера я прошел пешком по С.Мишелю и Монпарнасу, мимо залитых светом кафе, глядел на некрасивые (красивых здесь нет, еще не видел) лица, на жесты, на все поведение бесчисленного множества людей, — и меня охватила такая отчаянная тоска, что я с недоумением остановился (в темной

части бульвара, где Бал-Бюлье). Жизнь — без цели, без заботы, без связи друг с другом. Они сидят, пьют, ходят, смеются, — потому что другого они не знают, а это — не весело, это — с погасшими глазами. Надо же где-то и как-то провести вечерний досуг, развлечься. На Монпарнасе в новых, огромных, как целая площадь, кафе — страшные лица сутенеров, потенциальных и явных преступников, усталые девки. И ни одного живого лица, призраки под призрачным светом всевозможных реклам из красных, синих светящихся трубок.

Париж переживает страшный кризис — моральный и материальный. Того очарования, которое чудилось тебе за каждым окошком или в перспективе далекой улицы, — этого очарования больше нет. Ты скажешь — нет его во мне самом. Неправда. Именно во мне самом теперь его больше, чем было 20-15 лет назад. Но здесь у людей потухшие глаза. Умерла радость жизни.

Я встретил Саломею⁶⁶, она расплакалась от волнения. Она расспрашивала о России, как о стране чудес, как бы мертвые расспрашивали о жизни, о земле. Я чувствую, что мы морально другого склада, мы высшие — чем здесь. (Между прочим, Саломея служит в каких-то портновских домах или где-то по женской части, и она тебе все достанет по фабричным ценам).

Вчера пошел в Фоли-Бержер, где обычно были блестящие ревью, — там (вместо ревью) показывали фильм из жизни диких птиц и еще какую-то мещанскую, невыразимо-глупую картину.

Вчера встретился с Vandal'ем — это один из директоров кинофабрики, которая принимает участие в постановке «Петра»⁶⁷. Мы договорились, что я выписываю Петрова²⁸ и в Нормандии на даче у Vandal'я обрабатываю французский экземпляр либретто. Я рассчитываю вернуться на «Смольном» (если удастся закончить работу числу к 12-му).

Тимоша⁶⁸ приехала вчера из Лондона и через два дня едет в Италию; в Голландию она (с Кориным⁶⁹) не едет.

Крепко целую тебя. До следующего письма. Здесь сплю — часов пять. Устаю до потери ног.

Твой Толстой.

12.

6 июля 1935. Амстердам

Тусинька, милая, родная, наконец-то я в Амстердаме у Лео Губертовича⁷⁰. Париж последних дней был сплошным сумасшедшим домом. С 9 утра в разных бистро, напротив моей гостиницы

меня караулили разные люди, с разными просьбами. Непрерывно трещал телефон. За мной гонялись представители двух кинофабрик, находили меня в кафе на Елисейских полях, в опустевших залах отеля Кляридж. Эти опустевшие залы, эти грандиозные кафе, невероятной роскоши, где сидишь один, — производят впечатление, как на вымирающей планете. Париж более жуткий, чем Берлин 32-го года. Все это расскажу по приезде. В Амстердам я попал как к себе домой. Ветер, серое небо, холодные каналы напоминают Ленинград. До чего дивный город! Сразу понимаешь Петра, его замыслы и мечты о парадизе. Заросшие столетними ясенями каналы, мосты, баржи и зубчатые, кирпичные дома с плоскими фасадами...

Я переночевал в Амстер-отеле, чинной, тихой, роскошной, настоящей голландской гостинице, и утром ко мне приехал Лео Губертович. Он встретил меня как родного сына. Ты помнишь его? — изумительный и очаровательный человек. И это особенно чувствительно после парижской публики — после всей сволочи, жуков, жуликов, неврастеников, людей, потерявших чувство простой человеческой морали.

9-го плыву в Лондон и там 13-го сажусь на «Смольный». Лео Губертович тебе посылает лорнет. Все, что ты просила, и *многое другое* исполнено. Сегодня поедем посмотреть машину. Эта поездка, как ни одна, как никогда в моей жизни, — была так наполнена самыми глубокими впечатлениями. Я высосал все, что можно, до последней капли. Зато и спал все это время 3,5 - 4 часа. Но сегодня выспался в тихом Амстердаме, окнами на широкий канал.

Нежно целую тебя и детей. Л.Г. шлет привет.

Твой А.Толстой.

13.

10-13 июля 1935, Лондон

Милая Тусенька, я выезжаю из Лондона на пароходе «Кооперация». Задержался я из-за того, что 14-го подписываю договор с английским издателем на «Петра». Из Парижа я вывез дочь Лизы Кузьминой-Караваевой, Гаяну⁷¹. Она жила в нечеловеческих условиях и кроме того была лишена права работы. Девочка умная, коммунистка, ей нужно учиться в ВУЗе. Я думаю так: — до осени она будет в Детском, а осенью — в прежней комнате Марьяны у Дымшица⁷². Всю историю про Лизу (она монахиня) и про

Гаяну расскажу подробно. С этим пароходом, на «Смольном» я посылаю пакеты: — 1) прожектор, автомобильные часы и полировочную воду, 2) 2 моих старых костюма, 3) грязное бельишко, 4) табак. Пожалуйста, Тусинька, выручи эти пакеты, — если будет затруднение. Для этого нужно обратиться к Даниилу Яковлевичу Грачу⁷³.

Здесь я пропадаю в Британском музее. Грандиозно, целые новые миры. Зимой, видимо, пойдет моя пьеса и *мы с тобой приедем* в Лондон обязательно. Лондон подавляет. Вчера ночью мы бродили по Темзе с Добужинским⁷⁴.

Нежно целую тебя, моя дорогая душа.

Твой А.Толстой.

14.

Август 1935, Детское Село⁷⁵

Тусинька, чудная душа, очень приятно находить на подушке перед сном стихи пушкинской прелести⁷⁶. Но только образ равнодушный не светится за окном — поверь мне. Было и минуло навсегда.

Вчера на заседании я провел интересную вещь: чистку писателей⁷⁷. Это будет ведерком кипятку в муравейник.

Сегодня попробовал начать роман⁷⁸. Но чувствую себя очень плохо, — кашляю, болит голова, гудит, как колокол в пещере.

Целую тебя, душенька.

А.Толстой.

15.

1 сент. 1935, Детское Село

Милая Тусинька, мне сегодня легче, завтра принимаю порошок, который ты прислала, а вечером Баранов⁷⁹ во второй раз впрыснет уротропин. В общем, очень хорошо, что я заболел в эти дни, т.к. мне бы пришлось писать направо и налево о Барбюсе и сегодня ехать в Москву на похороны⁸⁰. (Я в комиссии по похоронам).

3-го я на завтрак на яхту *не* приеду, пожалуйста, передай это Генриху⁸¹. Очень много прочитал эти дни, составил часть плана и завтра попробую начать уже писать (если не будет болеть голова).

Живем мы тихо. Вчера была Валентина⁸², потом приехали Чагин⁸³ и Лев⁸⁴ с женами, но не надолго. Приходит Старчаков, у него ишьяс, голова полна Львом Толстым. Сегодня заходил ласковый Костя⁸⁵. Гаяна⁷¹ на макаронной фабрике переведена в лабораторию. Людмила⁸⁶ очень мне помогает, т.к. все заботы я переложил на нее. Оказывается, у нас не заплачено 7 месяцев за аренду и накопились пени.

Спроси, пожалуйста, Никиту — куда он девал две выигранных повестки? Это с его стороны ужасное свинство. Я просил его найти у тебя в бюро. Он даже такой мелочи для меня сделать не может. Думаю, что эти квитанции просто он куда-нибудь бросил.

Целую тебя, Тусинька, родная. 3 и 4 я в город не поеду, боюсь. Может быть 6-го ты приедешь с Митей? Устроим вам чудный обед.

Твой А. Толстой.

Через Никиту передал тебе записочку.

16.

27 октября 1935, гост. «Метрополь» [Москва]⁸⁷

Милая Наташа, я не писал тебе не потому, что был равнодушен к твоей жизни. Я много страдал, много думал и продумывал снова и снова то решение, к которому я пришел. Я не писал тебе потому, что обстановка (внутренняя) нашего дома и твое отношение и отношение нашей семьи ко мне никак не способствовали ни к пониманию меня и моих поступков, ни к честной откровенности с моей стороны.

Я остался в Детском один. Я понимал, что это была «временная мера», вроде некоторой изоляции, с той мыслью, что я, «насладившись» бы одиночеством, снова вернулся к семье. Но я действительно был одинок, как чорт в пустыне: старухи², Львы⁸⁸ и Федины⁸⁹ и собутыльники. С тобой у нас порвалась нить понимания, доверия и того чувства, когда принимают человека всего, со всеми его недостатками, ошибками и достоинствами и не требуют от человека того, что дать он не может. Порвалось, вернее разбилось то хрупкое, что нельзя склеить никаким клеем. В мой дом пришла Людмила. Что было в ней, я не могу тебе сказать, или вернее — не стоит сейчас говорить. Но с первых же дней у меня было ощущение утоления какой-то давнишней жажды. Наши отношения были чистыми и с моей стороны взволнованными.

Так бы, наверно, долго продолжалось, и, может быть, наши отношения перешли [бы] в горячую дружбу, так как у Людмилы и мысли тогда не было перешагнуть через дружбу и ее ко мне хорошее участие. Вмешался Федор¹⁷. Прежде всего была оскорблена Людмила жестоко и скверно, грязно. И тогда передо мной встало — потерять Людмилу (во имя спасения благополучия моей семьи и моего унылого одиночества). И тогда-то я почувствовал, что потерять Людмилу не могу. Людмила долго со мной боролась, и я честно говорю, что я приложил все усилия, чтобы завоевать ее чувство.

Людмила — моя жена. Туся, это прочно. И я знаю, что пройдет время и ты мне простишь и примешь меня таким, какой я есть.

Пойми и прости за боль, которую я тебе причиняю.

А.Толстой.

17.

Окт.-ноябрь 1935, гост-ца «Метрополь», Москва

Милая Туся, как ты просишь, отсылаю тебе твои письма. В твоих письмах много справедливого и много несправедливого, конечно. Я хочу установить только следующее: никакой аналогии в моих отношениях к тебе — с моими отношениями 20 лет тому назад к С.И.³ Здесь, к тебе, совсем другое. Тебе оскорбительно, когда я говорю о большой, человеческой дружбе к женщине, с которой прожит такой долгий период, и о матери моих детей. Но это так, это чувство к тебе у меня останется. Ты хотела влюбленности, но она миновала, что же тут подедаешь. Ни ты, ни я в этом не виноваты и, с другой стороны, оба причиной того, что она миновала.

Затем, я хочу, чтобы Никита и Митя не считали, что я выкинул их из сердца, забыл, бросил. Пройдет время — они поймут, что это не так. Оба они избалованные дети, они привыкли к активности чувств с нашей стороны и сами не привыкли и не были обучены давать хоть небольшую часть самого себя отцу и матери.

Когда отец их *полюбил человека*, они возмутились (да и все вдруг возмутились) — как он смеет! А мы? А наше благополучие? Отец живет с другой, отец их бросил, брошенная семья и т.д. ... Все это не так, все это оттого, что до моей личной жизни, в конце концов, никому дела не было. Никита меня спросил только (когда узнал, что я уезжаю в Чехословакию) — «куда это тебя еще несет?..» — И все. И зная, что я в вечер отъезда приеду к

тебе, — не остался дома и не простился со мной. Но все это пустое — пусть дети немножко пострадают, это не плохо. Пусть лучше поймут, что плохого и дурного я не делаю и что моя женитьба на Людмиле ни на шаг не отдаляет меня от них, как не отдаляет меня от тебя, Туся.

Теперь о том, как жить дальше. Во-первых, необходимо юридически оформить ту сумму денег, которую получает моя семья. Это я сделаю по возвращении из Кисловодска. Матерьяльно вы не должны зависеть от меня — это основное. Чтобы в наших отношениях не было зависимости самой тяжелой, денежной. Не пойми только, что это я делаю, чтобы «отделаться» от вас... Наоборот, это даст свободу и легкость дальнейших отношений. Пока, до моего возвращения, ты получишь из Гослитиздата от Орлова⁹⁰ — 12 тысяч, из них три нужно дать Генриху⁸¹ за машину и оплатить Гуле⁹¹ ее поездку в Москву (т.к. она ездила по делам «Студии драматурга»)⁹².

Теперь о Детском. Сейчас, до моего отъезда Детское ликвидировать невозможно. Нам с Людмилой некуда деться, кроме гостиниц... В Детском мы жить не будем, в Ленинграде тоже. Может быть, придется месяц-полтора жить в Луге, пока не устроится жилище в Москве или под Москвой. Туда я хочу взять из Детского кабинет, рояль, библиотеку и кое-какие вещи, т.к. покупать и заказывать было бы и хлопотно и дорого. Мне нужно чудовищно много работать, выполнять все взятые на себя обязательства: 2 книги романа (третьей части «Хождения по мукам»), 2 пьесы и 3 сценария — это за 1936 г.⁹³ Такие обязательства взяты были мной еще летом, чтобы заткнуть дыру, в которую уходили несметные деньги. Жить мы намерены очень уединенно и скромно.

Так вот, — Луга, к сожалению, — пока что, почти что неизбежна для нас. Я и сам бы не хотел, но куда деться? С Ленинградом я связан Ленфильмом⁹⁴ и «Студией Драматурга». С Москвой пьесами, романом⁹⁵ и общественной нагрузкой⁹⁶. Поэтому жить где-нибудь на Кавказе или в Крыму невозможно.

Детское же я держу пока из-за старух², из-за вещей и книг и из-за людей. Лену⁹⁷ мы возьмем с собой, Константина³⁴, если захочет, тоже.

Прости, Туся, что не отвечал тебе, — но здесь было такое количество работы, людей и дел, что сосредоточиться не находилось времени. Пишу и сейчас — урвав время между двумя деловыми визитами.

Поцелуй детей.

А. Толстой.

23 ноября 1935 г. Гост-ца «Гагры», Гагры

Милая Туся, дача в Луге, на которую я рассчитывал, провалилась. Дача под Москвой — я сейчас хлопочу о ней — будет готова не раньше будущей осени. Надо мной нависла угроза провала всего плана моих работ на 36-й год, — а это означает финансовое бедствие, которое коснется всех нас. Поэтому мне необходимо немедленно после отдыха вернуться в Детское и упорно засесть за работу. Гуля⁹¹ мне писала, что с устройством в дом престарелых писателей бабушки Крандиевской ничего не вышло. И не надо. Пусть бабушка остается в Детском — у ней хватит благоразумия не вмешиваться в мои личные дела и личную жизнь. Во всяком случае мне она будет меньшей помехой, чем тебе.

Но пребывание Юлии Ивановны⁹⁸ в Детском невозможно. Я считаю, что Юлия Ивановна должна жить у тебя на Кронверкском. Мелкие шероховатости, которые будут происходить от ее пребывания в твоём доме, неизмеримо меньше тех болезненных разговоров и пересудов и передач, какие неминуемы, если она, проживая в Детском, будет появляться на Кронверкском. А это неизбежно, т.к. смысл жизни Ю.И. в детях.

Таким образом, я считаю необходимым поделить так: бабушку Крандиевскую — мне, Юлию Ивановну — тебе. Я очень прошу тебя, по возможности немедленно подтвердить твое согласие. В Гаграх мы хотим пробыть до 14 декабря, но погода с каждым днем сильнее портится, и мы, очевидно, сократим срок.

Поцелуй Никиту и Митю, поцелуй Марьяну. Получил ли Митя 4 пары шерстяных чулок?

Твой А.Толстой⁹⁹.

5 декабря 1935 г. Гагры

Прочел и возвращаю Дюнино⁴⁰ письмо и твои, как ты просила.

Между прочим, я считаю, что наши письма уничтожаться не должны, так как они принадлежат истории литературы и поступки вроде бабушки Крандиевской, спалившей архив¹⁰⁰, — преступление, не оправдываемое ничем.

В Дюнином письме и в твоих стихах снова и снова поразило меня одно: — это безусловная уверенность в том, что я существо низшего порядка, проявившее себя наконец в мелких страстишках¹⁰¹. Я никогда не утверждал себя, как самодовлеющую и избранную личность, я никогда не был домашним тираном. Я всегда, как художник и человек, отдавал себя суду. Я представлял тебе возможность быть первым человеком в семье. Неужели все это вместе должно было привести к тому, что я, прошедший сквозь невзгоды и жизненные бури двадцати лет суденышко моей семьи, — оценивался тобой и, значит, моими сыновьями, как нечто мелкое и презрительное? Вот к какому абсурду приводит человеческое высокомерие, — потому что только этим я могу объяснить отношение ко мне тебя и моей семьи, отношение, в котором нет уважения ко мне. Печально, если это отношение будет и в дальнейшем у моих сыновей, — так как это, несомненно, отдалит меня от них, и, может быть, в дальнейшей своей жизни они об этом пожалеют.

Художник неотделим от человека. Если я большой художник, значит — большой человек.

Искусство вообще в нашей семье никогда не пользовалось слишком большим пьететом. Напрасно. Погибают народы и цивилизации, не остается даже праха от их величия, но остается бессмертным высшее выражение человеческого духа — искусство. Наша эпоха выносит искусство на первое место по его культурным и социальным задачам. Все это я сознаю и к своим задачам отношусь с чрезвычайной серьезностью, тем более, что они подкреплены горячим отношением и требованиями ко мне миллионов моих сограждан.

Поведение моей жизни может не нравиться тебе и моей семье, но ко мне во всем процессе моей жизни должно относиться с уважением, пусть гневным, но я принимаю отношение только как к большому человеку. Пусть это знают и помнят мои сыновья.

Туся, мне было очень неприятно торопливое разорение Детского. (Твоего письма в Кисловодск я не получал.) Я не собирался лишать семью моего имущества. Первоначально я не хотел даже брать в Москву моего кабинета. Но до отъезда в Москву у меня должен быть дом *для работы*. Прежде всего для работы. Не представляю, что я буду делать в разоренном доме. Покупать мебель у меня нет денег и времени.

Поэтому я прошу — пусть Никита приедет в Детское до нашего приезда и устроит столовую и библиотеку, так, чтобы там

можно было жить. У меня не будет ни одного свободного дня, который я мог бы отдать на домашнее устройство.

Декабрьские деньги ты можешь получить в Гизе*, все 12 тысяч (за вычетом налога) и из них Генриху уплати 2 тысячи (третью я передам сам).

Поцелуй детей.

А.Толстой.¹⁰²

20

9 декабря 1935, гост-ца «Метрополь», Москва

Милая Туся, очевидно, это письмо придет раньше, чем ответ на твое в «Гагры»¹⁰³. Я прошу тебя о следующем: — т.к. мне буквально не будет времени и денег на приобретение вещей, то нужно вернуть в Детское:

1) Столовый сервиз, тот, что ты взяла теперь (серо-голубой). 2) Ковры, если ты их взяла. 3) Стулья и кресла, обитые бархатом (если ты их взяла). 4) Круглый шахматный столик из библиотеки. 5) Если ты взяла люстру из гостиной, то замени ее новой такой, скажем, как у Никиты на Кронверкской. 6) Два петровских стула из столовой. 7) Я не знаю, какие картины ты взяла. Я хочу оставить у себя так называемого Греко («Христос и грешница»). Затем «Череру» школы Фонтенбло (ту, что в столовой), «Марию Египетскую» (Джанпетрино)¹⁰⁴, Теньерса (пейзаж), «Искушение Антония»¹⁰⁵ и ту, что под ней («Крестный путь»), затем непременно «Женщину с лимоном». Я предлагаю тебе два итальянских натюрморта (с арбузом и с капустой) и картину с лисой и уткой. Затем я очень прошу привезти в Детское «Корабли» (те, что у вас над диваном). Все это я прошу вернуть до 14-го, т.к. 14-го я уже буду в Детском. Одновременно пишу об этом Лене⁹⁷.

Ты сама понимаешь, что разоренный дом, где негде сесть, с зияющими стенами, мало подходит для работы, а работать мне нужно сейчас по 8-10 часов в сутки, т.к. дела мои запущены и все грозит финансовой катастрофой.

Поцелуй детей.

А.Толстой.¹⁰⁶

* ГИЗ — Государственное издательство (Прим. публ.).

21.

12 января 1936 г. Детское Село

Милая Туся, самым серьезным образом, мне ничего не нужно, кроме «Кораблей», и только потому, что эта картина может пригодиться, когда я буду писать третью часть Петра. Затем, если Никите не нужен ломберный столик, который стоит у него, пусть пришлет его. Вот и все. Натюрморт в черной раме (испанский) я тебе пришлю. Все это я думаю сделать до отъезда в Москву (19/1) или уже по возвращении — в конце месяца. Сейчас заканчиваю пьесу¹⁰⁷ и мне не до устройства, т.к. пьеса вещь трудная.

Привет.

А.Толстой.

14-го буду в городе и дам распоряжение Орлову⁹⁰ уплатить за рояль в окончательный расчет.

22.

6 марта 1936 г. [Без места]

Милая Туся, я послал тебе испанский натюрморт взамен «Кораблей» и еще три картины. Вместо них я хотел бы получить картину школы Фонтенбло («Цереру»). Я думаю, что такой обмен тебя устраивает.

Относительно денег в Госиздате — я все устроил в Москве.

Привет.

А.Т.

23.

21 марта 1939 г. Барвиха¹⁰⁸

Наташа, я получил тогда же твое письмо и часть дневника¹⁰⁹, но не отвечал, т.к. работаю по 12 часов в сутки и больше. Ты хочешь знать мое мнение о твоём дневнике как о литературном произведении. Во-первых: всякий дневник тогда только ценен, когда он не литературное произведение, а либо след (во времени) наблюдений за людьми, след эпохи, либо след развития своих мыслей, идей, вызванных восприятием эпохи.

Отрывки из твоего дневника — это твои впечатления горожанки, давным-давно не соприкасавшейся с природой. Я это подчеркиваю, т.к. впечатления твои прошиты литературными реминисценциями. Ты живешь в 1939 году в колхозе. Мне (т.е. всякому читающему дневник) интересны *прежде всего* наблюдения над людьми. Т.к. самое важное и самое интересное, что есть в природе, — это вскрытие человека в данной эпохе. Этого в твоём дневнике нет, кроме разговора старухи о самоваре¹¹⁰ да разговора со стряпухой (причем тот и другой разговор мог происходить и 30 лет назад)¹¹¹.

В твоём дневнике я вижу твоё лирическое восприятие природы, в котором где-то человек, как некоторая не слишком интересующая тебя данность. Этого недостаточно, чтобы такое произведение, как твой дневник, стал бы литературой.

Вот все, что я о нем могу сказать. В нем есть хорошее место, когда застывает озеро¹¹². Такое место в рассказе, в повести, было бы ценное, если бы оно несло какую-нибудь службу. События одно трагичнее и страшнее другого совершаются каждый день. Каждый день мы свидетели того, как десятки тысяч людей гибнут от ужасающей несправедливости, в ужасающих мучениях. Сама фантазия бессильно опускает руки перед тем, что совершается. С другой стороны, то, что происходит у нас — грандиозно и величественно, и перед этим бледнеет муза фантазии. Все события отражаются в окружающих нас людях и в нас самих. Писателю творить вне этого нельзя, как нельзя раскладывать пасьянс в пылающем доме.

Представь на минуту, что твой дневник напечатан и попал в руки бйца на китайском фронте, или испанской женщины в Мадриде, или чешской женщины, у которой двое сыновей коммунисты, или наконец: просто в руки нашего колхозника. Прежде всего они не поверят, что он был написан в 1939 году.

Твои воспоминания о Горьком¹¹³ и рассказы¹¹⁴ я с удовольствием прочту и отвечу тебе.

А.Толстой.¹¹⁵

24.

17 января 1940 г.

Милая Туся, спасибо тебе за хорошее письмо¹¹⁶. Я очень рад всем вашим семейным событиям, и тем, что у вас прекрасная дача, и тем, что у тебя внуки¹¹⁷. Тяжелые времена преходящи. А мы — такое поколение людей, которое ничем уже особенно не

напугаешь. Правда — главное впереди. Я думаю, что этим летом Европа будет ареной неизъяснимых ужасов, а если втянется Америка, то затрещит весь мир. Ясно одно — старый мир кончен, он переходит огненную, кровавую реку со всеми последствиями такого мифического перехода.

Я очень порадовался Никите, в нем произошли большие перемены, он будет большим человеком, — у него сильный и здоровый инстинкт, — готовить себя к новой, в очень большом масштабе, огромной жизни, — которая придет на смену обезумевшему миру. Митей я несколько встревожен. Может быть, в нем это оттого, что он уже не ребенок, но еще и не юноша, — но он рассеян, он не видит жизни и как будто бы не интересуется ей, да и музыку он любит как-то рассеянно, в нем нет, — или еще нет, — сосредоточенной страсти к искусству, он одержим, но одержимость без светящегося и уплотненного центра.

Я нахожу в нем много сходства с собой, когда я был в его годах, я тоже поздно развивался (в этом отношении Никита на меня не совсем похож). Но я был всегда о себе более чем скромного мнения, я считал себя сереньким человеком (и наверно был им тогда) и страстно влюблялся в ярких людей. Боюсь, что Митя удовлетворен собой. В нем мало самокритики и юношеского, наивного, но так нужного для всякой молодости самовоспитания. Боюсь, что это результат захваливания его. На некоторые натуры захваливанье не действует, самокритика пробивается и делает свое дело, но у Мити самокритика ослаблена. Ему предстоит путь творца, художника, а искусства *нет*, если нет в человеке неумолимого и неподкупного судьи.

Искусство, во время его созидания, — в самом процессе творчества, — непрестанно пробуетея на собственный вкус, и этот внутренний вкус должен быть острый и объективный, как у хорошего дегустатора. Вкус к своим мыслям, к своим чувствам, к своим восприятиям: это пресно, это знакомо, это вяло, как мочалка, это отвратительно, а вот это — неожиданно остро, это благоуханно и т.д. Мите нужно самым серьезным образом заняться языками и чтением литературы в подлинниках. Наше поколение русских могло ограничивать знание языков диалектами международных вагонов, гостиниц и магазинов, но поколение наших детей будет жить в широком мире, и незнание языков будет означать для них оскотление жизненных возможностей; это будет даже непонятно и дико: — как, вы не говорите и не читаете по-французски, английски и немецки? Почему? Вам ничто не мешало приобрести эти знания... Лень? Отсутствие воли? Но этих слов, должно быть, и не будет в обиходе через десяток лет.

Я много работаю над третьей частью «Хождения по мукам», идет хорошо, но туго: первое — увеличенные требования, которые я предъявляю к этому роману, второе — трудность темы, третье — смена грандиозных событий, вторгающихся в жизнь, всякие общественные нагрузки, нездоровье — затянувшийся грипп, морозы: в 45°. Все же в июне, июле первую книгу третьей части сдам в набор.

Поцелуй, пожалуйста, Никиту, Митю, Наташу¹¹⁸ и внучку¹¹⁷.
А.Толстой.

25.

[Осень 1940 г.]

Милая Туся, затруднение с деньгами временное. Произошло оно вот почему: почти на год затянулось опубликование нового закона об авторском праве¹¹⁹, и с этим было связано оттягивание мною подписания договора на двухтомник¹²⁰. (Разница при массовом издании получалась: либо 1 т.р. за лист при 50 тыс. экз., либо 1800 р. за лист при 200 тыс. экз.). Поэтому я решил ждать и жду до сих пор. Застрявший в каких-то инстанциях закон теперь, наконец, двинулся, и мы ждем со дня на день его утверждения.

Этой весной, будучи уверен в близком утверждении закона, я взял аванс (в 80000 р.) в Управлении, надеясь быстро погасить его после подписания договора на однотомник¹²¹. Опубликование закона затянулось и тут вышло новое обстоятельство. Несколько писателей, моих «друзей» из президиума¹²² решили подложить мне свинью, скомпрометировать в лучшем случае и, кроме того, свести какие-то старые счета с Хесиным¹²³. Они подняли шум вокруг моего аванса, вынесли постановление президиума о том, чтобы я в недельный срок погасил аванс. Кроме того, привлекли Хесина к уголовному суду за то, что он взял отпуск на полтора месяца (отпуск, подписанный мной). Они добились у народного судьи осуждения Хесина на шесть месяцев принудработ, и судья даже вынес частное заключение о привлечении меня к уголовной ответственности (за подписание отпуска), что было уже глупо, т.к. я подсуден только Президиуму Верховного Совета¹²⁴. Следующая инстанция суда, разумеется, все это отменила. Тогда президиум в самой грубой форме уволил Хесина.

Но тут (как это всегда бывает в бульварных романах) вышел неожиданный поворот событий: Решением ЦК наше управление¹²⁵ была изъято из Союза Писателей и передано Комитету по делам искусств¹²⁶. Все махинации писателей оказались ни к чему, осталась только подлость.

Сейчас, до сдачи дел, касса управления закрыта. Когда она откроется, я поставлю вопрос о том, чтобы погашение моего аванса не шло всеми 100% моих месячных поступлений (как постановил, помимо всего, президиум С.С.П.), а две тысячи ежемесячно уплачивалось вам. Кроме того, я надеюсь высылать вам еще 2 тысячи ежемесячно. Я надеюсь, что к 41-му году равновесие установится.

Сейчас, когда запрещено и снято 15 советских пьес¹²⁷, шибко пошли мои пьесы¹²⁸ и, в особенности, «Касатка»¹²⁹.

С начала 41-го года я надолго сажусь за драматургию. К этому меня обязывают¹³⁰.

«Хмурое утро» пишу не отрываясь. Я надеюсь в середине декабря окончить роман. Это будет третья книжка «Хождения по мукам», за ней будет 4-я и 5-я; и тогда — точка¹³¹. Со второй половины 41-го года займусь окончанием «Петра» в одной книжке. Это будет работа веселая и легкая, кончу ее скоро¹³².

Дома у нас, кроме происшедших уже неприятностей (острого отвращения к некоторым «руководящим» писателям) — все благополучно. Оба прихварываем, — гриппом и трахеитом. Я уже две недели на диете после опёнок. Заканчиваю с Шапориным оперу¹³³.

Почему сыновья не удосужатся писать? Скажи им, что это не культурно.

Твой А. Толстой.

Миля⁸⁶ шлет всем привет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это письмо написано в ответ на прочитанную А.Н. Толстым страницу из дневника Н.В. Крандиевской-Толстой:

«Пути наши так давно слиты воедино, почему же все чаще мне кажется, что они только параллельны? Каждый шагает сам по себе. Я очень страдаю от этого. Ему чуждо многое, что свойственно мне органически. Ему враждебно всякое погружение в себя. Он этого боится, как чорт ладана.

Мне же необходимо время от времени остановиться в адовом кружении жизни, оглянуться вокруг, погрузиться в тишину... Я тишину люблю, я в ней расцветаю. Он же говорит: "Тишины боюсь. Тишина — как смерть".

Порой удивляюсь, как же и чем мы так прочно зацепились друг за друга, мы — такие противоположные люди?..

Вчера Алеша прочел эту страничку из моего дневника и ответил мне большим письмом, а в добавление к нему сказал сегодня утром: "Кстати, о тишине. Ты знаешь, какой эпитафия я хочу взять для нового романа? Эпитафия — 'Воистину, в буре — Бог'. Тебе нравится?"

— Замечательный эпитафия, — ответила я и подумала: "Да, Бог в буре, но в суете — нет Бога"».

² В Детском Селе вместе с Толстыми жили две «бабушки»:

Крандиевская Анастасия Романовна (урожд. Тархова, 1865-1939), мать Н.К., писательница, автор повести *ТО БЫЛО РАННЕЮ ВЕСНОЙ* (1896), романа *ТАЙНА РАДОСТЕЙ* (1913) и рассказов, печатавшихся в начале века в журналах. Сын А.Т. пишет о ней: «...она ...совершенно не заботилась о том, какое впечатление производит на окружающих. Если прибавить к этому пылкий темперамент, неукротимую жажду истины (бабушка была большим философом и дружила с Розановым), которая распирала ее мятежный дух, /.../ то можно понять, что в доме она не стала любимым существом... Мы, взрослые и подрастающие дети, не понимали ее тогда и только после ее смерти оценили смелый дух, который жил в ней. Отец недолюбливал тещу, она раздражала его своей "достоевщиной"... Видимо, он чувствовал в ней враждебное литературное начало, от которого он как писатель был далек в своей манере мыслить и жить... В начале тридцатых годов в доме было мало бумаги. Отец писал тогда вторую часть "Петра Первого". Бабушка подхватывала его черновики и на оборотной стороне писала свои сочинения. Это были воспоминания, где через каждую страницу шли философские отступления» (Д.Толстой. *НАЧАЛО ЖИЗНИ*. — «Нева», 1971, №1, с.118).

Вторая «бабушка» — Тургенева Мария Леонтьевна (1857-1938), младшая сестра матери А.Т., дальняя родственница известных в первой половине XIX века четырех братьев Тургеневых, сыновей директора Московского университета И.П. Тургенева. О ней Д.Толстой рассказывает:

«Она... была чудаковатая — не могла вместить в себя современной жизни. Все, что происходило после революции, казалось ей непонятным... Все, что ее окружало, представлялось ей, привыкшей к вековому размеренному укладу жизни, каким-то странным сном, который был должен скоро кончиться... Она умерла в 1939 /в 1938 - Публ./ в ленинградской больнице им. Мечникова, всеми покинутая и заброшенная» (там же).

³ Дети А.Т.: Никита (р. 1917), физик, закончил Ленинградский ун-т, его воспоминания об А.Т. напечатаны в журн. «Аврора», 1983, №1; Дмитрий (р. 1923), композитор, закончил Ленинградскую консерваторию; Марианна (р. 1911), дочь от второго брака А.Т. с Софьей Исааковной Дымшиц (1885-1963), актрисой и художницей, — химик, закончила ленинградский ун-т. В середине 30-х годов М. печатала стихи в журналах «Новый мир», «Литературный современник», «Красноармеец».

⁴ Письмо написано во время поездки А.Н. Толстого с В.Я. Шишковым по Волге в июле 1930. В августе А.Т. был в Краснодарском крае и Судак. Из этого путешествия А.Т. отправил Н.К. пять писем с описанием прелестей поездки, яств, жары и восторгов от нового строительства. Несколько отрывков: «Вернусь, думаю, с хорошим материалом. Люди проходят передо мной, как в панораме» (23 июля)... «Вчера были на Сельмашстрое, впечатление еще более грандиозное, чем в Сталинграде» (27 июля)... Однако «какая благодать, Тусенька, Детское в сравнении с этими раскаленными улицами и вихрями пыли на стройках!» (там же)... «Мы были в новом краю, — это что-то вроде Америки: десятки верст хлеба, машины, которые жнут и, двигаясь /так! — Публ./, обмолачивают хлеб, — комбайны (их работают сотни). Американские молотилки, дымящие мякиной из наклонных труб, вереницы несущихся в облаках пыли грузовиков, автомобили, хутора домов на колесах и полотняных палаток» (1 авг., Краснодар).

⁵ А.Т. жил с 1899 по 1901 в Самаре на углу Саратовской и Почтовой ул. в доме отчима Александра Аполлоновича Бострома (1853-1921), помещика, закончившего жизнь садовым сторожем под Самарой. В 1983 в одном из двух домов, купленных Бостромами в 1899, открыт музей А.Т. (ул. Фрунзе, 155-б).

⁶ Отец А.Т. — Николай Александрович Толстой (1849-1900), самарский помещик, многолетний уездный предводитель дворянства.

Мать А.Т. — Александра Леонтьевна, урожд. Тургенева (1854-1906), оставила мужа и троих детей; беременная Алексеем, ушла к А.А. Бострому, тогда члену земской управы в г. Николаевске (с 1918 — Пугачев); А.Л. — писательница (роман *НЕУГОМОННОЕ СЕРДЦЕ*, 1882; сб. *ЗАХОЛУСТЬЕ*, 1886, с повестью *ИЗО ДНЯ В ДЕНЬ*), автор пьес, очерков; более известны детские книги (*ПОДРУЖКА*, 1892, *АФОНЬКИНО СЧАСТЬЕ*, 1904 и др.).

Мы не разделяем версий о рождении А.Т., высказанных Ниной Берберовой (альманах *ЧАСТЬ РЕЧИ*, Нью-Йорк, 1980, с.276) и Романом Гулем («Новый журнал», кн.138, 1980, с.17). Оба мемуариста называют отцом писателя «гувернера Бострома». Ни «Бостромом», ни «гувернером» А.А. Бостром не был. В конце века за ним числилось 1107 десятин земли (см. *АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ И САМАРА*. Куйбышев, 1982, с.52). Следовательно, по крайней мере формально, он был «крупным землевладельцем».

Естественно, что А.Т., родившийся в доме отчима, всегда называл его отцом.

⁷ Письмо написано в ответ на ошибочное поздравление с пятидесятилетием. 50 лет А.Т. исполнилось через год, 10 янв. 1933, когда писатель в интервью корреспонденту «Литературной газеты» сделал известное признание: «Если бы не было революции, в лучшем случае меня бы ожидала участь Потапенко: серая бесцветная деятельность дореволюционного среднего писателя».

В этом всеми цитируемом заявлении не замечается скрытый цинизм: революция хороша потому, что как художнику она дала А.Т. разнообразнейший материал. Очевидно, тому же Н.И. Потапенко, незадолго перед толстовским юбилеем скромно скончавшемуся в Ленинграде (1929), даже в голову не приходило, что все свершившееся в России — лишь материал для творца. Прав в своем высказывании А.Т. еще и потому, что на фоне богатой духовной культуры начала века, не пройди она через революционные потрясения с сопутствующей им ценностной переориентацией, А.Т. вполне мог ждать для себя участи среднего писателя.

Приводим отрывки из письма Н.К. от 10 янв. 1932:

«/.../ Всем домом тебе послали 7 штук поздравительных телеграмм. Весь вечер с ребятами дурили, сочиняли текст, говорили о тебе. Я сказала: — "все-таки хорошего мне мужа дал Господь-Бог". — Никита заметил: — "Ну, Господь-Бог вряд ли в этом участвовал. Скорее это горькая шутка Вельзевула". Кстати, безбожник Никита за это время "ликвидировал" Екатеринбургский собор в Детском Селе /стоял в центре города напротив Гостиного Двора, арх. К.А. Тон; взорван, вероятно, при участии местной молодежи. — Публ./; — бабушки в панике. Как ни дик этот факт сам по себе, но надо признать, что он последовательно и неизбежно логичен. Раз комсомол, то и все вытекающее из него надо принимать, или не принимать, не так ли? И вот тебе "горькие шутки Вельзевула", — сын мой ликвидирует церковь, в которой я молюсь. Самое странное, что это не селит между нами ни вражды, ни отчуждения.

/.../ Мы живем дружно. За вечерним чаем устраиваем "семейный университет" или "вечер научных вопросов". Выходит очень занятно. Дети со мной заботливы и трогательно ухаживали за мной вчера. Сегодня мне лучше — я встала. Алешечка, у нас радость. Нас опять прикрепили к закрытому распределителю на Мойке. /.../ Вот как вышло, что к твоему пятидесятилетию я как бы подвела итог нашей жизни, и вижу — она была прекрасна и грешно ее комкать и уродовать напоследок, не доведя до конца /.../».

⁸ Халатов Арташес (Артеми́й) Багра́тович (1894-1938) — в 1932 пред. правления Госиздата, пред. Объединенных гос. книжно-журнальных издательств РСФСР (ОГИЗ). С 1932 пред. Всесоюзного общества изобретателей. Чл. ВЦИК и ЦИК СССР. Расстрелян.

⁹ Роман, в более поздних редакциях называвшийся *ЭМИГРАНТЫ*, был сначала напечатан в «Новом мире», 1931, №№1-12. Здесь у А.Т. речь идет, вероятно, об отдельном издании (М., «Советская Литература», 1933. Сдано в производство 11.03.1933, подписано в печать 2.07.1933).

¹⁰ «Недра» — кооперативное изд-во, существовавшее в Москве с 1924 по 1932, когда вошло в состав ГИХЛа.

¹¹ Неосуществленный проект грандиозного сооружения на месте взорванного храма Христа Спасителя. Постановлением от 28 февр. 1932 главные конкурсные премии были присуждены И.В. Жолтовскому, Б.М. Иофану и американскому арх. Г.О. Гамильтону.

¹² *БОЛЬШОЙ ЛЕНИНГРАД* (О плане городского и промышленного строительства). — «Вечерняя Москва», 15-17 янв. 1932.

¹³ Семья Радина Николая Мариусовича (1872-1935, наст. фам. Казанков, Радин — псевд.; внебрачный сын М.М. Петипа и М.Н. Казанковой). Н.Р. — внук балетмейстера М.И. Петипа, до 1932 актер и режиссер в театре Корша (в 1932 закрыт), затем в Малом театре. Радины — одна из ближайших к Толстым семей. Н.К. писала А.Т. 9 февр. 1933: «Поцелуй Колю и Лелю. Я их ужасно люблю обоих. Мне всегда приятно, когда я подумую, что живут на свете эти люди. Очень, очень их люблю».

¹⁴ Жена Радина — Елена Митрофановна Шатрова (1892-1976), актриса.

¹⁵ Неточная цитата из стих. Козьмы Пруткова *ЮНКЕР ШМИДТ*:

Вянет лист. Проходит лето.
Иней серебрится...
Юнкер Шмидт из пистолета
Хочет застрелиться.
Погоди, безумный, снова
Зелень оживится!
Юнкер Шмидт! честное слово,
Лето возвратится!

¹⁶ В Берлин А.Т. приехал по пути к А.М. Горькому, у которого гостил в Сорренто в марте-апреле 1932. Нам известно 10 писем и открыток А.Т. к Н.К. из этого путешествия, в основном о финансовых делах и покупках. Из итальянских впечатлений любопытно следующее суждение А.Т.: «Помпея потрясла меня, писать не хочется об этом, я купил альбом и подробно расскажу по приезде. Помпея — это был город такой изумительной культуры, о которой мы не знаем. Весь он, с колоннадами, садиками внутри домов, с театрами, пестрыми и живописными улицами, кабачками, храмами — на фоне лазурного воздуха, и вдали, видный отовсюду, сквозь колоннады курится Везувий» (!0 апр. 1932).

¹⁷ Волькенштейн (Крандиевский) Федор Федорович (р. 1908), «Фефа», физик, закончил Ленинградский политехнический ин-т, сын Н.К. от первого брака с присяжным поверенным Федором Акимовичем В. Воспоминания Ф.Ф. об отъезде Толстых из России и пребывании в эмиграции опубл. в журн. «Звезда», 1981, №1 (Ф.Ф. Крандиевский. *РАССКАЗ ОБ ОДНОМ ПУТЕШЕСТВИИ*).

¹⁸ Тер-Григорьян Паруир Аветович (1879-1938) — в 1932 заведующий берлинским отделением акционерного общества «Международная книга».

¹⁹ Ионов Илья Ионович, наст. фам. Бернштейн (1887-1942) — с 1932 председатель «Международной книги».

²⁰ KDW — большой универсальный магазин.

²¹ Крючкова Елизавета Захаровна — жена секретаря Максима Горького П.П. Крючкова (1889-1938).

²² Хинчук Лев Михайлович (1868-1944) — в с.-д. движении с 1890. После II съезда РСДРП (1903) и до конца 1919 меньшевик. Чл. РКП(б) с 1920. Полпред СССР в Германии с 1930 по май 1934. Нарком внутренней торговли РСФСР в 1934-37. Арестован в 1938, погиб в заключении.

²³ Каганский — очевидно, работник акционерного общества «Международная книга». К марту 1932 относится берлинская запись о нем А.Т.: «Жалкий Каганский. Вошел, опустив плечо, — видимо, готовился, что будут бить» («Лит. наследство». Т.74, М., 1965, с.327).

²⁴ Старчаков Александр Осипович (1892-1938) — журналист, литературный критик; работал совместно с А.Т. над пьесой *ПАТЕНТ 119*, авг. 1932. Выпустил книгу *АЛ. Н. ТОЛСТОЙ. КРИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК*. Л., 1935. В «Новом мире», 1933, №5, напечатана его статья *ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ А.Н. ТОЛСТОГО*. Из всех произведений А.Т. выделял *ПЕТРА ПЕРВОГО*. Автор предисловия к Собр. соч. А.Т. в 8 тт. (т.1, Л., 1935). Жил неподалеку от Толстых в Детском Селе. На следующий день после его ареста (ок. 1937) А.Т. заявил, что раз его арестовали, то, значит, было за что арестовать. С. погиб в заключении.

²⁵ Это письмо так же, как и следующее, написано из Москвы вскоре после Первого съезда писателей, на котором выступал А.Т.: «/.../ вчера вечером наконец прочел доклад. Все говорят, что очень хорошо, — самый содержательный и самый короткий доклад. Тысячи три человек слушали очень внимательно. К сожалению, доклад, как и остальные три доклада, не будет опубликован в газетах, так как они уже отпечатаны. Читал я не по печатному, а перед выступлением переделал весь доклад, много из него выкинул и кое-что развил» (письмо к Н.К. от 28 авг. 1934).

²⁶ Домоуправительница Толстых в Детском Селе.

²⁷ Семья Пушкива Венедикта Венедиктовича (1896-1971), композитора, автора оперы *ГРОЗА*; много писал для кино. У В.П. учился Д.Толстой.

²⁸ Петров Владимир Михайлович (1896-1966) — кинорежиссер; до выхода на экраны в 1937 первой серии *ПЕТРА ПЕРВОГО* наиболее известен был его фильм *ГРОЗА* («Ленфильм», 1934).

²⁹ Липатов Борис Викторович (ум. 1954) — драматург и поэт. Известностью пользовалась его поэма *ПУГАЧЕВ* (отд. изд. — Л., 1939); пытался (неудачно) писать сценарии. Несмотря на отрицательный отзыв, А.Т., по свидетельству Д.Толстого (см. «Нева», 1971, №1, с.122), любил Липатова. Вместе с ним, а также с В.Шишковым, Н.Никитиным, И.Соколовым-Микитовым А.Т. в авг.-сент. 1933 ездил в Кандалакшу на подъем затонувшего судна «Садко».

³⁰ Минц Исаак Израилевич (р. 1896), историк, академик (1946), в 1932-49 зав. кафедрами истории в МИФЛИ и МГУ, одна из главных фигур в советской историографии Октября. О работе с Минцем А.Т. пишет 22 сент. 1935 Горькому: «Я работаю над первой книгой третьей части "Хождения по мукам". Взялся с трудом, с самопринуждением, но сейчас увлечен так, что дым идет из головы. Минц снабжает меня всеми материалами. Трудность написания романа в количестве материала» (Собр. соч. в 10 тт. М., 1958-61, т.6, с.718).

³¹ Помимо новой советской машины, А.Т. параллельно хлопочет о заграничной, предложенной ему В.М. Молотовым на съезде писателей: «Вчера Молотов предложил мне через Крючкова подать заявление об импортной машине. К весне у нас будет дивный зверь в сто сил» (цит. выше письмо от 18 авг. 1934).

³² Ягода Генрих Григорьевич (1891-1938), в 1934 — пред. ОГПУ. Расстрелян по делу «антисоветского право-троцкистского блока» (АПТБ).

³³ Розенгольц Аркадий Павлович (1889-1938) — чл. КП с 1905. В окт. 1917 — чл. Моск. ВРК, в 1918-21 — чл. РВСР и реввоенсоветов ряда армий и фронтов, в 1921-22 — чл. коллегии Наркомфина. Во время дискуссии о профсоюзах поддерживал платформу Троцкого. В 1923-24 возглавлял ВВС страны. Затем снова был чл. РВСР, поверенным в делах СССР в Англии (1927), замнаркома РКИ (1929), с нач. 1930-х — нарком внешней торговли. Расстрелян по делу АПТБ.

³⁴ Шофер А.Т.

³⁵ Родственники первого мужа Н.К.

³⁶ Радлов Николай Эрнестович (1889-1942) и его жена Надежда Константиновна (урожд. Плансон). Семья Р. — одна из близких Толстым. На дочери Лидии был женат сын Н.К. — Федор. Правда, симпатий к Надежде Константиновне А.Т. не испытывал: «С Колей мы дружим, но на Надю я раздражаюсь, это неприятно, но стараюсь скрывать

это. По-моему, она не умна, холодна к людям и кривляка — работает под аристократку. Конечно, я не поссорюсь, хотя бы и поссорился, если бы не Коля, которого я очень люблю» (письмо к Н.К. в авг. 1928).

³⁷ В детскосельском доме А.Т. жили домработница Ньюша и ее «приходящий» муж Николай Тетерский, их должны были выселить по просьбе писателя летом 1934: «Вот еще новость: вчера я был у Запорожца /зам. нач. Ленинградского УНКВД. — Публ./ и рассказал про Тетерского. Запорожец отдал при мне приказ: найти Тетерскому комнату в 10 дней его от нас выселить. Комнаты эти я велю отделать. Там будет жить секретарь, которого еще нужно найти» (письмо к Н.К. в Ессентуки из Детского Села, лето 1934). Помимо сохранившегося до наших дней дома (Пролетарская, 4), Толстой снимал верхний этаж дома по Московской ул., 10 (сгорел в войну). В нем семья жила в 1928-30.

³⁸ В окончательной редакции — *ХМУРОЕ УТРО*, третья часть *ХОЖДЕНИЯ ПО МУКАМ*.

³⁹ А.Т. выступал 24 авг. на собрании крестьян из рязанского села Гульинь в редакции «Крестьянской газеты». Об этом собрании 6 ноября в «Правде» он напечатал статью *НЕИСТОЩИМЫ ТВОРЧЕСКИЕ СИЛЫ*. Судя по статье, подбор участников собрания был несколько странным: из 50 крестьян, с которыми встречался писатель, у 49 было высшее образование.

⁴⁰ Крандиевская Надежда Васильевна (1891-1963), сестра Н.К., скульптор, ученица С.М. Волнухина, в Париже занималась у Бурделя. Автор скульптурных портретов А.Т. (1915), С.Я. Парнок (1913), М.И. Цветаевой (1915), С.Буденного (1928), М.Горького (1928), Д.Фурманова (1931), а также Пушкина и Микеланджело, артистов А.Яблочкиной, Е.Гоголевой, В.Качалова, М.Царева и др. Надежда Васильевна — в какой-то степени прототип Даши в *ХОЖДЕНИИ ПО МУКАМ* и других привлекательных женских образов А.Т. С 1914 замужем за архитектором П.П. Файдышем.

⁴¹ Бубнов Андрей Сергеевич (1883-1940) — парт. деятель, публицист, чл. КП с 1903. В 1929-37 — нарком просвещения РСФСР, один из отв. редакторов выходившего в Москве (1932-40) журнала «Книга и пролетарская революция». Арестован и погиб в заключении.

⁴² Лицо неустановленное.

⁴³ Нафта — персонаж из романа Томаса Манна *ВОЛШЕБНАЯ ГОРА*, иезуит. Видимо, речь идет о какой-то публикации этого романа или отрывка из него, подготовленной упомянутым Львом.

⁴⁴ Очевидно, не Накаряков, а Накоряков Николай Никандрович (1881-1970) — публицист, с 1901 в рев. движении, в 1903-16 примыкал к

большевикам. Занимался партийной работой в Казани, Самаре и на Урале, выступал в легальной и подпольной с.-д. печати, арестовывался и ссылался. С 1911 — в эмиграции, где редактировал газету русских эмигрантов в Америке «Новый мир». С 1916 — с.-д.-оборонец. После февр. 1917 — зам. комиссара Врем. пр-ва в 1 армии, где резко выступал против антивоенной агитации большевиков. В 1919-20 — «служил у Деникина» (Ленин, ПСС), в 1921 — на незначительных должностях в Центросоюзе. С 1922 — в изд-вах Харькова, Сибири и Москвы. В 1925 был принят в РКП(б), в 1930-37 возглавлял ГИХЛ. Вероятно, был репрессирован. После 1957 — персон. пенсионер, автор и редактор воспоминаний о Ленине.

⁴⁵ Из пяти мартовских писем к Н.К. из Москвы публикуем четыре последних.

⁴⁶ Малаховский Бронислав Брониславович (1902-1937) — архитектор и художник-карикатурист, иллюстратор *ЗОЛОТОГО КЛЮЧИКА*, Л., 1936. В 1937 арестован, получил «10 лет без права переписки», погиб в заключении. По реабилитационной справке, «умер от нефрита».

⁴⁷ А.Т. жил в Горках у А.М. Горького.

⁴⁸ Либретто оперы *ДЕКАБРИСТЫ*, муз. Ю.А. Шапорина, задуманной А.Т. вместе с композитором в 1923. Первоначально называлась *ПОЛИНА ГЕБЛЬ*. По свидетельству Д.Толстого, из-за *ДЕКАБРИСТОВ* писатель и композитор рассорились: «...сочинение музыки затягивалось, и в 1934 Шапорин объявил отцу, что либретто не годится. Это привело к крупному объяснению между ними, а затем к окончательному разрыву» («Нева», 1971, №1, с.124). Некоторые стихотворные тексты к опере написаны Н.К. Была еще драматическая поэма *ПОЛИНА ГЕБЛЬ*, написанная А.Т. совместно с П.Е. Щеголевым в 1925 (журн. «Новая Россия», 1926, №1). Дальнейшую судьбу оперы см. в прим.133.

⁴⁹ Ворошилов Климент Ефремович (1881-1969), сов. гос., парт. и воен. деятель. В 1935 — нарком обороны СССР.

⁵⁰ Шапорин Юрий Александрович (1887-1966) — композитор, написал музыку к постановкам пьес А.Т.: *ЗАГОВОР ИМПЕРАТРИЦЫ* (совместно с Н.М. Стрельниковым, 1925), *ИЗГНАНИЕ БЛУДНОГО БЕСА* (1925), *АЗЕФ* (1926), *ИВАН ГРОЗНЫЙ* (1944).

⁵¹ *ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК*, детская повесть, написана в янв.-апр. 1935, после инфаркта миокарда, перенесенного А.Т. в конце 1934, по произведению итальянского писателя Карло Коллоди (наст. фам. Лоренцини, 1826-1890) *ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПИНОККИО, ИСТОРИЯ МАРИОНЕТКИ* (1880). Печаталась в 1935 в «Пионерской правде».

⁵² Будберг Мария Игнатьевна (урожд. Закревская, в первом браке Бенкендорф, 1892-1974) жила у Горького, была его секретарем, переводчиком его книг на английский, ей посвящен роман *ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА*. Когда Горький окончательно вернулся в СССР, осталась за границей. В 1933-46 — «невенчанная жена» писателя Герберта Уэллса.

⁵³ Речь идет о высылке из Ленинграда после убийства С.М. Кирова подавляющей части дворян, духовенства, бывших офицеров и т.п.

⁵⁴ Бадмаев Николай Николаевич (1879-1939), врач, сторонник методов тибетской медицины, директор Ленинградской клиники восточной медицины. О нем А.Т. писал Горькому: «...изумительный человек, умный и нежной души» («Литературное наследство», т.70, М., 1963, с.418). Родственник и преемник Петра Александровича Бадмаева (1851-1919) — представителя тибетской медицины и буддийского деятеля, близкого к придворным кругам. Н.Б. пользовался большим весом во время ежовщины. Ок. 1939 арестован и погиб в заключении.

⁵⁵ Кубацкий Виктор Львович (1891-1970), виолончелист, педагог, организатор струнного квартета им. Страдивариуса (1920-1930).

⁵⁶ Жиркович Борис Владимирович, псевд. Ив. Прутков (1888-1943), писатель-юморист, «сатириконец». См. след. письмо и прим.59.

⁵⁷ Очевидно, от Ягоды и Минца. См. письма 6 и 8.

⁵⁸ Максим Горький (наст. фам. и имя — Пешков Алексей Максимович, 1868-1936). По свидетельству большинства мемуаристов, единственный из советских писателей-современников, которого А.Т. в 30-е годы ставил не ниже себя.

⁵⁹ Приводим четыре «таких» письма Н.К. этих дней (от 14, 15, 18 и 25 марта 1935) полностью:

1.

Дорогой мой Алешечка!

Так все складывается, что я сажусь за письмо к тебе и опять начинаю с деловых просьб и ходатайств. Меня здесь с утра до ночи одолевают несчастные люди, звонят, приезжают. Что я могу сказать или сделать, кроме того, что пообещать написать тебе в Москву? Вот и обещаю и пишу. Только что были из Союза писателей, просили написать тебе о Георгии Венусе /Георгий Давидович Венус, 1897 - 1939. — Публ./, писателе, он сидит, ему грозит высылка 17/III. «Дело» его ограничивается тем, что он «сменовеховец» и возвращенец. Но своей былой биографии он никогда не скрывал, и всем она известна. Когда из Берлина он возвращался в Советский Союз, ему дали разрешение въехать, зная, кто он и какой путь, трудный и сложный, проделал он от бывшего денкинского прапорщика до советского писателя. С 26-го

года, с тех пор как он вернулся из эмиграции, он честно и искренне работал и ни в чем никогда замешан не был. Просят тебя сказать о нем кому следует и по возможности облегчить его участь. Я не знаю, говорил ли ты уже о стариках Льве Эрнестовиче и Варваре Алексеевне? Факт тот, что их выезд приостановили временно, чем это объяснить — не знаю! Они сидят пока что на связанных сундуках и не знают, чего им ждать, распаковывать ли вещи или ждать дальнейших ударов судьбы.

Был у меня Петров. Я передала письмо Алексея Максимовича по поводу юбилея Чапыгина. Старик сильно огорчен и обижен, что ты не будешь на его празднике. Хотя бы на один день приехал; вот была бы радость.

Дома у нас все благополучно. Порядок и тишина. Михаил /кто-то из «случайных людей» в доме А.Т. — Публ./ перевесил и поправил портьеры. Обилие твою кушеточку в кабинете. За отсутствием Жака /Яков Львович Израилевич, антиквар, торговец картинами, в 1935 — «художник-консультант» Дома писателей в Ленинграде. — Публ./ не могу заняться переборкой люстр и консолей. Когда придет Жак, позову мастера для этого дела.

Никуся «обзаксился» /Никита Толстой женился на дочери М.Л. Лозинского Наталии. — Публ./, но это дела не меняет, все остается по-старому, как и было. И я этому рада. Митюша выдержал на 5 зачет по гармонии. Ни машины, ни Константина пока нет. «Драндулет» работает вовсю, без перебоя, — ездили с Митей на «Хованщину». А вчера смотрели Галю Уланову в «Бахчисарайском фонтане». Она очень хороша, но в «Лебедином» больше танцевального ремесла и поэтому образ глубже.

Напиши мне о своем «сердечке». Как ты себя чувствуешь? Почему ты до сих пор не в Горках? Нехорошо, что не высыпашься и усташь, — это нельзя. Не забудь, что так недавно был болен, надо беречься и не уставать, родной мой. То, что ты не пьешь, — умница, и я верю еще больше в твою работу. Целую тебя, радость моя, и очень люблю издали. Когда соскучишься по своему дому — приезжай, а мы по тебе уже давно соскучились и очень хотим тебя повидать. Поклонись всем в Горках и на Дмитриевке /квартира Радиных на Большой Дмитровке. — Публ./ . Алексею Максимовичу горячий привет.

Целую тебя, мой дружек!

Твоя Н.

Алешечка, узнал ли ты о своем летнем пальто? Где же оно? Не у Радиных ли? Напиши.

2.

Милый Алешечка!

Алеша Волькенштейн /родственник Н.К. по первому мужу. — Публ./ выпущен. Ему заявлено, что его дело приостановлено вплоть до особого распоряжения. Он посылает подробное изложение своего прошлого, как материал для разговора, так как дело, очевидно, будет рассмотрено в Москве.

А просьба его, чтобы ему вернули паспорт, с тем чтобы он сам, как свободный гражданин, выехал из Ленинграда в провинцию. Генрих Григорьевич /Ягода. — Публ./, вероятно, знает дело Леши; за него когда-то хлопотала Ида Леонидовна /Авербах, жена Ягоды, сестра критика Л.Л. Авербаха, автор книги о «перековке» в лагерях *ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ К ТРУДУ*. М., 1936. — Публ./ и все его семейные.

Когда ссылка Леши в свое время кончилась, ему была дана полная свобода проживания где угодно, включая и Ленинград.

Целую тебя, мой родной.

Твоя Н.

Мать, жена и дочь Леши в неопределенном положении до сих пор. Высылка приостановлена, но документов не выдают, и судьба пока неизвестна.

3.

Алешечка!

Я счастлива сообщить тебе, что все, о ком я писала тебе, освобождены, так что ходатайства твои в Москве, по-видимому, имели успех. Сегодня прибежала жена Пруткова /Жирковича, см. прим.56. — Публ./ в слезах от радости. Он дома и получил паспорт. Удалось ли тебе поговорить о Георгии Венусе? Его положение ужасно. Ради Бога поговори о нем. Сегодня прибежала в слезах Галя Уланова вместе с Качаловым. Под ударом балерина Вечеслова; ее муж, бывший офицер, арестован, — но это Бог с ним, — а вот у нее отобран паспорт и она в отчаянии, боясь, что ее вышлют. Замужем она только год и собиралась разводиться. Так что его судьба с ее судьбой совсем не связана неразрывно. Неужели вышлют такую блестящую талантливую балерину и за что?

Вчера отпраздновали юбилей Чапыгина. Вышло хорошо, душевно, тепло и в меру торжественно. Только критический обзор Медведева /критик и литературовед Павел Николаевич Медведев (1891-1938). — Публ./, как всегда, был сделан фальшиво. Этот человек смердит пошлостью, как чадная головешка! Письмо Алексея Максимовича было прочитано Тихоновым, затем телеграммы (была и твоя), приветствия и даже подношения (между прочим, чайный сервиз, бронзовые часы и т.д.). Кукольный театр представил некое действо о Чапыгине в кругу писателей. Как воздух, нужен был Иракий (Андроников) для этой пьесы. Затем банкет с танцами. Старик был огорчен, что тебя не было. Кроме того, его очень обидело, что как раз к его юбилею Главлит в Москве почему-то наложил запрет на книгу Бориса Вальбе о нем. Чапыгин считает эту книгу лучшей своей /т.е. о себе. — Публ./ монографией, очень любит ее, и поэтому надо бы узнать, почему к юбилею его эту книгу Главлит замариновал и не выпускает /книга была подписана к печати еще 9 янв. 1935, а вышла через три месяца после юбилея. После смерти Чапыгина издавалась в измененном виде в 1938 и 1959. — Публ./.

Посылаю тебе письмо от Чапыгина.

У нас сегодня были гости, блины. Ливанов с женой (она премилая), Галя с Качаловым, Пушкивы, Кочуров с Ксюшей /композитор и его жена Ксения Михайловна. — Публ./ и сыновья с невестками. Было мило, и даже водку пили за твое здоровье.

Израилевич вчера огорчил меня, сказав, что ты впрыснул себе в жилу уротропин. Ах, Алешечка, зачем ты опять производишь над собой опыты! Ведь ты не кролик.

Второе огорчение, что ты откладываешь приезд, теперь уже до 30-го. Дело в том, что мы по тебе соскучились. Константин третьего дня вернулся. Машину погрузил на платформу 13-го вечером. Ждем ее числа 20-го в Детском. Константин огорчен, что машина не обтекаемая, а простой лимузин. А мне и простой лимузин мил. Тепло и солидно. А для шику будет бьюик. Будет ли он?

Целую тебя, родной мой Алешечка, навести Бонч-Бруевичей. Ведь он прислал тебе громадный материал для 19-го года, свои воспоминания и разные факты. Это очень трогательно, а ты даже письмом не поблагодарил его за это. Прости, что напоминаю, но это надо сделать. Пообедай у них, пожалуйста. Поклон Алексею Максимовичу, Тимоше, всем в Горках. Прощай, радость моя: не забывай, что у тебя «семья за плечами», любящая тебя и очень скучающая по тебе.

Твоя Н.

Митька хочет жениться на Улановой.

4.

Милый Алешечка!

Тебя хочет повидать писатель Георгий Давидович Венус. Пожалуйста, выслушай его. У него больной ребенок, и он ссылается в Иргиз. Нельзя ли было бы Иргиз заменить Самарой или Саратовым, чтобы Венус мог зарабатывать на пропитание семьи? Это, кажется, последняя просьба.

Очень соскучилась и жду тебя с нетерпением. Целую тебя, радость моя. Привет Леле и всем в Горках.

Твоя Н.

⁶⁰ Бонч-Бруевич Михаил Александрович (1888-1940) — ученый-радиотехник, чл.-корр. АН СССР (1931), друг семьи Толстых.

⁶¹ Возможно, в семье Б.-Б. Владимира Дмитриевича (1873-1955), ведшего с А.Т. переговоры о приобретении архива. Или в семье отца М.А., Б.-Б. Александра Ивановича, архитектора.

⁶² Андроников Ираклий Луарсабович (наст. фам. Андроникашвили, р. 1908), литературовед, известен устными импровизированными рассказами. С 1935 выступает с ними публично.

⁶³ Публикуем 4 письма из поездки А.Т. на Первый международный конгресс писателей в защиту культуры, состоявшийся в Париже 21-25 июня 1935. Это и след. письмо, объединенные в одно, частично опубл. Н.К. в журн. «Ленинград», 1946, №3-4. Входит в Полн. собр. соч. А.Т. и др. издания от слов: «Вот уже 5-6 дней...» до «...рассказывающим все те же рассказы». Затем без пропуска следует текст письма 11 от слов: «То, что я чувствую...» до «...мы высшие — чем здесь». Этот объединенный текст в советских изданиях наиболее цитируем из всех писем А.Т. к Н.К.

⁶⁴ Капитан корабля, на котором А.Т. прибыл в Гамбург из Ленинграда. Интересные подробности из его жизни см. в очерках А.Т. *ОРФЕЙ В АДУ* (1935).

⁶⁵ Денисов Николай Хрисанфович — рус. предприниматель, по образованию — инженер путей сообщения. Перед революцией — директор правления Троицкой ж.д. Эмигрировал в Англию, где во время Гражданской войны на его деньги был создан Комитет освобождения России (П.Н. Милюков, П.Б. Струве, М.И. Ростовцев, А.В. Тыркова и др.), получавший потом материальную поддержку правительств Колчака и Деникина. В 1920-е Д. — председатель Рус. финансового и торгово-промышленного союза (Париж).

⁶⁶ Андроникова Саломея Андрониковна, в замужестве Гальперн (1888-1982). Ее имя в советских публикациях заменено одной буквой С.

⁶⁷ Французская версия фильма *ПЕТР ПЕРВЫЙ* осуществлена не была.

⁶⁸ Пешкова Надежда Алексеевна (урожд. Введенская, 1901-1971) — художница, вдова сына Горького — Максима (1897-1934).

⁶⁹ Корин Павел Дмитриевич (1892-1967), художник, вышел из палехских мастеров; летом 1935 уехал на Выставку итальянского искусства в Париж. Пробыл в Европе два месяца (Берлин - Париж - Лондон - Париж - Италия). В Лондон ездил вместе с Н.А. Пешковой. Автор нескольких портретов А.Т.

⁷⁰ Дядя Генриха Федоровича Пельтенбурга (см. прим.81), глава лесоторговой фирмы. Его черты отразились в образе Пельтенбурга в романе *ПЕТР ПЕРВЫЙ*.

⁷¹ Кузьмина-Караваева Елизавета Юрьевна, урожд. Пиленко, по второму браку Скобцова; с 1931 монахиня, мать Мария (1891-1945). Ее дочь от первого (?) брака Гаяна уехала в СССР, служила на макаронной фабрике, умерла в следующем 1936 году.

⁷² Дядя Марианны Леон (Лев) Исаакович, брат С.И. Дымшиц (см. прим.8); с ним А.Т. в студенческие годы был в приятельских отношениях (учились вместе в Дрезденском технологическом институте, 1906); его сын А.Л. Дымшиц, критик, литературовед, переводчик с немецкого, писал и об А.Т.

⁷³ Грач Д.Я. — в 1920-е управляющий Гос. народного дома в Ленинграде, директор «Мюзик-холла», в начале 1930-х возглавлял ленинградское управление цирков и эстрады, в 1933-34 — нач. Управления Ленинградскими и Пригородными дворцами и парками, с 1935 — управляющий ленинградским отд-нием «Интуриста». Дальнейшая судьба нам неизвестна.

⁷⁴ Добужинский Мстислав Валерианович (1875-1957), художник, с 1925 в эмиграции (Литва, затем, с 1939, — Англия, Франция, США).

⁷⁵ Это и след. письма написаны А.Т. из Детского Села в Ленинград на Кронверкскую ул., куда Н.К. в авг. 1935 переселилась с детьми (дом этот известен больше под номером 26/28 по Кировскому пр.). С этих дней начинается разрыв между А.Т. и Н.К., о котором Н.К. в *ВОСПОМИНАНИЯХ* (Л., 1977) пишет (курсивом выделены строчки, опущенные при публикации):

«В конце лета 1935 года Толстой вернулся из-за границы. *Неудачный роман с П.* /Н.А. Пешкова. — Публ./ *пришел к естественному концу. Отвергнутое чувство заставило его, сжав зубы, сесть за работу в Детском.* Он был мрачен. *Казалось, он мстил мне за свой крах.* С откровенной жестокостью он говорил:

— У меня осталась одна работа. У меня нет личной жизни» (с.220).

⁷⁶ См.: «Так тебе спокойно, так тебе не трудно...» из цикла «Разлука» (Н.Крандиевская-Толстая. *ДОРОГА. СТИХОТВОРЕНИЯ*. М., 1985. с.93). Н.К. не просто «писала стихи», но была хорошим, ясно видящим, чувствующим и мыслящим поэтом. Домашняя аура ее стихов, их исключительно прямая, интимная описательность, отказ Н.К. от принадлежности к какой-либо из поэтических групп — все это не способствовало особенной популярности ее лирики. Она и не стремилась к ней. Муза ее всегда была обращена к читателю лишь в профиль — повернута в сторону близкого ей собеседника, которого на самом деле не было. Мало что в лирике так поражает и притягивает, как выразительно изображенная реальность оставшегося в памяти автора пейзажа подобных мнимых встреч. В поздней лирике Н.К. он отражен с точностью, заставляющей за каждой строкой чувствовать непосредственную силу поэтической памяти автора.

При жизни Н.К. выпустила три сборника: *СТИХОТВОРЕНИЯ* (М., 1913), *СТИХИ* (Одесса, 1919), *ОТ ЛУКАВОГО* (Москва-Берлин, 1922). Печатала также детские вещи. Писала стихи для некоторых произведений А.Т. В 1972 в Ленинграде издана небольшая книга лирики Н.К. *ВЕЧЕРНИЙ СВЕТ*, куда входят в основном поздние стихи Н.К. В 1985 — сб. *ДОРОГА*. Вот одно из ее стихотворений:

Клонятся травы ко сну,
Стелется в поле дымок,
Ветер качает сосну
На перекрестке дорог.

Ворон летит в темноту,
Еле колышет крылом —
Дремлет уже на лету...
Где же ночлег мой и дом?

Буду идти до утра,
Ноги привыкли идти,
Ни огонька, ни костра
Нет у меня на пути.

1948.

(с.200)

⁷⁷ О какой «чистке» идет речь, установить не удалось.

⁷⁸ *ОБОРОНА ЦАРИЦЫНА*, окончательное название *ХЛЕБ*. Повесть задумывалась как часть *ХОЖДЕНИЯ ПО МУКАМ*. Первые главы — в журн. «Молодая гвардия», 1937, №10-11.

⁷⁹ Вероятно, речь идет о терапевте Александре Александровиче Баранове (р. 1896). Мед. образование закончил в 1919. В сер. 1920-х — судебный врач ледокола «Ленин». В 1930-е — участковый врач поликлиники №31 в Ленинграде (ул. Л.Толстого, 4).

⁸⁰ Барбюс Анри (1873-1935), франц. писатель, наиболее известная его книга — *ОГОНЬ (LE FEU)*, 1916, чл. франц. компартии с 1923. Весной 1935 опубл. апологетич. книгу *СТАЛИН*. Умер в Москве 30 авг. 1935 при неясных обстоятельствах: выпив вина и поев раков. 1 сент. в «Известиях» напечатана статья А.Т. о Барбюсе *ПИСАТЕЛЬ И ТРИБУН*.

⁸¹ Пельтенбург Генрих Федорович, голландский подданный, с конца 20-х жил в Ленинграде, представитель лесоторговой фирмы. В СССР побывал в заключении, когда и где — установить не удалось. Его дядя — Лео Губертович (см. прим.70).

⁸² Ходасевич Валентина Михайловна (1894-1970), театральная художник, племянница поэта В.Ф. Ходасевича. В 1932-36 — главный художник Ленинградского акад. театра оперы и балета им. Кирова (Мариинский театр). 4 апр. 1932 А.Т. писал Н.К. из Сорренто: «/.../ самая лучшая оплата Пешковым за гостеприимство будет та, если ты пригласишь к нам на лето Валентину Ходасевич с мужем».

⁸³ Чагин Петр Иванович, наст. фам. Болдовкин (1898-1967) — советский издательский работник. В 1933-38 — директор изд-ва АН СССР.

⁸⁴ Лицо неустановленное. См. прим.42 и 88.

⁸⁵ Возможно, Федин К.А.

⁸⁶ Первое упоминание в письмах к Н.К. будущей жены А.Т. — Баршевой Людмилы Ильиничны, урожд. Крестинской (ок. 1909-1982). Н.К. в *ВОСПОМИНАНИЯХ* пишет (курсивом выделены строки, опущенные при публикации):

«Я уехала из Детского в августа 1935 года. Помню последний обед. Я спустилась к столу уже в шляпе. Утром уехал грузовик с последними вещами. У подъезда меня ждала машина. Толстой шутил с детьми. Об отъезде моем не было сказано ни слова. На прощанье он спросил:

— Хочешь арбуза?

Я отказалась. Он сунул мне кусок в рот:

— Ешь! Вкусный арбуз!

Я встала и вышла из дома. Навсегда.

Дальнейшие события развернулись с быстротой фильма. Нанятая мной для секретарства Людмила через две недели окончательно утвердилась в сердце Толстого и в моей спальне. (Позднее она говорила кому-то, что вины за собой не чувствует, что место, занятое ею, было свободно и пусто.) Через два месяца она возвратилась из свадебного путешествия в тот же дом полновластной хозяйкой». (с.220).

⁸⁷ Это и следующие шесть писем написаны А.Т. в Ленинград на Кронверкскую улицу, где жила Н.К. с детьми. Приводим опущенное при издании *ВОСПОМИНАНИЙ* Н.Крандиевской-Толстой начало главы «Наш разрыв», помеченное декабрем 1935:

«В одном из последних писем ко мне Горький пишет: "Экий младенец эгоистический ваш Алеша! Всякую мягкую штуку хватает и тянет в рот, принимая за грудь матери".

Смешно и верно.

Та же самая кутячья жажда насыщения толкнула его ко мне 22 года тому назад. Его разорение было очевидным. Встреча была нужна обоим. Она была грозой в пустыне для меня, хлебом насущным для него. Было счастье, была работа, были книги, были дети. Многое что было. Но физиологический закон этой двадцатилетней связи разрешился просто. Он пил меня до тех пор, пока не почувствовал дно. Инстинкт питания отшвырнул его в сторону. Того же, что сохранилось на дне, как драгоценный осадок жизни, было, очевидно, недостаточно, чтобы удержать его.

Наш последний 1935-й год застал Толстого физически ослабленным после болезни, переутомленным работой. Была закончена вторая часть "Петра" и детская повесть "Золотой ключик".

Убыль его чувств ко мне шла параллельно с нарастанием тайной и неразделенной влюбленности в Н.А. Пешкову. Духовное влияние,

”тирания“ моих вкусов и убеждений, все, к чему я привыкла за двадцать лет нашей общей жизни, теряло свою силу. Я замечала это с тревогой. Если я критиковала только что написанное им, он кричал в ответ, не слушая доводов:

— Тебе не нравится? А в Москве нравится. А 60-ти миллионам читателей нравится.

Если я пыталась, как прежде, предупредить и направить его поступки, оказать давление в ту или другую сторону, — я встречала неожиданный отпор, желание сделать наоборот. Мне не нравилась дружба с Ягодой, мне не все нравилось в Горках.

— Интеллигентщина! Непонимание новых людей! — кричал он в необъяснимом раздражении. — Крандиевщина! Чистоплюйство!

Терминология эта была новой, и я чувствовала за ней оплот новых влияний, чуждых мне, быть может, враждебных.

Тем временем семья наша, разросшаяся благодаря двум женитьбам старших сыновей, становилась все сложнее и утомительней. Это ”лоскутное“ государство нуждалось в умной стратегии, чтобы сохранять равновесие, чтобы не трещать по швам. Дети подрастающие и взрослые, заявляющие с эгоизмом молодости о своих правах, две бабушки, две молодые невестки, трагедии Марьяны, Юлия, слуги, учителя, корреспонденты, поставщики, просители, люди, люди, люди... Встречи, заседания, парадные обеды, гости, телефонные звонки. Какое утомление жизни, какая суета! Над основной литературной работой всегда, как назойливые мухи, дела, заботы, хозяйские неурядицы. И все это по привычке — на мне, ибо кроме меня, на ком же еще? Секретаря при мне не было. Я оберегала его творческий покой как умела. Плохо ли, хорошо ли, но я, не сопротивляясь, делала все.

Вспоминаю мой обычный день в Детском Селе:

Ответить в Лондон издателю Бруксу; в Берлин — агенту Каганскому; закончить корректуру.

Телефон.

Унять Митюшку (носитя вверх и вниз по летнице, мимо кабинета).

Выйти к просителям, к корреспондентам.

Выставить местного антиквара с очередным ”голландцем“ под мышкой.

В кабинете прослушать новую страницу, переписать отсюда и сюда.

— А где же стихи к Буратино? Ты задерживаешь работу.

Обещаю стихи.

— Кстати, ты распорядилась о вине? К обеду будут люди.

Позвонить в магазин.

Позвонить фининспектору.

Заполнить декларацию.

Принять отчет от столяра.

Вызвать обойщика, перевесить портьеры.

Нет миног к обеду, а ведь Алеша просил...

В город, в Госиздат, в Союз, в магазин.

И долгие годы во всем этом мне удавалось сохранить трудовое равновесие, веселую энергию. Все было одушевлено и озарено. Все казалось праздником. Я участвовала в его жизни.

Теперь равновесие было утеряно. Его можно было бы поддержать, опираясь если не на любовь, то хотя бы на чувства из "неприкосновенного ее запаса": дружеское тепло, простое человеческое участие. Этих чувств не было. В пустом, ледяном пространстве кто может вольготно дышать и весело трудиться? Я изнемогала. Я запустила дела и хозяйство. Я спрашивала себя: — если притупляется с годами жажда физического насыщения, где же все остальное? Где эта готика любви, которую мы с упорством маниаков громоздим столько лет? Неужели все рухнуло, все строилось на песке? Я спрашивала в тоске:

— Скажи, куда же все девалось?

Он отвечал устало и цинично:

— А черт его знает, куда все девается. Почему я знаю?

Главным оружием против меня поворачивалось мое же страдание. Так всегда бывает.

Я думала о наших женских добродетелях: нет между нами ни очень плохих, ни очень хороших. Есть в той или иной мере счастливые и несчастные. Наша правота измеряется удачей.

Но страдание — это всегда начало нашего снижения, нашего позора. Заплаканного лица не прощают. Хороший вкус человеческого общежития требует сдержанности и подтянутой психики — это знает каждый. Страдание оскорбляет равнодушных свидетелей, а равнодушные быстро устают от него. Одним словом, все, все подталкивает нас, когда мы катимся вниз под гору с вершины благополучия, и в падении этом самые красивые из нас теряют благообразие, самые мудрые — голову. Так было и со мной.

Я в полной мере узнала жестокость равнодушных свидетелей. Могла ли я ждать от мужа, поглощенного своими переживаниями, участия и внимания к себе? Дай ему Бог было справиться с собой!

Мне хотелось ехать с ним за границу, на писательский съезд. Он согласился с безнадежным равнодушием — поезжай, если хочешь. Разве можно было воспользоваться таким согласием? Я отказалась. Он не настаивал, уехал один, вслед за П.

Это было наше последнее лето, и мы проводили его врозь. Конечно, дело осложняла моя гордость, романтическая дурь, пронесенная через всю жизнь, себе во вред. Я все еще продолжала сочинять любовную повесть о муже своем. Я писала ему стихи. Я была как лейденская банка, заряженная грозами. Со мною было неуютно и неблагоприятно. Тоска гнала меня из дома в белые июньские ночи. Ехать, все равно куда, без мыслей, без цели, только ехать, ехать, пожирать пространство. Я садилась в машину, и Константин, шофер, мчал меня по запретной зоне (у меня был пропуск), по берегу взморья, через Петергоф, Ораниенбаум, Лебяжье, до последней пограничной полосы и обратно. Дороги были безлюдны. Каждый куст на берегу маскировал орудие смерти, и часовые, как замороженные, неподвижно

стояли у воды. Нет, в пейзаже этом не было утешения и безобидной лирики! Зловещая угроза, беда, казалось, подстерегали и меня, и эти мирные берега. Сердце мое сжималось предчувствием неизбежного краха. Встречный ветер хлестал и студил лицо, мокрое от слез. Слава Богу, никто меня не видел в этой темноте и безлюдье. Константин гнал машину, спидометр показывал — сто».

⁸⁸ Савин Лев Моисеевич (1881-1947), наст. имя Савелий Моисеевич Лев, автор романов *ЮШКА*, М.-Л., 1930, и *ЮШКА В ТЫЛУ*, М.-Л., 1931. О Савине А.Т. писал Горькому 30 апр. 1930: «Автор был служащим в красильне "Пеклие" и года полтора назад не думал о литературе, и вдруг прорвало... Работает по 14 часов... Борется с языком, с формой, похож на конквистадора, попавшего в девственный лес словесности. Книга произвела очень хорошее впечатление в военных кругах» («Лит. наследство», т.70. М., 1963, с.404).

Второй Лев, очевидно, Коган Лев Рудольфович (1885-1959), филолог и библиотеквед, зав. кафедрой литературы Полит.-просвет. ин-та им. Крупской (ныне Ин-т культуры), автор воспоминаний об А.Т. (см. *ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А.Н. ТОЛСТОМ*. М., 1973) и В.Я. Шишкове, живший рядом с Толстыми в Детском Селе.

⁸⁹ Федин Константин Александрович (1892-1977), писатель, в 30-е годы часто жил в Детском Селе.

⁹⁰ Орлов Макар (Максим?) Андреевич — в первой пол. 1930-х — нач. Леноблгорлита и зам. нач. Главлита РСФСР, с 1934 — дир. Ленинградского отд-ния ГИХЛ.

⁹¹ Жена Г.Ф. Пельтенбурга Августа Николаевна, актриса.

⁹² О чем здесь идет речь, нам установить не удалось.

⁹³ В 1936 А.Т. работал над 2-й редакцией пьесы *ЛЮБОВЬ — КНИГА ЗОЛОТАЯ* (1-я — 1919), перерабатывал либретто оперы Сметаны *ПРОДАННАЯ НЕВЕСТА*, писал комедию *НИЧЕГО УДИВИТЕЛЬНОГО, ИЛИ ТАНЕЦ ЖУРАВЛЯ*, писал пьесу о Г.И. Котовском. К концу 1935 относится 3-й вариант пьесы *МРАКОБЕСЫ АКИЛА*.

⁹⁴ На «Ленфильме» ставился *ПЕТР ПЕРВЫЙ*, 1-я серия (1937).

⁹⁵ *ОБОРОНА ЦАРИЦЫНА*, в окончат. редакции повесть *ХЛЕБ*.

⁹⁶ В 1935 А.Т. — член президиума ССП, член Постоянного бюро международной ассоциации писателей, участник различных конференций — как по вопросам искусства, так и по другим.

⁹⁷ Горничная Толстых.

⁹⁸ Уйбо Юлия Ивановна, эстонка, бонна, жила в семействе Толстых с 1916, вместе с ними была в эмиграции. Умерла в блокаду в 1942.

⁹⁹ Ответ Н.К. на это письмо:
«29/ХІ 1935 г.

Отвечаю тебе на твое письмо, Алеша. Юлия Ивановна живет у меня. Ясно, конечно, что у тебя она служить не будет. Бабушку Крандиевскую я рассчитываю все же устроить в доме ученых: на днях этот вопрос окончательно выяснится.

Дело не в том, чтобы убрать с твоего пути лишнюю помеху. Думаю, что у бабушки, быть может, и хватит, как ты пишешь, "благоразумия" не вмешиваться в твою личную жизнь. Но жить у тебя в доме безмолвным свидетелем твоего семейного счастья ей будет тяжело, при всем благоразумии. Ты, надеюсь, это поймешь.

Из письма твоего я поняла, что вопрос вашего возвращения в Детское *решен* и обсуждению не подвергается. Поэтому *об этом* я ничего не пишу. Ты просил сохранить для тебя кабинет, рояль, библиотеку и кое-какие вещи. Я писала тебе в Кисловодск о том, что хочу взять столовую и парчевые кресла. Я спрашивала твоего разрешения на это. Ответа я не получила. Вместо ответа пришло письмо к Никите, в котором ты вызывал его на свидание в Москву.

Мы поняли так, что в Детское ты *совсем не возвратишься*. Кроме того, в предыдущих письмах ко мне ты несколько раз высказывал решение жить под Лугой или под Москвой, но не в Детском.

Учитывая все это, я нашла целесообразным и естественным поехать в Детское и перевезти к себе те вещи, о которых тебе писала. Твой кабинет, спальня, гостиная, твои книги, рояль и все картины (кроме 2-х, 3-х) *остались неприкосновенными*.

12 тысяч, выданные мне из Госиздата, реализовались очень странно. Они обложены налогом в 5 тысяч. За вычетом налога я получила таким образом на руки 7 тысяч. 3 тысячи из них отдала Генриху (как ты просил), одна тысяча уплачена за рояль. Осталось на прожитие 3 тысячи. Я на них и жила весь ноябрь. Жить, конечно, можно и на 3 тысячи, и на две, но учитывая квартирную плату 560 рублей и то, что около меня питаются все дети, станет понятно, что я еле свела концы с концами. Прошу выслать распоряжение Орлову на декабрь месяц.

Н.Т.»

¹⁰⁰ В 1920-е в Москве, в доме на Молчановке, А.Р. Крандиевская по неосмотрительности сожгла большую часть архива Тургеневых (письма и другие бумаги, связанные с деятельностью масона, директора Московского университета И.П. Тургенева, отца декабриста, и его семьи). См. прим.2. Брат И.Т. Петр Петрович — прадед М.Л. Тургеневой и матери А.Т. — Александры Леонтьевны.

¹⁰¹ В известных нам стихах Н.К., связанных с разрывом («Торжественна и тяжела...», «Больше не будет свидания...», «Люби другую,

с ней дели...»), никакой оценки А.Т. как «существа низшего порядка» нет. Очевидно, здесь имеет место бессознательная *самооценка*, выразившаяся в раздраженном переносе собственного понимания себя на лиц, мнение которых А.Т. безусловно волновало.

¹⁰² Ответ Н.К. на это письмо:

«12/ХІІ 1935 г.

Алеша! Я получила твое гневное и оскорбленное письмо из Гагр от 5-го, в ответ на мое коротенькое, деловое письмо.

Я полна горького недоумения. Что в моем письме так обидело тебя, что заставило так гневно возмутиться. Неужели Дюнино письмо. Я его перечитываю сейчас. Посылая его, я не учла, что ты не обратишь внимания на его *положительную сторону*, на то умное, горячее, что было в нем по отношению меня. Тот выход, из страдания, из смертного отчаяния (который был в этом письме) казался мне таким неожиданным светом, таким откровением, что я по глупой наивности думала поделиться с тобой этим. Вот, мол, по какой линии возможно и для меня человеческое спасение и возрождение. Так думала я, так хотелось передать это — тебе.

Но вышло совсем не то. Вероятно, ты обратил внимание на 2-3 фразы в начале Дюниного письма, на них обиделся, все же остальное (самое существенное) оставил вообще без внимания. Я очень жалею, что послала тебе Дюнино письмо. Обидеть тебя я не хотела, верь мне. О каком "высокомери" ты говоришь, я тоже не понимаю, Алеша. Все это плод глубокого непонимания меня, моих поступков, моих побуждений, моих намерений...

Если мои горькие стихи восприняты тобой тоже как "высокомерные" стихи и как обида тебе лично, — то ясно одно, — что стихи эти мне не надо было посылать тебе точно так же.

И в этом я каюсь. Ты пишешь: — "искусство в семье нашей не пользовалось никогда пьететом".

Если не искусство — *то что же*, собственно говоря, пользовалось у нас пьететом в семье, за все 20 лет? Вот чего я не понимаю.

Алеша, за последнее время я столько выслушала от тебя горьких "истин", что совершенно перестала понимать свое прошлое. Ты только и знаешь, что порочишь его по-новому в каждом новом письме.

Мне хочется спросить иногда — неужели ты в самом деле веришь сам (в спокойную и беспристрастную минуту) тому чудовищному огульному отрицанию всего хорошего в бывшей нашей общей жизни?

Подумай только — и "тирания", и "ложь", и "плен", и "болото пошлости", и одиночество, "непонимание"... Теперь ты прибавляешь — "равнодушие к искусству" и "высокомерное" неуважительное отношение к тебе — да мало ли еще какой неправдой можно поглумиться над своим прошлым, благо оно прошлое. Ты все еще сводишь со мной счеты.

Неужели "прошлое" чернить и пачкать *необходимо*, чтобы выгоднее оттенить *настоящее* и его преимущества? Неужели такова скрытая цель?

В самом деле: — чтобы легче утвердить Людмилу преданность твоему искусству, необходимо предварительно установить, что "Туся и ее семье на искусство твое было наплевать" (пиететом оно не пользовалось).

Чтобы утверждать "огромную любовь Людмилы", надо убеждение, что "Туся тебя никогда" "в сущности не любила". Разве не так это?

Чтобы импозантнее выглядело твое 2-месячное сотрудничество с Людмилою, необходимо утвердить, что "Туся, в сущности, никогда твоей работой не интересовалась и в ней не участвовала".

Это "предательство" всего старого, Тусиного, — неужели неизбежно? Оно будет продолжаться во славу Людмилы до тех пор, пока ты любишь ее?

Во всяком случае, я предвижу, что на мой остаток жизни мне хватит этого предательства и этой неправды.

Сражаться с ней бесполезно. Бесполезно оправдываться, взывать к справедливости. Я это вижу. Поэтому пусть будет все в прошлом так плохо, как тебе *сейчас этого хочется*. Ах, не все ли равно, в конечном счете! Пусть этой ценой покупается твое безупречное "настоящее", его вес и значение. Будь счастлив им, Алеша, но не злобствуй и не клеветай на меня, — ибо я и так *раздавлена* — твоим счастьем. И не стоит тебе, счастливому, сводить со мной счеты.

Что касается "торопливого разорения" детскосельского дома, то кто его разорил так торопливо? Неужели в этом я точно так же виновата? Во всяком случае, кабинет твой и спальня — неприкосновенны, а столовая и весь дом оставлен тебе в таком виде, чтобы ты мог спокойно работать.

Но уют, созданный в доме когда-то мною, ушел вместе со мною из дома, разве это не естественно? Скажи?

Разве не естественно, что новая твоя хозяйка *должна* внести в твою жизнь, в твою обстановку свои новые вкусы, свою индивидуальность, свое лицо?

Прощай.

Н.»

¹⁰³ См. письмо 19 и прим. к письму 18.

¹⁰⁴ А.Т. явно путает св. Марию Египетскую с Марией Магдалиной, изображенной у Джампетрино (Педрини Дживанни, работал ок. 1520-40), одного из представителей «ломбардской школы» учеников Леонардо да Винчи. Прозвище «Джампетрино» А.Т. тоже пишет неверно — «Джанпетрино».

¹⁰⁵ Картина «во вкусе» Босха, принадлежавшая раньше, по словам А.Т., Пушкину (см. в кн. *АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ*. М., 1973, с.332-333 и 430), впечатление от нее нашло отклик в *ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ* — описание сна Татьяны. Скорее всего, и здесь — характерное для А.Т. преувеличение, его склонность при-

хвастнуть. Картина эта принадлежала не самому поэту, а семейству Осиповых-Вульф, псковских знакомых Пушкина, у которых он часто бывал в год михайловской ссылки. Каким образом картина попала к А.Т. — неизвестно. Упомянутого выше в тексте Эль Греко у А.Т. не было.

¹⁰⁶ Ответ Н.К. на это письмо:

«12.XII.

Я получила твоё письмо из Москвы от 9-го относительно мебели. Оно меня очень удивило, так как я действовала на основании твоих писем, в которых было совершенно ясно сказано, что ни в Детском, ни в Ленинграде ты жить не будешь и что из вещей ты заинтересован только в кабинете, в библиотеке и рояле.

Твое последнее письмо с сообщением, что ты переменял решение, пришло уже после того как мебель была здесь.

Вообще я считала себя вправе проявить инициативу в выборе вещей, сохранив за собой те вещи, о которых ты писал.

Я считала бы, что обратная перевозка вещей в Детское поставит нас обоих, и в особенности тебя, в смешное положение. Тем не менее, если ты пожелаешь, то я без всяких возражений предоставлю тебе право *взять у меня все, что ты захочешь*.

Но я решительно отказываюсь от каких-либо хлопот по доставке тебе вещей обратно в Детское.

Еще раз подчеркиваю, что я не собираюсь ни в какой мере *настаивать на оставлении у меня тех или иных вещей* и предоставляю тебе полную инициативу в этом смысле, но с обязательным условием — чтобы вопрос был решен тотчас же и окончательно.

Н.Т.»

¹⁰⁷ В январе А.Т. работал для МХАТ-2 над комедией *НИЧЕГО УДИВИТЕЛЬНОГО, ИЛИ ТАНЕЦ ЖУРАВЛЯ*. Поставлена не была.

¹⁰⁸ Письмо написано в деревню Заречье на западном берегу оз. Селигер близ Николы-Рожка, где в 1938-39 Н.К. строила дом для семьи. Сожжен вместе с остальными жилыми постройками западного побережья Селигера перед приходом немцев в 1941.

¹⁰⁹ Имеется в виду *СЕЛИГЕРСКИЙ ДНЕВНИК* Н.К., который она вела с окт. 1938 по май 1939. Не опубликован. См. ниже прим.110-112.

¹¹⁰ Приводим этот эпизод:

«/.../ Я осталась ночевать в избе. Мне постелили на лавке. Изба — столетняя. Очень хороши бревна, словно окостенелые, отполированные временем. Хозяин лег спать на печке, бабка залезла в печь, прямо в валенках, а молодуха на кровати, между двумя девочками.

Через голову мою прыгал котенок, за печью скреблась мышь, по лицу ползали клопы.

В избе жарко — дышать нечем. Понятно, что ночлег получился у меня средний.

Утром внесли кривой самовар. Бабка занимала меня беседой такого порядка:

— Во-о сясстрица! Струмило-то у нас охлёбло (это про самовар). Намеднись не доглядели, запалили не горазд полный, он на жопу и сел.

И дальше в таком же роде. Чай пили брусничный. Затем сварили мне добрые хозяева раков. Я закусила и отправилась в обратный путь к пароходу. По дороге на хуторе купила овечьей шерсти, на валенки себе и Мите. В Заречье была к вечеру. Очень устала и продрогла, но впечатлений много и дело сделала — это главное».

¹¹¹ Очень характерное для психологии А.Т. тридцатых годов пренебрежение тем, что могло «происходить и 30 лет назад». Приводим упомянутый «разговор со стряпухой»:

«Из деревни Конец мне прислали в сторожихи для будущего дома здоровенную девку в валенках.

— Я и кухарить могу, — говорит она.

— Что же ты умеешь готовить?

— Да что надоть.

— Суп варить умеешь?

Девка мрачно:

— Ворю.

— А кисель?

— Ворю.

— А котлеты?

— И котлеты ворю.

Легкое замешательство. Затем девка говорит мне обидчиво:

— Я в Осташкове по богатым жила. Почитай, каждый день мясное варили. Можете справиться.

У нее плечи кариатиды. Пожалуй, если выпустить такую ночью с колотушкой, ни один грабитель не подойдет к даче».

¹¹² Приводим это описание: «...Всю ночь озеро ревело как перед смертью, а наутро берега затянуло гробовой парчой такой белизны, что сердце защемило от красоты и печали. По середине плеса еще дымилась незастывшая вода, словно огромная душа озера уходила из недр его. Но к вечеру и ее затянуло льдом. Было 30 градусов мороза, без ветра».

¹¹³ Глава воспоминаний Н.К. о Горьком *ГРАНАТНЫЙ ПЕРЕУЛОК* опубл. в журнале «Звезда», 1939, №9. Входит в *ВОСПОМИНАНИЯ*.

¹¹⁴ Рассказы Н.К. нам неизвестны.

¹¹⁵ Приводим реакцию Н.К. на это письмо:

«Есть две формы дневника. Первая — это дневник-летопись. Автор

в тени. Беспристрастный очевидец, он заносит в книгу изо дня в день события, встречи, происшествия.

Вторая форма — это *дневник-портрет*. Как на киноплёнке, мы видим человека в движении во времени. И чем интереснее, содержательнее образ собеседника, тем интереснее дневник, тем значительней его ценность как *документа о жизни*.

Пример: — "Записки Бенвенуто Челлини", "Дневник Башкирцевой" и т.д.

Личное в таком дневнике силою искусства перерастает в общечеловеческое, и только тогда становится — литературой.

Возможно, что этого *не случилось* с моим дневником. Возможно, что он недостаточно выразителен, как портрет, и поэтому, не став литературой, остался домашним рукоделием, более или менее интересным для близких людей.

Это даже не дневник, а, вернее, записки о природе человека, впервые взволнованного ею. Говорят, большие собаки бегут в поле и лечат себя целебными травами, отыскивая их с поразительным чутьем. Так было со мной. *Я лечила свое неблагополучие* целебными силами природы, и в этом жизненный смысл "Селигерского дневника" и дома в Заречье.

Но оставляя все это в стороне, я все же принципиально не могу согласиться с тем способом проверки какого-либо произведения, который приводит Толстой в конце своего письма. Он пишет: "представь на минуту, что дневник твой попадет в руки бойца на китайском фронте, в руки женщины Мадрида, в руки колхозника... и т.д."

Думаю, что проверять таким образом не только мой дневник, но ценность любой литературной вещи *вообще нельзя*.

Для трагических матерей и вдов Мадрида разве существует сейчас какая-либо литература в мире? Думаю, что нет. Можно и читать разучиться от слез.

Бойцу же на Китайском фронте, пожалуй, ближе всего к цели придутся патриотические песни Лебедева-Кумача. Боюсь, что философические раздумья Тютчева, терцины Данте, лирика Блока будут для бойца как *раз подобием того пасьянса в окопе*, о котором пишет А.Толстой.

А вот об оценке колхозников: — я им давала читать «Как закалялась сталь». Понравилось, благодарили. Дала «Домби и сын» Диккенса — вернули, скучно.

Куда же деть три четверти нашего классического наследства, если проверять его ценность таким образом? Так полетят, пожалуй, с библиотечной полки и Анатолий Франс, и Стендаль, и весь Гамсун!

Действительно, *нельзя "раскалывать пасьянс в пылающем доме"*. Но в пылающем доме вообще *ничего* нельзя делать. Нельзя заниматься живописью, играть сонаты Шумана, писать стихи и повести. В пылающем доме можно только бегать с ведром и огнетушителем да таскать узлы с вещами. Если не делать ни того, ни другого — лучше отойти в сторону и не мешать.

Самому революционному искусству — нужна тишина мастерской. Самые пламенные страницы пишутся в тиши кабинета, а не облокотясь на лафеты пушек, в пороховом дыму. Утверждать обратное может только демагог, а не художник с тридцатилетним творческим опытом, — академик к тому же».

¹¹⁶ Это письмо Н.К. нам неизвестно.

¹¹⁷ Дочь Никиты Екатерина (р. 1939).

¹¹⁸ Жена Никиты Толстого Наталия Михайловна, урожд. Лозинская.

¹¹⁹ *ОСНОВЫ АВТОРСКОГО ПРАВА РСФСР* были приняты в 1928. Никакого нового «закона об авторском праве» около 1940 не появилось. Между тем, в другом письме к Н.К. этого же времени А.Т. сообщал: «Закон об авторском праве прошел, но еще не утвержден официально из-за того, что три замнаркома Молотова не имеют времени собраться и приготовить закон на подпись Молотову». Не исключено, что А.Т. имел в виду проект постановления СНК РСФСР *ОБ АВТОРСКОМ ГОНОРАРЕ*, которое состоялось только 12 июня 1944 и устанавливало плату за прозу и драматические произведения в размере 1500-3000 руб. за лист при тираже 15 тыс. экз. С увеличением тиража эта цифра заметно прогрессировала. Это постановление, а также Указ ПВС СССР от 30 апр. 1943, снизивший налоги на литературные заработки, и приказ Комитета по делам искусств (6 июня 1944), укрепивший зависимость авторского гонорара за исполнение пьесы от числа актов, наличия «государственного заказа» и «общественного признания», — значительно упрочили и без того нешаткое материальное положение писателей ранга А.Т.

¹²⁰ Не издан.

¹²¹ *ПЬЕСЫ*. М., «Искусство», 1940. В этом году отдельными изданиями вышли также роман *ЭМИГРАНТЫ* и пьесы *ЛЮБОВЬ — КНИГА ЗОЛОТАЯ* и *ПУТЬ К ПОБЕДЕ*.

¹²² О ком именно идет речь, нам установить не удалось.

¹²³ Хесин Григорий Борисович — в начале 1930-х зав. финсектором Горкома писателей в Ленинграде, с 1934 — дир. Ленинградского отделения Управления по охране авторских прав. С 1938 — дир. Всесоюзного УОАП (Москва). Пробыл на этом посту, по крайней мере, до начала 1950-х.

¹²⁴ А.Т. с 1937 был депутатом Верховного Совета СССР.

¹²⁵ Речь идет о Всесоюзном управлении по охране авторских прав (ВУОАП), образованном осенью 1938 при Союзе Сов. Писателей. 26 окт.

1938 при ВУОАП был создан Совет, председателем которого стал А.Т., а членами — К.А. Тренев, А.Е. Корнейчук, Р.М. Глиер, А.Я. Каплер, А.А. Сурков и др. Главной функцией ВУОАП в то время было кропотливое взимание авторского гонорара и отчислений в Литфонд со всех зрелищных предприятий страны. С 21 сент. 1940 ВУОАП было передано в ведение Комитета по делам искусств, а в 1948 снова вернулось под начало ССП.

¹²⁶ Комитет по делам искусств при СНК (с 1946 — СМ) СССР — в 1936-53 главный гос. орган страны, управлявший всеми видами искусств (с 1938 — всеми, кроме кино). В 1940 КДИ возглавлял М.Б. Храпченко. А.Т. входил в состав Секции театров и драматургии Художественного совета, учрежденного при КДИ в 1939.

¹²⁷ Установить полный список пьес, снятых с репертуара в 1940, не удалось. Показательно, однако, что московская «Театральная неделя» №10(31) от 30 сент. 1940 открывалась редакционной статьей *ЗА ПАРТИЙНОСТЬ В ИСКУССТВЕ*, где уничтожающей критике были подвергнуты, в частности, *МЕТЕЛЬ* Л.Леонова, *НАЧИСТОТУ* А.Глебова, *ДОМИК* В.Катаева, *СТРОГИЕ ВРЕМЕНА* С.Герасимова, *МОЛЬ* Н.Погодина, после чего все перечисленные пьесы исчезли из репертуара столичных театров.

¹²⁸ В 1939-40 шли: *ПУТЬ К ПОБЕДЕ*, четвертая редакция пьесы *ГОРЬКИЙ ЦВЕТ — МРАКОБЕСЫ, ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК, ЛЮБОВЬ — КНИГА ЗОЛОТАЯ, КАСАТКА*.

¹²⁹ *КАСАТКА* — любимая пьеса А.Т., написана в 1916. В Москве в 1940 шла в Театре драмы и комедии (б. Театр Корша), «Современный театр» готовился тогда восстановить в репертуаре прежний спектакль.

¹³⁰ Характерное признание. Оно тем более определяет отношение А.Т. к своему творчеству, что сделано спокойно, между прочим. В 1941 А.Т. переделал в одноактный фарс *ФЮРЕР* пьесу *ЧЕРТОВ МОСТ*, работал над пьесой *ОРЕЛ И ОРЛИЦА* — первой частью драматического цикла об Иване Грозном.

¹³¹ Трилогия закончена 22.06.1941, в день начала войны с Германией.

¹³² *ПЕТР ПЕРВЫЙ* остался неоконченным. А.Т. работал над ним до самой смерти, в 1943 начав писать третью часть.

¹³³ Опера *ДЕКАБРИСТЫ*. Шапорин продолжал над ней работать и после премьеры (1938). К сезону 1940-41 готовилась новая постановка в Ленинградском театре оперы и балета им. Кирова. В связи с войной осуществлена не была. Поставлена там же в 1953. В этой редакции либретто А.Т. было переработано В.А. Рождественским, использовавшим (не сославшись) многие стихи Н.К. из прежних редакций текста.

А. Гайдар

ПИСЬМО Р. ФРАЕРМАНУ

Публикация Н. Стахова

Печатаемое ниже письмо Аркадия Петровича Гайдара (наст. фамилия Голиков; 1904-1941) к Рувиму Исаевичу Фраерману (1891-1972) представляется нам ценным для характеристики психологической атмосферы в стране конца 1930-х годов. Установившийся стереотип рисует нам суть этого времени как картину ужасов Большого Трора («Наши речи за десять шагов не слышны...»), а его пропагандистское оформление как нескончаемую фанфаронаду победных маршей («Мы с железным конем все поля обойдем...»). Такое представление в целом справедливо.

Эта правда, что в Советском Союзе в конце 1930-х годов неслыханными темпами росла производительность труда, собирались невиданные урожаи, а подвиги полярников вызывали небывалый энтузиазм у масс; правда и то, что в те же годы совершались массовые бессудные казни, а число арестованных насчитывало не один миллион. Но между этими двумя правдами простирается довольно обширная область, мало затронутая усилиями историков.

В самом деле: чем «дышал» в это время советский человек? Что теснилось в его груди, кроме страха и воодушевления? Приблизиться к пониманию этого помогает, как нам кажется, приводимый ниже текст.

Любимый писатель многих поколений советских детей, талантливый создатель мифа об «огромной счастливой земле», идеальном мире незыблемой справедливости и бескомпромиссной честности, признается своему другу в том, что... *всю жизнь лжет*. Головокружительно, виртуозно, ослепительно, изошренно — *лжет*.

Для того чтобы в полной мере оценить это признание, следует поставить его в контекст биографии писателя.

Весной 1938 Гайдар жил в Одессе и писал киносценарий *СУДЬБА БАРАБАНЩИКА*. Одноименная повесть была уже закончена, но еще

не двинулась в печать. Творческая история этих связанных между собой произведений восстанавливается обрывочно, по воспоминаниям современников, т.к. «рукопись разыскать не удалось». Их тема — судьба мальчика, отец которого арестован. В первоначальном варианте повести отец Сережи был арестован по ложному политическому доносу. В окончательной редакции — за растрату государственных средств. В дошедшем до читателя (с 1956 — и до зрителя) варианте киносценария — за утрату секретного пакета*.

Известно также, что всю весну 1938 Гайдар непрерывно вносил изменения в уже готовый сценарий по требованию Одесской киностудии, которая собиралась ставить фильм. К концу июня киностудия выдвинула ряд новых требований, которые автор принять уже не смог, и к этой работе он больше не возвращался. К этому же моменту, по всей видимости, относится и следующее стихотворение Гайдара:

Не хочу писать сценарий,
А хочу я в колумбарий,
В колумбарий, в порошок,
В позолоченный горшок.

Ах, в горшке лежать приятно —
Все удобно, все понятно.
Червь сомнения не гложет,
Он золу глодать не может,
Я желаю быть золой,
А сценарии — долой!

Осенью 1938 писатель предложил отрывок из повести *СУДЬБА БАРАБАНЩИКА* журналу «Колхозные ребята». По мнению биографов Гайдара, первоначальной причиной задержки с печатанием было то, что редакция прежде, чем пускать отрывок в набор, желала ознакомиться с полным текстом повести. А затем, якобы, эта небольшая заминка вызвала лавину слухов о том, что Гайдар — «непечатаемый автор», «написал крамольное произведение» и т.п. По утверждению тех же биографов, дело дошло чуть ли не до изъятия гайдаровских книг из библиотек.

В эту гладкую версию «гонения по недоразумению» не укладывается тот факт, что 2 ноября 1938 «Пионерская правда» напечатала-таки начало

* В советской критике существуют два мнения о причинах этих сюжетных перемен. Первое просто: став в 1937-38 свидетелем арестов и гибели близких ему людей, в невиновности которых он не сомневался, Гайдар почувствовал нравственную потребность написать о судьбе их детей — главных адресатов его творчества. Однако, по цензурным условиям эпохи, «прямо и честно» он этого сделать не сумел, хотя и попытался. Другая точка зрения более романтична (ее автор — Б.М. Сарнов). Она опирается на особенности психологии жителей «страны Гайдара», «советских по национальности», «потомков и наследников людей, навсегда порвавших со своим прошлым». В такой стране «отца Сережи не могли арестовать несправедливо, по клеветническому доносу. Этого не могло случиться /.../».

повести (объявленному продолжению пока не суждено было появиться). Последнее и осталось единственным реальным свидетельством кратковременной опалы. 1 февраля 1939 Гайдар уже был награжден орденом «Знак почета».

Перенесенные потрясения и последовавшая за ними разрядка вызвали у писателя обострение тяжелого нервного расстройства, которым он страдал еще с Гражданской войны, и привели его в Сокольническую лечебницу. Оттуда (не позднее 6 апреля 1939) было написано печатаемое нами письмо. Тогда же появилась следующая запись в гайдаровском дневнике: «29 марта [1939]. Очень тепло. Работать нельзя никак: мешают. Прошлый год в это время я уезжал в Одессу и пробыл на юге до 21 июня. С этого дня и начались все мои несчастья. Проклятая "Судьба барабанщика" крепко по мне ударила».

По выходе из лечебницы дела Гайдара наладились, и неизвестно, вспоминал ли он в оставшиеся два года жизни, как едва не пал жертвой собственного правдолюбия и какие тяжкие раздумья о своей лживости сопутствовали этому.

Упомянутый в письме замысел книги-полусна, вероятно, не был осуществлен.

Здравствуй Рува!

Я живу в лечебнице Сокольники. Здоровье мое — хорошее. Ни о чем плохом не думаю. Одна беда — тревожит меня мысль — зачем я очень изворался. Я не преступник, не искатель материального счастья, я не ношу тайной и злорадной мысли сделать людям зло и казалось нет никаких причин оправдывающих и объясняющих это постоянное и мучительное вранье, с которым я разговариваю с людьми. Оно мне не нужно, оно меня тяготит. Я хочу людям в глаза смотреть прямо и открыто, но образовалась (когда?) привычка врать от начала до конца и борьба с этой привычкой у меня идет упорная и тяжелая и победить ее я не могу. Часто, набравшись мужества и решимости, начинаешь говорить с человеком прямо, и на душе тогда хорошо и сам себя ценишь, сам радуешься — расстанешься довольный. Все хорошо. Вдруг — стоп! И тебе становится совершенно очевидным, что и этого собеседника ты хитро обманул и особенно горько, если это не прожженный жулик, а человек простой, честный как большинство простых людей, по-настоящему, т.е. по-своему, трудящийся, и как умеет, — добывающий свой кусок хлеба, кружку пива, билет в кино и право на спокойный, человеческий сон.

Иногда я хожу совсем близко около правды, иногда — вот-вот — и веселая простая она готова сорваться с языка, но как будто

какой-то голос резко предостерегает меня — берегись! Не говори! А то пропадешь! И сразу незаметно, сверкнешь, закружишь, сверкнешь, рассыплешься и долго потом рябит у самого в глазах — эх, мол, ты куда, подлец, заехал! Химик!

Нет у меня ничего плохого — в том смысле, чтобы это шло против людей. И какой бы мне суд не был я буду отпираться — верней отказываться и защищаться, но знаю, что это все бесполезно, потому что тогда подумают — раз человек что-то скрывает — значит что-нибудь у него совесть не чиста, и что-то на уме плохое.

А это не то! Похожее, но не то! Рувок! Я задумал одну вещь — а я упрямый человек — сделаю! Выйду из больницы и напишу небольшую книгу. Это будет полусон — но без всяких ерундовских аллегорий и ложных значительностей. Это будет очень теплый, очень далекий от небес и близкий к грешной милой земле сон немножко расстроенного, чуточку усталого, но очень крепкого веселого и здорового человека.

Крепко жму твою руку. Верь, что в этом я не вру, и что я тебя глубоко ценю, люблю и уважаю. И желаю тебе здоровья сердцу и ясности голове — без которой трудно прожить в наши сложные и опасные для всей земли времена. Твой Гайдар!

***ИЗ ИСТОРИИ
ЦЕНЗУРЫ***

ЦЕНЗОРСКАЯ ПРАВКА «ГОЛУБОЙ КНИГИ» М.М. ЗОЩЕНКО

Публикация С.Печерского

Вопросы, связанные с историей цензуры, уже давно занимают исследователей. Их усилия обычно устремлены в двух направлениях: к изучению, во-первых, истории цензурного ведомства и цензурных уставов и, во-вторых, к выявлению того урона, который нанесла цензура литературе или журналистике.

Особенно много работ появлялось в дореволюционной либеральной науке (широко известны, например, фундаментальные труды А.М. Скабичевского, М.К. Лемке). С середины 1920-х гг. количество исследований по истории цензуры резко сократилось. Одновременно сузились и задачи таких исследований. Постепенно публикации, в той или иной степени посвященные цензуре, свелись, как правило, к одному — восстановлению искореженного текста, а история цензуры как таковой перешла в разряд запретных тем, о какой бы эпохе речь ни велась. Понятно, что если говорить о цензуре советского периода, то рассчитывать можно лишь на зарубежные работы. Но в тех из них, которые нам известны, проблема решается таким же образом, как и в большинстве нынешних отечественных, — приводится текст в своем доцензурном варианте, и он сопровождается филиппиками публикатора в адрес уже не «варварской царской», а «тупой и мелочной советской» цензуры.

Мы попытаемся поставить вопрос в несколько иной плоскости. Цензорская правка интересует нас сама по себе, как самостоятельный источник для изучения эпохи. В качестве примера рассмотрим работу цензора над *ГОЛУБОЙ КНИГОЙ*.

ГОЛУБАЯ КНИГА (ниже ГК) была закончена М.М. Зощенко в начале июня 1935 и через семь месяцев вышла отдельным изданием. (По выходным данным — сдана в набор 17.07, подписана в печать

3.12, в «Книжной летописи» отмечена в феврале 1936, на титуле стоит 1935). Существует и журнальный текст — с конца 1934 ГК печаталась в «Красной нови». Переиздана ГК была дважды — в 1968 и 1978 в составе двухтомников *ИЗБРАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ* Зошенко. Оба раза почти механически воспроизводился текст книги 1935 года.

В нашем распоряжении имеется верстка книги 1935 года. В ней целый ряд замен и исправлений, из которых, по нашему мнению, только несколько носят характер чисто стилистической редактуры и могли быть сделаны автором по собственной инициативе. Остальные, как мы понимаем, произведены цензором или Зошенко по указанию (подсказке) цензора. Эту правку мы и предлагаем вниманию читателя.

Публикация представляет, на наш взгляд, двоякий интерес.

Она помогает восстановлению подлинного текста ГК*, и с этой точки зрения ее значение очевидно.

В не меньшей мере цензорская правка ГК интересна и важна для изучения советской идеологии.

Здесь в центре нашего внимания оказываются мотивы, которыми в каждом отдельном случае руководствовался цензор. Мы основываемся на предположении, что случайных, бессмысленных правок он не

* Именно помогает, а не восстанавливает его. «Сняв» цензорскую правку, мы возвращаемся только к *предпоследнему* (по сравнению с опубликованным) варианту текста. Но как он соотносится с рукописью? Ведь уже в нее — до набора — могли быть внесены какие-нибудь изменения, например, по настоянию издательского редактора — этого «цензора первой инстанции». К сожалению, рукопись эта для нас недоступна, и остается лишь надеяться, что научное издание ГК со временем все-таки будет осуществлено.

Замечание редакции. Предположение С.Печерского об истории текста ГК можно уточнить, обратившись к письмам самого Зошенко, адресованным литературному критику Е.И. Журбиной. Приведем фрагменты из них, касающиеся ГК (все они, по-видимому, могут быть датированы концом 1935 — началом 1936):

1. «"Гол. кн." наконец напечатана — остались всякие типографские мелочи. Так что книга будет в первой половине января... Редактор меня очень обидел и досадил — порядочно поправок и переделок во всех пяти частях. А в совокупности со старыми поправками — это огорчает ужасно».

2. «"Голубая книга", наконец, вышла, по крайней мере один (контрольный) экземпляр у меня. Снова и не без огорчения увидел, что редактор ужасно меня "потеснил". Тут все вместе — и я сам был довольно строг к себе, и редактор... В общем, получилось, что мне поддурмили щеки, выкинув все мои словечки: может быть, пожалуй, возможно и т.д. Например, у меня сказано: "Неудачи будут исчезать" — исправлено: "Неудачи исчезают". И все в этом роде. Очень досадно. Общий тон несколько сместился. Возможно, что читатель так резко не заметит, но я чувствую это не без боли. В общем, смешно думать о настоящей сатире. Недаром я (посмотрите) написал, что меняю курс литературного корабля (это в коварстве)».

3. «...получили ли мою "Голубую книгу", которую я послал Вам тотчас в день выхода (начало февраля!)».

(Цит. по воспоминаниям Е.Журбиной *ПУТИ ИСЦЕЛЕНИЯ* в кн. *МИХАИЛ ЗОШЕНКО В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ*. М., 1981, с.139, 140, 144).

делал (или почти не делал). Его претензии к автору, требования что-то выбросить из текста или, наоборот, вставить в него были обусловлены двумя моментами: или непосредственными предписаниями и директивами (к ним принадлежат не только специальные инструкции, но и все партийные и правительственные постановления, передовые «Правды», «Большевика» и т.д., а также прецеденты самой цензорской деятельности, включая разносы за недосмотры), или тем, что принято называть «духом времени», «воздухом эпохи», улавливать которые — едва ли не главная миссия цензора. Отмеченная еще Пушкиным «чуткость» цензуры именно в том и состоит, что в своих действиях она исходит не только из зафиксированных, но и из неписанных, иногда едва уловимых (а для человека неискушенного — вовсе неуловимых) веяний «наверху».

Оба из названных моментов являются как бы взаимно дополняющими. При этом дополнительность, о которой идет речь, много сложнее простого арифметического прибавления. В известном смысле мы вправе говорить о существовании *двух идеологий*. (Зазор между ними — одно из условий функционирования системы.) *Негласная* («дух времени») идеология, которой следует цензор и которую он вместе с тем сознательно или бессознательно формирует, является как охранительным продолжением и довеском идеологии *официальной*, так и ее коррективом.

Публикуемый документ интересен тем, что изнутри вводит нас в фазу перелома — от относительного совпадения, свойственного непосредственно-революционной поре, к устойчивому и навязчивому двязычию, вошедшему с тех пор в плоть и кровь советского сознания.

Цензорская правка переносит нас в середину 1930-х гг. Уже позади «революция сверху», разорившая деревню и унесшая в могилу миллионы жизней. Позади «съезд победителей» с его сдвинутым во времени финалом — убийством Кирова, послужившим сигналом к тотальному террору. Но тактика Сталина отличалась, как известно, склонностью к передышкам. Будущие жертвы должны были подготовиться к своей участи. Идеологии следовало стать своего рода «приготовительным классом» большой чистки, соединить в жизненном укладе, в поведении миллионов людей неубывающее рвение с фатальным равнодушием к судьбе близких и своей собственной. Трудно предположить, что каждый ход в этой игре продумывался наперед. Замысел не исключал импровизации. Что-то уже было готово, чему-то еще предстояло вызреть и пропитать собой печатное и устное слово, преодолеть барьеры на пути к тиражированию новых лозунгов и команд. Еще не отлились в своей завершенности страницы «Краткого курса», люди еще смеялись и иронизировали над чем-то, кроме предписанного, еще вспоминали то, о чем через год-другой положено будет забыть, — иначе говоря, еще не до конца было ясно, что можно, а что нельзя, а даже если и ясно, то несколько расплывчатыми и туманными казались границы этих «можно» и «нельзя». Эта черта времени проявилась, в частности, в журналах 1934 — начала 1936 гг., где нередко встречаются мысли и высказы-

вания, какие, казалось бы, должны были начисто исчезнуть из печати уже лет пять-семь назад.

В такие «не окончательно определившиеся» отрезки (их в советской истории было несколько) многое в судьбе литературного произведения зависело от конкретного цензора, который это произведение рассматривал, от его способности ухватить веяния времени, от его расторопности и уверенности в прочности своего положения. В этом смысле отдельному изданию ГК, по сравнению с ее журнальной публикацией, откровенно не повезло. Цензор книги оказался несравненно более жестким и проницательным, нежели его журнальный коллега (в «Красной нови» многие места, вычеркнутые в книге, сохранены, правда, при этом произведены другие сокращения). Он уверенно выбрасывал из зощенковского текста все, с его точки зрения, «несоответствующее», оказавшись прекрасным барометром идеологических новаций своего времени. И в результате его работы некоторые акценты и нюансы, которые остались бы для нас незамеченными, могут теперь стать предметом специального рассмотрения.

Цензорская правка ГК в высокой степени симптоматична и одновременно содержит немало такого, что выходит за пределы самоочевидности и нуждается в расшифровке, не исключаяющей догадок и требующей в отдельных случаях привлечения весьма обширного материала. Эти соображения определили и характер примечаний к документу.

••

Принципы публикации следующие:

Все правки пронумерованы. В скобках курсивом дан текст, исключенный цензором. Жирным шрифтом напечатаны замены и вставки. Всего правок 58. Из них четыре (№№ 1, 8, 32, 57) в той или иной степени восстановлены в посмертных изданиях ГК, но поскольку наша цель — представить работу цензора 1930-х гг., мы включили в публикацию и эти правки. После порядкового номера правки в скобках указаны две цифры. Первая — страница издания 1935 года, вторая — страница во втором томе издания 1978 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. (с.7/169).

Нынче, когда открывается новая страница истории, той удивительной истории, которая будет происходить на новых основаниях, [быть может,] без бешеной погони за деньгами и без всяких злодеяний в этой области, нынче особенно любопытно и всем полезно посмотреть, как жили раньше.

2. (с.8-9/170).

Автор представляет читателю
отделы своей книги:

Итак, перед нашим взором пять отделов: Деньги, Любовь, Коварство, Неудачи и Удивительные события.

Отметим, что последний отдел должен быть самый замечательный [*примиряющий нас с недостатками, неровностями и шероховатостями жизни*].

ДЕНЬГИ

3. (с.13/172).

Мы живем в удивительное время, когда к деньгам [*выражено недоверие*] изменилось отношение.

Мы живем в той стране, в которой прекратилось величественное шествие капитала.

Мы живем в том государстве, где [*нет почтительного преклонения перед деньгами и где этому предмету, или, вернее, бесконечному могуществу этого предмета, нанесены первые и весьма серьезные смертельные раны*] люди получают деньги за свой труд, а не за что-нибудь другое.

И потому деньги получили другой смысл и другое более благородное назначение — на них уже не купишь честь и славу.

4. (с.13-14/172).

Речь идет о власти денег в прошлом;
«он» = предмет, т.е. деньги.

Но он не только покупал, он еще, так сказать, имел совершенно сказочные свойства превращений. /.../

Полоумный дурак, тупица или полный идиот, еле ворочающий своим косноязычным языком, становился [*в наших глазах*] остроумным малым, поминутно говорящим афоризмы житейской мудрости. Пройдоха, сукин-сын и жулик, грязная душонка которого при других обстоятельствах вызвала бы омерзение, делается почетным лицом, которому всем охота была пожать руку.

5. (с.30/186).

Речь идет о присвоении П.Толстым, приближенным Петра I, денег, полученных на подкуп турецких сановников во время его деятельности в качестве посла в Константинополе.

Наверно, он подумал: «Чем я буду каким-то [*прохвостам*] неизвестным туркам платить, дай-ка я возьму себе за труды».

6. (с.35/191).

Речь идет о различных случаях денежных вознаграждений, применявшихся правительствами разных стран и во все времена за поимку разного рода преступников, личных врагов правителей и т.д. Непосредственно перед вычеркнутым текстом говорится о розыске, объявленном правительством, провокатора Дегаева и о награде, обещанной за его поимку.

Однако этот мрачный подлец Дегаев избежал своей участи. Он бежал в Америку и там умер своей смертью, так сказать, при нотариусе и враче.

[*Между прочим даже в наше время, в июле 1917 года, Временное правительство предложило двести тысяч рублей тому, кто укажет местонахождение Ленина.*]

7. (с.36/191).

О практике достижения должностей и крупных государственных постов посредством денежного подкупа.

И мы думаем, что, порывшись в **заграничных** делах нашего времени, мы найдем немало подобных случаев.

8. (с.38-39/193).

Вот что рассказывает история о деньгах.

Она рассказывает о великих злодеяниях, о преступлениях и убийствах. Она рассказывает о гибели народов, о возвеличении подлецов и темных проходимцев и о всех больших и малых потрясениях, которые нещадно нанесли людям деньги.

И мы, простите, не верим, что сейчас это совсем не так происходит, как это происходило раньше. Мы имеем мнение, что именно так и происходит. А что касается до нашей страны, то у нас [*в основном*] этого нету и по этой причине нам, так сказать, с горы видней.

9. (с.39/194).

Но мы должны сказать, что у нас многие печальные дела, связанные с деньгами, вернее — с богатством, уже безвозвратно исчезли. И мы освободились от [*некоторых*] многих опасностей и превратностей жизни.

10. (с.43/196).

Так что, вообще говоря, неизвестно, сколько человеку всего нужно. Наверно, больше того, чем сколько ему нужно, и не менее того, чем сколько он хочет. [*Ну, а плата — она несколько ограничивает потребности*].

11. (с.43/197).

Речь идет о старых людях,
о старческом взгляде на жизнь.

Они не слишком-то задумываются о грядущих судьбах человечества. И они тем более гимнастикой не могут заниматься, отчего часто подвержены меланхолии и [*неверию в творческие силы пролетариата.*] политической немощности.

12. (с.44/197).

Сам Серега Фарфоров служил. И она служила. Он рублей, может [*шестьдесят*] полтора ста брал. И она не меньше [*полста*] ста огребала.

13. (с.71/220).

Прочитавши этот рассказ, мы можем вместе с вами подивиться удивительным делам. И, подивившись этим делам, давайте с надеждой подумаем о тех прекрасных днях, в которые деньги не будут [*может быть,*] иметь такое выдающееся значение.

14. (с.73/222).

И даже за ней один доктор ухаживал. Но, будучи политически грамотным человеком, он не придавал значения ее богатству, понимая, что это есть нечто кратковременное [*без чего хочет обойтись социальная революция*].

15. (с.79/227).

Итак, на этом, с вашего разрешения, мы заканчиваем, [*милостивые государи,*] уважаемые товарищи, наш отдел «Деньги».

ЛЮБОВЬ

16. (с.90/233).

И, может, и правда, удивительно, что это так и что у нас бывает такая поэзия, но вот нам в руки недавно попалась одна

прозаическая книжка. Автор ее — [знаменитый] певец, Федор Иванович Шаляпин.

17. (с.108/248).

А что касается, как у нас, то [благодаря социальной революции] у нас произошли изрядные перемены.

18. (с.108/248).

И [главное] некоторые печальные дела, связанные с любовью, у нас все же понемногу исчезают. Например, коммерческий расчет почти прекратился. И денежные счета упростились и сильно уменьшились. И, вообще, оно стало как-то в этом смысле понятней и менее хлопотливо и не так обременительно.

[Нет, кое-что дрянное у нас осталось. Кое-какие комичные и неважные дела еще случаются у нас на любовном фронте. И было бы удивительно, если бы этого вовсе не было.]

Давайте же посмотрим, какие [это дела] отрицательные дела бывают у нас на любовном фронте. И, так сказать, железной метлой сатиры давайте подметим то, что можно подмести.

Рассказы о любви

19. (с.113/252).

Конечно, и в наше [суровое] время случаются типы, которые вместе с женитьбой норовят чего-нибудь такое заполучить лишнее: какую-нибудь там, может быть, мебель, комнату или, в крайнем случае, хотя бы носильное платье, чтобы себе перешить.

20. (с.121/259).

Из монолога инженера, который «не попал в ногу современности».

— Я, говорит, только считаюсь с духовной жизнью и с запросами сердца, а что касается ихнего марксизма, то я над этим насмехаюсь и [в этом вижу первые детские шаги варварской жизни] не желаю с ним считаться.

КОВАРСТВО

21. (С.158/287).

Может быть, коварство и все такое есть наносная земля, возникшая благодаря бурному и свирепому течению прежней жизни. /.../

И, значит, скорей всего, [с переменной] когда там изменится курс[а], как, например, у нас, все это как сон, [наверно,] исчезнет, и наступит счастье, способное удовлетворить запросы самого капризного ума.

22. (с.158/288).

Нет, если говорить о чистоте нравов, то у нас перемена в наилучшую сторону. И с этим можно поздравить население. Поздравляем! Пламенный привет, друзья! [(Бурные аплодисменты. Все встают.)]

23. (с.164/292).

В общем, они его отравили таким поразительным способом. А это был, между прочим, германский император Генрих Седьмой. Там у них было, если помните, несколько Генрихов. Собственно, семь. Генрих Птицелов. Он, вероятно, любил птиц ловить. Скорей всего, надо полагать, что это была какая-нибудь порядочная балда, что он за птицами гонялся, вместо того, чтоб [честно] править.

24. (с.179/306).

[Революционер] Студент Сазонов, бросивший бомбу в министра Плеве, был ранен осколком этого снаряда.

Рассказы о коварстве

25. (с.190/314).

Разговор с владельцем украденного в поезде чемодана в Транспортном отделе милиции.

Там сказали:

— Хитрость и коварство этих жуликов не поддаются описанию.

И, узнав, что у него было в чемодане, [отпустили,] пообещали, [обещав,] в случае чего, сообщить.

26. (с.198/321).

/.../ я уйду домой, рассуждая по дороге о перестройке характеров, о хитрости и коварстве и о той неохоте, с какой некоторые мои уважаемые сограждане сдают свои насиженные позиции.

Но они непременно рано или поздно сдадут эти свои позиции. Некоторые, **впрочем**, сдадут после длительных боев. [*А некоторые сразу после незначительного улучшения быта.*]

27. (с.211/333).

Но, безусловно, изобретение несколько меркнет, ибо оно направлено на **мещанские** интересы — на охрану **частной собственности**.

28. (с.217/337).

Так что если читатели вспомнят что-нибудь острое о [*современном*] **коварстве**, — пусть они это отметят в своих сердцах.

Послесловие

29. (с.218/338).

А мы видим, что в истории редко что случалось без **коварства**. И что на этот скользкий путь, несомненно, многих толкало темное прошлое. [*И что с переменой курса все это, как дым, наверно, испарится и начнется нечто хорошее.*]

А поскольку у нас [*эта*] перемена [*есть*, —] курса — наше будущее нас [*не так уж особенно*] естественно не волнует.

НЕУДАЧИ

30. (с.224-225/341-342).

Буквально как на розовом коне, мало чего понимая, проскакали мы по цветущим полям нашей юности.

[*И вот наш коняга принял вдруг свой нормальный вид. И из розового он стал скорей всего каким-то лиловатым, или, пес его знает, каким он теперь стал. Он, миленький мой, иной раз спотыкается, фыркает и хвостом треплет.*]

А когда прекратился этот наш бешеный галоп и мы взглянули вокруг себя, то от испуга прямо чуть не свалились с этой нашей розовой сивки. До того мы ужаснулись от того, что увидели по сторонам.] А когда стали кое-что понимать, то увидели, что все не так-то распрекрасно, как это нам казалось с седла нашей розовой сивки. И все эти розовые картины, которые рисовались нам, оказались совершенно иными.

Кроме пожаров и обмороков кругом были огромные неудачи. И эти огромные неудачи буквально переполняли нашу дореволюционную жизнь.

И даже наш прекрасный, но лирический поэт того времени, хотевший видеть главным образом цветы, луну и букеты, однажды так воскликнул:

И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком!..
О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

Однако закончим наши лирические отступления и перейдем к делу.

[Мы увидели жалкие картины нашей северной природы — бедность, огорчения и обиды. И мы услышали вяканье вокруг себя. Это вокруг нас выражали свое негодование неудачники и те, которые не получали от жизни ничего хорошего. И вот они больше не хотят такого положения. Им больше не хочется огорчений и обид. И они просят, чтобы их как-нибудь от этого избавили.]

Но, конечно, это было не так легко сделать. И, может быть, лучшие люди своего времени ломали над этим свои головы. И, может быть, ради этого избавления произошла социальная революция, которая окончательно говорит свое новое слово в этой области неудач, огорчений и чертовских обид.]

31. (с.251/364).

Сын придворного лакея, Мережковский, и его жена Гиппиус после революции бежали за границу, захватив с собой (по словам Ясинского) редчайшие документы по истории революции.

32. (с.253-254/366).

А что касается как у нас, то, конечно, у нас неудачи имеются. Все-таки прошло не так уж много лет после перестройки. И у нас, естественно, имеются самые разнообразные неудачи. Но у нас тем хорошо, что *[постепенно они будут исчезать]* они уже исчезают.

А некоторые неудачи у нас, например, уже давно исчезли.

Например, хотя бы у нас лучше других живет не тот, который, например, умеет лихо продавать нитки, и не тот, который может вовремя купить картофель с тем, чтобы его потом с надбавкой перепродать, как все это бывает за границей, а тот, который умеет изумительно работать, имеет способности, играет на рояле, танцует или может петь.

33. (с.255/367).

Из неудач: родственники тоже вот как-то в последнее время взбесились. Некоторые не так высказывают свои чувства, как это происходило в прежние времена. Родственники стали более прохладно относиться к факту, например, вашей кончины или заболевания. Раньше, ожидая подачки, вздыхали, окружали родственным кольцом заболевшего. А нынче, когда [все] заболевшие вылезли из собственных экипажей и [все, как один,] поперли пехтурой и поехали в трамвае, и у всех на морде появилась надпись: «Оставь надежду навсегда», — это любезное внимание прекратилось.

34. (с.255/367).

Пришло, в общем, время терять фальшивые иллюзии. Пора расстаться с этим, чтоб взглянуть в лицо настоящей жизни. А которые интуристы не захотят взглянуть, то, может быть, их устраивает такая покупная и продажная любезность [как] их родственников [так и всех вообще]. Может, это им нравится.

Рассказы о неудачах

35. (с.259-260/371).

Речь идет о том, как на протяжении одного путешествия по Волге, к недоумению и неудобству пассажиров, их пароход переименовал три наименования: сначала он назывался «Пенкин», затем «Гроза» и, наконец, «Короленко».

Но можно не сомневаться, что это наименование так при нем и осталось. На вечные времена. Тем более, что [сам] Короленко умер [и тем самым, так сказать, уже не сможет каким-нибудь своим поступком снизить свою значительную ценность]. А Пенкин был жив, и в этом была основная его неудача, доведшая его до переименования.

36. (с.297/402).

Из «Рассказа о зажиточном человеке», который, несмотря на непрерывное улучшение его быта, продолжал оставаться пьяницей, ругателем и драчуном.

И тут все поняли, в чем дело. Тут все поняли, что это — попросту дрянной, неудачный человек [*и его зажиточность тут ни при чем, — она на его ход жизни не влияет*].

УДИВИТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ

37. (с.306/407).

Читатель со своей привычкой к темам современной литературы уже наверно начинает соображать, что речь у нас непременно пойдет о борцах революции и о тех, которые заботились о прекрасном будущем.

И, действительно, речь пойдет [*главным образом*] об этих людях.

38. (с.312/412).

Речь идет о
14 декабря 1825 г.

И был момент, когда восставшие получили моральный перевес. [*И могли бы выиграть дело.*]

39. (с.314/414).

Конечно, история революции знает множество достойных женщин, причем некоторые из них прославились на весь мир. [*Как, например, Перовская и Засулич.*]

40. (с.314-315/414).

[*Царское правительство и жандармы страшились, конечно, народников с их бомбами и револьверами, но рабочее движение приводило их*] Рабочее движение приводило царя и жандармов в ужас, в трепет и в смятение. И они это движение давили с огромной свирепостью.

41. (с.320/419).

И имя Федора Подтелкова надо всем знать не менее, чем прославленные имена других революционных героев.

42. (с.323/421).

Степан Разин необычайно мужественно вел себя во время пытки. Палач, приложив к его груди раскаленное железо и улыбаясь, спросил: «А теперь больно?» — Разин сказал: «Ничуть не больно, будто баба иглой кольнула».

[София Бардина (1877 год) на суде сказала: «Мы стремимся к счастью и справедливости. И я не прошу у вас милосердия и не желаю его. Я глубоко убеждена, что наше движение не может быть остановлено никакими мерами».]

Рабочий (ткач) революционер Петр Алексеев (1849-1891), приговоренный к десяти годам каторги, произнес на суде свою знаменитую речь. Тщетно председатель суда старался остановить его. Алексеев закончил свою речь такими словами: «Скоро поднимется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и тогда ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах...».

15 ноября 1905 года морской офицер лейтенант Шмидт на восставшем крейсере «Очаков» поднял сигнал: «Командую черноморским флотом».

Ипполит Мышкин, обвинявшийся в процессе 193-х, сказал в своей речи: «Здесь сенаторы из подлости и холопства, из-за чинов и окладов торгуют чужой жизнью, истиной и справедливостью».

43. (с.323/421).

Во время еврейского погрома в Одессе (1905 год) шесть студентов кавказского землячества (социал-демократической партии), вооруженные револьверами, обороняли целый квартал и сдерживали натиск озверелой *[пятитысячной]* черносотенной толпы.

44. (с.325-326/423).

И как, не правда ли, удивительно читать эти маленькие заметки о больших и замечательных людях. *[так мужественно отдавших свою жизнь ради будущей победы. И теперь пришла эта победа, и она постепенно закрепляется. Уверенность этих людей в том, что это будет, — совершенно оправдалась. И, быть может, в дальнейшем, лет так через пятнадцать-двадцать, кто-нибудь, лежа в спокойной позе на плюшевой оттоманке, прочтет такие стихи.*

*Братья, вы наши плоды пожинаете,
Нам же в земле истлевать суждено.*

*Все ли нас, бедных, добром вспоминаете,
Или забыли давно?*

И он содрогнется от этих слов и скажет: «Разве это можно позабыть?»

Нет, никто из этих людей не будет позабыт. И лучшие воспоминания обо всех героях, отдавших свою жизнь за революцию, будут в дальнейшем написаны золотыми чернилами для поучения, как надо жить и как надо поступать, чтобы называться человеком.

И об этом также когда-нибудь прочтут новые, далекие народы, которые будут жить в глубине каких-нибудь новых, отдаленнейших веков. И эти прекрасные народы, прочтя все, что об этих людях написано, заплачут от горя, что погибли такие люди, и скажут: «Вот это были такие же, как мы. А про обывателей, — скажут, — в сущности, и говорить не хочется. Поскольку они коптели небо своим поведением и не положили ни одного кирпича в общую постройку новой земли. Это, — скажут, — дрянная и пустая публика. И они для нас ничего не сделали».

А всем доблестным и мужественным героям они наверно поставят грандиозный памятник. И там сделают надпись: «Нет, мы вас никогда не забудем».

И это правда нельзя забыть, потому что это так удивительно, когда люди отдают] Они отдали свою жизнь для того, чтобы перестроить старый мир крови, слез и огорчений.

[И мы не сомневаемся, что это будет лучший памятник из всех, построенных до него. И на нем, помимо того, о чем мы говорили, будут перечислены славные имена всех замечательных людей, поступки которых дышали доблестью, мужеством и героизмом.

И верно, и] На любом поприще жизни история знает удивительные героические поступки, которые тоже могут вызывать радость и почтение.

45. (с.330/426).

Мы собираемся вам рассказать о том, как [знаменитый революционер и] анархист Кропоткин бежал из Петропавловской крепости.

46. (с.333/428).

[И мы не сомневаемся, что на памятнике, о котором у нас с вами была речь, это тоже будет соответствующим образом отмечено в назидание людям.

И на этом славном памятнике, помимо всего остального, наряду со всем этим, будут также, без сомнения, перечислены еще герои науки и искусства, отдавшие на это свою жизнь и здоровье.

Особенно, мы так думаем, будут тепло отмечены поступки ученых и исследователей.

Но и работники искусства тоже, вероятно, будут представлены какой-нибудь своей аллегорической группой, под которой будет исполнена хорошая, бодрящая надпись, дескать, мы и вас тоже не забудем. Старайтесь. Дескать, хотя некоторые из вас стали героями поневоле, имея кое-какие дефекты в характерах, а некоторые из честолюбия, но от этого, так сказать, чистота звуков и красок не меркнет. И, дескать, мы отдаем дань восхищения вашему мужеству и силе духа. Молодцы, дескать.

И верно, жизнь некоторых деятелей искусства и науки поражает своим величием и героизмом.] А что касается до работников науки и искусства, то многие из них в этом смысле были на должной высоте. И некоторые их поступки тоже нас поражают своим величием.

47. (с.334/429).

Однако, помимо всего перечисленного, бывает еще один сорт героизма и мужества. И это тоже нас может удивлять своей силой. Но полного восхищения это у нас не вызывает. *[И на упомянутом памятнике это ничем не будет отмечено.]*

Мы говорим о храбрых поступках, которые, так сказать, лишены большой цели и значения.

Ну, например, был такой знаменитый протопоп и писатель Аввакум.

48. (с.335/430).

В общем, из двух последних новелл можно вывести заключение, что в любом поступке немаловажную роль *[играет]* играют цель и назначение.

49. (с.336/431).

А что касается настоящего, то оно перед вашими глазами. И все вы видите, что это такое. Это то, что жизнь из рук владельцев **заводов, банков и магазинов** и из рук помещиков перешла в руки тех, кто работает.

50. (с.336/431).

Трудящиеся сами [без банкиров] разберутся, что к чему.

51. (с.337/431-432).

А второе удивительное событие было такое, что частные торговцы и купцы с их привычкой ежедневно торговать, потерпели окончательное поражение [*А сначала казалось, что наоборот и что победа за ними останется. И они уже высоко подняли свое знамя и гордо с этим шли своей отдельной колонной, — не желая отставать от революции. Но в этот момент они потерпели поражение*] и сошли со страниц новейшей истории со своими актуальными лозунгами: «Не обманешь — не продашь», «Кто прост, тому коровий хвост» и «Деньги не пахнут».

[*И это было одно из самых удивительных событий за последние годы. И тут победа одних была бы поражением других. И это событие тоже следует записать золотыми буквами.*]

52. (с.337-338/432).

И смывшая деготь Русь из соломенной и деревянной стала железной. И нищая деревенская страна, перестроенная на новом коллективном основании, создала новое прекрасное хозяйство и новый еще не записанный быт. И это тоже абсолютно удивительное явление, которое само за себя говорит без всякой записи.

А четвертое удивительное событие уже видно всем [*но вполне и целиком его могут понять лица, отчасти знакомые с экономикой*]. И мы не будем затруднять читателя объяснением, как и чего, не будем затрагивать вопросов политической экономики. Только скажем, что материальное улучшение, которое [*теперь началось*] растет, все время будет возрастать [*пока не достигнет своего идеала. И вместе с этим все время будет уменьшаться количество неудачников и ротозеев*].

И мы в этом уверены и на это [*согласно правильной экономике*] вполне надеемся. И оно наверно так и будет.

53. (с.338/432-433).

Как в свое время поэт Некрасов сказал, обращаясь к своему светскому читателю:

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять.
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

И мы к этому стиху добавим, что [«мужики»] мы, в свою очередь, должны научиться уважать друг друга и быть друг к другу внимательны и любезны. *[И должны заботиться друг о друге. А то если они к работе будут слишком внимательны, а к людям нет, и если они работу будут нежно любить, а людей шпынять, то получится превеликий конфуз и неожиданное поражение с фланга. И этого надо непременно срочно избежать. Это очень опасный момент. И тут может быть снова споры, обиды и огорчения, которые сформируют целую армию неудачников.]* А то если работу нежно любить, а людей забывать, то получится не то, что требуется. Так что уважать людей и любить их надо со всей силой своего сознательного сердца.

И это на голубом мраморе надо записать черными буквами с пятью восклицательными знаками.

Послесловие

54. (с.340-341/434).

Мы, наконец, видим, как меняется наша жизнь и как из одной она делается другой — такой, как это будет нужно и полезно для населения.

[И в силу этого мы, примиренные с жизнью и с людьми, уже не без некоторой нежности взираем на то и это.]

И видим, что то и это не так уж слишком печально, как иной раз изображалось нашими предшественниками. Нас радует и примиряет то, что под скромной оболочкой и под жалкими тряпками теплится иной раз настоящая любовь и бьется настоящее сердце. И это бывает видно даже в самые тяжелые и отчаянные минуты. И это очень хорошо. А то было бы совсем невозможно.]

55. (с.341/434).

Но мы холода и мрака грядущих дней не видим. А мы видим и представляем себе иные и великолепные картины. И очень хорошо, что поэт ошибся.

[И даже если заглянуть очень далеко и на минуту подумать, что вот появятся какие-нибудь народы и они отка-

жуются от хорошей жизни, и у них снова начнется мрак, пьянство, хамство и базар. То и тогда непременно придет возмездие, — и более крепкие и сильные руки в бараний рог согнут все, что не годится, и тогда начнется то, что требуется.

Итак, все очень хорошо, что хорошо кончается.]

И на этом, друзья, мы заканчиваем пятую и последнюю часть нашей Голубой книги.

ПОСЛЕСЛОВИЕ КО ВСЕЙ КНИГЕ

56. (с.364/454).

Итак, Голубая книга окончена. *[Подводим исторические итоги. Делаем жирную черту и пишем: Итого.*

И в «итога» у нас, как ни считай, получается — ужасные убытки. Можно сказать, три тысячи лет публика торговала кирпичом и оставалась ни при чем.

Но дело ликвидировать не надо. А его надо смело продолжать. Поскольку новые совладельцы, наконец, расшевелили предприятие и дело начинает идти хорошо. И оно непременно вскоре будет вполне рентабельным. И даже самые мелкие заказчики, не имеющие кредита, наверно, мы так думаем, останутся вполне довольны.

И на этом канцелярском счете мы заканчиваем наш экстренный бухгалтерский отчет за три тысячи лет.]

И вместе с тем заканчивается наша музыкальная симфония. Громко гремит медь. И бьют барабаны. И контрабас гудит [: «Вперед, друзья, без страха и сомненья».] веселое приветствие.

57. (с.364-365/454).

Нас трогает стремление к чистоте, к справедливости и к общему благу.

[И нас радостно удивляет, почему с такой удивительной настойчивостью люди, которые все равно умрут, стремятся к этому.

Нас, если хотите, удивляет идея справедливости, которую мы по временам отыскиваем в грязи истории. И нас радует здравый смысл, к чему непременно, обязательно и всегда приходят люди.]

И вот пример из жизни литераторов.

ПРОЩАНИЕ С ФИЛОСОФОМ* ПРОЩАНИЕ С ЧИТАТЕЛЕМ

58. (с.371/460).

Привет, друзья. [*Литературный спектакль окончен. Начинается моя личная жизнь во всей своей красе. Интересно, что получится.*]

КОММЕНТАРИИ

Множество правок не нуждается в подробных комментариях, так очевиден их смысл. Исключаются всякие сомнения по поводу скорого искоренения «пережитков прошлого», снимается кажущаяся неуместной ирония, отдельные «недостатки» современной жизни из отечественных переделываются в заграничные и т.п. (1, 2, 7-9, 11, 13, 15, 18, 22-23, отчасти 27-29, 31-32 и др.). И, конечно, безжалостно изгоняется всяческий «пессимизм» или то, что может быть понято как пессимизм. Таким образом, приобретает почти противоположный смысл (!) рассуждение о «розовом коне» (30) и вовсе исчезают «исторические итоги» с последней страницы книги (56).

Однако значительное количество правок требует более детального рассмотрения. На первый взгляд они не слишком понятны, а между тем за каждой — отдельный сюжет, представляющий определенный интерес для характеристики эпохи. Для примера рассмотрим подробно три таких сюжета.

1. Правка 3.

Выкидываются и заменяются рассуждения о том, что в нашей стране деньгам «выражено недоверие» и что им нанесены первые «смертельные раны». Замены эти — не пустая цензорская прихоть.

Несовместимость социализма с товарно-денежными отношениями была одной из азбучных истин марксистской доктрины. Естественно, после того как большевики пришли к власти, перед ними встал вопрос: как увязать этот постулат с реальной действительностью?

Экономическая платформа «левых коммунистов» требовала немедленной отмены денег и перехода к прямому товарообмену. Ленин также считал эту меру неминуемой, но по ряду причин пока неисполнимой: «Сразу уничтожить деньги в первое время перехода от капитализма к коммунизму представляется невозможным. /.../ РКП будет стремиться к возможно более быстрому проведению самых радикальных мер, подготавливающих уничтожение денег» (ПСС, т.38, с.100). В слегка отредакти-

* В содержании (с.375/464) исправлено: Прощание с буржуазным философом.

рованном виде эта формула была введена в принятую VIII съездом (март 1919) Программу РКП(б), формально не отмененную до 1961. Однако развитие «военного коммунизма» уже через полтора года приводит Ленина к убеждению, что время для казавшейся ранее невыполнимой реформы пришло, и в конце ноября 1920 он уже уверен, что «переход от денежного к безденежному продуктообмену бесспорен» (т.52, с.22). Следующий же месяц приносит серию соответствующих декретов: 4.12 — о бесплатном отпуске продтоваров; 17.12 — о бесплатном отпуске товаров широкого потребления; 23.12 — об отмене платы за топливо; 27.12 — об отмене платы за пользование почтой, телеграфом, телефоном и т.д.; 27.01.1921 — об отмене квартплаты. Фактически этими мерами деньги уже были отменены. Специальный декрет, по которому денежная единица заменялась трудовой (Тредом), уже был подготовлен Наркомфином и вскоре должен был быть объявлен (см.: *СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ФИНАНСЫ*. М., 1921, с.51). Однако вместо этого через несколько месяцев был провозглашен НЭП, и отмену денег отложили до той поры, когда «Россия изповская станет Россией социалистической». Общепринятое в быту 1920-х гг. определение: социализм — это «когда денег не будет» (как и не будет классов, как и не будет государства), но когда это все произойдет — через 5, 10 или 20 лет — этого советские граждане не знали, казалось, что очень скоро. Тем более что слухи о ликвидации НЭПа энергично пресекались: «Разговоры о том, что мы будто бы отменяем нэп, вводим продразверстку, раскулачивание и т.д., являются контрреволюционной болтовней, против которой необходима решительная борьба» (Сталин в феврале 1928); «Об отмене нэпа могут теперь помышлять лишь враги Советской власти» (он же в апреле 1928. См.: И.Сталин. *СОЧИНЕНИЯ*, т.9, с.15, 46).

Так продолжалось до «года великого перелома», когда XVI партконференция (апрель 1929) утвердила «оптимальный вариант пятилетнего плана», призванный заложить «фундамент для социалистического общества» (*КПСС В РЕЗОЛЮЦИЯХ...*, т.4, с.252. — Здесь и далее цитируется по последнему изданию этого сборника).

Мероприятия 1929 года: сверхтемповая индустриализация, установка на сплошную коллективизацию и даже введение карточной системы («заборных книжек») — воспринимались теперь как шаги к социализму, к отмене денег. Последнее спешили обосновывать и экономисты, на глазах которых менялась (рушилась) в несколько месяцев финансовая система страны: «...На отдельных участках хозяйственного строительства мы имеем уже, как это отмечается в контрольных цифрах Госплана на 1929-30 год, частичное отмирание денежных отношений», — писала 12 декабря 1929 «Экономическая жизнь». Утверждали, что деньги уже превращаются в «расчетные знаки», в «потребительские талоны государства» (Г.Ф. Козлов в «Плановом хозяйстве», 1929, №8; Е.Преображенский в «Под знаменем марксизма», 1930, №4), что в настоящий момент уже происходит «в скрытой форме начало уничтожения самих денег» (З.В. Атлас. *ДЕНЬГИ И КРЕДИТ*. М., 1930, с.198). В конце

1929 в газетах разбирали проекты, как именно следует отменить деньги (см. «Экономическую жизнь», 18.12.1929).

Что подобные мысли были распространены очень широко, видно, например, из фельетона Ильфа и Петрова *МОСКОВСКИЕ АССАМБЛЕИ*, опубликованного в декабре 1929, где об этом мероприятии говорится как о деле ближайших месяцев:

«К концу вечера обычно затевается разговор на политические темы, и, как всегда, настроение портит Вздох-Тушуйский:

— Слышали, господа, — говорит он, — через два месяца денег не будет.

— У кого не будет?

— Ни у кого. Вообще никаких денег не будет. Отменят деньги.

— А как же жить? /.../

Все с ужасом думают о тех близких переменах, когда отменят деньги и придется обедать на фабрике-кухне» (Собр. соч., т.2. М., 1961, с.480).

1930 год внес полную сумятицу в уже привычные представления. В июне 1930 Сталин на XVI съезде партии, объявив, что «мы уже вступили в период социализма», отметил вместе с тем, что «вступление в период» еще не означает «построения», до которого «еще далеко» (т.13, с.5-6). Выяснилось, что настоящий момент в жизни страны — это «первая стадия социализма» и одновременно «последний этап нэпа» (см., напр.: В.Молотов. *В БОРЬБЕ ЗА СОЦИАЛИЗМ*. М., 1934, с.130, 182). При этом, сколько продлится эта стадия, сколько стадий будет вообще — никто не объяснял. В декабре 1930 Пленум ЦК и ЦКК постановил, что «наступающий 1931 год /.../ завершит построение фундамента социалистической экономики в СССР» (*КПСС В РЕЗОЛЮЦИЯХ...*, т.4, с.397), и тут уж стало совсем непонятно, значит ли здесь «построение фундамента» построение только первой стадии или построение уже всего социализма. Впрочем, и в том, и в другом случае это должно было обозначать ликвидацию НЭПа, но, вместо конца товарно-денежных отношений, 1931-32 гг. принесли противоположное — лозунг об «укреплении советского рубля» и серию постановлений о развертывании «советской торговли». Уже сам термин для людей, воспитанных в духе 1920-х гг., звучал дико, ибо они твердо заучили, что торговля — «родимое пятно капитализма» и главная особенность НЭПа, а особенность социализма — как раз отсутствие торговли. Сталин пояснил, что это «особого рода торговля, которой не знала до сих пор история» (т.13, с.203-204), но формула эта казалась маловразумительной, и в первые годы развития «особого рода торговли» (1931-33) многие экономисты были убеждены, что это что-то вроде «второго нэпа» (без нэпманов), временная мера, вызванная неполной социализацией хозяйства.

Показательна в этом смысле дискуссия, проведенная в мае-июне 1931 Институтом экономики Комкадемии, где обсуждались вопросы: кончится ли советская торговля сразу после завершения коллективизации (с точки зрения участников дискуссии — не позднее 1933) и что придет ей на смену — коммунистическое распределение или все-таки

вначале прямой продуктообмен (см.: *О ПРИРОДЕ СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ*. М., 1931).

И даже такой осторожный и всегда верный «генеральной линии» экономист, как Н.А. Вознесенский, писал в мае 1931 в «Большевике», что «эти проблемы /переход к продуктообмену. — С.П./ станут практическими задачами в процессе осуществления нового перспективного плана 1933-1938» (цит. по кн.: Н.А. Вознесенский. *ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ*. М., 1979, с.32).

Несколько охладила пыл XVII партконференция (январь-февраль 1932), в резолюции которой читаем: «...конференция подчеркивает антибольшевистский характер "левой" фразы о переходе к "продуктообмену" и об "отмирании денег" уже на данной стадии строительства социализма...» (*КПСС В РЕЗОЛЮЦИЯХ...*, т.5, с.40), но и эта резолюция еще не разрушила привычных представлений, так как вопрос об отмене денег не снимался, а только откладывался до *следующей стадии* строительства социализма.

Вникал ли Зошенко во все эти тонкости, мы не знаем. Но факт, что он, как и все другие в эти годы, был убежден, что при социализме денег не будет. В *ВОЗВРАЩЕННОЙ МОЛОДОСТИ* (1933) профессор Волосатов мучается этой проблемой: «как ни странно, одна вещь не укладывается в его голове. Он никак не может отрешиться от понятия денег и никак не может понять жизни, в которой деньги не будут играть той роли, которая им предназначена. /.../ Он за социализм с деньгами. — Ах, это мелочи! — смеялась Лида /партийная дочка профессора. — С.П./ — /.../ Ведь деньги — это вопрос привычки. Сознание заменит эту привычку. Или ты действительно думаешь с деньгами въехать в социализм?» (Мих. Зошенко. *ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ*. Т.2., Л., 1968, с.48-49). И в другом месте того же текста: «Но деньги, деньги!.. Новая жизнь, в которой будет равенство и не будет денег. Вот это не укладывалось в его голове» (там же, с.50). Как мы видим, рассуждения Зошенко 1933 года вполне соответствуют духу эпохи.

Однако в январе 1934 всем размышлениям на эту тему пришел конец. На XVII съезде партии Сталин торжественно объявил, что «социалистический уклад является безраздельно господствующей и единственно командующей силой во всем народном хозяйстве» (т.13, с.309). И, как бы предупреждая возможные недоумения (если фундамент построен — об этом было объявлено уже год назад, в 1933, — а уклад господствует, то пора ликвидировать НЭП, т.е. товарно-денежные отношения), в этом же выступлении вынес окончательный приговор проблеме «быть или не быть деньгам»: «Речь идет о левацкой болтовне, имеющей хождение среди одной части наших работников, о том, что советская торговля является якобы пройденной стадией, что нам надо наладить прямой продуктообмен, что деньги будут скоро отменены, так как они превратились якобы в простые расчетные знаки, что незачем развивать торговлю, ежели стучится в двери прямой продуктообмен. Следует отметить, что эта левацко-мелкобуржуазная болтовня, играющая на

дуку капиталистическим элементам, стремящимся сорвать развертывание советской торговли, имеет хождение не только среди одной части красных профессоров, но и среди некоторых работников торговли. /.../ Эти люди, которые так же далеки от марксизма, как небо от земли, очевидно, не понимают, что деньги останутся у нас долго, вплоть до завершения первой стадии коммунизма — социалистической стадии развития» (там же, с.342-343). После доклада Сталина немедленно началось переписывание учебников по экономике, где вчерашние теоретики быстрого «отмирания денег» теперь утверждали: «И после построения бесклассового общества товарно-денежная форма будет еще существовать в течение длительного периода. /.../ Таким образом, в перспективе второй пятилетки и далеко за ее пределами необходимо не только сохранение советской торговли и системы контроля рублем, но и дальнейшее развитие советской торговли, дальнейшее укрепление рубля, хозрасчета» (**ЭКОНОМИКА СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ**. Учебное пособие для вузов и втузов. Изд. 2-е. М.-Л., 1934, с.18, 23). После января 1934 в сочетании социализма с деньгами уже не видели противоречия. С этого момента (и по сей день) аксиомой стало, что деньги отменяют при коммунизме — высшей стадии социализма. Но оказалось, что надо сначала построить социализм «в основном» (построили в 1936, об этом объявил Сталин при принятии «конституции победившего социализма»), затем «полностью» (точную дату построения мы не смогли установить), затем «не только полностью, но и окончательно» (это возвестил миру Хрущев на XXI съезде в 1959), затем прожить длительный период «развитого социализма» (сейчас советские политэкономы спорят, «развитой социализм» начался в 1959 или в 1965; побеждает, кажется, вторая точка зрения), и вот после этого только наступит коммунизм и деньги перестанут быть нужными.

Возвращаясь к ГК, отметим, прежде всего, что, судя по тексту, Зошенко хорошо знал о тех изменениях, которые произошли в 1934. В ГК, где деньгам посвящена специальная глава, о судьбе денег говорится совсем не так, как за два года до того в **ВОЗВРАЩЕННОЙ МОЛОДОСТИ**. «Скажем прямо, что деньги играют и еще долго будут играть преогромную роль и в нашей измененной жизни. И нам (совестно признаться) не совсем ясны те торжественные дни, когда этого не будет. И нам лично, собственно, даже и неизвестно и не совсем понятно, как это произойдет и что при этом каждый будет делать» (т.2, с.194). Первая из этих фраз абсолютно соответствует официальным установкам эпохи, а две последующие в общем контексте главы могут быть поняты (и понимались, видимо) не как заявление о будущей отмене денег, а как мысль о том, что в будущем окончательно исчезнут «печальные дела, связанные с деньгами». И поэтому весь этот абзац цензор сохранил. Зато места, которые могли быть восприняты как намек на будущую отмену денег, он подверг редактуре. При этом осторожные зошенковские слова «деньгам выражено недоверие» и «нанесены первые и весьма серьезные смертельные раны» в принципе не противоречили сталинским утверждениям на XVII съезде, ведь не отрицал же Сталин отмену

денег вообще, он просто переносил ее в далекое будущее. О том же, собственно говоря, писал и Зошенко в ГК. Думается, что, в отличие от Зошенко, цензор исходил не только из «буквы», но и из «духа» сталинских высказываний о деньгах. О каких «смертельных ранах» или «недоверии» можно было говорить, если первоочередной задачей было объявлено «укрепление денег!» («Коммунизм означает уничтожение денег, но путь к этому идет через их всемерное укрепление», — писал в 1935 Н.А. Вознесенский в «установочной» статье «Большевика». Цит. по кн.: Н.А. Вознесенский. *ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ*, с.280).

Сама тема отмены денег стала после речи Сталина неуместной и опасной («левацко-мелкобуржуазная болтовня»), и цензор уверенно вытравил из ГК любые намеки на нее.

Замены, произведенные по настоянию цензора, вводили зошенковские сентенции в каноническое русло. «К деньгам изменилось отношение», «деньги получили другой смысл» — повторение общепринятых в 1935 формул, что «деньги при социализме имеют другую природу» и «выполняют другие функции», нежели при капитализме: там они используются «в целях спекуляции, наживы и ограбления трудящихся» (*КПСС В РЕЗОЛЮЦИЯХ...*, т.2, с.56), а в СССР как «орудие социалистического строительства» (Н.А. Вознесенский, ук. соч.) и т.п.

Не менее каноническим является возникающее по цензорскому настоянию утверждение, что «люди получают деньги за свой труд, а не за что-нибудь другое» (ср. сталинское: «Пока труд не стал из средства для существования первой потребностью людей /.../ люди будут оплачивать за свою работу по труду» (т.13, с.118)).

Таким образом, в эпизоде с деньгами цензор «выпрямлял», «вводил в рамки» и без того вполне «правильные», согласовывавшиеся (за исключением едва уловимых нюансов) с установками эпохи рассуждения Зошенко. И время показало, что цензор был дальновиднее: никогда после 1934 разговор об отмене денег как о реальной мере больше не возникал, превратившись в предмет схоластического спора специалистов по «политэкономии социализма».

2. Правка 6.

Существует несколько причин, по которым цензор мог вычеркнуть упоминание о деньгах, назначенных Временным правительством за поимку Ленина. Во-первых, могло показаться неуместным само называние фамилии вождя в «несерьезной» книге Зошенко, да еще и сразу после рассказа о сумме, предложенной за голову провокатора-народовольца Дегаева. Но, скорее всего, истинная причина иная.

Сам факт, что за помощь в задержании Ленина была объявлена награда, в настоящее время, кажется, не подвергается сомнению. В самой полной из советских биографий Ленина, в первые изданной по постановлению XX съезда, находим фразу: «За голову Ленина были обещаны большие деньги» (*ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН. БИОГРАФИЯ*. М., 1960, с.324). Книга эта постоянно «исправляется и дополняется», но утверждение о деньгах сохраняется неизменным в последующих из-

даниях и входит во все, более мелкие, политиздатовские биографии Ленина.

Однако особенностью ленинских биографий является отсутствие в них каких-либо ссылок, и читатель, желающий проверить тот или иной факт, должен сам обращаться к первоисточникам, обнаружить которые часто оказывается нелегко.

К счастью, существует многотомное издание **ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН. БИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА**, где расписан каждый день (а если возможно, то и час) жизни Ленина. В томе 4 находим множество подробностей о попытках Временного правительства арестовать Ленина в июле-октябре 1917, после того как он, отказавшись явиться на суд, скрывался вначале в Разливе у рабочего Емельянова, затем в Финляндии и, наконец, перед самым переворотом — в Петрограде. Но среди этих подробностей упоминания о деньгах *нет*. Нет указаний на назначение награды за поимку Ленина и в газетах 1917 года. Действительно, 7 июля прокурорский надзор выписал ордер на арест Ленина, Троцкого, Зиновьева и Каменева за «измену Родине и предательство революции», а уже через неделю появилось обращение министра юстиции с просьбой к населению содействовать расследованию: «Все граждане, имеющие сведения об этих событиях /3-5 июля. — С.П./ и о виновных в них лицах, должны сообщить в районные комиссариаты или участковым следователям, облегчая таким образом раскрытие и привлечение к ответственности всех виновных» («Новая жизнь» 13(26).07.1917, с.3). О деньгах, как видим, ни слова. Единственная сумма, упоминаемая в связи с этой историей, это 50 тысяч рублей, которые правительство смогло ассигновать прокурору Петроградской судебной палаты «на сопряженные с производством расследования по означенному делу расходы» («Новая жизнь», 9(22).07.1917, с.4).

Молчат об этом и авторы специальных статей (см.: П.Н. Михрин. **В.И. ЛЕНИН В ПОСЛЕДНЕМ ПОДПОЛЬЕ**. — «Вопросы истории», 1957, №4; И.А. Ушаков. **ПОПЫТКИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РАСПРАВИТЬСЯ С ЛЕНИНЫМ**. — «Социалистическая законность», 1958, №7). Впрочем, есть и одно исключение. В работе В.С. Николаева **СУДЕБНО-ПОЛИЦЕЙСКОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЛЕНИНА В КАНУН ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ** находим: «За голову Ленина предлагали 20 миллионов рублей, затем их заменили 20 тысячами» («Советское государство и право», 1963, №7, с.118). В.С. Николаев подкрепляет эти слова ссылкой на стр.147 25-го тома 4-го издания Собрания сочинений Ленина. Но на этой странице в известной ленинской статье **ДРЕЙФУСИАДА** речь идет о совершенно другом предмете — о тех деньгах, которые большевики якобы получили от немецкого Генштаба. Так что утверждение Николаева следует признать несостоятельным.

Полагаем, что можно с уверенностью заявить: Временное правительство денег за голову Ленина не назначало. Ведь даже если предположить, что мы случайно пропустили сведения об этом в газетах 1917 года, то вряд ли та же случайность произошла и с составителями «Биохроники», и с авторами специальных статей, и уж совсем невозможно предста-

вить, что они столь выигрышный в пропагандистском отношении факт выпустили сознательно.

Но откуда все-таки появилась легенда в книжке Зошенко и нынешних биографиях Ленина? Просмотрев многочисленные воспоминания о «последнем подполье Ильича», мы обнаружили, что упоминание о деньгах содержится только в одних, но зато считающихся основными и наиболее достоверными, — в воспоминаниях Н.А. Емельянова. Впервые они появились еще при жизни Ленина, в 1922 году, и с тех пор перепечатывались не менее 50 раз. История редакций этого текста, с бесконечными изменениями, сокращениями, вставками могла бы стать предметом самостоятельного исследования, до того точно она отражает канонизацию отдельных фактов ленинской биографии. Но коснемся лишь сюжета с деньгами.

Как известно, в июле 1917 в подполье ушли два большевистских лидера — Ленин и Зиновьев, и в Разливе у Емельянова жили они вместе. Соответственно, Емельянов в 1922 писал: «Владимир Ильич и Григорий Евсеевич были оценены в 200 000 рублей, сумма громадная в то время» («Красная летопись», 1922, №4, с.135-136). Воспоминания Емельянова переиздавались особенно часто в 1924-26, в период обострения внутрипартийной борьбы, когда Зиновьеву требовалось постоянно напоминать о своей близости к Ленину, и почти везде (кроме самых сокращенных вариантов) говорилось про «200 000 за головы двух вождей». Повторил легенду в те годы только один мемуарист — сын Емельянова Кондратий: «Было поднято на ноги все сыскное отделение — в сыщиках недостатка не было, ведь каждый буржуа считал бы себя величайшим героем, если бы ему посчастливилось встретить исчезнувших вождей; были пущены в ход собаки-ищейки, была назначена награда в 200 000...» («За большевизм», №1, с.50).

В 1927-32 воспоминания Емельянова не публиковались ни разу. В чем причина — в том ли только, что говорить о Зиновьеве как о соратнике Ленина тогда было уже невозможно, а для полного вычеркивания его из истории партии еще не настало время, или, кроме того, сам Емельянов попал в немилость, — точно мы не знаем. Но в 1933 и 1934, в короткий отрезок очередного «прощения» Зиновьева (летом 1933 восстановлен в партии, в январе 1934 выступил с покаяниями на XVII съезде, 16 декабря 1934 арестован), воспоминания Емельянова дважды появились в печати. Это уже совсем другой текст: Зиновьев в Разливе присутствует, но с какой целью — непонятно, он упомянут лишь 5-6 раз, при этом довольно иронически. Например, появляется отсутствовавший раньше эпизод со стрельбой: «У меня было ружье. Ленин из него часто стрелял и попадал чудесно. А Зиновьев стреляет — зажмурится — и мимо. Ленин, бывало, скажет с усмешкой: "Эх, стрелок, стрелок!"» («История пролетариата СССР», 1932, №4, с.161). В 1933 исчезает эпизод с доставкой в Разлив жены Зиновьева З.И. Лилиной; если в ранней редакции «В.И. и Г.Е. ежедневно читали все газеты», то теперь осталось: «В.И. читал каждый день много газет»; Зиновьев в новой версии и не читает ничего, и не пишет, и даже не помогает в косьбе Емельяновым. Все это

делает только Ленин. Впрочем, в 1934, в отличие от 1933, редакторы разрешили покосить и Зиновьеву — еще один симптом тогдашнего к нему помягчения. (Понятно, что на самом деле никакой косьбы не было. Ср. протесты Крупской как раз по поводу емельяновских мемуаров: «Ильич косить не умел». — «Исторический архив», 1957, №2, с.35).

Но — главное для нас — в 1933 и 1934 из емельяновского текста исчезает упоминание о деньгах. Причина кажется нам очевидной: Ленин и Зиновьев в новом варианте фигуры несовместимые, а указание на «200 000 за головы двух вождей» опять поставило бы их в один ряд. Получалось бы, что Временное правительство боялось и желало арестовать не только Ленина, но и множества разоблаченного двурушника Зиновьева.

И все-таки в 1933-34 о Зиновьеве хотя и вскользь, но можно было говорить. Через год не только упоминания (кроме как о его предательской деятельности), но и все, что могло вызвать ассоциации с Зиновьевым, с ролью, которую он некогда играл в партии, с его близостью к Ленину, в печать не допускалось.

И когда осенью 1935 цензор вычеркивал в ГК фразу о деньгах за голову Ленина, он, конечно, не преследовал цель восстановить историческую истину и разрушить созданную Емельяновым легенду (вряд ли он и знал, что это легенда) — он справедливо опасался, что читатель, увидев знакомую цифру, вспомнит, что она была назначена за поимку не одного Ленина, а и Зиновьева, осужденного в январе 1935 на 10 лет тюрьмы. А допускать эту ассоциацию — Зиновьев рядом с Лениным — цензор не мог.

Возникает, правда, еще один вопрос: почему у Зошенко речь идет только о Ленине. Вычеркнул ли он Зиновьева по собственному почину или инициатива исходила от издательского редактора, или, может быть, он пользовался каким-то другим источником, в котором емельяновская фраза была уже преобразована, или попросту ошибся, запомнил, — этого мы не знаем.

В 1955 снова публикуются воспоминания Емельянова, только что освобожденного после двадцати лет лагерей (по старобольшевистским слухам, его обещали выпустить, если он напишет воспоминания о приездах в Разлив Сталина, но он отказался). В них о Зиновьеве ни слова, а тема денег, назначенных теперь уже за поимку одного Ленина, возникает в двух вариантах. В «Звезде» в 1955: «Большие деньги обещал Керенский за его поимку» (№4, с.114), а в «Знамени» в 1957 с подробностями: «7 июля я узнал еще одну новость: 200 000 рублей золотом — целое состояние было обещано тому, кто выдаст Ленина» (№2, с.132). Однако кто-то сообразил, что 200 000 золотом — это уже совсем невероятная сумма, и в последующих изданиях фигурирует в основном фраза из «Звезды». Вероятно, именно она, в подредактированном виде, попала и в биографию Ленина 1960 года, и во все последующие его биографии, и в *СИНЮЮ ТЕТРАДЬ* Казакевича. Правда, некоторые историки ощущают (или ощущали в период оттепели) неудобства от того, что приходится замалчивать присутствие в Разливе Зиновьева,

и выходят из трудного положения своеобразным способом: «За голову Ленина было объявлена награда в 100 000 рублей», — писала в свое время известный специалист по истории партии Т.П. Бондаревская (Т.Бондаревская. *А.В. ШОТМАН*. М., 1963, с.38). Происхождение этой цифры очевидно, хотя можно было бы разделить сумму, приведенную Н.Емельяновым, и в другой пропорции, более соответствующей сравнительному весу вождей (скажем, 199 000 : 1 000). Это свидетельствовало бы о большой историко-партийной зрелости автора.

3. Правки 39, 40, 44 и некоторые другие.

С народовольцами Зошенко попал впросак совершенно неожиданно, ибо предвидеть вираж, который совершит советская идеология по отношению к революционерам-семидесятникам, было почти невозможно.

В 1920-е гг. героизм народовольцев не подвергался сомнению. Тогда считалось, что большевики — наследники *всех* лучших традиций освободительного движения, и поэтому дискуссии о народничестве сводились к выяснению вопроса о том, *какое именно* течение в нем и *в какой степени* являлось предтечей большевизма. В.И. Невский полагал, что «Черный передел», И.А. Теодорович — что «Народная воля», М.Н. Покровский называл первым марксистом П.А. Ткачева и вообще выделял в подполье 1870-х гг. большевистское и меньшевистское направления. Все трое были заслуженные и высокопоставленные большевики, и, конечно же, каждый утверждал, что отражает истинно-ленинскую точку зрения на проблему. Были, впрочем, еще и молодые историки-марксисты — подопечные Покровского и его ученики, которые занимались, в основном, одним: доказывали, что ленинская концепция была куда более сложной, чем ее изображают маститые участники дискуссии, и что «с одной стороны, Ленин ценил народничество за...», а с другой стороны, «упрекал его за...», что Ленин к разным этапам народничества относился по-разному и т.п. Вот это-то «с одной стороны», «с другой стороны» и легло в основу *ТЕЗИСОВ КУЛЬТПРОПА ЦК ВКП(б) К 50-ЛЕТИЮ ПАРТИИ «НАРОДНАЯ ВОЛЯ»* (1930), положивших конец дискуссиям в этой области. *ТЕЗИСЫ*, подготовленные «историками-марксистами» (в основном И.Л. Татаровым), санкционированные «наверху», казалось, расставили все по местам, и какая-либо принципиальная переоценка большевиками народовольцев не ожидалась.

Да и сам Сталин, похоже, не очень-то предвидел тогда эту переоценку, поучая в декабре 1930 Демьяна Бедного: «...кроме России реакционной, существовала еще Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых. Все это вселяет (не может не вселять) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса» (т.13, с.25). И только внимательный наблюдатель мог заметить, что в процессе пока еще медленного пересмотра истории большевизма, начавшемся в 1931 письмом Сталина в «Пролетарскую революцию», постепенно уменьшилось количество публикаций о народовольцах, что в 1931 почти не отмечалось 50-летие

убийства народовольцами Александра II, а в 1932 — 80-летний юбилей В.Н. Фигнер и т.п.

Резко все изменилось после убийства Кирова и январского процесса над его «организаторами». Кроме Сталина, особую роль в «разгроме народничества» сыграл Жданов, ставший 1 февраля 1935 кандидатом в члены Политбюро и, видимо, одновременно с этим ближайшим помощником Сталина по идеологии. 25.02.1935, выступая на Бюро ЛГК ВКП(б) по вопросу об усилении партучебы, Жданов упомянул о недавнем своем разговоре со Сталиным: «Между прочим, товарищ Сталин не знал, что мы историю партии проходим только до 1917 года. Он сделал два замечания по этому поводу, что если мы на народовольцах будем учить наших людей, то воспитаем террористов, и что с точки зрения истории партии, период перед 1917 годом является предысторией». Речь Жданова опубликована не была, приведенная цитата впервые обнародована 30 лет спустя, в период «оттепели» (см.: *ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ*. М., 1965, с.257). 29.03.1935 Пленум ЛГК ВКП(б) принял постановление о политико-воспитательной работе. О народовольцах здесь не было ни слова, зато все внимание было сосредоточено на втором замечании Сталина, которое приобрело теперь злобный и откровенно инструктивный смысл. Необходимость изучения послеоктябрьской истории партии обосновывалась тем, что «оказался оставленным без изучения важнейший период борьбы партии, что не могло не привести к ослаблению идейной вооруженности, не могло не затруднить разоблачение врагов народа» («Ленинградская правда», 1.04.1935). Понималось это так: нужно разоблачать всякого, замешанного в уклоны оппозиции (для этого их и изучать), независимо от его прошлого (которое — не заслуживающая внимания предыстория). Кажется, это было первое официальное постановление, недвусмысленно направленное против партийцев с дореволюционным стажем. Естественным следствием из него было закрытие 25 мая Общества старых большевиков (конечно, «согласно постановлению Пленума и Президиума Общества» — см. «Правду» от 26.05.1935).

До народовольцев очередь дошла 14 июня, когда в «Правде» появилось постановление ЦК *О ПРОПАГАНДИСТСКОЙ РАБОТЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ*. Здесь говорилось: «Марксизм у нас вырос и окреп в борьбе с народничеством (народовольчество и т.п.) как злейшим врагом марксизма и на основе разгрома его идейных положений, средств и методов политической борьбы (индивидуальный террор, исключаящий организацию массовой партии, и т.п.)».

Любопытно, что в первый раз эта формула, ставшая «основополагающей» на ближайшее двадцатилетие, появилась за день до постановления — 13 июня в докладе Жданова на Ленинградском парт-активе.

Этому докладу, видимо, придавалось первостепенное значение (опубликован сначала в «Правде» — 19.06, затем в «Ленинградской правде» — 20.06, затем отдельной брошюрой). Здесь впервые возникает тема возмущения по поводу «восхваления и возвеличивания народников» и впервые упомянуты фамилии: «Куда годится, что наша молодежь знает Желя-

бовых, Рысаковых, Перовских /список, конечно, подобран не случайно. — С.П./ больше, чем тех славных передовиков и героев, которых выдвинули рабочий класс и большевистская партия и которые своей жизнью завоевали нам победу в борьбе, в том числе и против народничества».

Наиболее откровенной, т.е. сводящей все претензии к народолюбцам почти исключительно к террору, была статья К.Костко в «Большевике»: «Вместо показа полного исторического банкротства индивидуального террора, получается недопустимая его идеализация, искажающая историческую действительность. Разве покушение на вождя Октябрьской революции, отравленные пули, выпущенные эсеркой Каплан в Ленина, а также убийства тт. Урицкого и Володарского не находятся в прямой преемственной связи с прежней террористической тактикой народников и эсеров? Вреднейшую работу в этом отношении проделывали и некоторые музеи, наглядно, во всех видах пропагандируя народолюбцев, создавая вокруг них мнимый ореол. Кому, как не отъявленным врагам пролетариата, на руку эта идеализация народничества и народолюбцев» («Большевик», 1935, №15, с.74).

26.06.1935 было закрыто Общество бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев (как и Общество старых большевиков — «по собственному желанию»), ликвидированы издательства Общества и его журнал «Каторга и ссылка», одновременно прерваны издания собраний сочинений Бакунина, Лаврова, Ткачева, прекращены все публикации исследований и источников по народничеству, приостановлено издание ценнейшего *СЛОВАРЯ ДЕЯТЕЛЕЙ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ*, из музеев, от самых крупных до местных, краеведческих, были выброшены соответствующие материалы и т.д. В ближайшие годы были расстреляны или погибли в лагере уже упоминавшиеся участники дискуссии В.И. Невский, И.А. Теодорович, И.Л. Татаров (Покровский умер в 1932).

Окончательно акценты были расставлены в *КРАТКОМ КУРСЕ* (1938), двух изданиях (1937 и 1939) брошюры Ярославского *РАЗГРОМ НАРОДНИЧЕСТВА МАРКСИЗМОМ* и статье *НАРОДНИЧЕСТВО* 1-го издания БСЭ: «Из теоретических источников и тактических положений Н. питались враги партии и Советской власти: право-троцкистские реставраторы капитализма (идея вращивания кулака в социализм, затушевывание классовой борьбы и т.д.) и фашистско-националистические организации, вступившие на путь измены и предательства родины. Презренная банда изменников и предателей родины заимствовала из арсенала Н. террористические и заговорщические средства и методы борьбы, используя индивидуальный террор в контрреволюционных реставраторских целях. /.../ Они готовили убийство вождя пролетариата и друга трудящихся — И.В. Сталина /.../ Жалкие эпигоны Н., именовавшиеся социалистами-революционерами, закончили свой бесславный путь в поганой яме контрреволюции. Н. сошло с исторической сцены» (БСЭ, т.41. М., 1939, с.186). Таким образом, принятая в 1920-х схема «революционные народники — предшественники большевиков» была

заменена другой: «народники — эсеры — троцкистско-бухаринская банда», просуществовавшей до середины 1950-х гг., когда началось «восстановление ленинской концепции народничества» (на деле советские историки вернулись к несколько подредактированному варианту *ТЕЗИСОВ КУЛЬТПРОПА ЦК* 1930 года: «с одной стороны», но «с другой стороны...»).

Как мы знаем, ГК проходила цензуру осенью 1935 года, т.е. непосредственно после Постановления 14 июня, поэтому не удивительно, что из нее вымарываются имена Перовской, Засулич, Бардиной.

Наоборот, может показаться удивительным, что сохранено упоминание о Мышкине. Но к Мышкину советская пропаганда относилась благосклонно. И даже в 1938 в статье о нем в БСЭ не писали об его «ошибочных взглядах». Связано это было, вероятно, с тем, что, вопервых, Мышкин не был террористом, а во-вторых, его арестовали при попытке освободить Чернышевского. Чернышевский же, в середине 1930-х переведенный из народников в революционные демократы (вместе с Добролюбовым, Писаревым, Герценом) всегда оставался почитаемой фигурой.

Понятно, почему оставлен Петр Алексеев, — он рабочий, и его речь, которую цитирует Зошенко, — тоже о рабочих. Но вот почему не выброшен эпизод про убийцу Плеве эсера Егора Сазонова? Не оттого ли, что зошенковский рассказ о Сазонове никак нельзя назвать панегириком: Сазонов, хоть и в бреду, но все-таки назвал имена своих товарищей, а кроме того, тайная полиция его перехитрила, подсунув вместо одного врача-осведомителя другого (лишнее упоминание о всемогуществе тайной полиции цензора, видимо, не пугало). Но звания революционера цензор все-таки Сазонова (как и Кропоткина — о нем ниже) лишил: в конце 1935 уже было ясно, что революционерами могут быть названы, кроме большевиков, только рабочие — участники «добольшевистского этапа» освободительного движения, и с эпитетом «дворянские» — декабристы. (Менее строгим было употребление термина «революционер» по отношению к иностранцам.) Следили за этим внимательно. Например, «Каторге и ссылке» вменяли в вину, что там «известного врага пролетариата Савинкова называют не иначе как революционером-боевиком» («Большевик», 1935, №15, с.73).

Сохранен и рассказ о побеге Кропоткина в 1876 году (кстати, Зошенко, драматизируя события, пишет, что Кропоткин бежал из Петропавловской крепости, на самом деле — из Николаевского военного госпиталя, находившегося на окраине Петербурга) — это потому, что об анархистах как о «злейших врагах марксизма» летом-осенью 1935 еще не писали. Кампания против анархизма началась позже и никогда не принимала таких форм, как против народничества, — сдерживали отношения с испанскими анархистами, которых довольно долго пытались приручить или, как минимум, использовать. Самое большое обвинение Кропоткину в конце 1930-х — что он «пытался сбить рабочих на неправильный путь» (Ем. Ярославский. *АНАРХИЗМ В РОССИИ*. ОГИЗ, 1939, с.25). В 30-е гг. (а по сути — и по сей день) он числится в разного рода

словарях как выдающийся ученый с неправильными философскими и политическими взглядами, враг Октябрьской революции, перед смертью признавший ее закономерность. Так что, пропуская рассказ Зошенко о Кропоткине, цензор в 1935 ничем не рисковал. А что Кропоткин во время побега не был еще анархистом и принадлежал к народнической организации «чайковцев», это цензору было, понятно, невдомек.

С теми же событиями 1935 года связаны и вычеркивания всех упоминаний о памятнике, который, по словам Зошенко, «далекие народы» поставят «всем доблестным и мужественным героям». С конца 1920-х гг. Обществом политкаторжан велся широкий сбор денег на памятник Желябову. Идея сооружения памятника была выдвинута ленинградским отделением Общества в 1928, тогда же поддержана Ленсоветом, а весной 1929 был создан Общественный комитет, в задачу которого входил сбор средств на памятник (устройство платных лекций, подписка среди частных лиц и учреждений) и проведение конкурса на лучший проект. Комитет возглавляла В.Н. Фигнер, а членами были все живые к тому времени видные народовольцы, а кроме того — представители Главнауки, Истпарта, Музея революции, тогдашний нарком просвещения Луначарский и др. Из главнейших вопросов, разбиравшихся Комитетом, — где ставить памятник. Рассматривалось несколько вариантов. Народовольцы предложили сквер на Невском проспекте, где стоит памятник Екатерине II (его собирались снести). Но Главискусство, в ведении которого находились памятники, постановило «признать место, где стоит памятник Екатерине, неподходящим для памятника Желябову как по предполагаемым пропорциям, так и по неубедительности связи памятника Желябову с находящимися там театральными зданиями» и предложило «место около Манежа, напротив Церкви-на-крови /т.е., по-видимому, на Конюшенной пл., рядом с местом покушения. — С.П./, или одну из площадей в рабочем районе». Затем возникло предложение поставить памятник на месте казни, потом еще где-то, и наконец остановились на Манежной площади. Здесь и состоялась закладка, а сам памятник был заказан победителю конкурса скульптору Б.Д. Королеву. В книге о его творчестве читаем:

«В 1932-33 гг. Королев работал над проектом памятника Желябову для Ленинграда. Проект был разработан детально и в 1933 году принят к сооружению. Однако возведение памятника народовольцу-террористу было временно приостановлено. К сожалению, вопрос об установке памятника впоследствии так и не был возобновлен, и это тем более огорчительно, что монумент обещал быть одним из лучших комплексно-синтетических сооружений Королева. Остались лишь эскизы, проекты и частично отлитые в материале фрагменты памятника» (Л.Бубнова. *БОРИС ДАНИЛОВИЧ КОРОЛЕВ*. М., 1968, с.84. Здесь же на с.82-83 фото проекта. См. также «Каторгу и ссылку», 1929, т.55).

Нет никаких данных о том, было ли формально отменено решение о возведении памятника Желябову и когда с Манежной площади была убрана плита с традиционной надписью: «На этом месте будет...», но,

конечно, это произошло или сразу после выступления Жданова 13 июня 1935, или даже раньше, после его февральского доклада на Бюро ЛГК.

Сбор денег, споры о месте, итоги конкурса, закладка — все это на протяжении нескольких лет широко освещалось ленинградской печатью. Теперь, когда стало очевидно, что никакого памятника не будет, рассуждения Зошенко о памятнике героям (вспомним, что народовольцев, начиная с 1935, уже называют или героями-неудачниками, или героями в кавычках) должны были показаться цензору неуместными.

В 1952 на месте предполагавшегося памятника Желябову был заложен памятник Гоголю. Но и он до сих пор не поставлен.

**

С той же степенью подробности можно рассмотреть еще целый ряд правок. Остановимся вкратце на некоторых, несущих на себе «приметы времени».

Правка 5.

«Прохвост» — одно из любимых зошенковских «словечек». Но вполне применимое к советским гражданам, оно не может, оказывается, быть употреблено по отношению к туркам (хотя бы речь шла и о событиях двухсотлетней давности). Причина на поверхности — пылкая дружба между СССР и Турцией, продолжавшаяся до смерти Кемалья-паши в 1938 и особенно сильная в середине 30-х (обмен делегациями, поздравительными телеграммами и проч.).

Правка 12.

По приказу цензора зарплата Сереги Фарфорова увеличилась от 60 рублей до 150, а его жены соответственно от 50 до 100. Первое ощущение, что это «лакировка действительности», оказывается ошибочным. В конце 1920-х — начале 1930-х зарплата в СССР росла непрерывно (причин этого мы не касаемся). Если верить справочнику *СССР В ЦИФРАХ* (М., 1935), то уже в 1934 у рабочих в среднем по стране она равнялась 130-140 рублям, а у ИТР была примерно в 2,5 раза большей. В конце 1934-1935 произошел еще один резкий скачок, связанный с отменой карточек (сначала на хлеб, а затем постепенно на все остальные продукты питания). Судя по постановлению ЦИК и СНК от 14.01.1936, зарплата в 140-150 рублей в месяц была в этот период минимальной и не облагалась даже подоходным налогом (до декабря 1934 не облагаемой налогом являлась зарплата 90-95 рублей в месяц). Так что столь незначительное цензорское «увеличение зарплаты» Сереге Фарфорову вызывает недоумение (можно было бы назвать сумму в 200 рублей или даже больше) и более того — даже сомнения в правильности цифр, указанных в официальных источниках 1930-х годов.

Правка 16.

Эволюция оценок Шалапина в советской печати отчетливо иллюстрирует появление в официальной идеологии, начиная с первой половины

1930-х, темы русского патриотизма, русского национального характера и т.п. (ею постепенно подменялся традиционный марксистский «интернационализм», сохранившийся в основном для «внешнего употребления» — конгрессов Коминтерна, оказания «братской пролетарской помощи» и т.п.). Лишенный в 1927 звания народного артиста («в связи с политически ненормальным поведением» — объяснение в «Красной газете» Луначарского), а вскоре права въезда в СССР, Шаляпин через полтора десятилетия числится уже «великим русским артистом». Думается, что и в 1935 цензор вполне мог сохранить по отношению к нему эпитет «знаменитый» — в посвященной Шаляпину статье в БСЭ (1934) он назван «выдающимся», «крупнейшим мастером», хотя одновременно и «скатившимся в лагерь махровой реакции».

Правка 19.

Постепенное исчезновение словосочетания «суровое время» можно проследить (применительно к современности) на передовых статьях «Правды» первой половины 1930-х гг. Окончательно время перестало быть суровым после сталинского «Жить стало лучше, жить стало веселее, товарищи» (12 ноября 1935).

Правка 38.

В 1920-е гг. размышлять об истории с точки зрения «что могло бы случиться, если бы...» вполне позволялось, но, как мы видим, в середине 1930-х такая постановка вопроса была уже недопустимой. Ср. у Л.Рейснера в рассказе о 14 декабря, опубликованном в 1926: «Несмотря на измену Трубецкого, восстание, с чисто военной точки зрения, имело много шансов на победу» (Л.Рейснер. *ИЗБРАННОЕ*. М., 1965, с.385).

Правка 52.

Выражение «правильная экономика» или утверждение, что разобратся в чем-то могут только люди, «знакомые с экономикой», вычеркнуты не случайно. Это слова из лексикона «правых уклонистов», тех, кто в конце 1920-х прямо или косвенно упрекали сталинское руководство в том, что его политика находится в противоречии с «объективными законами экономического развития» и ведет страну к катастрофе. В противовес «демагогическим» (по характеристике Сталина) требованиям «правильной экономики» были выдвинуты лозунги «энтузиазма масс» и «крепостей», «которых не могут не взять большевики», а основным экономическим законом был объявлен «директивный народно-хозяйственный план» (см.: Н.А. Вознесенский. Ук. соч., с.27 и др.).

Целый ряд правок ГК, нуждающихся во внимательном рассмотрении, остался нами сейчас не затронутым. Например, цензор несколько раз вычеркнул термин «социальная революция» (пп. 14 и 17), но почему — не вполне понятно. По-видимому, у этого термина существует своя, утра-

ченная нами история. Безусловно, нуждается в изучении п.51. Здесь вычеркнуто определение НЭПа и нэпманов как движения, «не желавшего отставать от революции». С близкой характеристикой нам случалось сталкиваться в литературе середины 1920-х — но не позднее. Интересно было бы рассмотреть вычеркивание едва ли не ключевой фразы из *РАССКАЗА О ЗАЖИТОЧНОМ ЧЕЛОВЕКЕ* (п.36). Нам кажется, это связано с историей понятия «зажиточность», тем содержанием, которое в него вкладывалось в середине 1930-х, после сталинского лозунга «Наша ближайшая задача — сделать всех колхозников зажиточными» (февраль 1933). Непросто понять и п.53. Она, мы полагаем, имеет отношение к появлению в 1935 (после сталинского лозунга «Кадры решают всё») темы «социалистического гуманизма», «бережного отношения к людям» (см., напр., передовую «Правды» от 21.06.1935). К п.53 имеет касательство и кампания борьбы с «презрением к русскому народу» (середина 1930-х). Следовало бы прояснить п.10 о «плате, ограничивающей потребности», сопоставив ее со сталинско-молотовскими фразами середины 30-х гг. об увеличившихся потребностях советских людей. Почему выброшено словосочетание «варварская жизнь» (п.20) — не из-за «белогвардейской» ли окраски его — так в эмигрантских газетах называли, например, эпоху «военного коммунизма». Нужно исследовать понятия «курс», «перемена курса» (пп. 21, 29) — что они обозначали в середине 30-х (в отличие от 20-х гг.). И т.д.

••

Даже та частичная работа, которую мы проделали над версткой ГК, позволяет, как нам кажется, сделать некоторые предварительные выводы.

Во-первых, о сути цензорских правок. В целом они направлены на то, чтобы придать размышлениям Зоценко более твердые, четкие, не терпящие двоякого толкования очертания. Наступала эпоха, в которой все должно было быть строго регламентировано: критика настоящего, мечты о будущем, описания прошлого. В своих оценках писатель должен был теперь исходить не из той реальности, которую наблюдал вокруг себя, и даже не из положений классиков марксизма, а из последних речей «вождей», последних постановлений пленумов, передовиц вчерашних газет. И хотя, повторяем, в 1934-35 эта эпоха еще не наступила окончательно, ее приближение явственно ощущалось. Зоценко, желавший верить (и во многом веривший) в будущее прекрасное общество, искренне старался «не отстать» от времени: менял некоторые нюансы своих оценок, иногда переставлял акценты, от чего-то отказывался вовсе. Но стиль его оставался все же слишком ярким и индивидуальным, и — главное — прежним остался взгляд на человека и человеческие отношения, которые, как видел Зоценко, были по сути такими же, как и раньше, несмотря на «победоносную поступь социализма». А этого оказалось уже достаточно, чтобы «не попасть в такт», «не соответствовать». И эти мелкие (а иногда и крупные — см., напр., п.56) «несоответствия» отмечались и исправлялись цензором.

Во-вторых, мы постарались показать, что, изучая отдельные «табу», мы проникаем в суть идеологии интересующего нас исторического отрезка. Конечно, цензорские правки — это лишь дополнительный источник для ее изучения. Основными являются официальные документы, газеты и т.д. Но в условиях, когда официальные документы или газеты слишком часто не отражают истинных идеологических установок, откровенная правка цензора, предназначенная только для «внутреннего употребления», из которой отчетливо видно, чего именно хотела власть от писателя, в какие границы стремилась втиснуть его мысль, что разрешала ему говорить, а что нет, — приобретает немалое значение.

Безусловно, для того чтобы делать серьезные заключения даже для одного только 1935 года, одной верстки ГК недостаточно. (Поэтому мы не стремились в нашей работе к обобщениям.) Но в личных архивах многих писателей, журналистов, издательских работников наверняка сохранились верстки многих произведений, по которым прошла рука цензора. Собрав некоторое количество таких версток, проведя над ними определенную работу, мы смогли бы составить нечто вроде «индекса запретов» и, выстроив его в хронологической последовательности, получили бы впечатляющую картину развития советской идеологической системы.

ANNEX

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аввакум, протопоп 204, 205, 235-237, 260, 370
Бл. Августин 62, 63
Авербах И.Л. 331
Авербах Л.Л. 331
Аверченко А.Т. 290
Авилов Б., журналист 92
Авксентьев Н.Д. 290
Адамович Г.В. 219, 251, 262, 278, 286, 287
Адлер Б.Ф. 75
Аитов В.Д. 282, 291
Аитов Д.А. 291
Айзенштадт М.Г. 194
Айхенвальд Ю.И. 263
Аксаков И.Т. 226
*Алданов (Ландау) М.А. 214, 230, 258, 278, 281, 284, 287, 290
Александр, король Югославии 275
Александр I, имп. 152, 153
Александр II, имп. 297, 384
Александр III, имп. 113
Александра Федоровна, имп. 101
*Александрович (Дмитриевский) П.А. 129
Алексеев Г.В. 248
Алексеев П.А. 368, 383, 386
Алленби, генерал 194
Альтман М.С. 66, 76, 77
Амфитеатров А.В. 166, 174, 175, 190, 191
Андреев В.Л. 240, 247
Андреев Л.Н. 206, 247, 290
Андреева М.Ф. 57
*Андроников (Андроникашвили) И.Л. 305, 331, 332
Андроникова-Гальперн С. А. 307, 333
Аничков Е.В. 227
Анненков (*Б.Темирязов) Ю.И. 210, 243, 290
Анненский И.Ф. 227
Анреп Б.В. 162-164
Анский А., журналист 114
Антошкин Д.В. 114
Анциферов Н.П. 181, 182
Аратовский С., публицист 187-190
Аронсон Г.Я. 268
Артамонов М.И. 27
Артемьев А.Р. (*Артем) 209, 241
Асенков В., публицист 169
Атлас З.В. 375
Ауслендер С.А. 256
Афанасьев А.Н. 250
*Ахматова (Горенко) А.А. 131, 151-156, 158-165, 170, 177, 288
Аше Г., устроительница выставки 207
Аше И., устроитель выставки 207
Бабель И.Э. 138, 184
Бадмаев Н.Н. 304, 329

Курсивом выделены номера страниц, где соответствующее лицо выступает как автор или публикатор. Звездочкой (*) отмечены псевдонимы и криптонимы.

- Бадмаев П.А. 329
 Бакст Л.С. 210, 241, 242
 Бакунин М.А. 385
 Балабанова А.И. 172
 Бальмонт К.Д. 168, 169
 Баранов А.А. 309, 335
 Баранова-Шестова Н.Л. 245
 Баранович Л., церковный деятель 236, 260
 Барбюс А. 309, 335
 Бардина С.И. 368, 386
 Баршева (ур. Крестинская) Л.И. 310-312, 320, 336, 342
 Батюшков К.Н. 206, 208
 Бахрах А.В. 219, 249, 250, 263
 Бахтин М.М. 204
 Башкиров К., публицист 154
 Башкирцева М.К. 345
 *Бедный Д. (Придворов Е.А.) 223, 383
 Беленсон А.Э. 210, 242
 Белицкий Е.Я. 75
 Белич Ал., югославский славист 275
 *Белый А. (Бугаев А.Н.) 75, 158, 159, 206, 217, 219-222, 227, 238, 242, 245, 248, 249, 253, 254, 256, 263, 278
 Бенвенуто Челлини 345
 Бенедиктов, эмигрантский журналист 290
 Бенуа А.Н. 210, 241
 Берберова Н.Н. 219, 249, 250, 251, 253, 254, 263, 264, 269, 272-279, 291, 322
 Бердяев Н.А. 217, 219, 227, 231, 233, 245, 247, 253
 Берент, юнкер 193
 Берман, юнкер 193
 Бернер В., устроитель выставки 207
 Бестужев-Марлинский А.А. 235
 Бетховен Л. ван 7, 43
 Билибин И.Я. 210, 242
 Блок А.А. 158, 159, 186, 195, 206, 208, 241, 245, 254, 293, 345
 Блох Р.Н. 240
 Блюменталь Ф.П. 193
 Бобович А.С. 9
 Богатырев П.Б. 219
 Богров Ф., журналист 192
 Богуславская К.Л. 219, 250
 Бодлер Ш. 266
 Болдырев А.В. 17, 22
 *Болдырев И. (Шкотт И.А.) 205, 208, 239
 Большаков К.А. 240
 Бональд Л.-Г. А. 68
 Бондаревская Т.П. 383
 Бонч-Бруевич А.И. 305, 332
 Бонч-Бруевич В.Д. 104, 120, 332
 Бонч-Бруевич М.А. 305, 332
 Боратынский Е.А. 206, 208, 264
 Бостром А.А. 322
 *Босх И. (Х. ван Акен) 342
 Браун Ф.А. 75, 254
 Бреннер, книготорговец 232
 Брокъери Б. 67, 69, 70, 76
 Бруни Л.А. 210, 242, 243
 Брюсов В.Я. 208, 214, 270
 Бубер М. 70, 71, 77
 Бубнов А.С. 303, 327
 Бубнова Л.С. 387
 Будберг (ур. Закревская) М.И. 303, 329
 Буденный С.М. 327
 Булгаков С.Н. 280
 Бунин И.А. 9, 173, 177, 244, 275, 278
 Буонаюти Э. 58, 75
 Бурдель Э.А. 327
 Бурденко Н.Н. 40
 Бурлюки, братья 210
 Бурнашов М.Н. 227, 255, 256
 Бурцев В.Л. 106, 270
 Бухарин Н.И. 185
 Вагнер Р. 69
 Вакар Н.П. 290
 Валери П. 243
 Вальбе Б.С. 331
 Вальден Г., издатель 210, 243
 Вальтер В.В. 219, 252

- Вальтер Р.Р. 219, 252
 Василевский (*Не-буква) И.М.
 170, 192
 Вейдле В.В. 263, 276, 278, 280
 Венус Г.Д. 329, 331, 332
 Верлен П. 243
 Вермель С.С. 193
 Верн Жюль 208
 *Ветлугин А. (Рындзюн В.И.)
 269-271
 Вечеслова Т.М. 331
 Вильгельм, имп. 188
 Винниченко В.К. 216, 246, 247
 Вишняк А.Г. 217, 219, 220, 248
 Вишняк М.В. 248, 268-270, 276,
 278, 290, 291
 Водовозов В.В. 135
 Вознесенский Н.А. 377, 379, 389
 Волнухин С.М. 327
 *Володарский В. (Гольдштейн М.
 М.) 385
 Волошин М.А. 72, 208
 Волькенштейн А., родственник
 Н.В. Крандиевской 330, 331
 Волькенштейн (ур. Радлова) Л.
 Н. 326
 Волькенштейн Ф.А. 324
 Волькенштейн Ф.Ф. 298, 300-302,
 311, 324, 326
 Вольф Иосеф 238
 Вомпе П., публицист 100
 Ворошилов К.Е. 12, 303
 Врангель Н.Н. 255, 256
 Врасские, семья 241
 Выгодский Д.И. 252
 Выготский Л.С. 252
 Высоцкий Д.В. 193
 Вышеславцев Б.П. 247
 Вышинский А.Я. 40
 Вьюгов В., журналист 137

 Газданов Г.И. 240
 *Гайдар (Голиков) А.П. 348, 349,
 350-351
 Гамильтон Г.О. 324
 Гамсун К. 345

 *Ганецкий (Фюрстенберг) Я.С.
 191
 Гауф В. 230, 257
 Гегель Г.В.Ф. 248
 Гейк В., устроитель выставки
 207
 Гейн Вс., устроитель выставки
 207
 Генкель А.Г. 21
 Генкина Е.Б. 122
 Генрих VII, имп. 363
 Герасимов С.А. 347
 Герман Э. 185
 Герцен А.И. 386
 Гершензон М.О. 264, 270
 Гессен И.В. 195, 253
 Гессен С.И. 219, 253
 Гизетти А.А. 159
 Гиндин А.М. 118
 Гиппиус В.В. 177
 Гиппиус З.Н. 157, 160-162, 171,
 177, 242, 258, 272-277, 286, 365
 *Гитлер (Шикльгрубер) А. 9, 19,
 39, 41, 77, 83
 Глебов А.Г. 347
 Глиер Р.М. 347
 Глишштейн, художник 68, 69
 Гоббс Т. 61
 Гоголева Е.Н. 327
 Гоголь Н.В. 204-206, 208, 210,
 224, 226, 230, 235, 257, 388
 Головин А.Я. 210, 242
 Головины, семья 290
 Гончаров И.А. 206
 Горбунов Н.П. 120
 Горемыкин И.Л. 108
 Горлин М.Г. 208, 240, 263
 Горлины, семья 263
 Городецкий С.М. 240
 *Горький М. (Пешков А.М.) 54,
 56, 57, 75, 147-149, 171, 177, 223,
 227, 235, 236, 244, 253, 254, 261,
 265-268, 277, 282, 292, 301, 305,
 317, 324, 325, 327-333, 336, 339,
 344
 Готье Т. 243
 Гофман В.А. 22

- Гофман М.Л. 208, 239
 Гофман Р.М. 239
 Гофман Э.Т.А. 230
 Грач Д.Я. 309, 334
 *Греков В. 292-347
 Гребенщиков Я.П. 204, 205, 208, 239
 Гречишкин С.С. 238, 243
 Гржебин З.И. 220, 237, 253, 254
 *Грин (Гриневский) А.С. 141
 Гринфельд, владелец магазина 298, 299
 Грициотти Б. 61, 76
 Гукасов А.О. 275, 276
 Гуль Р.Б. 237, 247, 249, 251, 253, 290, 322
 Гумилев Н.С. 206-208, 227, 255
 Гумилевский Л.И. 170, 192
 Гуревич, юнкер 193
 Гуревич Л.Я. 157
 Гуссерль Э. 247
 Гюго В. 243

 Далин, сосед С.Г. Каплуна-Сумского 221
 *Даль (Луганский) В.И. 236, 260
 Дамиани Э. 52, 74
 Д'Амелиа А. 199-261
 Данилевский Г.П. 258
 Данте Алигьери 61, 72, 345
 Дегаев С.П. 360, 379
 Делоне С. (Delaunay S.) 255
 Демидов И.П. 231, 259
 Деникин А.И. 328, 333
 Денисов Н.Х. 306, 333
 Державин Г.Р. 269
 Дешарт (Шор) О.А. 46, 72-74
 *Джанпетрино (Педрини Дж.) 315, 342
 Джексон Р. 72
 Джентиле Д. 52, 73
 Дзержинский Ф.Э. 57, 84, 101, 129
 Диккенс Ч. 345
 Диксон В.В. 205, 260
 Добровольская-Завадская Н.А. 212

 Добролюбов Н.А. 386
 Добронравов Л.М. 204, 205
 Добужинский М.В. 210, 227, 241, 309, 334
 Долинский Н.В. 290
 *Дон Аминадо (Шполянский А. П.) 262, 271, 290
 Достоевский Ф.М. 68, 157, 206, 208, 210, 224, 226, 230, 253, 257
 Дризен Н.Н. 241
 Дроздов А.М. 248
 Дубинский, журналист 160, 161
 Дузе Э. 74
 Дымшиц А.Л. 334
 Дымшиц Л.И. 308, 334
 Дымшиц С.И. 311, 322
 Дягилев С.П. 241, 242

 Евсеев И.Е. 209
 Екатерина II, имп. 92, 106, 387
 Елизавета, домоправительница Толстых 301, 302, 325
 Елисеев, купец 144-147
 Ельцин Б., публицист 94
 Емельянов К.Н. 381
 Емельянов Н.А. 380-383
 Есенин С.А. 159, 184, 270
 Епифаний Премудрый 236, 260

 Жданов А.А. 18, 19, 384, 388
 Жебелев С.А. 14, 22
 Желябов А.И. 383-385, 387, 388
 Жиркович (*Ив. Прутков) Б.В. 304, 329, 331
 Жолтовский И.В. 324
 Жорес Ж. 174
 Жуковский В.А. 206, 208
 Журбина Е.И. 356

 Заболотный Д.К. 182
 Загоскин М.Н. 258
 Задолит К.Ф. 245
 Зайцев Б.К. 219, 253, 254, 269, 271
 Зак Л.В. 219

- Залкинд А.В. 252
 Залкинд В.А. 219, 239, 252
 Залкинд М.И. 243
 Залкинд М.Я. 243
 Замятин Е.И. 184
 Запорожец И.В. 327
 Зарецкий Н.В. 206, 208, 210, 218, 237-240, 254
 Заславский Д.И. 136, 137
 Засулич В.И. 156, 367, 386
 Зензинов В.М. 278, 290
 Зеньковский В.В. 253
 *Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 102, 118, 185, 380-382
 Зиновьев Д.В. 66, 76
 Зиновьева-Аннибал Л.Д. 72, 76
 Злобин В.А. 272, 275
 Зноско-Боровский Е.А. 227
 Зозуля Е.Д. 170
 Зошенко М.М. 355-358, 358-374, 377, 379, 381-383, 386-390
 Зубов В.П. 252
 Зуммер В., друг В.Иванова 53, 71, 72, 74
 Зуров Л.Ф. 214, 244

 Иван IV, Грозный 347
 Иванников М., писатель 284, 287
 Иванов В.И. 45-77, 227, 231, 239, 258, 264-268
 Иванов Г.В. 219, 251, 271, 281, 289
 Иванов Д.В. 45-77
 Иванов И.А. 209
 *Иванов-Разумник (Иванов) Р.В. 158, 159, 227, 245, 256
 Иванова Л.В. 45, 46, 47-72, 72-77
 Игнатов Е., публицист 114
 *Изгоев (Ланде) А.С. 141, 192
 Измайлов А.А. 140, 141, 172, 173
 Израилевич Я.Л. 330
 Ильин И.А. 217, 247, 248
 *Ильф (Файнзильберг) И.А. 376
 *Ионов (Бернштейн) И.И. 75, 298, 325
 Иофан Б.М. 324
 Иоффе А.Ф. (?) 21

 Ирошников М.П. 108
 Исцеленов Н.И. 219, 252, 253

 Каганский, работник «Международной книги» 300, 325, 337
 Кадашев В., журналист 172
 Казакевич И.Г. 382
 Казанкова М.Н. 324
 Казанский Б.В. 17
 Казелла А. 74
 Калмыкова Л., устроительница выставки 207
 Кальц, археолог 74
 Каляев И.П. 228, 257
 *Каменев (Розенфельд) Л.Б. 75, 88, 90, 99-102, 104, 105, 108, 118, 137, 380
 Каминчан Т., устроитель выставки 207
 Каплан (*Ф.Е.) Ф.Х. 385
 Каплер А.Я. 347
 Каплун-Сумский С.Г. 218-221, 248, 254, 265
 Капп Г. 250
 Карелин В.А. 110, 130
 Катаев В.П. 347
 Катулл Г. В. 72
 Кауны, семья 57
 Качалов В.И. 327, 331, 332
 Квинтилио, маркиз 57, 75
 *Квитка-Основьяненко (Квитка) Г.Ф. 204, 205
 Келдыш В.А. 257
 Кемаль паша 217, 388
 Кемпинский, владелец ресторана 299
 Керенский А.Ф. 99, 100, 149, 150, 153, 189, 382
 Кин В. 182
 Кирдцов Г.Л. 270
 Киреев Г.С. 216, 245, 246
 Кирико Д. де 74
 *Киров (Костриков) С.М. 329, 357, 384
 Киришон В.М. 290
 Ключев Н.А. 158
 Кобяков Д.Ю. 208, 238, 240

- Ковалевский П.Н. 239, 247
 Коваленко, германист 22
 Коган Л.Р. 310, 339
 Коган П.С. 50, 53, 73
 Кодрянская Н.В. 201, 240, 241, 243, 258, 260
 Козинцева Л.М. 219, 251, 252
 Козлов Г.Ф. 375
 Кокошкин Ф.Ф. 156, 160, 165, 166
 Колбасина-Чернова О.Е. 247
 *Коллоди (Лоренцини) К. 328
 Колчак А.В. 333
 Комаровский В.А. 287
 Комиссаржевская В.Ф. 241
 Комиссаржевский Ф.Ф. 241
 Константин, шофер А.Н. Толстого 302, 312, 326, 330, 332, 339
 Корвин-Пиотровский В.Л. 279, 287
 Корецкая И.В. 255
 Корин П.Д. 307, 333
 Корнейчук А.Е. 347
 Королев Б.Д. 387
 Короленко В.Г. 106, 107, 185, 186, 208, 366
 Костин И.Ф. (он же Кукин) 144, 145, 147, 148
 Костко К., журналист 385
 Костров, моряк 223
 Котельников Г.К. 84
 Котовский Г.И. 339
 Котошихин Г.К. 25
 Котрелев Н.В. 46, 74, 77
 Котылев А.И. 256
 Кочуров Ю.В. 332
 Кочурова К.М. 332
 Крандиевская (ур. Тархова) А.Р. 313, 321, 340
 Крандиевская Н.В. 303, 313, 314, 327
 Крандиевская-Толстая Н.В. 292-347
 Краснов П.Н. 100, 101
 Крачковский И.Ю. 22
 Крейн, сионист 193
 Крестинский Ю.А. 292
 Кривенко И., устроитель выставки 207
 Кривенко Н., устроитель выставки 207
 Кроль Г.А. 55, 76
 Кропоткин П.А. 31, 369, 386, 387
 Крупская Н.К. 382
 Крыжановский Д.А. 138, 139
 Крылов И.А. 211
 Крэг Г. 74
 Крючков П.П. 303, 325, 326
 Крючкова Е.З. 299, 325
 Ксюнин А.И. 137
 Кубацкий В.Л. 304, 329
 Кубэ (Кубе) А.Н. 22
 Кугель А.Р. 153, 157
 Кузанский Н. 72
 Кузмин М.А. 214, 227, 272
 Кузнецова Г.Н. 281, 287, 288
 Кузьмина-Караваева Г., старш. дочь Е.К.-К. 308-310, 333
 Кузьмина-Караваева (ур. Пиленко) Е.Ю. 308, 333
 Кулиш П.А. 208, 239
 Кульбин Н.И. 242
 Куприн А.И. 150, 171, 275
 Кусиков А.Б. 248, 249, 271
 Кускова Е.Д. 153, 217, 247
 Кустодиев Б.М. 210, 242
 Кушнер Б. 180, 181, 184
 Кюи Ц.А. 175
 Лавров П.Л. 385
 Лагорио А., издатель 252
 Лагорио М.А. 219, 252, 253
 Лажечников И.И. 258
 Лапшин В.П. 242, 252
 *Ларин Ю. (Лурье М.З.) 105-107, 111, 120
 Лафонтен Ж. де 211
 *Лебедев-Кумач (Лебедев) В.И. 345
 Лев XIII 63
 Левидов М., журналист 184
 Левин, юнкер 193
 *Ле Корбюзье (Жаннере) Ш. 298

- Лемке М.К. 355
Лена, горничная Толстых 312, 315, 339
*Ленин (Ульянов) В.И. 35, 38, 81-85, 87-93, 95-113, 115, 116, 118-124, 127, 129, 151, 173, 191, 244, 292, 328, 360, 374, 375, 379-383, 385
Леонардо да Винчи 60, 342
Леонов Л.М. 224, 347
Лермонтов М.Ю. 206, 208, 235, 252
Лернер Н.О. 172
Лесков Н.С. 206, 208, 210, 224, 236
Либерман С., меньшевик 121-123
Ливанов Б.Н. 332
Лилина З.И. 381
Липатов Б.В. 301, 326
Лисицкий *Эль (Л.М.) 219, 245, 246, 251
Ловстоун Д. 122
Ложкомоев, советский чиновник 211, 243
Лозинская-Толстая Н.М. 319, 330, 346
Лозинская Т.Б. 335
Ломоносов М.В. 206, 208, 236
Лосский Н.О. 247
Лукаш И.С. 182
Луначарский А.В. 53, 105, 120, 185, 254, 387, 389
Лундберг Е.Г. 202, 247, 261
Лунделл Т. 132
Лурье А.С. 160, 184
Лурье С.В. 219, 251
Лутохин Д.А. 215, 244
Львов Н.Н. 270
Любимов И.Н. 99, 100, 103, 104, 106, 111, 115, 116, 127, 130
Лютер М. 67, 157
Лядов А.К. 242

Макеев Н.В. 232, 259, 278
Маковельский А.О. 45
Маковский С.К. 227, 255, 256
Малаховский Б.Б. 303, 328

Мальмстад Дж. 73, 251, 262-291
Мандельштам Н.Я. 179
Мандельштам О.Э. 131, 132, 135, 138-140, 142, 144, 146, 149-153, 155, 158, 165-167, 170-172, 178, 179, 181-184, 186, 189, 190, 196, 255
Манн Т. 327
Марголина-Ходасевич О.Б. 291
Маринетти Ф.Т. 74
Маркаде Ж. 255
Маркацан М. 70, 77
Марков В. 242
Маркс К. 35, 86, 135
*Мартов Л. (Цедербаум Ю.О.) 95
Маяковский В.В. 208
Медведев П.Н. 331
Мейерхольд В.Э. 48, 73, 242, 246, 259
Мельников П.И. (*Печерский А.) 206, 236
Менжинский В.Р. 117, 118
Мережковские, семья 159, 160, 241, 257, 276
Мережковский Д.С. 160, 161, 230, 231, 255, 258, 272, 274, 275, 365
Местр Ж. де 68
Метнер Н.К. 256
Мещанинов И.И. 27
Микеланджело Буонаротти 327
Микельсон, эмигрантский журналист 278
Мильтон Дж. 61
Милюков П.Н. 271, 281, 282, 290, 291, 333
Милютин В.П. 102
Миц И.И. 301, 304, 326, 329
Мирецкий З.А. 114
Мирский Б., журналист 141
Михайлов А.И. (?) 22
Миханков А.М. 27
Михрин П.Н. 380
Моисеенко Б.Н. 127
*Молотов (Скрябин) В.М. 326, 346, 376
Моммзен Т. 258

- Мономах В., кн. 214
 Мордовцев Д.П. 258
 Морковин В., критик 239
 Морозов Б.М. 117
 Моруа А. 213
 Моссман Э. 8
 *Мстиславский (Масловский) С. Д. 185
 Муйжель В.В. 186
 Муратов П.П. 74, 219, 253, 264, 265, 269, 271
 Муссолини Б. 47, 48, 51, 52, 73, 110
 Мышкин И.Н. 368, 386

 Набоков (*Сирин) В.В. 263, 277-291
 Набоков В.Д. 155, 195
 Набоков Д.В. 280
 Накоряков Н.Н. 303, 327, 328
 Наполеон Бонапарт 226
 Нахамкис (*Стеклов) Ю.А. 194
 Неведомский М., публицист 152
 *Невельский К. 7-44
 Невский Александр, кн. 34, 261
 Невский В.И. 383, 385
 Некрасов Н.А. 285, 371
 Никитин Н.Н. 253, 326
 Николаев В.С. 380
 Николаев Л., публицист 182
 Николаевский Б.И. 244
 Николай I, имп. 113
 Николай II, имп. 118, 127, 188
 Нилус П.А. 278
 Нильссон Н.А. 131, 149, 178
 Ницше Ф. 61, 67
 Новотный Милослав 238
 Ногин В.П. 102, 120

 Овчинников Р.В. 92
 Одоевский В.Б. 258
 *Одоевцева И.В. (Гейнеке И.Г.) 219, 251, 289
 Окороков Г.В. 52
 Олеарий А. 25
 Орешин Н., публицист 184
 Орешин П.В. 141

 Орлов М.А. 312, 316, 339, 340
 *Осинский Н. (Оболенский В.В.) 118
 Осипов С.Я. 219, 250
 Осиповы-Вульф, семья 343
 *Осоргин (Ильин) М.А. 208, 214, 217, 219, 232, 247, 248, 253, 259
 Оттокар Н.А. 59, 72, 75
 Оуянг-Сю (Оу-Янг-Сиу) 206, 238
 Оцуп Н.А. 210, 219, 238, 243, 251
 Очередин Б., эмигрантский писатель 208, 238

 Павловский М.Н. 290, 291
 Пайпс Р. 81-130
 Пальмьери, монах 75
 Панина С.В., гр. 156
 *Парвус (Гельфанд) А.Л. 172, 191
 Парнок С.Я. 327
 Паскаль Блез 68, 236
 Паскаль Карло 62, 76
 Паскаль Пьер (П.К.) 237, 261
 Пастернак Б.Л. 8, 248
 Пастернак Л.О. 193
 Пахомий Логофет 236, 260
 Пельтенбург А.Н. 312, 313, 339
 Пельтенбург Г.Ф. 309, 312, 314, 333, 335, 340
 Пельтенбург Л.Г. 307, 308, 333
 Перемиловский В.В., сын 207
 Перемиловский В.В. 207, 238
 Перовская С.Л. 367, 385, 386
 Петаццони Р. 52, 53, 74
 Петелин В.В. 292
 Петипа М.И. 324
 Петипа М.М. 324
 Петр I, имп. 88, 301, 307, 308, 316, 320, 321, 333, 339, 347, 359
 Петров В.М. 301, 307, 326, 330
 Петров Е.П. 376
 Петроний Гай 91
 *Печерский С. 355-391
 Пешков М.А. 57, 333
 Пешкова Е.П. 57
 Пешкова Н.А. 307, 332-334, 336, 338
 Пизис, де 74

- Пий XI 66
 Пикассо П. 201
 *Пильняк (Воган) Б.А. 218, 224, 248, 249
 Пильский П.М. 140, 150, 170, 173
 Пионтковский С.А. 113
 Пиранделло Л. 74
 Писарев Д.И. 386
 Писемский А.Ф. 206, 208, 210
 Плачиди М., хозяйка квартиры 48-53
 Плачиди М., сын хозяйки квартиры 48, 51
 Плеве В.К. 157
 *Погодин (Стукалов) Н.Ф. 347
 Подтелков Ф.Г. 367
 Подъячев С.П. 170
 Познер В.С. 230, 240, 258
 Познер С.В. 230
 Покровский М.Н. 383
 Полевой Н.А. 258
 Поливанов Е.Д. 137
 Полонский А.Я. 273
 *Полонский (Гусин) В.П. 171, 172, 184
 Полонский Я.П. 206, 208
 Полторацкий Н.П. 253
 Поляков А.А. 269, 271, 290
 Понизовский М.Г. 193
 Понтий Пилат 149, 150
 Попков П.С. 15, 17, 18, 25, 33
 Поплавский Б.Ю. 243
 Потапенко И.Н. 182
 Потапенко Н.И. 323
 Потресов А.Н. 141, 156, 157, 178
 Преображенский Е.А. 375
 Пришвин М.М. 133-135, 141, 150, 151, 169, 170, 173
 Прокопович С.Н. 247
 Прошьян П.П. 111
 Пруст М. 257
 Прэн И. 73
 Прюпье, владелец ресторана 299
 Пугачев Е.И. 92
 Пуни И.А. 210, 219, 243, 246, 250
 Пуришкевич В.М. 138
 Пушкаревич, славист 22
 Пушкин А.С. 7, 46, 135, 152, 186, 206, 208, 223, 235, 237, 239, 254, 257, 262, 267, 269, 278-281, 327, 342, 343, 356
 Пушков В.В. 325
 Пушковы, семья 301, 302, 325, 332
 *Пяст (Пестовский) В.А. 202, 255
 *Радек (Собельсон) К.Б. 141
 *Радин (Казанков) Н.М. 297, 302-304, 324
 Радины, семья 297, 324, 330
 Радищев А.Н. 383
 Радлов Н.Э. 326, 327
 Радлова (ур. Плансон) Н.К. 326, 327
 Радловы, семья 302
 Раевская-Хьюз О. 202, 244
 Разин С.Т. 368
 Ракинт В.Л. 219, 252
 Райх З.Н. 73
 Райц Л.В. 193
 Ратти, кардинал — см. Пий XI
 Резневич-Синьорелли О.И. 52, 74
 Резников Д.Г. 247
 Резникова Н.В. 199, 202, 240, 246, 247, 256
 Рейзов Б.Г. 14
 Рейснер Л.М. 137, 184, 389
 Рейснер М.А. 137
 Ремизов А.М. 199-205, 206-237, 237-261
 Ремизова-Довгелло С.П. 202, 236, 241, 242, 246, 255-257, 259, 260
 Рибольди Л. 58-70
 Римский-Корсаков, филолог 22
 Рифтин А.П. 22
 Роде А.С. 216, 246
 Роден О. 74
 Родченко А.М. 242
 Рождественский В.А. 347
 Розанов В.В. 199, 203, 204, 206, 208, 227, 231, 286
 Розанова О., художница 242

- Розенгольц А.П. 302, 326
 Розенцвейг Ф. 71, 77
 Розмини А. 68, 76
 Романова Е.В. 205
 Ромаскевич А.А. 22
 Рославлев А.С. 183
 Ростовцев М.И. 333
 Ругль (Rouge) Ч. 131
 Руднев В.В. 278, 290
 Рузвельт Ф.Д. 35
 Руссо Ж.-Ж. 67, 88
 Рыков А.И. 100, 102, 118
 Рысаков Н.И. 385
 Рысс П.Я. 157
 *Рязанов (Гольденбах) Д.Б. 111
 Рязановский И.А. 239
- Саблин В.М. 246
 *Савин Л.М. (Лев С.М.) 310, 339
 Савинков (*Ропшин) Б.В. 228, 256
 Савицкий П.Н. 246
 Садовской Б.А. 282
 Сазонов Е.С. 363
 Сазонова-Слонимская Ю.Л. 214, 244
 Сарнов Б.М. 349
 Сафонов В.И. 175
 Сведенборг Э. 210, 243
 Свердлов Я.М. 90, 95, 101, 104, 123
 Светоний Гай Тр. 33
 Святополк-Мирский Д.П. 236, 245, 260, 261
 Святополк-Мирский П.Д. 260
 *Северянин (Лотарев) И.В. 213
 Сегал Д. 131-196
 Семенов Ю.Ф. 271
 Сен-Жюст Луи 172
 Сенковский О.И. 258
 Сикорский В. 40
 Синявский А.Д. 199
 Скабичевский А.М. 355
 Слоним М.Л. 240
 Смётана Б. 339
 Смирнов А.А. 224, 255
 Смоленский В.А. 278, 290
- Соколов-Микитов И.С. 238, 248, 326
 *Сокольников (Бриллиант) Г.Я. 99, 101
 Соловейчик, юнкер 193
 Соловьев В.С. 63, 68, 135, 205
 Соловьев С.М. 258
 *Сологуб (Тетерников) Ф.К. 135, 157, 160-162, 174-177, 241, 242, 269, 270
 Сомов А.И. 241
 Сомов К.А. 210, 241
 Сорокин П.А. 136, 151, 152, 168
 Сосинский В.Б. 247
 Спасский С., поэт 240
 Спиридонова М.А. 126-128
 Спиро В.Б. 111, 112
 *Сталин (Джугашвили) И.В. 8, 10, 12, 13, 35, 38-43, 84, 87, 93, 173, 292, 335, 357, 375-379, 382-385, 389, 390
 Сталин Я.И. 13
 Станиславский К.С. 74
 Старчаков А.О. 301, 310, 325
 *Стахов Н. 348-351
 *Стендаль (Бейль А.) 345
 Степанов И.О. 212
 Степун Ф.А. 217, 219, 247, 268
 Стракун М.Г. 256
 Стрельников Н.М. 328
 Струве В.В. 26
 Струве Г.П. 240, 287
 Струве П.Б. 273-276, 333
 Студеникин С. 96
 Суворин А.С. 137, 191
 Суворин Б.А. 137
 Сувчинский П.П. 203, 216, 217, 219, 245, 246
 Судейкина О.А. 161
 Сумароков А.П. 34, 276
 Сурков А.А. 347
 Суханов В., публицист 171
 *Суханов (Гиммер) Н.Н. 82, 90
- *Талин В.И. (Португейс С.И.) 274, 276, 277
 Таяев А., публицист 99

- Татаров И.Л. 383, 385
 Татлин В.Е. 242
 Тацит 33
 Теньерс Д. 315
 Теодорович И.А. 102, 383, 385
 Терапиано Ю.К. 272, 278, 289
 Тер-Григорьян П.А. 298, 301, 325
 Тетерский Н. 302, 327
 Тимофеев, филолог 22, 26
 Титтони, сенатор 51
 Тихомирнов В., публицист 94
 Тихонов Н.С. 35
 Ткачев П.А. 383, 385
 Толстая (ур. Тургенева) А.Л. 322
 Толстая Е.Н. 319, 346
 Толстая М.А. 294, 301, 308, 313, 322, 334
 Толстая С.А. 231
 Толстой А.Н. 35, 208, 238, 248, 250, 290, 292, 293, 294-320, 320-347
 Толстой Д.А. 294, 295, 301, 304, 310, 311, 313, 318, 319, 321, 322, 325, 326, 330, 337, 344
 Толстой И.И. 17
 Толстой Л.Н. 68, 152, 160, 205, 206, 208, 213-215, 224, 226, 230, 231, 233, 235, 250, 253, 257, 310
 Толстой Н.А. 294, 295, 299, 301-304, 310, 311, 313-316, 318, 319, 322, 323, 330
 Толстой П.А. 359
 Тон К.А. 323
 Томский О., журналист 172
 Тренев К.А. 347
 Троицкий С.Н. 227, 255, 256
 *Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 84, 90, 99-101, 108, 110, 112, 113, 115, 116, 121, 124, 128, 129, 157, 172-174, 194, 326, 380
 Троцкий С.В. 74
 Трубецкой Н.С. 246
 Трубецкой С.Н. 389
 Трубников А.А. 227, 255, 256
 Тургенев И.П. 321, 340
 Тургенев И.С. 206, 208, 210, 235, 257, 259
 Тургенев П.П. 340
 Тургенева М.Л. 321, 340
 Тургеневы, братья 321, 340
 Тыркова А.В. 333
 *Тэффи (Бучинская, ур. Лохвицкая) Н.А. 281, 290
 Тютчев Ф.И. 72, 277, 345
 Уйбо Ю.И. 313, 340
 Уланова Г.С. 330-332
 Ульянов А.И. 383
 Урицкий М.С. 111, 112, 385
 Урыссон И.С. 193
 Ушаков И.А. 380
 Уэллс Г.Д. 329
 Файдыш П.П. 327
 Фаденев, таможенный чиновник 119
 Фалес 233, 234
 Федин К.А. 310, 336, 339
 Федор Алексеевич, царь 236
 Федорченко С., публицист 168
 Федюкин С.А. 114
 Федюнинский И.И. 29
 Фигнер В.Н. 384, 387
 Филиппов Б.А. 200, 201, 254
 Философов Д.В. 141, 192, 241, 272
 Флейшман Л.С. 202, 203, 239, 244, 252
 Флоренский П.А. 254
 Фондаминский И.И. 278, 279, 281, 289
 Фотиева Л.А. 121
 Фраерман Р.И. 348, 350, 351
 Фрайман А.Л. 106, 111
 Франк В.С. 46
 Франк С.Л. 45, 46, 219, 247, 253
 Франс А. 142, 143, 345
 Франциск Ассизский 42
 Фрейд З. 230
 Фрейденберг О.М. 7, 8, 9-44
 Фукс А.Л. 192
 Фурманов Д.А. 327

- Халатов А.Б. 296, 302, 303, 323
Халтурин С.Н. 383
Харджиев Н.И. 171, 185, 196
Харрисон (Harrison J.) Е.К. 236, 260
Хентова П.А. 219, 250
Хесин Г.Б. 319, 346
Хинчук Л.В. 300, 325
Хирьяков А., публицист 157
Хлебников Л.М. 254
Ходасевич В.М. 57, 75, 291, 310, 335
Ходасевич В.Ф. 75, 208, 219, 220, 222, 239, 249-251, 253, 254, 262-291, 335
Ходасевич М.Ф. 75
Хомяков А.С. 206, 208
Хоп Миррлиз (Hore Mirrlees) Н. В. 236, 260
Храпченко М.Б. 347
Хрущев Н.С. 378
Хьюз Р. 202, 244, 251
- Царев М.И. 327
Цветаева М.И. 220, 248, 249, 254, 327
Цвибак Я.М. (*А.Седых) 290
Цетлин М.О. 269, 270, 281, 287, 288
Цицерон М.Т. 76
Цурюпа А.Д. 121
- * Чагин (Болдовкин) П.И. 310, 335
Чайковский П.И. 7
Чапыгин А.П. 184, 330-332
Чарный М.В. 292
Чаянов А.В. 153
Чеботаревская А.Н. 173
Челпанов Г.И. 233, 259
Черкасская М.Д. 161
Чернов В.М. 100, 127, 247
Чернова А.В. 247
Чернова Н.В. 247
Чернова О.В. 247
Черновы, сестры 217, 247
Чернышевский Н.Г. 283, 285, 286, 383, 386
- Чертков Л.Н. 261
Черчилль У. 35
Чехов А.П. 7, 199, 290
Чехонин С.В. 210, 242
Чижевский Д.И. 240
Чириков Е.Н. 275
Чубинская А.Н. 22
Чугаев Д.А. 122
- * Чуковский К.И. (Корнейчуков Н.В.) 253
Чулков Г.И. 202, 256, 258
Чулкова-Ходасевич А.И. 263, 282
Чхейдзе А.И. 245, 249
- Шагинян М.С. 166-168
Шаялин Ф.И. 362, 388, 389
Шапорин Ю.А. 303, 320, 328, 347
Шаршун С.И. 216, 246, 250
Шатрова (Радина) Е.М. 297, 301, 324
Шварцман М.С. 194
Швейцер В.А. 171, 196
Шевченко Т.Г. 208
Шекспир У. 72
- * Шестов Л. (Шварцман Л.И.) 203-206, 208, 216, 217, 227, 231, 233, 234, 245, 247, 251
Шингарев А.И. 155, 160, 165, 174, 195
Шишков В.Я. 322, 326, 339
Шкапская М.М. 170, 220, 254
Шкловский В.Б. 138, 2 9, 249
Шклявер Г.Г. 216, 246
Шляпкин И.А. 260
Шляпников А.Г. 102, 116
Шмелев И.С. 275
Шмидт П.П. 368
Шнеур В., фон — см. Шпец В.
- * Шолом-Алейхем (Рабинович Ш. Н.) 190, 191
Шор Д.С. 193
Шотман А.В. 383
Шпет Г.Г. 217, 247
Шпец В., провокатор 140, 141
Шрейбер Я.С. 216, 217, 219, 221, 245, 249

- Шрейдер А.А. 216, 219, 245, 249
 Штейнберг И.З. 185
 Шуман Р. 345
 Шустер, кардинал 60
- Щеголев П.Е. 227, 228, 235, 256
 Щербина В.Р. 292
- Эль Греко Д. 315, 343
 Эрдман Н.Р. 57
 Эренбург И.Г. 219, 220, 245, 248,
 249, 251
 Эрицьян Х.А. 130
 Эрлих, сионист 193
 Эрн В.Ф. 75
 Эткин М.Г. 242
 Эфрон А.С. 254
 Эфрон С.Я. 245
- Яблочкина А.А. 327
 Ягода Г.Г. 302, 304, 326, 329,
 330, 337
 Якубович П.Ф. 168
 *Ярославский Е.М. (Губельман
 М.И.) 385, 386
 Ясинский И.И. 136, 172, 365
 Яценко А.С. 202, 249
- Ancel J. 237, 261
 Berninger H. 250
 Beyssac M. 246, 247
 Brinton C.C. 83
 Bunyan J. 94, 115, 116
- Carr E.H. 112
 Cartier J.-A. 250
 Davidson P. 75
 Dewar M. 116
 Fainsod M. 89
 Fisher H.H. 115, 116
 Frankel E. 83
 Graziadei C. 251
 Günter J. von 254
 Karlinsky S.A. 254
 Keep J. 108
 Labry R. 237, 261
 Lampl H. 258
 Lavroukine N. 261
 Legras J. 237, 261
 Lissitzky-Küppers S. 251
 Lo Gatto E. 253
 MacIver R.M. 83
 Marcadé V. 242
 Mazon A. 237, 261
 Muir (Мюер) W. 69, 77
 Pachmuss T. 251, 275
 Peonio (Beonio) — см. Брокьери
 Perrin C. 253
 Pietsch W. 82, 94, 96, 104
 Platone R. 254
 Pyman A. 240
 Rannit Al. 240
 Schapiro L. 89
 Slobin G. 237, 243
 Solivetti C. 245
 Tafuri M. 244, 245, 250
 Terras V. 254
 Vaillant A. 237, 261
 Williams R.C. 244, 247, 248

АННОТАЦИИ

В о с п о м и н а н и я

О.М. Фрейденберг. ОСАДА ЧЕЛОВЕКА. Публикация К.Невельского

Автор — крупный советский ученый (филолог и историк античности). Фрагменты из обширных «Записок» посвящены началу войны, жизни блокадного Ленинграда, быту и повседневным испытаниям осажденного города. Дневниковые записи перемежаются размышлениями автора о сущности советского строя, о «продуманной системе... удушения человека» — не только в лагерях НКВД, но и в «большой зоне», о планомерном растлении души, чувств и самого слова. 3 + 36 с.

Лидия Иванова. ВОСПОМИНАНИЯ. НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА. Публикация Д.В. Иванова

Дочь Вячеслава Иванова повествует о событиях 1924-25 гг., когда, эмигрировав из советской России, семья обосновалась в Италии. Первые месяцы в Риме; поездка в Сорренто к Горькому; эмигрантский быт и поиски службы; работа Иванова в Павии; его встречи с Мартином Бубером — все это предстает в двойном восприятии — автора (в то время молодой пианистки, студентки консерватории) и самого поэта, чьи обширные письма к семье приводятся в тексте. 2 + 26 + 6 с.

С т а т ь и и и с с л е д о в а н и я

Ричард Пайпс. СОЗДАНИЕ ОДНОПАРТИЙНОГО ГОСУДАРСТВА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917-1918 гг.) Перевод с английского В.А.

Автор прослеживает деятельность большевиков с момента государственного переворота 25 октября 1917 в первые недели и месяцы их власти, выявляя целенаправленность их действий по разрушению всех демократических институций страны и замене их диктатурой одной партии. 50 с.

Д.Сегал. «СУМЕРКИ СВОБОДЫ»: О НЕКОТОРЫХ ТЕМАХ
РУССКОЙ ЕЖЕДНЕВНОЙ ПЕЧАТИ 1917-1918 гг.

На основе материалов, опубликованных в русских газетах первых месяцев советской власти, автор реконструирует общественную и нравственную позицию подавляющей части творческой интеллигенции по отношению к октябрьскому перевороту, к политике большевиков и к средствам, которые новая власть использовала для достижения своих целей. 66 с.

Из истории литературной жизни

А.М. Ремизов. НЕИЗДАННЫЙ «МЕРЛОГ». Публикация Антонеллы д'Амелиа.

Автобиографические заметки А.М. Ремизова, охватывающие период его берлинской и парижской жизни, его воспоминания о начале творческого пути и размышления о литературном труде. Во вступительной статье публикатор рассматривает соотношение в ремизовской прозе реального и вымышленного, исторической хроники и литературной мистификации. Подробный комментарий дает обширный материал к истории культуры русского рассеяния в первой половине XX века. 7 + 32 + 25 с.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА (1925-1938). Публикация
Джона Мальмстада.

Помещаемые письма к В.И. Иванову, М.В. Вишняку, З.Н. Гиппиус и В.В. Набокову — по-новому открывают личность одного из крупных поэтов XX в., опровергая установившийся миф о Ходасевиче, как о человеке желчном и озлобленном. Комментарий публикатора вводит эти свидетельства в широкий общественно-культурный контекст, помогая лучше понять позицию Ходасевича в литературной жизни 1920-30-х гг. 30 с.

ПИСЬМА А.Н. ТОЛСТОГО К Н.В. КРАНДИЕВСКОЙ. Публикация
В.Грекова.

25 писем А.Толстого к его третьей жене охватывают период 1929-40 гг. и углубляют представление о личности писателя. Быт, поездки за границу, закулисные обстоятельства жизни литераторов, суждения о литературе, семейный конфликт, закончившийся разрывом между супругами. В примечаниях — обширные выдержки из писем Крандиевской и ее воспоминаний. 2 + 27 + 28 с.

А.Гайдар. ПИСЬМО Р.ФРАЕРМАНУ. Публикация Н.Стахова.

Любимый писатель советских детей признается своему другу в том, что всю свою жизнь... лжет, виртуозно, изощренно — лжет. (1939). 3 + 2 с.

ЦЕНЗОРСКАЯ ПРАВКА «ГОЛУБОЙ КНИГИ» М.М. ЗОЩЕНКО. Публикация С.Печерского.

Публикатор рассматривает верстку книги Зошенко 1935 года. Цензорская правка оказывается великолепным источником по истории советской идеологии. На примере отношения официального сознания к темам «Деньги», «Народная воля» и т.д. проанализирован механизм постепенной замены революционных установок на этактистские. 37 с.

ABSTRACTS

Memoirs

Olga Freidenberg. **THE SIEGE OF MAN.** Publication by K. Nevelsky.

Excerpts from extensive «Notes» by the well-known philologist and specialist in Ancient Greek Mythology, who was Boris Pasternak's cousin. These extracts cover the beginning of the German-Soviet War, life in Leningrad during the blockade, daily suffering in the besieged city. Diary entries are interspersed with the author's thoughts on the essence of Soviet rule, the «calculated system... of stifling a human being» not only in the GULag, but also outside in the «large zone», on the systematic corruption of the soul, feelings and speech itself. 3 + 36 pp.

Lydia Ivanova. **RECOLLECTIONS. UNPUBLISHED LETTERS BY VYACHESLAV IVANOV.** Publication by D.V. Ivanov

Vyacheslav Ivanov's daughter narrates events from the years 1924-1925 when the family emigrated from Soviet Russia and settled in Italy. She relates their first months in Rome, Vyacheslav Ivanov's journey to Sorrento to meet Gorky, emigré life and searching for employment, Ivanov's work in Pavia, his meetings with Martin Buber etc. All these events are seen through the eyes of two people: the author, who was a young pianist at the time, a student at the Conservatoire, and by her father, the poet, from whose letters to the family she quotes. 2 + 26 + 6 pp.

Articles and Research

Richard Pipes. **BUILDING THE ONE-PARTY STATE IN SOVIET RUSSIA (1917-1918).**

The author traces the Bolsheviks' activities from the overthrow of the Government, 25 October 1917 through the first weeks and months of their rule, exposing the single-mindedness of their measures towards the destruction of all democratic institutions in the country and their replacement by a one-party dictatorship. 50 p.

Dmitry Segal. «TWILIGHT OF FREEDOM»: SOME THEMES IN THE RUSSIAN DAILY PRESS 1917-1918.

Using materials published in Russian newspapers in the early months of Soviet rule, the author reconstructs the social and moral attitude of the overwhelming majority of the creative intelligentsia towards the October Revolution, Bolshevik policies and methods used to attain their aims. 66 p.

From the History of Literary Life

Aleksey Remisov. UNPUBLISHED «MERLOG». Publication by Antonella d'Amelia.

Aleksey Remisov's autobiographical notes cover Berlin and Paris periods, recollections of his creative beginnings and thoughts on literary work. The Preface discusses the correlation between reality and fiction in Remisov's prose, as well as that of the historical chronicle and literary mystification. The detailed commentary provides extensive material for the history of the Russian cultural diaspora during the first half of the XXth century. 7 + 32 + 25 pp.

FROM VLADISLAV KHODASEVICH'S LETTERS (1925-1938). Publication by John Malmstad.

Letters to Vyacheslav Ivanov, Mark Vishniak, Zinaida Hippus and Vladimir Nabokov reveal the personality of one of the twentieth century's greatest poets in a new light, refuting the hackneyed myth that Khodasevich was a caustic, embittered person. The commentary introduces this evidence in the wider social and cultural context, thereby helping to comprehend Khodasevich's position in literature of the twenties and thirties. 30 p.

ALEKSEY TOLSTOY'S LETTERS TO NATALYA KRANDIEVSKAYA. Publication by V.Grekov.

Twenty-five letters by Aleksey Tolstoy to his third wife, covering the period 1925-1940, reveal aspects of the writer's personality, everyday life, travel abroad, behind-the-scenes details of writers' lives, literary discussions, family quarrels resulting in the couple's break-up. The commentary provides large excerpts from Krandievskaya's letters and reminiscences. 2 + 27 + 28 pp.

Arkady Gaydar. LETTER TO RUVIM FRAERMAN. (1939). Publication by N.Stakhov.

A favourite Soviet children's writer confesses to his friend that all his life he has been telling lies; masterly, refined and dazzling lies. 3 + 2 pp.

THE CENSORING OF MIKHAIL ZOSHCHENKO'S «BLUE BOOK». Publication by S.Pechersky.

The proofs of Zoshchenko's 1935 book are examined and the censor's changes are shown to be an excellent source for the history of Soviet ideology. On the basis of official thinking towards such connotations as «Money», «People's Will» etc., the mechanism for the gradual replacing of revolutionism by etatism is reconstructed. 37 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания

- О.М. Фрейденберг. ОСАДА ЧЕЛОВЕКА. Публикация
К.Невельского 7
- Лидия Иванова. ВОСПОМИНАНИЯ. НЕИЗДАННЫЕ
ПИСЬМА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА. Публикация
Д.В. Иванова 45

Статьи и исследования

- Ричард Пайпс. СОЗДАНИЕ ОДНОПАРТИЙНОГО ГО-
СУДАРСТВА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917-1918).
Пер. с англ. В.А. 81
- Д.Сегал. «СУМЕРКИ СВОБОДЫ»: О НЕКОТОРЫХ ТЕ-
МАХ РУССКОЙ ЕЖЕДНЕВНОЙ ПЕЧАТИ 1917-
1918 гг. 131

Из истории литературной жизни

- А.М. Ремизов. НЕИЗДАННЫЙ «МЕРЛОГ». Публикация
Антонеллы д'Амелиа 199
- ИЗ ПЕРЕПИСКИ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА (1925-1938). Пуб-
ликация Дж. Мальмстада 262
- ПИСЬМА А.Н. ТОЛСТОГО К Н.В. КРАНДИЕВСКОЙ.
Публикация В.Грекова 292
- А. Гайдар. ПИСЬМО Р. ФРАЕРМАНУ. Публикация
Н.Стахова 348

Из истории цензуры

- ЦЕНЗОРСКАЯ ПРАВКА «ГОЛУБОЙ КНИГИ» М.М.
ЗОЩЕНКО. Публикация С.Печерского 355

ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 27 JANVIER 1987
PAR L'IMPRIMERIE
DE LA MANUTENTION
A MAYENNE
N° 9764

ISBN 2-906141-04-6